

ПОЛЛИ НАРИЯ

**Последняя
Хранительница**

18+

Полли Нария

Последняя Хранительница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67425365

SelfPub; 2022

Аннотация

Я всегда догадывалась, что не такая как все. Но одно дело предполагать, а другое – столкнуться с тайной своего происхождения. И теперь на моих плечах лежит бремя, от которого зависят жизни людей. Мне предстоит принять себя, и успеть осуществить свой долг. Ведь я – последняя Хранительница!

Содержание

Глава 1	7
Луна	7
Соловей	13
Глава 2	17
Луна	17
Глава 3	45
Луна	45
Соловей	49
Глава 4	57
Луна	57
Соловей	63
Глава 5	71
Соловей	71
Луна	74
Глава 6	85
Соловей	85
Луна	90
Глава 7	98
Луна	98
Соловей	105
Луна	109
Глава 8	115
Луна	115

Глава 9	129
Луна	129
Соловей	132
Луна	138
Глава 10	144
Луна	144
Соловей	150
Луна	156
Глава 11	160
Соловей	160
Луна	163
Соловей	166
Луна	173
Глава 12	175
Луна	175
Соловей	179
Луна	183
Глава 13	186
Луна	186
Соловей	191
Луна	197
Глава 14	204
Соловей	204
Луна	212
Глава 15	220
Луна	220

Соловей	231
Глава 16	236
Соловей	236
Луна	240
Глава 17	254
Соловей	254
Луна	258
Соловей	268
Глава 18	272
Луна	272
Глава 19	289
Луна	289
Соловей	297
Глава 20	309
Соловей	309
Луна	315
Соловей	316
Луна	323
Глава 21	324
Соловей	324
Луна	333
Глава 22	339
Луна	339
Соловей	354
Глава 23	359
Луна	359

Соловей	370
Глава 24	376
Луна	376
Соловей	383
Глава 25	389
Луна	389
Соловей	397
Глава 26	405
Луна	405
Глава 27	424
Соловей	424
Луна	431
Соловей	436
Глава 28	440
Атропин	440
Глава 29	465
Соловей	465
Луна	472
Глава 30	484
Луна	484
Соловей	496
Глава 31	499
Соловей	499
Луна	507
Соловей	513
Луна	520

Полли Нария

Последняя Хранительница

Глава 1

Луна

С самого детства я знала, что Марша не моя мать. Она повторяла это так часто, как только могла, чтобы вбить эту мысль мне не только в голову, но и в самые глубины моего сознания. Я называла ее «тетушкой», хотя моему детскому сердцу безумно хотелось назвать ее «мамой». Она ведь растила меня, воспитывала и отдавала свою любовь, так как умела, однако помимо меня, своих детей у нее не было. Иногда в мою голову закрадывались подозрения, что я есть тому причина. И хотя она называла меня «великим даром», я все равно неосознанно ощущала свою вину.

Марша никогда не рассказывала мне о моем происхождении. Обычно, когда об этом заходил разговор, а случалось это по моей инициативе довольно часто, она обрывала меня, коротким:

– Не время еще!

И переводила разговор в другое русло. Так мое детское любопытство, впервые встретилось со стеной реальной жизни, в которой получить ответ можно на любой вопрос, кроме того, что гложет тебя больше всех остальных. И мои вопросы стали все реже и реже, пока и вовсе не исчерпали себя временем. Я смирилась и жила своей спокойной жизнью, принимая то, что она мне приносила. И, должна признать, была счастлива.

Мы жили в маленькой деревушке, где все друг друга знали. Марша была знахаркой, к которой обращались все селяне, будь то отвары от болей в спине, после тяжелой работы в поле, бессонница и даже роды – она всегда всем помогала. Ее высоко ценили, и я очень гордилась своей тетушкой. Люди носили нам дары, и мы никогда ни в чем не нуждались. В свободное время Марша учила меня всему, что знает сама, говоря, что это точно пригодится мне в жизни, особенно, если решу продолжить ее дело. Я же всегда была уверена, что останусь с ней: мне не было куда идти, да я и не видела смысла. Я любила лес, любила собирать траву и сушить ее в бане, а запах всегда сводил меня с ума. С закрытыми глазами я нюхала маленькие мешочки с перетертыми цветками и старалась отличить один от одного. Это было самым любимым моим занятием.

Но помимо знахарства Марша учила меня чтению, письму, картографии и даже этикету. Мне безумно нравилось учиться, и потому учебе я посвящала все свободное время.

Сегодняшний день не был исключением.

– И все же, – спросила я саму себя в слух. – Зачем мне, простой девочке из деревни, какие-то книксены, зачем уметь танцевать знатные танцы?

Тетушка отвлеклась от своих дел и шутливо заметила:

– Если в нашу деревушку вдруг приедет сам принц, влюбится в тебя и заберет в свой замок знакомить с королевской семьей, а окажется, ты ничего, кроме варки отваров делать и не умеешь. Знаешь, как мне потом будет стыдно, что не научила тебя всему.

– А кто же учил тебя? – воодушевленно спросила я, представляя себя придворной дамой.

Но в этот момент глаза тетушки погрузнели, и она произнесла свою фразу, которую я тихо стала ненавидеть:

– Не время еще!

– Но когда же настанет то самое время, про которое ты все время говоришь? И настанет ли оно вообще? – не выдержала я. – Я слышу одно и то же изо дня в день, и тебе не приходило в голову, что я должна узнать, хоть что-нибудь? А то, в моей голове есть столько разных идей, о том почему ты растишь меня. Может ты меня украла?

Выкрикнув последнюю фразу, сразу же зажала свой рот руками. Я сама не верила в то, что говорю, но сказанного не воротись. Но, заметив в глазах тетушки не обиду, а скорее глубокую печаль, мне стало еще хуже.

– Прости меня, прости! – кинулась я в ее колени и обняла

их. – Ты же знаешь, что я так не думаю...

– Знаю, Настка и потому не злюсь. – вздохнула тогда Марша и легонько погладила мою голову. – Твоя мама учила меня.

Я подняла свои глаза, не веря в то, что слышу. Однако продолжения не последовало:

– Но это все, что я могу сейчас сказать тебе. Поверь, так будет лучше для тебя.

И на этой ноте тема себя исчерпала.

Тем вечером, я впервые почувствовала, что должна куда-нибудь уйти из дома. Мне нужно было побыть одной, остаться со своими мыслями наедине. И дождавшись, когда тетушка за перегородкой тихо засопит, выскользнула из кровати, надела свое платье и направилась к реке, что текла близ нашей деревни.

Благо на дворе было тепло. На небе появлялись первые звезды, наблюдающие за жизнями людей с безмолвным любопытством, а в траве заскрежетали сверчки. И под странную песнь этих созданий, я неспешно брела по узкой протоптанной тропинке, ощущая себя частью этого мира и одновременно чужой незнакомкой, которая не может найти себе в нем места.

А берег ждал меня. Бурные потоки воды, бурлящие и пенящиеся далеко в горах, в нашей низине текли неспешно, как будто уставшие от долгого бега. Я решила пройтись и в поисках более укромного места, пошла вдоль леса, который

был для меня таким родным. В гору я поднималась уверенным шагом, точно зная, куда несут меня ноги. И через полчаса вышла на более каменистый берег, куда, как мне казалось, никто из местных не забредал. Там я забралась на один из булыжников, примыкающий прямо к воде, и спустила с него ноги, устремив взгляд в водный поток.

Рассмотреть свое отражение было невозможно, темнота, да и движущаяся вода, размывала любой силуэт до неузнаваемости. Но мне и не нужно было себя видеть. Моя внешность была для меня неким крестом, который я носила с самого рождения. К моим семнадцати годам, ни один деревенский парень так и не посватался к моей тетке, что говорило о многом. Нет, я не была некрасивой, мои глаза не косили, а ноги не косолапили, скорее, мою внешность можно было назвать экзотичной для этих мест. Коротко остриженные белые волосы, сравнимые со снегом, и удивительно яркие глаза, зеленого цвета, разительно контрастирующие с черноволосыми и кареглазыми жителями деревни. Моя кожа не темнела на солнце, тогда как селяне, а с ними и моя тетушка, после длинной зимы очень быстро теряли свою бледность. Да и вся моя комплекция, тонкая кость и невысокий рост, говорили всем вокруг, что я не из этих мест. Если в детстве меня и обижали, то после нескольких громких разговоров с моей тетушкой, боясь ее немилости, все просто стали меня избегать. А при условии, когда не получалось, например, когда я приносила снадобья к ним домой, то отговаривались

парой слов и быстро завершали разговор.

Раньше, моему детскому сердцу это приносило невероятную боль, но Марша успокаивала меня, ласково стирая бегущие по щекам слезы:

– Яркому цветку завидуют все сорняки. Но если он перестанет обращать на них внимание, а будет думать только о том, как расти, он сможет привлечь заботливого садовника своей красотой, и тот всегда успеет прополоть грядки, и спасти его.

И я приняла себя такой какая есть. И это было одно из самых важных навыков в моей жизни: умение быть в гармонии с собой, несмотря на любые обстоятельства.

В этих мыслях я просидела до самого восхода солнца.

Соловей

На берегу сидит девушка, а я за ней наблюдаю. Если напрямь свою голову, я не смогу вспомнить, сколько это уже длится. «И я не против, чтобы это продолжалось вечно!» — усмехаюсь своим мыслям. Видимо, сегодняшняя бессонная ночь дает о себе знать. В любом случае мне нравится, то, что я вижу, но и выходить к ней не собираюсь, чтобы не нарушить этот волшебный момент, развеяв таинственный образ девушки.

На вид она была совсем юна, но ее взгляд, заставлял меня усомниться в своих выводах. Глаза горели такой неприкрытой грустью, какую не увидишь и у Старухи с косой. Кожа белая, а в рассветной заре, почти прозрачная, казалась лишенной каких-либо изъянов. Коротко остриженные снежные волосы, выделяли ее на ряду с однотипными горожанками, которые, наоборот, стремились отрастить косу подлиннее. Я определенно чувствовал в ней некую борьбу: борьбу с окружающим миром.

Девушка настолько была погружена в свои мысли, что не замечала меня, стоящего в десяти шагах, за большим камнем. Подними она голову, думаю, без труда застала бы меня за подглядыванием.

Обычно я так себя не веду. Честно. Да и сейчас не соби-

рался, хотя взгляд свой смог оторвать от девушки только тогда, когда за спиной послышались хорошо знакомы шаги.

– Соловей, ты бурдюк наполняешь или решил окунуться? Чего так долго? – усмехаясь, подошел ко мне Филин. Его слова в звенящей тишине прозвучали так громко, что не оставалось никаких сомнений, девушка услышала нас.

Выглянув из своего укрытия, я не удивился, увидев убегающий в сторону ближайшей деревни девичий силуэт. Друг проследил за моим взглядом.

– Что, знакомая твоя? Больно юна, для такого старика, как ты, – и я чуть не поперхнулся. Толи от того, что он приписал меня к любителям маленьких девочек, толи от того, что в свои двадцать четыре года я не чувствовал себя стариком.

– Кто бы говорил. Из тебя тогда уже бы песок сыпался, хотя видно все началось с зубов, – отреагировал на его шутку, намекнув на выбитый в недавней передрыге зуб Филина.

Тот совершенно не обиделся, а наоборот улыбнулся шире, чтобы я по достоинству мог эту прелесть оценить.

– Но, если серьезно, я ее впервые вижу. Да и что девушка делала тут в такую рань?

Мой друг лишь пожал плечами, всем видом показывая, что ему совершенно не интересно.

Я сел на корточки, опустил руки, набирая в них воды и умыл лицо. Потом наполнил бурдюк и, кинув взгляд на горизонт, увидел встающее солнце. Надо было спешить.

– Давай скорее! – будто прочитав мои мысли, поторопил

меня напарник. – Если не вернемся в лагерь в ближайшее время, наши забьют тревогу. Да и не хотелось бы встретить солдат, их, скорее всего уже направили на наши поиски.

Больше не говоря ни слова, мы побежали. Лес был нашей стихией. Маневрируя между деревьев, ни один куст, ни одна ветка не встала на нашем пути. На середине мы разделились, как делали всегда, и встретились вновь только у самого лагеря.

Незнающий человек никогда бы не обнаружил местонахождение нашего тайника, мы же целенаправленно направились к высокому старому дубу. Подойдя к дереву, мы оба постучали по его коре, и оттуда, как из масла появилась рука, которая втащила сначала Фила, а затем и меня. Это был наш Страж. Немой и неказистый, он часто становился посмешищем на многолюдных улицах Виферна, но я сразу почувствовал в нем скрытый потенциал, моя интуиция кричала, о том, что этот парень не так прост, как кажется. И когда он открыл свое умение искажать пространство, я сразу же предложил ему присоединится к нашей небольшой компании.

– Страж, все вернулись? – ожидая услышать положительный ответ, спросил я. И потому не был готов увидеть отрицательное мотание головой.

Мы с Филином переглянулись и быстрым шагом направились к костру, возле которого уже собралась вся наша небольшая компания. Мне даже не пришлось ничего спрашивать, навстречу мне поднялся Ворон, придерживая свою

неуклюже повисшую руку. Рядом крутилась Ласточка, пыта-
ясь оказать первую помощь.

– Соловей, в лесу была засада. Мы отбивались как могли,
но Дрозда схватили. Думаю, сейчас он...

– В Темной крепости, – закончил за него я и устало потер
глаза.

Глава 2

Луна

После ночи, проведенной в воспоминаниях на берегу, уснула я не сразу. Сколько мне дали поспать, сложно сказать, но по ощущениям я только закрыла глаза и через мгновение открыла, разбуженная громким стуком в дверь. В соседней комнатухе заскрипела кровать и Марша пошла встречать утреннего гостя. По голосу я узнала жену старосты нашей деревушки, дом которой находился в точности на другом конце от нашего жилища.

– Велеса моя, занемогла, видать. С печи слезла, – взволнована затараторила та.

– Беги, готовь баню, а мы с Насткой соберём все нужное и придем, – дала наставления Марша, закрывая двери.

– Настка, вставай, девочка. У старостиной дочки роды начались, – заглядывая ко мне, сказала она. В это время, я уже надела свое платье и начала завязывать косынку на голове. Нелюбовь к чужакам, к коим я в глазах местных относилась, заставляла меня покрывать голову платком, хотя так делали только замужние девушки. Но мне это отступление от правил прощали, лишь бы сильно глаза не мозолила. А было в

нашей деревушке очень много примет. Так и о родах говорить прямо нельзя было, люди боялись сглазить, потому и говорили про «хвори» да про «печь».

Сборы проходили быстро и молча, каждая из нас знала свое дело. Последними в котомку я положила ножницы, закутанные в чистую тряпку и льняную ленту, которой перевязывали пуповину. Деревушка была небольшая, путь до другого конца много времени у нас не занял. На дороге возле дома нас уже ждали, чтобы сразу провести к бане. Чаще всего, если роды проходили легко, Марша оставляла меня за дверьми, чтобы я не отвлекала роженицу. Да и девушкам, не принесшим дитя в этот мир, запрещалось видеть сам процесс. Но я единственная, кто мог помочь Марше, поэтому в сложных случаях присутствовала и без колебаний выполняла все, что говорила мне тетушка, а всем остальным приходилось с этим просто примириться.

Я стояла у самых дверей, готовая откликнуться на любой окрик тетушки, однако та, так меня и не позвала. Видимо, роды шли своим чередом. Летнее солнышко припекало, и я, сама того не желая, прикорнула, облокотившись о теплую деревянную стену. Разбудили меня, сильные мужские руки, которые трясли мое хрупкое тело, ухватившись за плечи.

– Ты что бормочешь, ведьма! – кричал мужчина, которым оказался наш староста. А я, укутанная туманом недавней дремы, не могла понять, что происходит, и в ответ не промолвила ни слова.

И когда уже казалось, что от этой тряски отвалится моя голова, из бани послышался детский крик. Мужчина резко выпустил меня из своей стальной хватки и я упала наземь, а он безразлично перешагнул меня, как через корень, лежащий на его пути. «Хорошо, хоть не плюнул еще» – подумала я, приходя в себя. «Неужто опять говорила во сне?». Но узнавать это у мужчины наверняка не собиралась.

Тетушка появилась, когда я уже полностью отряхнула свое платье и поправила съехавшую на бок косынку. Тревожным взглядом меня осмотрела, но времени говорить не было, нужно было объявить хорошую новость семье. Марша пропела ритуальную песнь, во блага появившегося ребенка на свет, в ответ ей вручили дары (теплый испечённый хлеб, крынку молока и большой кусок вяленого мяса) и только потом отпустили домой.

Когда мы находились от ворот старосты на достаточно далеком расстоянии, я все-таки решила рассказать о случившемся происшествии, которому могла найти только одно объяснение.

– Видимо я говорила во сне, – вздохнула я.

– Милая, я думаю, он просто переволновался, а ты попала под горячую руку. Уверена, что он уже обо всем забыл, – сказала тетушка, глядя меня по плечу. Но от боли, я лишь смогла измученно улыбнуться ей в ответ.

– Твой обезболивающий чай придется к месту, – все же решила успокоить ее я, видя какой взгляд она кидает в мою

сторону. – И я буду как новенькая.

А день незримой поступью заканчивал свой путь, незаметно передавая бразды правления вечеру, и в воздухе чувствовался медовый травянистый запах, принесенный ветром с полей. Деревья, окутанные красноватой дымкой, притихли в этот момент безветрия. Обратив на эту картину внимание, я поняла, что роды длились куда дольше, чем мне казалось, и мой живот лишь подтвердил это, недовольно заурчав.

– Ох, Настка, мы с тобой ни росинки не пили, ни крошки не ели. Накрывай на стол, я пока сумку разберу. Ужин у нас сегодня заслуженный будет.

Привычными движениями я заложила в сбитенник древесного угля, и пока он нагревался, нарезала мягкий свежий хлеб с кусочками мяса и зажгла свечи.

Позже, когда чай был выпит, а еда съедена, Марша, вдруг промолвила:

– Сегодня мне снился сон.

Я удивленно подняла глаза от кружки, которую все еще держала в руках, сны у тетушки бывали редко. Но ежели сновидения посещали ее, то непременно были говорящими. То был дар Марши. В детстве она рассказывала мне, что по всему нашему миру существуют люди, обладающие разнообразными способностями. Однако такое случалось очень редко, и чаще всего, силы проявляются у тех, кто пережил сильное потрясение, надломившее их. И в образовавшуюся трещину просачивалась сама суть человека, его душа, способная да-

ровать ему невообразимые умения. Но в них таилась и опасность. Сила, используемая бесконтрольно, в итоге сжигала душу человека, оставляя пустую оболочку, неспособную к жизни.

Поэтому Марша старалась не совершенствовать свои способности, но иногда сны ей были неподвластны.

– Тебе привиделся кто–то из деревенских? – спросила я, переполненная волнения.

Но Марша, не кивнула, лишь очень задумчиво посмотрела мне прямо в глаза. И я, как под гипнозом, не могла оторвать свой взгляд от ее лица. Тусклый свет свечей оттенял каждую морщинку тетушкиного лица, показывая, какой нелегкой судьбой наградила ее жизнь. Русые волосы покрыла ранняя седина, скрывая истинный возраст женщины. Но, несмотря на это, роднее человека для меня не было на свете.

Тягостное молчание тянулось, пока Марша, кивнув своим мыслям, не встала из–за стола.

– Жди, – кинула через плечо, и я сидела, боясь пошевелиться.

Тетушка внесла в комнату маленький деревянный сундучок, потрепанный временем. Сдула с него пыль, открыла медленно, будто сомневаясь, посмотрела внутрь и вновь подняла на меня свой ясный взгляд.

– Мать нарекла тебя Лúной.

История, услышать которую я так долго хотела, застала меня врасплох, перехватив дыхание комом в горле.

– Я расскажу тебе все, но прошу поберечь свои многочисленные вопросы. Тебе придется пережить со мной как самые радостные, так и самые тяжелые мгновения моей жизни.

И Марша начала вспоминать:

«Двадцать лет тому назад, близ большого морского города Альтвир, на лесной околице жила семья лесничего. Отец, мать, да сестра с братом, рожденные в один день. Звали их Марисса и Форсо. Жили они обособленно, впрочем, в город ходили часто, особенно на праздники, которые горожане устраивали по любому поводу. Знакомых у них было много, но двойняшки так и не смогли найти среди них свои достойные пары. Однако привыкшим к такому укладу жизни, не было в их сердцах пустоты. Красавица Марисса предпочитала плотской любви любовь к лесу. Она изучала каждую тропинку, каждую полянку и каждое растение, пустившее свои корни в этом лесу. И однажды забрела она глубоко в лесную чащу, так и не заметив, как тропка, приведшая ее сюда, потерялась под ее ногами. Кричала Марисса, звала отца, брата, но на зов явились не они. Вышла к ней дева невероятной красоты: длинные белые волосы, касались самой земли, но не цеплялись ни за листву, ни за корни; раскосые голубые глаза откидывали необычные блики, однако смотрели с нескрываемым любопытством. Но самым необычным было ее лицо, исписанное вдоль высоких точеных скул, темными неведомыми письменами.

Марисса была напугана, но внутри наравне со страхом за-

шевелился червячок любопытства. И когда дева сделала к ней шаг на встречу, девушка осталась стоять на месте. И даже осмелилась спросить незнакомку, знает ли она, как выйти из леса. Та кивнула, улыбнувшись так ласково, как мать улыбается своему напуганному ребенку, стараясь ободрить и успокоить. Она потянулась за рукой Мариссы, нежно жала ее, а вокруг все стало тонуть в неосязаемой белой дымке. Марисса не успела моргнуть, как они уже стояли на выходе из леса, откуда хорошо был виден ее дом.

– Меня зовут Линель. И если Великий лес вновь запутает свои дороги и приведет тебя в неизвестное место, просто позови меня. Я услышу.

И это прекрасное создание с белыми волосами растворилось в воздухе. А Марисса еще долго стояла на месте, завороженная мелодичностью голоса неведомой девушки и невероятностью произошедшего с ней чуда. Так она впервые познакомилась с первозданной силой, о которой слышала только в сказках.

Проснувшееся любопытство не покидало молодую девушку ни ночью, ни днем. Один раз коснувшись чего-то невероятного, человеческая сущность тянется к ней безвозвратно. Так и Марисса, спустя неделю томительных ожиданий, решила повторить свой путь и отыскать прекрасную незнакомку. И ей это удалось. Казалось, Линель и сама ждала их встречи с таким же нетерпением, потому что появилась сразу, как Марисса ее позвала. И завязалась дружба между про-

сто девушкой и лесной девой. Линель учила ее всему, что касалось знахарства, этикета и даже танцев. И девушка поглощала эти знания, как путник, пьющий воду большими глотками после долгой жажды. Их дружба крепла с каждым днем, и однажды, Марисса решила спросить Линель о том, кто она есть на самом деле.

– Ты ведь лесная нимфа? – вопрос прозвучал очень неуверенно.

Линель рассмеялась, а лес откликнулся ей в такт шумом своих листьев.

– Нет, дорогая Марисса. Я не нимфа и не думаю, что они вообще существуют. – улыбнулась дева. – Наш род называют «Хранителями». Мы сохраняем равновесие этого мира между тьмой и светом. Знаки, что ты видишь на моем лице, это дар нашего Праотца. Они появляются на наших телах к совершеннолетию, и чем больше надписей на твоей коже, тем больше сила, которой мы обладаем. Как видишь, я не особо сильна.

– Но в чем же проявляется ваша сила? – умение переносится из одного места в другое за считанные мгновения поражали девушку, но совершенно не объясняли, как это может помочь сохранить некое равновесие.

– Важна наша сила не по отдельности, а в совокупности. Чем нас больше, чем больше божественная благодать Праотца, прописанная на наших телах, тем сильнее грань между нашим миром и миром мертвых. И пока существует хотя бы

один Хранитель, тьме не пробить эту брешь.

– Тьме? – испуганно спросила Марисса.

– Демонам, – серьезно ответила Линель. – Испокон веков демоны, врывающиеся в этот мир, ищут нас, чтобы убить. Но не беспокойся, такого давно уже не было.

По телу Мариссы пробежала мелкая дрожь. Услышанное больше напоминала истории из книг, и ей с трудом верилось, что такое может быть частью чьей-то жизни. И Линель, увидев, что подруга напугана, решила немного удивить ее, сменив тему.

– Праотец наградил нас «alma» – видимой душой.

– И что же значит видимая душа?

– Я могу показать тебе! – воодушевленно воскликнула Линель и подскочила с пледа, на котором мы сидели. – Только прошу, сильно не пугайся.

Вокруг Линель стал появляться уже знакомая Мариссе белая дымка, однако она становилась все гуще, пока не спрятала Линель от ее глаз. И когда туман развеялся, Марисса увидела не деву, а прекрасного белого лебедя, который неловко переминался с одной лапы на другую.

Глаза девушки округлились, а лебедь тем временем уверенно направился в ее сторону. И в тот миг из ближайших кустов выпрыгнул Форсо, держащий в руке кинжал.

– Не подходи к ней, – крикнул парень, размахивая своим острым оружием.

Лебедь издал испуганный крик и отлетел, от брата с сестрой. А через пару секунд на поляне уже стояла напуганная Линель.

– Форсо, что ты творишь, – первая пришла в себя Марисса, отталкивая от себя брата, она направилась к застывшей как статуя девушке. – Ты же ее до смерти напугал! И меня между прочим!

– Дура, вообще-то я тебя защищаю! – воскликнул разозленный юноша, явно ожидающий от сестры совершенно другого поведения. Но та не собиралась больше с ним говорить и пыталась привести свою подругу в чувства.

– Линель, это мой брат Форсо. Он не причинит тебе вреда, правда ведь? – бросила на парня грозный взгляд Марисса.

Тот лишь фыркнул, но кинжал свой засунул обратно в сапог. А Линель, вдруг промолвила, обращаясь к Форсо:

– Поклянись, что никогда никому не расскажешь о том, что видел сегодня на этой поляне.

– Вот еще! С чего я должен клясться? Я не доверяю тебе! – стоял на своем парень, гневно сверкая своими зелеными глазами.

Форсо с Линель стали буравить друг друга яростными взглядами, а бедная Марисса не знала, как примирить их. Начинал накрапывать дождь, но упертая пара стояла не сдвинувшись с места. Гроза набирала обороты, подул сильный ветер, и дождь превратился в ливень. В небе сверкнула молния, гром прогремел совсем рядом.

– Я не могу отпустить тебя, пока ты не поклянешься сохранить мою тайну! – сказала Линель.

– Нет! – бросил ей парень. Он направился к своей сестре, чтобы взять ее за руку и увести, но вдруг послышался оглушающий треск, и дерево стоящее возле Мариссы, стало падать прямо на девушку. Мимо Форсо промелькнул белый силуэт и опрокинул Мариссу на спину. На месте, где она стояла секунду назад, лежал поваленный ствол дерева.

– Марисса! – крикнул испуганный Форсо и стал быстро перебираться через дерево, чтобы увидеть двух девушек, лежащих в траве, обнимающихся и горько плачущих.

– Ох, Праотец мой, я боялась, что не успею! – плакала Линель. Ее белые волосы, почернели от дождя и запутавшейся в них листвы, а на платье не осталось ни одного чистого места.

Форсо подбежав к ним, упал на колени и крепко обнял сестру. А потом поднял глаза на Линель и тихо прошептал:

– Клянусь!

Стоит ли говорить, что недоверие Форсо поутихло, и он частенько стал сопровождать сестру, на поляну, которая всех их подружила. В юноше поселилась заинтересованность, которая быстро переросла в нечто большее. Линель сначала старалась не обращать на это внимания, но вскоре сердце девушки ответило взаимностью.

Зеленую поляну, сменило желтое убранство. Потом запорошило снегом. Но это не мешало молодым людям встречаться почти каждый день, уже без присутствия Мариссы.

Она, конечно, делала вид, что очень недовольна тем, что брат отбил у нее подружку, но тайно была безумно счастлива. И когда на деревьях вновь стали набухать сочные почки, Форсо признался сестре, что готов пойти свататься к вождю клана Линель, который являлся ее отцом. Линель рассказала своему отцу, про их любовь, и он разрешил юноше прийти к ним и даже не был против сопровождающей его сестры.

Перенести их втроем девушка не могла, а потому им пришлось пробираться сквозь лесной бурелом, по тайным тропинкам, о которых не догадывался ни один лесничий. И когда, Марисса, уставшая от долгого пути, была готова упасть наземь, лес вдруг расступился, и перед девушкой открылась удивительная картина.

Великий лес прятал в своих недрах целое поселение. Аккуратные деревянные домики стояли кругами вокруг двух больших деревьев—исполинов, кроны которых переплелись в вечном объятии, а стволы образовывали идеальный овал. В сформировавшемся отверстии пробегала едва заметная рябь, казавшаяся игрой воображения, пока это снова не повторялось.

– Это Древо Жизни! Правда оно прекрасно? – глаза девушки горели чувством священного трепета, связанного с осознанием Его беспредельного величия.

В тот момент Марисса впервые ощутила на себе проявление Божественного присутствия в окружающей жизни. А тем временем Линель повела их с братом между домами, легко

кивая каждому встречному. Жители этого клана имели такую же необычную внешность, как и дочка вождя. Но и среди них можно было заметить обычных мужчин и женщин: кто-то держал на своих руках детей и весело смеялся, а кто-то разговаривал друг с другом. И смотрелись они так гармонично, что на сердце Мариссы стало легче. Все это время в ней сидел страх, что Форсо не сможет вписаться в жизнь Линель, ведь получить благословение вождя – дело не простое.

Дом вождя отличался от других лишь дверью, на которой белой краской, был нарисован необычный знак. Больше ничего примечательного в нем не было. Но, войдя внутрь, брат с сестрой не поверили своим глазам.

– Мой отец отлично умеет растягивать пространство, – с гордостью произнесла Линель.

Комнат было великое множество, вся цветовая палитра убранства варьировала от бежевого к белому, и как будто сияла изнутри. Форсо с Мариссой не могли перестать удивляться. Наконец-то они вошли в одну из них, со стеллажами, заставленными многочисленными склянками и банками; под потолком, на натянутых нитях висели пучки пахучих трав, корни и веники. Возле небольшого окна, находился стол, у которого спиной к выходу стоял высокий худощавый мужчина. Его длинные седые волосы были заплетены в косу и закручены в пучок. Длинная рубаха без рукавов, оголяла жилистые руки, которые по спирали были исписаны черными знаками.

– Отец, – окликнула его Линель, подходя ближе и приобнимаемая со спины.

Мужчина обернулся, держа в руках массивную ступку и пестик. Лицо вождя было таким же белым, как у его дочери, взгляд голубых глаз ясно смотрел на пришедших, и в нем чувствовалась некая древняя мудрость. Борода была также заплетена в косу. В глубоком вырезе рубашки виднелся кулон, в железной оправе с камнем внутри, цвета слоновой кости.

– Малышка, вы уже добрались! У меня почти все готово, – ласково улыбнулся он своей дочери и перевел взгляд на своих гостей. – Молодой человек, я так понимаю, вы и есть тот самый Форсо, про которого моя девочка все уши прожужжала? А ты, видимо, Марисса? Меня зовут Ишель. Прошу чувствовать себя у нас как дома.

– Для нас честь быть представленными Вам! – сказал Форсо, прижав кулак к груди, и поклонился. Марисса растерянно повторила за ним и краем глаза заметила одобрительную улыбку вождя.

– Полно вам! Вы мои гости сегодня, так что давайте без формальностей. Тем более у нас очень важное событие, так ведь? – посмотрел вождь на Форсо и к всеобщему удивлению подмигнул.

– Линель, девочка моя, веди своего суженного на площадь. Я сейчас подойду, мне осталось совсем немного.

И снова развернувшись к столу, мужчина продолжил что–

то толочь в каменной ступке.

Линель, радостно сияя, повела брата с сестрой к выходу из дома. На улице она обратила свой взор на Форсо:

– Форсо, тебя что–то беспокоит?

– Нет, я потрясен.

– Скорее всего, он пытается тебе сказать, что представлял себе, все немного иначе. Признаться, я тоже так думала, – решила ответить за брата Марисса. – В нашем понимании, твой отец должен был выглядеть иначе, вести себя согласно своему положению, а он ничем не отличается от всех остальных.

Линель внимательно посмотрела на свою подругу. Было видно, что она обдумывает ее слова.

– Видимо, ваше суждение основано на привычном для вас построении общества, – подбирая каждое слово начала она. – Но мы же отталкиваемся от того, что все равны. Каждый пришел в этот мир и также покинет его. Мой отец вождь клана лишь потому, что он является хранителем ключа, который передается от родителей детям из поколения в поколение. И больше его ничего не выделяет среди остальных. Поэтому, если его дочь привела в семью юношу, которому готова подарить свое сердце, никто не будет против, главное, чтобы его помыслы были чисты. Для это и существует обручающий ритуал. – в этот момент она остановилась и посмотрела в глаза своему любимому мужчине. – И если твое сердце на самом деле не таит в себе зла, то любой в нашем клане

примет тебя как брата.

После этих слов Форсо вдруг расправил плечи, взял руку Линель в свою и уверенным шагом направился в центр деревни, где Древо Жизни приветственно шумело своей огромной листвой. ОвальнЫй просвет казался полым, и сквозь него можно было увидеть собирающуюся толпу жителей. К нему вела лестница из пяти ступеней. Линель поднялась с Форсо на самую последнюю, а Мариссу попросила встать ниже.

– Это ступень семьи. Сейчас сюда подойдет мой отец и станет рядом. Вы будете путеводной нитью, связывающей нас с этим миром.

Сзади послышались торопливые шаги, и к троице подбежала маленькая девочка, державшая в руках красивый венок из цветов и листьев. Линель наклонилась к ней, давая смущенной малышке надеть его себе на голову.

– Этот венок символизирует мою чистоту, – пояснила девушка, и ее щеки на мгновение зарделись, что не скрылось от Мариссы. Она поняла, хоть девушка и пытается держать себя в руках, она все же немного волновалась. Возможно, в мире людей обручение было лишь шагом к замужеству, однако для Хранителей это было важнее свадьбы, ведь обручающий ритуал определял дальнейшую судьбу влюбленных.

Вождь подошел к Мариссе бесшумно, и девушка только сейчас заметила, что он был совершенно босой. Он вручил ей в руки стеклянный флакон с молочной жидкостью, сам же

держал в своих точно такой же, но цвет ее был черным.

– Не переживай, подруга, я уверена, что все пройдет хорошо, – шепнула ей Линель.

А потом подняла свою руку вверх, крепко держась за ладонь Форсо. И люди, которые до этого тихонько переговаривались, затихли. Друг за другом, они стали опускаться на колени. В этот момент Ишель легонько потянул Мариссу за рукав, и они последовали их примеру. Стоять остались только двое, все также державшие свои переплетенные ладони вверх. Кругом была тишина. Только листва над головами влюбленных шумела в ритме, заданном самой Матерью природой.

Из толпы стало раздаваться нарастающая звуковая вибрация. Когда ударит колокол, сначала раздаётся короткий звук, и затем некоторое время слышится гудение. Такие же звуки издавали и Хранители. Марисса всем своим существом почувствовала, что должна присоединится, и сразу же ощутила вибрацию в своей груди, созвучную шелесту листвы, пению ветра, течению жизни. Хотя глаза ее при этом смотрели прямо на Форсо с Линель, она находилась в некоем трансe. Когда молодая пара стала разворачиваться к овальному просвету в дереве, их движения казались размазанными и тягучими, как будто сам ход времени замедлялся от этой необычной мелодии, шедшей прямо из душ собравшихся. А потом Линель с Форсо сделали шаг в пустоту, которая поглотила их как тягучее масло, и исчезли.

Все затихло. Марисса была готова сорваться с места, но ее крепко держал рядом стоящий на коленях вождь. Все чего-то напряженно ждали. И вдруг гладь между деревьями пошла рябью, и из нее вышла девушка с юношей, все также крепко держащиеся за руки. Вокруг все взорвались криками радости. Вождь встал, поднимая ошарашенную Мариссу, указывая на флакон. Он попросил просто повторять за ним и вылил жидкость себе на руки. Затем подойдя к паре, начал размазывать содержимое флакона по их лицам круговыми движениями. Девушка трясущимися руками стала повторять за ним до тех пор, пока жидкость не закончилась, а на лицах Линель и Форсо не осталось чистого места.

– Праотец принимает тебя! – прокричал Ишель и крепко, по-отцовски обнял Форсо.

С этого момента брат перебрался жить в селение Хранителей. Конечно же, он познакомил своих родителей со своей невестой, даже сам вождь приходил, чтобы все им объяснить. Мать сначала расплакалась, но потом приняла решение сына. Все же он мог навещать их хоть каждый день.

Девушка часто бывала в селении Хранителей. И каждый раз, когда ее взор был обращен к Древу, внутри она ощущала всепоглощающий прилив восторга, благодарности, любви и преданности, от чего душа ее начинала трепетать. Марисса была переполнена этим чувством и захотела узнать, чувствует ли Линель то же самое. И чем же является для них это Древо Жизни?

– Это Древо есть источник нашей силы, – как-то призналась ей она. – Наша связь с Праотцом.

– Что ты имеешь в виду? – спросила заинтересованная Марисса.

– Чтобы все тебе объяснить, я, наверное, должна рассказать тебе историю зарождения Хранителей. Давай немного прогуляемся? – предложила Линель. Их разговор начался в доме, но девушка предпочла вести беседу на свежем воздухе. Подруги шли под руку, неспешным шагом и Линель продолжила свой рассказ:

– Однажды создал Праотец мир. И был он прекрасен в своей наготе, но не хватало в нем самого главного. И вдохнул он в мир жизнь и появились в нем люди. Подобно ему, они были чисты и в сердцах их жила истинная любовь: друг к другу, к миру, к Праотцу. Но такая первозданная чистота не могла не привлечь темные силы. И пришли в мир дети Тьмы – демоны. И стали они развращать людские сердца. Зародились в них ревность, похоть, зависть и все другие грешные мысли. Души их стали чернеть. Почувствовала Тьма уязвимость созданий божьих; раскинула она свои черные крылья над миром, дабы поработить его. Мир охватила самая страшная болезнь – война.

– Неужели ты говоришь, про Тысячелетнюю войну? Это ведь страшная сказка, которой родители пугают непослушных детей.

– Увы, но это одна из тех сказок, которая основана на ре-

альных событиях. Единственное, что война не длилась тысячу лет. Праотец вмешался намного раньше. Дабы спасти своих детей, спустился он на землю и изгнал Тьму, ослепив своим божественным светом. И та была вынуждена бежать, но обещала вернуться, когда Праотец будет меньше всего этого ожидать.

– И он создал вас? – уже догадалась Марисса.

– Да, – кивнула Линель. – Но сначала он создал Его...

Марисса, увлеченная рассказом подруги, не сразу обратила внимание, куда на самом деле привела ее Линель. Они стояли перед той самой лестницей, которая ведет прямо к Древу Жизни.

– Посадил он семя в землю, ставшую бесплодной от пролитой на нее крови. И взросло оно двумя стволами, символизирую Свет, создавший ее и Тьму – разрушающую. То были врата к силе божественной, способной защищать этот мир от вездесущей Тьмы. Но не смог люд принять такую благодать, тела их были слабы. И пришлось Праотцу создать сильные сосуды. Так появились Хранители.

– У меня даже нет слов, чтобы описать, какими мыслями я переполнена. Но ты ведь говорила мне, что силу вы получаете в момент совершеннолетия, так?

– Все верно, – согласилась девушка и устремила взгляд своих ярких голубых глаз прямо в расщелину между стволами Древа, где все также пробегала едва заметная рябь. – К восемнадцати годам наше тело способно принять дар Праот-

ца. Все не так просто. Нет точной даты, когда ты должен получить силу, важнее не упустить момент. После восемнадцатилетия Древо уже не сможет принять тебя. А еще, соприкоснуться с благодатью божественной невыносимо больно. И каждому Праотец дает силы ровно столько, сколько тот боли способен выдержать.

Последние слова она произвольно произнесла шепотом.

– Тебе было сильно больно? – коснувшись руки подруги, спросила Марисса. Линель печально кивнула.

– Я смогла лишь слегка прикоснуться. Но тем не менее, тот момент, был пропитан не только болью, в нем я чувствовала всю любовь Праотца. Наверное, не найдется слов, способных описать эти чувства.

Вся эта история была настолько невероятной, пугающей и противоречивой для Мариссы. Было сложно поверить, что это чья-то обыденная и привычная жизнь. Но на задворках сознания девушки скребся еще один важный вопрос.

– А как же мой брат? Он простой человек, но он входил туда вместе с тобой? – указала на Древо озадаченная девушка.

– Этот ритуал не связан с получением силы. Только человек, чьи чувства истинны, а помыслы чисты, способен пройти сквозь грань и вернуться. Если бы Форсо не любил меня или же желал нам зла, его бы просто откинуло от Древа. Не самое приятное зрелище, но поверь, такое все же бывало.

– И пара распадалась.

– Конечно! – воскликнула Линель. – Так Праотец защищает нас. Если клан исчезнет, Дерево Жизни завянет и рухнет грань. Наше предназначение не дать Древу погибнуть, а Тьме разрушить мир. Свет наших alma – это единственное, что отпугивает Тьму и убивает ее детей.

Так Мариссе открылась тайна мира, которую берегли Хранители. Но этот год стал особенным не только благодаря этому. Через два месяца Марисса заметила, что поведение ее подруги немного изменилось, она все чаще витала в облаках, прижимая свои руки к животу. А на губах появлялась блаженная улыбка. И когда округлившиеся формы нельзя было скрывать, Линель рассказала о своем положении подруге.

Каждый день она щебетала, рассказывая про белокурую дочку, которая, она была уверена, у них родится, а Форсо мягко возражал:

– Дорогая, там точно мальчик! – получая сильный пинок в приложенную к животу руку.

– Форсо, я ношу нашего ребенка под своим сердцем. Я не могу ошибаться!

И мужчина поднимал свои руки вверх, признавая свое поражение, дальше сидел молча, но то и дело ухмыляясь своим мыслям.

В эти месяцы они были безумно счастливы. Пока не наступил день, изменивший жизни всех навсегда.

Тем вечером Марисса находилась дома одна, родители уехали еще ранним утром и до сих пор не вернулись. И так

как на улице лило как из ведра и дул сильный ветер, то, скорее всего, подумала девушка, они остановятся на ночь в придорожной таверне. Потрескивание не прогоревших еще до конца поленьев, убаюкивало, и Марисса прикорнула сидя в кресле. Заснувшая девушка не могла заметить, как воздух в комнате изменился. Густой, как смола, он стал медленно образовывать воронку, из эпицентра которой выпала Линель.

Разбуженная шумом Марисса испуганно подскочила и с округлившимися глазами кинулась к девушке. Выглядела она плохо: оголенные руки и ноги были покрыты мелкими ссадинами, подол белого платья был обожжен, а сама юбка в черной копоти. Грудь девушки поднималась и опадала, а большой живот сжимался от судорог, через короткие интервалы времени. У Линель начались роды.

– Убили! Их всех убили! На моих глазах! – кричала лесная дева. На лице девушки была маска ужаса и неконтролируемого страха.

В это время Марисса кипятила воду и собирала все имеющиеся чистые простыни в доме. Она старалась не вслушиваться в крики роженицы, чтобы не поддаться панике. Подняться обессиленная девушка не могла, поэтому пришлось стелить все прямо на полу.

– Я видела, как чужак убил моего отца. А Форсо! Форсо тоже мертв! – кричала она уже охрипшим голосом, а из ее глаз текли слезы, размывая кровь их свежих царапин. В это же время последовала схватка и Линель, сжавшись в комок,

застонала.

– Тише, тише! – пыталась успокоить подругу Марисса. – Линель, ты расскажешь мне все позже! А сейчас ты должна тужиться.

Но девушка крутилась из стороны в сторону, откидывая от себя руки подруги, даже не слыша, что она ей говорит. Не колеблясь, Марисса схватила ее за плечи и встряхнула несильно, но вполне ощутимо, заставляя посмотреть себе в глаза. И когда взгляд Линель наконец сфокусировался и прояснился, девушка произнесла уверенным голосом:

– Я понимаю, что произошло что-то ужасное! Но сейчас ты нужна мне здесь, всеми мыслями и силами, ты понимаешь? – Линель медленно кивнула. – Вот и молодец! Давай поможем твоему ребеночку появиться на свет!

Каждая схватка и вторящий ей крик боли, отдавались в Мариссе приступами неопишуемого страха. Она никогда раньше не принимала роды и знала об этом только в теории. Однако, осознавая всю ответственность, легшую на ее хрупкие плечи, она держала свое лицо под контролем.

Схватка! И в ответ детский крик. Самый долгожданный крик.

– Линель, это и вправду девочка!

И пока Линель, немного приходила в себя и перебиралась в кровать, Марисса проделала все необходимые процедуры. И уже обмытую и запеленованную отдала ее девушке, чтобы та могла приложить ее к груди.

Адреналин, после пережитых испытаний наконец схлынул, и Линель стала засыпать, но постоянно открывая глаза, боясь ненароком навредить ребенку. Марисса подошла к кровати, протянув руки:

– Отдыхай. Я прослежу за ней этой ночью.

И Линель благодарно улыбнувшись, передала ей малышку, сразу уснув. Марисса просидела в кресле до самого утра, неотрывно смотря на младенца, напевая тихую колыбельную. Но в голове при этом роились тысячи страшных мыслей. Что произошло? Правда ли, что брата больше нет в живых? И что же делать дальше? В этих раздумьях она не заметила, как ветер за окном затих, буря окончательно закончилась, и стало светать. Только когда малышка начала кричать, она вынырнула из своих мыслей.

Девушка встала и подошла к кровати, на которой тихо спала ее подруга. Ей пришлось несколько раз ее окликнуть, прежде чем она, зашевелившись, открыла глаза.

Пока ребенок кушал, девушки не могли промолвить ни звука. Будто бы скажи одна из них хоть что–нибудь, рухнет воображаемая стена, и им придется окунуться в реальность.

– Я назову ее Луна, что значит «светлая», – шепотом вдруг сказала Линель, глядя тонкими пальцы макушку младенца. – Марисса, пообещай, что будешь заботиться о ней!

– О чем ты? – спросила Марисса, не понимая к чему клонит подруга. – Мы вместе о ней позаботимся! Чтобы ни случилось, мои родители примут тебя с малышкой в нашем до-

ме и...

– Послушай меня, – перебила ее Линель слабым голосом, в котором слышалась едва уловимая дрожь. – Просто пообещай защитить мою девочку, хорошо?

– Конечно, обещаю! Но...

В этот момент Линель откинула свое одеяло и Мариссе предстала ужасная картина. Вся кровать была пропитана кровью, а от девушки исходило едва заметное свечение.

– Мне осталось недолго. И сейчас ты должна запомнить все, что я тебе скажу. – говорить девушке было сложно, но она с завидным упорством продолжала. – Вчера ночью на наш клан напали демоны в облике людей. Они подожгли нашу деревню, пока все спали. А потом перерезали всех, кто смог выбраться из пламени, не щадя никого: ни женщин, ни детей. Никто из нас не был к этому готов. И мой отец и Форсо, защищая меня, пожертвовали своими жизнями.

– Кто были эти люди? Ты их знаешь?

– Боюсь, Тьма дала о себе знать. Но сама она не может проникнуть в этот мир, значит, у нее есть пособники. И это были именно они. Пропитанные запахом тьмы насквозь подонки, продавшие Тьме свою душу.

Девушка закашлялась, и из уголка ее губ потекла маленькая струйка крови. Марисса хотела кинуться помочь, но лесная дева остановила ее, отрицательно качнув головой. Расстегнув свой ворот, она сняла с него кулон, тот самый, что носил вождь.

– Отец отдал мне его перед тем, как переместил к тебе. Это «кретч». Оберег. Луна последняя из Хранителей. И сейчас, когда клан пал, Дерево Жизни ослабнет, а значит, грань истончится. Пока он будет с вами, вы будете в относительной безопасности. Храни наш секрет как можно дольше. Пусть Луна живет обычной жизнью, насладится ей сполна, а потом ты сможешь ей стать той, кем ей суждено стать по праву рождения.

Линель вложила оберег в пеленку к тихо спящей Луне, поцеловала ее и протянула к Мариссе. Та, инстинктивно взяла малышку на руки, не осознавая до конца, что сейчас происходит.

– Я всегда буду оберегать вас, мои любимы. – и тело бело-волосой девушки выгнулось на кровати, а из груди появился белый лебедь. Он стал быстро махать крыльями, от которых стали лететь искры света, окружая Мариссу с ребенком. Их становился все больше, пока в какой-то момент не заполнил все пространство.

От переизбытка света глаза девушки перестали видеть, и она даже успела испугаться, что ослепла. Вокруг царил оглушающая тишина. Но когда зрение и слух все же к ней вернулись, Марисса не поверила своим глазам. Она с ребенком на руках стояла на земле, где перед ней раскинулся бескрайний простор золотого пшеничного поля, который выращивали много севернее от Альтвира. Это значило, что Линель на последние свои силы отправила их в другой конец

Королевства».

Глава 3

Луна

Я столько раз представляла в своей голове этот разговор, но ни один из возможных вариантов и близко не был похож на то, что я слышала. Вопросов действительно должно было быть много, однако мои мысли все никак не могли выстроиться хотя бы один достойный. Начать надо было, и я решила спросить о самом очевидном:

– Так значит, ты и есть та самая Марисса?

– Да.

– И мой отец, твой брат?

– Да, ты на самом деле моя племянница, – согласно кивнула Марша. – Этого я от тебя никогда не скрывала.

Тетушка охотно отвечала на мои вопросы, но только по сути, без лишних разглагольствований. Она давала мне время осмыслить все.

– Я растеряна. – призналась я честно. – Наверное, ты ждешь, что я стану расспрашивать о своих родителях? Мне действительно грустно. Но не от того, что я их не знала, а от того, что тебе пришлось их потерять.

– Дорогая, я не потеряла их. Каждый день я вижу перед

собой молодую Линель, а смотрит она на меня глазами Форсо. Так что они всегда рядом, как твоя мама и обещала.

Марша пододвинула в мою сторону сундучок, и, обойдя стол, села рядом. Видя, что я не спешу притрагиваться к нему, тетушка сама откинула крышку. И на дне я увидела его – кретч.

– И что же я должна делать?

– Думаю сперва ты могла бы просто взять его в руки, – ласково сказала Марша.

– Но...это ведь будет значить, что все реально, – прошептала я. В моей груди сердце стало биться быстрее, но в момент, когда я переборола себя и взяла кулон в руки, оно как будто пропустила один удар. Кончики пальцев стали покалывать.

– Тетушка, что происходит? – испуганно спросив, я повернулась к ней, но женщина никак не отреагировала. Она сидела замерев, как замороженная.

– Луна, – раздался женский голос за моей спиной.

От неожиданности и нахлынувшего страха, я вскочила со стула, опрокинув его. Обернувшись, я хотела закричать, но, увидев, кто передо мной, не смогла издать ни звука.

Она была прекрасна. Тетушка хорошо смогла описать ее, да я и действительно будто бы смотрела в зеркало. Девушка с длинными белыми волосами, развевающимися от невидимого ветра, была соткана из света.

– Луна, – еще раз повторила Линель. – Если ты видишь

меня, значит Марисса рассказала тебе всю правду. Я попросила ее хранить эту тайну, так что не держи на нее обиды. У нас очень мало времени, поэтому скажу все быстро. Дочка, до своего восемнадцатилетия ты должна взойти к Древу жизни при любых обстоятельствах. Боюсь, что за время, пока ты росла, грань истончилась и демоны смогли проникнуть в этот мир, поэтому они будут тебя ждать там. Сейчас судьба этого мира зависит только от тебя. Кретч держи при себе, он сможет предупредить тебя, если поблизости окажется кто-то из детей Тьмы и в нужный момент защитит.

Прости, что нас с папой не было рядом, но будь уверена, мы ждали твоего рождения с великим трепетом и любовью. Пусть в этом трудном пути, в твоём сердце всегда живет Свет! Прощай.

И все исчезло. А я стояла на том же месте, смотрела в пустоту, и по моим щекам текли горячие слезы. Тетушка, пришедшая в себя, подскочила ко мне и заключила в крепкие объятия. За один вечер, моя жизнь перевернулась с ног на голову, на плечи лег тяжкий груз предназначения, и мне казалось, что хуже быть уже не может.

Однако судьба видимо решила окончательно добить меня, потому что именно в этот момент дверь нашего дома слетела с петель, и в комнату ворвались вооруженные солдаты. Один из них, развернув в своих руках свернутый свиток, зачитал: – Знахарка Марша, вы и ваша племянница, обвиняетесь в колдовстве и убийстве младенца. И по приказу начальника

Темной крепости будете находиться под арестом, до момента рассмотрения вашего дела.

Соловей

Составлять план по экстренному высвобождению товарища приступили сразу же. Темная крепость считалась второй тюрьмой, после Королевской каменоломни, откуда узники сбегали очень редко. Но в нашем случае у нас был один большой козырь. Мы знали все тайные ходы из этого места заключения.

– Ласточка, – обратился я к своей боевой подруге. – Дневная вахта за тобой.

– Я с ней.

– Ворон, у тебя рука сломана. Я и одна справлюсь. – осадила его Ласточка. И мы все ее поддержали.

– Я и с одной рукой уделаю дюжину охранников! – возмутился мужчина. – Соловей, как ты можешь отпускать ее одну! Она может наткнуться на патруль. Они же видели, что Дрозд не один!

– Во–первых, я не собираюсь ни с кем драться, – ответила за меня Ласточка. – Во–вторых, если мне все же придется уходить от патруля, то одной мне будет проще.

На это Ворон, хотел было что–то сказать, переполненный недовольством, но вынужден был промолчать. Если кто–то и умел быть незаметным, то это точно была Ласточка.

Девушка взяла мешок со ржаным хлебом и сыром, привя-

зала к ремню на поясе бурдюк с водой, на плечо накинула колчан со стремами.

– Отдыхайте, мальчики! Ночью ваша смена.

И дождавшись, когда я утвердительно кивнул, она направилась в лес, растворившись между деревьями.

– И как она это делает? – завистливо, но с ухмылкой возле меня проговорил Филин. – Всегда восхищался ее даром.

– Это круто, если не знать, при каких обстоятельствах он у нее проявился.

– Да уж. – согласился со мной друг.

– Тем не менее, в одном Ласточка была права, всем нам надо передохнуть.

И после моих слов все побрели к своим палаткам. Я уже ложился, когда в проем палатки пролезла голова Фила

– Как думаешь, Дрозд продержится эти сутки? – сейчас голос друга был серьезный. Для всех он всегда был шутком и балбесом, но истинные чувства он мог показать только мне.

– Ему придется. Как бы я не хотел его вытянуть прямо сейчас, но действовать мы будем обдуманно. С горячей головой мы можем дать маху. А ты ведь знаешь, что мы ни в коем случае не должны застрять в тюрьме. Миссия важнее всего!

– Миссия важнее всего! – повторил Фил, наш девиз, но хмурится не перестал, да и вовсе покинул мою палатку.

Я же, поднес свою руку к глазам и привычно всмотрелся в кольцо на указательном пальце. От черного обсидиана в

серебряной оправе, как всегда, исходил холод. Я сжал руку в кулак. «Я все делаю правильно! Миссия важнее всего!» С этими тревожными мыслями и уснул.

Годы упорных тренировок приучили мое тело отдыхать за четыре часа. Правильное дыхание, контролируемое, даже во сне, расслабляло мышцы и одновременно позволяла насытить организм достаточным количеством кислорода. Поэтому я проснулся полный энергии и бодрости.

Возле костра сидел только Страж, двигая угли веткой. Значит, Фил и Ворон еще отдыхали. До смены Ласточки на ее посту еще было много времени, поэтому я решил сходить к реке проверить сети.

Горная река дарила богатый улов, но зачастую течение было настолько сильным, что сети срывало и уносило вниз по устью. И чтобы не остаться голодными, мы всегда ставили их в нескольких местах. Сегодня же она решила не гневаться и ряженки были полные рыбы.

Довольный уловом, я принес рыбу в лагерь, где к Стражу уже присоединились мои товарищи.

– О, вижу, сегодня будет пир! – весело сказал Филин.

После того как рыба была почищена, пожарена и съедена, нам следовало составить минимальный план на сегодняшнюю ночь.

– Ласточка предоставит нам отчет по сменам караула, поэтому в крепость мы с тобой Фил попадем с четким понима-

нием как действовать. Остается разобраться с дежурным, у которого связка ключей и найти камеру с Дроздом.

– Думаю, чтобы не тратить время, вам надо разделиться, – предложил Ворон, смирившись с тем, что он останется в лагере.

– Тогда на мне дежурный. Усыпить одного человека мне не составит труда.

– Хорошо. – согласился я. – Значит, я найду камеру, потом вернусь за тобой к проходу, и мы вместе освободим Дрозда.

– Договорились! Главное, чтобы не случилось непредвиденных обстоятельств.

– Если будем действовать по плану, все пройдет гладко, – подбодрил я друга, пихая кулаком его в плечо. Тот, долго не думая, пихнул меня в ответ и смеясь встал. Вместе с ним поднялся Страж и воздел свой указательный палец в небо, намекая, что времени у нас осталось не так много и нужно выдвигаться.

Темная крепость была построена на склоне Плачущей горы. Она имела три части. Верхний город – административная часть – часть крепости, где жили казначеи, судебный викарый, епископ, старейшины и другая знать; Нижний город – окруженный тремя линиями стен, за которыми жили простые горожане. И третья часть, каменная Башня, примыкающая к стене с северо–востока. Под ней и находилась темница, в которой держали заключенных. Вход в башню хорошо охранялся, и к нему вела всего одна дорога, которая про-

смастривалась со всех сторон. Однако нас интересовала совершенно другая часть башни.

Мы остановились на окраине леса, откуда и начиналась открытая местность. Ласточки нигде не было видно, и я подал сигнал, имитируя пение птицы. Филин стоял рядом, небрежно привалился к стволу ближайшего дерева и совершенно не ожидал, что на плечи к нему кто-то прыгнет.

Фил поднял свои руки вверх, схватил незнакомца за рубашку, скинул на землю и только потом опознал в силуэте свою подругу.

– Глупышка, – проворчал Фил, нависая над ней сверху. – Я же мог тебя убить!

Но девушка легко улыбнулась, приподнявшись к опешившему другу и быстро согнув ноги, пихнула его в живот. Застигнутый врасплох, он упал на лопатки, а девушка села сверху.

– Кто кого! – победоносно сказала Ласточка и быстро встала на ноги, протягивая другу руку. – Никогда не расслабляйся.

– Учту, – Фил был темнее тучи, но помощь принял.

Такое соперничество было их постоянной забавой с самого детства, но сейчас я не мог им подыгрывать

– Так, Фил, Лас, давайте без баловства и по существу!

Девушка сразу посерьезнела.

– За пятнадцать часов караул сменился пять раз. – сказала она. – Сегодня было тихо, никого больше не привозили.

– Отлично. Когда следующая смена?

Девушка подняла глаза на небо.

– Через два часа, – ответила Ласточка.

– Значит, сейчас приляг, поспи, – посоветовал я. – А потом твой следующий выход. Как только мы скроемся за башней, сразу же возвращайся в лагерь.

– Но если вам понадобится моя помощь? – попыталась она возразить.

– Эй, не будь как Ворон, – поддел ее Фил. – Мы справимся. А если нет, то ты знаешь, что делать, так?

Филин вопросительно поднял одну бровь, ожидая ответа от девушки.

– Да знаю я, знаю! – воскликнула она. – Миссия важнее всего.

– Вот и умница, – похвалил ее тот и попытался погладить подругу по голове, но та проворно отскочила, показав ему язык. И пока девушка укладывалась на земле, чтобы отдохнуть, Фил подошел ко мне.

– Ждем?

– Ждем, – подтвердил я. – Это все, что нам остается.

Стемнело. Караульный стоял, переминаясь с ноги на ногу, время близилось к смене. Я разбудил Ласточку и попросил готовиться. Потянувшись, девушка стала стягивать с себя одежду, а мы с Филином дружно отвернулись. Не чувствуя никакой неловкости полностью обнаженная Ласточка

прошла между нами. Освещаемое только светом луны тело притягивало наши взгляды. Однако, с моей стороны это было, скорее всего, эстетическое наслаждение. За мысли Филина я не отвечал.

Тем временем охрана башни зашевелилась.

– Пора, Лас!

И девушка, сорвавшись с места, кинулась бежать. Вдобавок к этому она стала оглушительно кричать, привлекая внимание караульных, тем самым давая нам время для действий.

Когда мы забегали за башню, я обернулся, и облегчённо выдохнул, когда Ласточка растворилась среди деревьев в противоположной стороне, а охрана стояла растерянная.

– У нее получилось, – ободрил я друга, и он тоже смог немного расслабиться. Однако это была самая лёгкая часть плана. Дальше оставалось найти тайных вход.

– Белый крест увидишь сверху, от него три камня справа, и ко стыку, что под камнем, приклони свое колено. – стали шептать мы хорошо заученную детскую считалочку.

– Разведи двумя руками, очень крепко в это веря, и разьедутся, как в масле заколоченные двери.

Раздался щелчок, и глухой камень сдвинулся, открывая темный узкий лаз.

– А наш старик дело говорил! – хмыкнув, сказал Фил.

– Рад, что и в этот раз он не ошибся.

Я протиснулся в проход первый, Филин зашёл за мной и

задвинул каменную дверь. Темнота обступила со всех сторон, а дышать затхлым воздухом было мучительно. Однако мы не могли позволить себе остановиться. Нас ждал друг.

В конце туннеля я упёрся в стену и слегка надавил. Так же как и снаружи, двери легко сдвинулись в бок. Путь теперь нам преграждал лишь кусок ткани, скорее всего старый gobелен.

Прежде чем отодвинуть его, я замер прислушиваясь. Безумно хотелось выйти и глотнуть немного воздуха, но рисковать было непозволительно.

Шум шагов приблизился и стал отдаляться.

– Пошли! – прошептал я и вылез из нашего укрытия. Мы стояли на круглой площадке, на стенах которой горело несколько факелов. По бокам виднелись два прохода. В одном виднелась круговая лестница вверх, а в другом – прямая вниз.

Я хотел уже подать знак Филу и разделиться, но сверху послышался шум открываемой двери и караульный отработал:

– Примите заключённых.

– Бааш вас забори! – тихо ругнулся Филин.

Глава 4

Луна

Темная крепость всегда пугала меня, а истории про ее башню вызывали болезненную дрожь по всему телу. Люди в деревне говорили, что попав сюда, тебя либо казнят, либо отправят на Королевскую каменоломню, где ты все равно долго не протянешь. Но даже если тебя все-таки отпустят, то ты вернешься уже не тем человеком, которым был раньше.

А теперь мы с тетушкой сами находились в этом подземном «царстве», сидя на соломе, на влажном от сырости земляном полу, рискуя никогда не покинуть это место. В плохо освещаемом помещении было ужасно холодно, а воздух был пропитан вонью и застарелой кровью. Единственным плюсом в этой ситуации было то, что нас не разделили.

– Не переживайте. Таким красавицам не дадут долго мерзнуть. – ехидно произнес толстый охранник, закрывая двери. – И скучать тоже не дадут. Особенно сейчас, когда вы единственные на этом ярусе!

В ответ на эти пошлые намеки Марша плюнула в сторону охранника. Но тот лишь засмеялся, а потом произнес, подмигивая:

– Люблю дерзких!

Усмехаясь остроте своего ума, мужчина развернулся и пошел по длинному проходу к выходу. Вдалеке еще пару раз были слышны бормотание и недобрый смех.

Когда настала полная тишина, я подскочила с гниловатой земли и кинулась к железным прутьям. Схватившись за них двумя руками, я стала трясти их изо всех сил, не замечая, как на ладонях появились царапины и начали кровоточить.

– Луна, перестань, – тихо попросила меня Марша.

– Не называй меня так! – услышав непривычное мне имя я разозлилась еще сильнее. Я трясла решетку, а из груди стал вырываться нечеловеческий рык.

– Хватит! – Марша схватила меня за плечи и развернула к себе. – Побереги силы.

– Но мы должны что-то делать! – не могла успокоиться я. – Нельзя сидеть сложа руки!

– Но и трясти железо – это не выход из ситуации.

– И что ты предлагаешь?

– По крайней мере, не наносишь себе увечий. Если ты занесешь заразу в кровь, спасти тебя никто не будет. А так у нас есть все шансы остаться до суда живыми.

– Ты что, не слышала, на что он намекал? Да я лучше умру от заразы, чем позволю прикоснуться к себе.

В этот момент я заметила темную тень, которая прокрадлась мимо нашей клетки и направилась дальше по коридору.

– Эй! Стой! – крикнула я, припадая всем телом к решетке.

Но силуэт не остановился, хотя шаг не ускорил. Было видно, что он ищет кого-то среди заключенных.

– На этом этаже никого кроме нас нет, – крикнула, уже не веря, что это подействует.

Мужчина остановился, а это точно был мужчина, судя по его широким плечам, потом повернулся и направился прямо к нашей камере.

– Ты уверена? – спросил незнакомец, лицо которого было скрыто за черной маской. Голос его был низким, с едва заметным намеком на хрипотцу. Даже в этих двух простых словах чувствовалась скрытая мощь. С такими не шутят.

– Так сказал охранник, который посадил нас сюда.

– Ясно. – ответил он. И стал уходить.

– Стой! – крикнула тетушка.

– Ты не можешь бросить нас тут, – вторила ей я. Но мужчину это не остановило.

Облокотившись на каменную стену, я сползла по ней вниз. Тетушка села рядом.

– Я не верю... Он просто ушел? – сказала я, уставившись в одну точку. Потеряв последнюю надежду, мое тело окончательно покинули силы.

– Скорее всего, этот преступник пришел освободить своего напарника. Ему нет до нас никакого дела.

– Как ты можешь быть такой спокойной? – удивилась я.

Марша прижала меня к себе, уткнувшись своим лицом мне в макушку. И заплакала. До меня дошло, что все ее спо-

койствие было напускным. Тетушка, как и я, боится ожидающей нас участи. Просто в силу своего возраста, смогла ненадолго сдержать этот страх в себе. Мы всегда жили уединенно вдвоем, но именно сейчас, в этой тесной камере, я поняла, что роднее и ближе человека у меня нет. И, учитывая нынешние обстоятельства, скорее всего и не будет. Я прижалась к Марше еще сильнее и, закрыв глаза, до боли их сжала. «Пусть бы это оказалось лишь сном, кошмарным, но нереальным плодом моего воображения!» – тихо и безмолвно просила я, сама не зная к кому обращаясь.

Мой утомленный организм, все же решил дать возможность мне передохнуть, окутав меня блаженной дремой, которая была прервана скрипом открывающейся двери. Двое незнакомых мужчин грубо вырвали Маршу из моих объятий, оттащив ее в дальний угол камеры.

– Нет! – закричала я, что есть сил, увидев, как они целенаправленно задирают подол ее платья. И сразу же получила оглушающую пощёчину, от того самого толстяка, который нас здесь и запер.

– Молчи, ведьма! – рявкнул он, нависая надо мной.

Из-за его огромной туши, я не видела того, что происходила с моей тетушкой, но слышала, как она яростно борется. Насколько ее еще хватит, уставшую, униженную женщину защищаться от двух крепких мужчин. Я ощутила на своей щеке, влажный, зловонный поцелуй, от которого меня замутило. Время что-либо обдумывать у меня не было, и я сде-

лала первое, что пришло в голову: обхватила, его лицо своими руками и со всей силы вдавила большие пальцы в глаза. И пока он, потеряв ориентацию, отпустил меня, я ногой ударила в его самое уязвимое место. Сжав ноги от боли и издав звук, напоминающий писк свиньи, мужчина отошел от меня на пару шагов.

За долю секунды я поднялась с пола и кинулась на шею одного из мужчин, мучивших мою тетушку. Однако для него я была небольшим препятствием, которое он с легкостью скинул с себя, и я больно ударилась головой и животом об землю. Мое сознание на мгновение помутилось. Этого времени хватило отошедшему от боли охраннику, чтобы схватить меня за ноги и протянуть по полу к себе. Я пыталась задержаться руками, хоть за что-нибудь, но земля была скользкая от влаги. Руки мужчины тем временем переместились на мои бедра, задрав юбку. Подняв голову, я увидела Маршу, сдавшуюся после изнурительной борьбы и мужчину, радостно раздвигающего ее ноги. Этот момент растянулся в моем сознании, как тягучая смола, окрасившись красным цветом ужаса. «Это конец!»

Тяжелое тело толстяка придавило меня к полу, и я закричала от страха и отвращения. Из последних сил я попыталась вырваться и только потом поняла, что охранник меня не удерживает. Что-то откинуло его бездыханное тело в сторону. Мужчина в черной одежде, покинувший нас ранее, перешагнул через меня и воткнул меч в спину, стоявшего меж-

ду коленями Марши, мужчины. Его же друга, не успевшего отреагировать, поразил брошенный кем-то из-за моей спины кинжал, угадив ему прямо в шею. Меня оторвали от земли крепкие руки. Мимо прошел еще один незнакомец, облаченный в такой же темный наряд, выдернул кинжал из шеи охранника, обтер об рубаху умирающего и засунул себе в рукав.

Тетушка, опершись об руку первого незнакомца, неуверенно встала на ноги. Все ее тело была крупная дрожь.

– Идти сможете? – спросил кто-то из них.

– Да, – осипшим голосом сказала я. Марша лишь кивнула.

– Тогда, если вы хотите выбраться отсюда живыми, тихо и без всяких вопросов следуйте за нами, – сказал незнакомец и вложил руку Марши в мою.

Так мы и пошли, один мужчина впереди нас, а другой позади. В тишине мрачной темницы были слышны только наши шаги и тяжелое дыхание. Поднявшись на несколько пролетов вверх, мы вышли на круглую площадку, где на стене висел выцветший и потрепанный временем гобелен.

Мужчина, шедший впереди, замер и прислушался. Затем шагнул к тканевой картине, отодвинул ее в сторону, показав черный узкий проход, уходящий в никуда. Он отступил, пропуская туда друга, а потом, давая и нам последовать за ним. Я хотела спросить, куда же все-таки ведет этот туннель, но вовремя спохватилась. Вдохнув побольше воздуха, покрепче перехватив руку тетушки, я сделала шаг вперед.

Соловей

Это была она. Та самая девушка, которую я видел прошлой ночью на берегу. Короткие белые волосы. Тонкая невысокая фигура. И те самые глаза. Глаза, наполненные яростной отчаянностью, смотрели на меня через ржавую решетку. Что она делала тут? Кто эта женщина, стоящая с ней рядом? И где, демоны вас возьми, Дрозд? Мне нужно было закончить поиски друга. Уходя, во мне боролись разум и совесть: первый говорил убираться отсюда побыстрее, а другая просила помочь. И хотя я ничего не знал об этой девушке, но чувствовал, что эта встреча, вторая, за такой короткий период, что-то значит.

Я успел обследовать все нижние ярусы Темной башни, но среди грязных и обездоленных пленников не нашел своего друга. Этот пролет оставался последним, но и он не принёс никаких плодов. Мне нужен был Фил.

На условленном месте его не оказалось, а времени ждать у меня не было. Я кинулся по лестнице, поднимающуюся в верхнюю часть башни. В месте, где факелы успели прогореть и образовывали черное пятно, в темный незаметный проем меня втащил мой напарник. И одновременно с этим мимо прошла охрана.

– Ты что творишь? – прошипел он на меня.

– Где ключи? – оставив друга без ответа спросил я.

– У дежурного!

– И почему они все еще у него?

– Может потому что это его работа – охранять ключи? – огрызнулся друг.

– Я серьезно.

– Я, как видишь, тоже! Из-за новых заключенных вся охрана стоит на ушах, а этот жирдяй, – он кивнул в сторону прошедшей охраны. – Носится туда-сюда. Но он нам и не нужен!

– Ты о чем? – не понял я намеков друга.

– Я пролистал книгу записей арестантов. Вчера никто сюда не поступал!

Я замер, ошарашенный этой новостью. Значит, пока мы готовились вызволить друга, тратили время на проникновение в башню и искали его по камерам, его увозили в неизвестном направлении.

– Соловей, Дрозда здесь нет. – подтвердил мои мысли друг. – Уходим.

И Филин вышел из нашего укрытия и стал спускаться по лестнице. Я последовал за ним, но возле гобелена, остановил друга.

– Раз мы здесь, то помоги мне в кое-чем.

Фил вопросительно посмотрел на меня, но я не мог тратить время на объяснения. В груди заныло от предчувствия, что если мы не поспешим, то случится нечто непоправимое.

Я бежал, перепрыгивая через ступени, друг не отставал. И, услышав вдалеке женские крики, понял, что интуиция меня не подвела. В железной клетке, где сидела беловолосая девушка, царил ужасная суматоха. Увидев, как прямо на полу в дверях камеры уродливый толстяк, задрав юбку, пристраивается к той самой незнакомке, глаза застлало красной пеленой. В состоянии аффекта, я вытащил из ножен на спине меч и проткнул им спину охранника. Откинув его, я заметил еще двух и, не раздумывая, шагнул к ближайшему, и его постигла та же участь. Рядом просвистел кинжал, и третий охранник начал оседать, зажимая рану на шее.

Удостоверившись, что женщина с девушкой способны идти самостоятельно, мы с Филом повели их к тайному выходу из башни. Я отодвинул ткань, и Филин исчез в темноте. Девушка же, крепко сжимая руку женщины, немного помедлила, но потом, что-то для себя решив, расправила спину и шагнула в проход. Я последовал за ними, закрывая каменную дверь и отрезая от последнего источника света.

Тишина. Темнота. А потом долгожданный свет и освежающий воздух. Но даже когда мы наконец-то вышли наружу, расслабляться было нельзя. Начало светать, а значит уйти незамеченными было невозможно – охрана увидит нас сразу, как только мы направимся к лесу.

Я выглянул за угол и заметил, что у входа вдруг началась беготня. Видимо, обнаружили тела убитых нами охранников. И нам стоило воспользоваться эффектом неожиданности.

сти и добежать до леса, пока охранники отвлекают сами себя. Я посмотрел на Фила, и он все понял без слов. Я взял незнакомку за локоть, друг проделал то же самое со спутницей девушки.

– На счет три, мы с вами побежим! И от того, как быстро вы будете бежать, зависят все наши жизни. – не смотря на них, сказал я. – Раз! Два! Три!

И мы побежали. Надо отдать должное, после событий, произошедших с этими незнакомками, тяга к жизни помогла открыть им второе дыхание. Преодолев половину пути, я был уверен, что наша сумасшедшая затея увенчается успехом, и на нас просто не обратят внимание. Но мимо просвистела первая стрела. Я продолжал тянуть за собой тяжело дышащую девушку, зная, что сбавлять шаг и оборачиваться нельзя. Однако девушка этого не знала и все же повернулась, а потом упала на колени, потянув меня за собой. В месте, где была моя голова, пролетела еще одна стрела.

Я подскочил, поднимая девушку, и побежал дальше. О том, что она спасла мне жизнь, думать было некогда. Сзади слышался крик, бежавших за нами караульных и уверенности, что мы доберемся до леса живыми не оставалось. Но потом, на краю леса, я заметил хорошо знакомую женскую фигуру, натягивающую тетиву и выпускающую стрелы в наших противников.

«Ласточка, я тебя убью!» – разозлился я на непослушную подругу, однако в глубине души был рад, что она не ушла.

Когда мы все вчетвером поравнялись с лучницей, она развернулась и кинулась в лес вместе с нами. Я с трудом мог поверить, что мы это сделали. Но замедлять бег было рано, деревья, конечно, мешали погоне, но шанс нас догнать все равно был велик. И только тогда, когда мы перебежали через тонкий мост, перекинутый через реку, я позволил нам остановиться.

Девушка рядом быстро и глубоко вдыхала воздух. Ее полная грудь поднималась и опускалась, невольно привлекая мое внимание. И когда ее дыхание пришло в норму, она, наконец повернулась лицом ко мне.

– Спасибо! – сказала она тихо и упала в обморок, прямо мне в руки. Рядом, в таком же бессознательном состоянии Фил держал ее спутницу, из плеча которой торчала стрела.

Повисло неловкое молчание, а потом моих друзей прорвало:

– Парни! Я, конечно, понимаю, что вы еще те ловеласы! Но кто это вообще такие?

– Не поверишь, Лас, я хотел сам узнать это у Соловья! – недоумевая спросил меня Филин. – Друг, какого демона, тут происходит?

А потом, присмотревшись получше к моей ноше, удивленно поднял брови.

– Это что, та самая?

Отпираться не имело смысла и я просто кивнул. Ласточка же осматривала раненую женщину и хмуро сказала:

– Предлагаю закончить наш разговор в лагере, иначе мы рискуем потерять одну из спасенных. Там же вы мне и объясните, почему с вами нет Дрозда!

Я был благодарен этой временной передышке, потому что и сам не знал, что сказать друзьям. Впервые в жизни я поступил против своей главной цели и даже не имел никакого для этого мало-мальски приемлемого объяснения. Девушка в моих руках мирно спала, восстанавливая потерянные силы. На бледном некогда лице, была грязь с запекшейся кровью, а на щеке налился огромный синяк. Также синяк можно было разглядеть на локте, за который я так упорно ее тянул. И это не говоря про все остальные царапины и ссадины. Столько событий выпало на голову этой хрупкой девушки, однако она держалась до последнего. А это заслуживало уважения: знавал я девиц, которые лили слезы, сломав лишь ноготь.

Наш дуб возник внезапно. Я совсем потерялся в своих мыслях, что было непозволительной роскошью. Слава богам, что обошлось без внезапных происшествий. Страж встретил нас в своей молчаливой манере, однако даже по его взгляду было видно, как он удивлен внезапным гостям.

Ласточка шла впереди, поэтому Ворон не сразу понял в чем дело. Но, увидев на наших руках двух бессознательных незнакомок, проревел:

– Какого...? Кто это?

Ласточка, игнорируя друга, обошла его по дуге и прошла к своей палатке, в которой держала все для первой помощи.

Фил тоже пропустил вопрос мимо ушей.

– Расчисти место, – попросил он его. – Положим их перед костром, чтобы не замерзли.

– Посади ее, – кивнув на раненую, сказала вернувшаяся Ласточка. – Надо сначала достать стрелу.

Девушка села на корточки перед женщиной. Долго не думая, разорвала ворот платья, оголив плечо. Наконечник стрелы упирался в кожу изнутри, однако не пробил ее насквозь.

– Придется пропихнуть, – сказала Ласточка и цокнула языком. – Фил, Сол, встаньте по обе стороны и держите ее крепко. Будем делать все быстро!

Толчок. Глаза женщины распахиваются, она издает дикий крик боли и начинает вырываться. Мы держим крепко, пока Ласточка обламывает стрелу и быстрым движением достает оставшееся в теле древко. Краем глаза я вижу движение и грозно осаждаю бегущую сюда девушку.

– Стой! Мы знаем, что делаем!

Незнакомка останавливается как вкопанная, однако глаз от этого действия не отводит. И ни один мускул не дергается на лице, как будто ей не в первый раз приходится видеть что-то подобное. «Кто ты, юная дева?»

В это время Ласточка достает стеклянную тару, наполненную вязкой жидкостью, зачерпывает ее и наносит на рану с одной и со второй стороны. Женщина в наших руках вновь обмякла, потеряв сознание от боли. А девушка же, наоборот,

наконец «оживает» и делает шаг к своей знакомой и втягивает носом воздух.

– Овечий жир, соль, лук–репка.

Ласточка хмыкает:

– Знахарка?

– Да, – соглашается девушка. – И она тоже.

– Ну, раз так, то перевязать ее сможешь? – спрашивает моя подруга, впервые окидывая девушку оценивающим взглядом.

Та кивает, и Ласточка отдает ей моток чистой ткани.

– Как хоть зовут тебя?

Девушка замирает, охваченная внутренними переживаниями, что так отчетливо видны на ее уставшем лице. Ласточка смотрит на меня, отмечая странность поведения незнакомки.

– Луна, – как будто смирившись с чем–то, произносит она. – Меня зовут, Луна!

Глава 5

Соловей

Я предложил девушке пойти лечь спать в моей палатке, пока мы присматриваем за ее тетушкой, по крайней мере, так она ее называла, пока перевязывала раны. Луна отказалась. Она села, опершись о дерево, и уложила голову женщины себе на колени. И так, перебирая волосы спутницы израненными пальцами, она и уснула.

– Теперь–то, ты нам все объяснишь? – как можно тише спросил Ворон.

– Дрозда нет в Темной крепости, – мои слова имели ожидаемый эффект.

– Что?!

– Как это понимать?

– Мы сделали не верные выводы и упустили огромное количество времени, – подытожил все Фил.

– Так какого демона, мы все тут рассиживаемся? – еле сдерживая себя, что бы не закричать, сказал Ворон. – Нам надо срочно выдвигаться!

– Согласна!

– Так–то это так. Но что насчет этих двух? – имея в виду

спящих, спросил Филин. И смотрел он в мою сторону. Как и все остальные. В их глазах я был полным идиотом, который привел в тайное место незнакомых людей.

– Кто это вообще такие?

– Это любовь с первого взгляда, да Соловей? – ехидно поддел меня друг.

– Заткнись! – прорычал я. – Посмотрите на них! Они не заслуживали участи остаться в тех стенах, учитывая, при каких обстоятельствах мы их оттуда вытащили.

– С этим поспорить не могу. Но, Соловей, что прикажешь с ними делать?

– Давайте дадим им поспать. И сами отдохнем, – пожав плечами, предложил я.

– А завтра?

– Завтра мы найдем способ с ними расстаться, а сами направимся в Виферн.

– Для чего? – поинтересовалась Ласточка.

– Разузнать, не отплывал ли корабль с заключенными в Столицу. Это единственное мое предположение, куда могли увезти Дрозда. – поделился я с друзьями своими мыслями.

– Думаю, в этом есть смысл, – согласился Ворон, и все остальные поддержали его. – Тогда я сегодня дежурю у костра. У вас ребята, и без того, день был более чем насыщенный.

Я не мог не согласиться. Уходя в Темную крепость, я и не думал, что все закончится именно так. Я должен был спасти друга и продолжить свою миссию, однако вместо этого я

спас чужачку. И вновь, как тогда у ручья, я не мог оторвать от нее своего взгляда, загипнотизированный ее необычной внешностью. Но если в прошлый раз я не хотел ничего про нее узнавать, то сейчас во мне проснулось чувство необходимости разгадать тайны этой девушки. На плечо мне легла рука.

– Герой, иди спать. Завтра тебе придется с ней расстаться, понимаешь? – будто прочитав мои мысли, тихо спросил мой верный напарник.

– Поверь, наша миссия для меня на первом месте.

– Скажи ты мне это еще день назад, я бы даже не усомнился. А теперь ты сидишь и ешь ее глазами.

– Перестань! – не выдержал я. – Это временное неудобство.

– Я на это очень надеюсь, друг. Очень надеюсь.

В голосе Филя чувствовалась неуверенность, которая мне безумно не понравилась. Я решил закончить разговор, уйдя в свою палатку.

Луна

Оказывается, с закрытыми глазами можно много чего услышать. Но это не означает, что ты что-то поймешь. Эти люди спасли нас, хотя это не входило в их планы, а значит, они не разбойники, лишенные чести. Правда, по разговору я поняла, что инициатором был Соловей. Но разве это меняло суть. Они не оставили Маршу умирать, позаботившись о ее ране, пока я была в отключке, а значит, не лишены сострадания. Я была благодарна им за все. В особенности за то, что они успели предотвратить.

Однако их лица, до сих пор были скрыты масками, а разговор не помог, что-либо узнать. Но я знала одно, что обьязана отправиться вместе с ними в Виферн, откуда начнется мой путь к Великому лесу. Я сделала единственный вывод из всей этой ситуации: если на земле есть люди, готовые помочь незнакомцам в беде, то пожалуй, мир заслуживает быть спасенным от Темных сил.

Но что же мне делать с Маршей. Я не могла взять ее с собой, потому что она была ранена. Но и оставить я ее одну я тоже не могла, по той же причине. Путь в нашу деревню был закрыт. Не было никаких шансов, что нас не будут искать. Беглянки из Темной крепости, да еще так называемые «ведьмы», подрывают репутацию сего ужасного места.

Мне нужен был совет. Но я также понимала, что должна привыкнуть решать свои проблемы сама, потому что в ближайшее время одиночество будет единственным моим спутником. Меня передернуло, а в груди разлилось непонятное тепло. «Неужели чувство страха и роковой неизбежности надолго поселится в моей душе?» Жар в груди усилился, и я осознала, что это мои не внутренние ощущения, а наружные. Заглянув в вырез платья, я оторопела. Кретч пульсировал. Во все стороны от него исходил тусклый свет и тепло, которое я сначала приняла за свои душевные переживания. И если сначала он доставлял не сильный дискомфорт, то сейчас обжигал кожу.

«Хоть бы кто памятку составил, как действует этот оберег!» – зло подумала я и запнулась. Слово «оберег» натолкнуло меня на одну мысль, и в голове с бешеной скоростью промелькнули слова матери: «Кретч держи при себе, он сможет предупредить тебя, если поблизости окажется кто-то из детей Тьмы».

– Да ты издеваешься! – не сдержала я своих эмоций, обращаясь к Судьбе. Поблизости был демон, и нам срочно нужно было уносить отсюда ноги. Я стала тихонько тормозить тетушку. Веки ее тяжело затрепетали и она открыла глаза. Взгляд был мутный, но я надеялась, что Марша быстро придёт в себя.

– Тетушка, нам надо убежать! Срочно! – зашептала ей на

ухо. – Боюсь, мы в огромной опасности! Кретч...

И говоря это, я осознала, что имею в виду только нас вдвоем. Но ведь рядом были еще люди, которых тоже нужно было предупредить. Оставался вопрос, как сделать это так, не раскрыв свой секрет. Тем более, что скорее всего, никто не примет мои слова за правду.

– Они... – хрипло начала Марша.

– Рядом, да! – закончила я за нее. – Давай помогу тебе подняться.

Наши движения привлекли человека, сидевшего возле костра. Но он лишь поднял голову от огня и вновь опустил, не придав этому большого внимания. Мало ли нас разбудила нужда. Всякое бывает.

По недавнему разговору, у меня сложилось впечатление, что Соловей, спасший нас, здесь главный. И я решила для очистки совести предупредить его, не впадая в подробности. Если он не поверит, то, по сути, я сделала все, что могла, и на мне не будет никакой вины. Так я себя успокаивала, пока шла к палатке спасителя, попросив тетушку недолго меня подождать.

Прежде чем побеспокоить Соловья, я немного потопталась у входа. Наедине с мужчиной я никогда не находилась, однако, отдернув себя за ненужные мысли, отодвинула ткань. Палатка была небольшой, но я все равно не рассчитала своего шага и споткнулась о тело мужчины. Не в силах остановить падение, я рухнула прямо на него. Соловей отре-

агировал молниеносно, поймав меня, он быстро перевернулся и оказался сверху. К моему горлу прижималась холодная сталь.

– Не убивай! – взмолилась я, перепуганная до смерти.

– Луна? – мужчина был явно озадачен. – Что ты здесь делаешь?

– Я все объясню, только убери, пожалуйста, от меня нож.

Мужчина встрепенулся, убрал руку от моей шеи и, перекатившись в бок, сел. Я тоже села, устремив взгляд в едва различимый в темноте силуэт. Я решила не терять времени.

– Нам всем надо срочно бежать отсюда! – начала я, когда мужчина вдруг зашевелился и начал к чему-то принашиваться. – Не спрашивай почему, просто поверь мне!

Но Соловей будто не слышал меня. Он продолжал сильно тягивать в себя воздух и, ведомый одному ему известным запахом, наклонился в мою сторону. Все ближе и ближе. Я опешивши, тяжело сглотнула, когда он пододвинулся ко мне вплотную. Его дыхание, коснулось моего уха, и по телу пробежали неведомые доселе мурашки. Все мысли в голове разбежались.

– Не шевелись и молчи, – донесся до меня едва слышный шепот. Когда его ладонь просунулась между моей рукой и талией – я даже перестала дышать. Соловей пододвинулся еще ближе, чуть навалившись на меня своей мускулистой грудью. В миг, когда я была готова возмутиться, звенящая тишина вокруг нас лопнула, палатка взмыла вверх и позади себя я

услышала самый пугающий звук за всю свою жизнь.

Соловей отпихнул меня в сторону. В руках у него, освещенный светом луны, блеснул меч, который он и искал за моей спиной мгновением ранее. А перед ним стояло нечто невообразимо ужасное. Черная узкая голова была увенчана десятками мелких искривленных рогов. На морде чудовища были две пустые глазницы, горящие красным светом и расщелина с большими острыми клыками, откуда вырывался адский рык. Туловище демона было высоким и тощим, а из деформированной грудины торчали ребра, будто их кто-то раздвинул в стороны. Длинные верхние конечности заканчивались колющими, на которые чудовище то и дело опускалось, легко пробивая твердую почву под ногами. Задние лапы напоминали волчьи, с пятью острыми когтями.

От страха я не могла пошевелиться, тогда как Соловей не мешкал. Он сделал шаг к демону, целясь ему прямо между ребер. Однако существо, несмотря на свой массивный и неуклюжий рост, действовало достаточно проворно. Рука-копье с легкостью парировало удар за ударом, отпихивая воина назад. Одному мужчине было с ним не справиться. И слава богам, краем глаза я заметила движение. Друзья Соловья спешно обступали чудовище со всех сторон. Ко мне бежала Ласточка, махнула рукой, чтобы я отошла и дала ей место для манёвра, однако я не успела. Соловей все же смог ранить демона, полоснув его по животу. От боли, тот стал размахивать своими руками и задел меня, откинув со всей силы

к ближайшему дереву, вместе с бегущей ко мне девушкой.

От сильного удара моя спина прогнулась, и пуговицы на вороте платья не выдержали, отлетев в разные стороны. Не сдерживаемый тканью, кретч выскочил наружу, тускло осветив поляну. Все вокруг и не заметили этого, однако демон, вдруг забыв про своего противника, развернулся и понесся прямо на нас с Ласточкой.

Воительница среагировала моментально, оттащив нас в сторону от дерева, в которое со стремительной скоростью вонзилось одно из копий демона. Разъяренный, он попытался достать свою конечность, но она застряла. С одного и со второго бока от монстра возникли два силуэта. И еще один появился прямо перед чудовищем, проехавшись по земле между его ног. Соловей перетянул внимание демона на себя, и его собратья, воспользовавшись моментом, отрубили его верхние конечности одну за одной. Потерявший равновесие монстр сделал пару шагов назад, а потом и вовсе рухнул на землю. Не теряя времени, Соловей разбежался и со всей силы всадил меч в грудь адского чудовища.

Филин и Ворон кинулись в рассыпную.

– Ложись, – крикнула мне Ласточка, утягивая меня на землю.

Рев монстра оглушал, но я все равно подняла голову, чтобы удостовериться в поражении демона. Однако, несмотря на меч в груди, он продолжал извиваться, норовя скинуть с себя Соловья. Тот держался за свое оружие двумя руками и одно-

временно вдыхал в себя как можно больше воздуха. А затем, резко вырвав меч, он начал свистеть. Звук был такой силы, что земля взметнулась и полетела в разные стороны вместе с ошметками разорванного монстра.

Я лежала, обхватив руками голову, пока вокруг не стало тихо. Медленно, оторвав ее от земли, я вновь кинула взор на место событий. И хотя пыль еще не осела, это не помешало мне заметить черный сгусток тьмы, направляющейся к вытянутой ладони Соловья, будто затянутый в невидимую воронку. Через мгновение дымка исчезла, а мужчина опустил свою руку.

Развернувшись в нашу сторону, я увидела его взгляд, полный ярости и гнева. И сейчас, когда на нем не было маски, в рассветной заре, я, наконец, смогла разглядеть его лицо. Четко очерченный волевой подбородок с недлинной бородой, высокие острые скулы, прямой нос и слегка припухлые губы, делающие резкий облик менее грозным. И хотя горящие неукротимой мощью глаза сейчас должны были пугать меня, но сейчас во мне просто не осталось места для страха. Больше меня сейчас волновало другое.

– Где моя тетушка? – взволнованно спросила я, окидывая развороченную и выжженную поляну взглядом, но не находила Маршу. Ласточка схватила меня за руку, привлекая к себе внимание.

– Успокойся! Она в безопасности, вместе со Стражем.

– Он скрыл их на время битвы, – подходя к нам, подтвер-

дил Филин. С ним же подошли и Ворон с Соловьем. Не обращая на друзей внимание, он вырвал мою ладонь из руки девушки и потащил в сторону.

– Мне больно.

Я попыталась ослабить хватку мужчины. Он остановился, но ладонь не разжал. Теперь я отчетливо ощущала на его пальце кольцо, которое впилося мне в руку.

– Откуда ты знаешь про демонов? – раздраженно спросил Соловей.

– Я не...

– Давай без этого! Это из-за него бьёш нашел нас? – отпустив, наконец, мою руку, мужчина указал на кулон. Запоздало спохватившись, я запахнула платье, где до этого Соловью была видна пикантная картина. Но мужчина лишь скептически приподнял бровь, показывая, что увиденное не сильно его интересует.

– Нет! – очень резко ответила я, почувствовав необъяснимую обиду на реакцию наглеца.

– Тогда, что это?

– А что за кольцо у тебя на пальце? – вопросом на вопрос огрызнулась я, ощущая, как внутри свирепствует негодование.

– Значит так?

– Так!

Соловей сделал шаг, нависая надо мной с высоты своего немалого роста. Я же запрокинула голову и пристально уста-

вилась в его глаза, не позволяя себе проиграть даже в бессловесной перепалке.

Соловей сдался первый. Закрыв глаза, он громко выдохнул и отступил. С моих плеч как будто упал невидимый груз давящей энергетики мужчины.

– Вот и что мне с тобой делать? – как-то устало спросил он, не обращаясь ко мне лично.

– Вы собирались идти в Виферн, вот и идите.

– А она у нас оказывается любительница подслушивать, – раздался за моей спиной голос Филадельфии, а я дала себе мысленный подзатыльник, за свою неосмотрительную болтливость. Мне пришлось встать в пол оборота, чтобы увидеть его улыбку, в которой явно не хватало зубов.

– Кто-то любит перебивать? – Соловей недовольно бросил своему другу.

– Еще чуть-чуть и от вас бы полетели молнии. Мне показалось, что вы либо поубиваете друг друга, либо займетесь более интересными делами, позабыв про остальных. Я же решил спасти всех от любого из этих зрелищ.

Мое лицо запылало.

– Да за кого вы меня принимаете? – моему возмущению не было предела. – Отведите меня к моей тете и мы разойдемся!

На удивление мужчины не стали со мной больше спорить. Филин кивнул мне, указывая куда за ним следовать, а задумчивый Соловей, отвернувшись от нас, остался стоять на месте.

– Ты уж прости меня, – примирительно начал здоровяк. Коренастый, широкоплечий, он хоть и был на голову ниже Соловья, на его фоне совершенно не терялся. Я заметила, что он практически всегда шутит, но, несмотря на это, чувствовалось, что он не так прост, как хочет казаться. Это можно было понять по раскосым карим глазам, которые, за своим озорством скрывали острый ум и рассудительность.

– Не стоит, – ответила я. – Наши дороги сейчас расходятся, а значит нет смысла пытаться подружиться. Я вам очень благодарна, за то, что вы сделали для нас с тетужкой. Но обузой по дороге в Виферн я быть не хочу.

– Вы тоже туда направляетесь? – заинтересованно спросил Фил.

– Нам больше некуда идти. А в городе живет хорошая знакомая тетужки. Возможно, она сможет нас приютить на первое время.

За этот короткий разговор, мы успели подойти к костру. И из воздуха, как из масла, вышел тот самый Страж, внешность которого была столь непропорциональная, что мне приходилось отводить взгляд, чтобы не глазеть. За ним из дерева вышла Марша.

Я подбежала к ней и аккуратно обняла, стараясь не задеть раненое плечо. На бледном лице тетужки появилась улыбка, и я не могла не улыбнуться в ответ.

– Ты в порядке?

– Это я у тебя должна спросить! – Марша попыталась здо-

ровой рукой ощупать меня, но я перехватила ее ладонь и нежно сжала.

– Я немного напугана, но не ранена.

– Это был демон?

– Это был бьёш – низший демон, – сказала подошедшая к нам девушка, заплетая в косу свои длинные рыжие волосы, растрепанные после сражения. На ней также не было маски. Видимо мы прошли некое посвящение, после которого не было смысла скрывать свои лица.

– Надо отметить, самый тупой. Будь здесь кто–то рангом выше, боюсь так просто мы бы с ним не справились. – пояснил Ворон и встал возле нас.

Вся остальная компания подтянулась. Соловей выглядел все также грозно, но яростный блеск в глазах потух. Фил, что–то шепнул ему на ухо, и мужчина обдумав услышанное, утвердительно кивнул.

– Учитывая произошедшие события, мы можем предложить сопроводить вас в Виферн, – начал он. – А в городе наши пути разойдутся навсегда.

Соловей протянул мне свою руку, и я, посмотрев на Маршу, которая согласно кивнула, уверенно пожала его ладонь.

Глава 6

Соловей

Коротко посоветовавшись с друзьями, мы решили перебраться на другой берег и идти вдоль главной дороги в город, но не высовываясь из леса без надобности. Марша и Лúна, признались, что опыта в подобных путешествиях у них ранее не было, поэтому соглашались со всеми нашими словами. Так мы и отправились в Виферн. Молча, друг за другом, каждый в своих мыслях.

Я был очень зол. Но не на девушку, хотя скорее всего, она все приняла на свой счет. Я злился на себя, из-за того, что расслабился. Если бы Лúна не пришла в мою палатку, то неизвестно, как бы все закончилось. Я должен был почувствовать демона, меня учили этому с самого детства. На мою голову забивали ненужные мысли. Мысли о моей новой знакомой. В ней было что-то, чему я не мог найти описания. Некий флер, сладкий-сладкий, как запах цветущего жасмина. Но почему это выбивало меня из колеи? Я должен был взять себя в руки. «Мы проведем их до города, и я забуду про нее» – пытался успокоить себя я, но, если честно, получалось отвратно.

– Друг, что–то ты совсем молчаливый сегодня, – голос Ласточки вырвал меня из плена размышлений.

– Я вас подвел.

– Ты вовремя проснулся. Демон убит, никто не пострадал. Не вижу смысла заниматься самоедством.

– Верно говоришь, – поравнявшись с нами сказал Фил.

– Это она меня разбудила, – указал я головой в сторону девушки.

Друзья оглянулись назад, где шла Луна в отдалении от всех. Тетушка же ее сейчас отвлеклась и вела беседу с Вороном. Переглянувшись, Фил и Ласточка дружно издали:

– О–о–о...

– Да нет же! Вы не так поняли!

– Да ладно тебе, все мы взрослые люди. Если девушка хотела отблагодарить... – но договорить Фил не успел, потому что я пихнул его, прерывая поток срамных мыслей друга.

Напарник захохотал и потянулся ко мне, как будто пытаюсь поцеловать. Ласточка рядом весело смеялась.

– Она хотела предупредить о приближении демона.

Друзья сразу посерьёзтели.

– Думаешь, она такая же, как мы?

– Не думаю, – но ответ прозвучал не так уверенно, как мне бы хотелось. – Либо она не знает о своих способностях. Что маловероятно. Тут скорее, что–то еще.

– И?

– И ничего! – я непроизвольно сжал кулаки. – В Виферне

у нас есть куда более важные дела. Не думаю, что наши новые спутницы должны нас сильно беспокоить.

Друзьям пришлось закончить этот разговор. Однако, я то и дело ловил на себе их тревожные взгляды.

До города было два дня пути и два ночных привала. И я решил, что буду стараться избегать общества Луны на столько, на сколько это будет возможным. Но это не мешало мне изредка смотреть в ее сторону и даже заметить ответные взгляды. И хотя девушка всегда спешно отворачивала свою голову, в моей груди все равно разливалось непонятное, но приятное тепло.

Сегодня самой главной нашей задачей было пересечь реку до захода солнца. Ближайший мост был в речной деревушке, а так как туда заходить мы не собирались, нам нужно было отыскать брод. Мы шли вдоль реки, пока я не заметил рябь на поверхности воды и выступающие камни, довольно плоской формы. С помощью длинной палки Фил помог мне исследовать дно на предмет омутов, глубоких ям, коряг, тины, поскольку их наличие могло стать серьезным препятствием при переправе.

С нами были два раненых человека, а значит сами они перейти по камням не могли. Помимо этого, у каждого на спине была тяжелая сумка, что усложняло нашу переправу.

– Ласточка, веревка у тебя? – обратился я к своей подруге.
– Нет. Она в сумке у Луны.

Мне пришлось перевести свой взгляд к той, кого я так

упорно игнорировал последнее время.

– Луна, достань, пожалуйста, веревку и дай Ласточке. – попросил я как можно более равнодушно. – Лас, привяжи к дереву.

– Без проблем. Поможешь мне? – попросила она рядом стоящую Луну, и та с готовностью согласилась.

Все остальные сложили свои сумки у самого берега, чтобы потом быстро привязать их к перетянутой веревке. Я взял другой конец и направился к Филину, который ждал меня на другом берегу. Быстрыми умелыми движениями, веревка была привязана и натянута. Проверив на прочность все еще раз, мы вернулись, аккуратно ступая по тем камням, где было сухо. Спешно переправили вещи, и теперь нам предстояло перейти всем вместе.

– Аккуратно, свободным узлом привязываем себя к веревке и попарно переходим. Более сильным помочь раненым.

– Я справлюсь и сам!

– Ворон, не начинай, – оборвала его подошедшая к нему Ласточка. – Не хватало потом из-за твоей гордости искать твое всплывшее тело.

Щеки мужчины надулись и покраснели, но девушка уверенными движениями успела обвязать его и себя. Следом за ними пошли Фил и Марша. И передо мной предстала дилемма: помочь перебраться Стражу, нога которого была чуть короче другой или помочь Луне? Но, честно говоря, это были глупые мысли, потому что я прекрасно знал, Страж, несмот-

ря на свою неполноценность, способен перейти без моей помощи. А девушка одна все равно бы не справилась. Я просто всячески тянул время, отодвигая неизбежное.

– Страж?

Тот лишь косо посмотрел на меня, легко привязывая себя к веревке и ступая на камни.

– Если я тебе так сильно неприятна, то я вполне могу справиться сама! – зло бросила мне девушка, неумело формируя свободный узел. Закатив к небу глаза, я отобрал у нее веревку и надежно завязал.

– Нам придется немного труднее всех остальных, потому что мы должны перетащить с собой другой конец веревки. Так что медленно, шаг за шагом, будем передвигаться от камня к камню, хорошо?

– Хорошо, – от былой бравады ни осталось ни следа, в глазах девушки горела тревога.

– С тобой ничего не случится, – решил успокоить я ее. – Обещаю.

Луна

Перебрались мы без каких-либо происшествий. На самом берегу Соловей, крепко держа меня за руку, помог мне ступить на твердую землю. Развязав на мне узел, он вдруг наклонился вперед и прошептал:

– И кто сказал тебе, что ты мне неприятна?

Я уставилась на мужчину, но он, отвернувшись, направился к остальной компании, оставив меня стоять в растерянности. И как мне его понимать? После нашего соглашения на поляне, он ни разу со мной не заговорил, показывая всем своим видом, как ко мне относится. Но, я была полным профаном по делу отношений между мужчинами и женщинами, поэтому я, видимо просто не так его поняла. И, решив не забивать свою голову ненужными мыслями, пошла в след за ним.

Этот день оказался самым спокойным за последнее время. После стольких событий, возможность просто шагать по лесу, вдыхать свежий воздух и слышать, как где-то поблизости стучит дятел, освещала мою душу радостью. Даже те тушка, несмотря на свою бледность, как будто сияла, разговаривая с Вороном. С виду мужчине было лет сорок, в кудрявых черных волосах, достающих до его плеч, кое-где, уже была видна седина. На лбу виднелся старый шрам. Выгля-

дел он достаточно грозно, как и все наши новые знакомые, однако его глаза горели мягким светом. Особенно, это было заметно при разговоре с Маршой. Его вечное недовольство, проявлявшееся довольно часто, куда-то исчезало, а тетушка, то и дело хохотала над его историями, чего раньше за ней никогда не наблюдалось. И сейчас она выглядела такой молодой и красивой, что я не решилась мешать, напомнив себе, что мы скоро разойдемся.

За пару часов до заката нужно было найти место для ночлега.

– И как вы его выбираете? – обратилась я с вопросом к Ласточке.

– Все не так сложно, как может показаться, – охотно стала делиться со мной знаниями рыжеволосая девушка. – Во-первых, место ночёвки не должно находиться в овраге. Как думаешь, почему?

– Чтобы нас не подтопило?

– Совершенно верно! – радостно воскликнула она на мой ответ. – Поэтому ищем возвышенность. От реки не отходим далеко, рядом должна быть проточная вода. Однако, близко возле нее мы не будем останавливаться, а то от шума непрерывного потока могут возникнуть слуховые галлюцинации.

– Как интересно! – к нашей беседе присоединилась заинтересованная Марша.

– Правда, с появлением Стража, это нам не грозит, скорее это укоренившаяся привычка, – Ворон тоже решил поучаст-

зовать в нашем разговоре.

– Да, он у нас мастер, если дело касается искажения пространства, – похвалила Ласточка вечно молчаливого Стража. И хотя он сделал вид, что ему все равно, о чем мы говорим, на лице все же промелькнула довольная улыбка.

– Это его дар? – заинтересованно спросила я.

Девушка вдруг потеряла былой азарт и тихо сказала:

– Любые проявившиеся способности – это дар, но появляется он только у проклятых Бааш.

Ускорив шаг, она обогнала нас и путь продолжила уже с Филом и Соловьем, которые шли чуть впереди.

– Я что–то не так сказала?

– Каждый из нас имеет кое–какие способности, но поверь, появились они у нас не от счастливой жизни, – рядом раздался голос Ворона. – Стража, например, из–за его внешности, всегда дразнили и насмехались над ним. А однажды, пьяные ублюдки, не считавшие его за человека, решили связать его и покидать в него ножи, как в мишень. В конце отрезали ему язык и бросили истекать кровью. Ему повезло, что рядом был мужской монастырь, и его случайно нашли и выходили. И вот именно после этого инцидента в нем и проявились способности. Так что сама суди, можно ли назвать это даром.

Я бросила печальный взгляд на Стража и, задумавшись, столкнулась с кем–то стоящим передо мной. Сделав шаг назад и поднимая голову, я не сразу понимала в кого я все–

таким образом. «Ох, Боги!»

– Я вроде как не такой уж незаметный, – ухмыльнувшись отозвался Соловей.

– Прости! – буркнула я, но мужчина уже смотрел поверх моей головы, раздавая всем задания. Видимо, пока мы разговаривали, место для ночёвки было успешно найдено.

– Соберешь хворост вместе со Стражем? – вдруг обратился ко мне мужчина. – Нужно успеть все, пока солнце окончательно не село.

– Конечно, – согласилась я. Отношения между нами все еще были натянутыми. Но он со мной хотя бы разговаривал, и уже этого было достаточно, чтобы моя грудная клетка вдруг потеплела с левой стороны.

Стемнело. Костер задорно трещал, а над ним жарился подстреленный Ласточкой упитанный заяц. Пока готовилась еда, мы с Маршей решили поменять повязку на ее плече.

– Гляну–ка я руку Ворона, раз уж у нас тут такой лазарет развернулся, – сказала мне Ласточка, протягивая склянку с мазью. – никогда же сам не попросит. Ох уж эти мужики!

Мы сели с Маршей в отдалении от всех, чтобы не привлекать большого внимания. Оголять плечо, когда ее жизни ничего не угрожало, в присутствии мужчин тетушка посчитала неприличным.

– Скоро мы доберемся до города, – начала я разговор, на который мы до этого так и не нашли времени. – Как думаешь, Сорша не откажется дать тебе кров?

– Что значит мне? – удивилась она. – Я думаю, первое время мы, конечно, побудем у нее, а потом найдем себе жилище. С нашими умениями не пропадем.

– Тетушка, я не могу остаться.

– Ты что удумала? – громко воскликнула она и вся компания у костра кинула на нас вопросительный взгляд.

– Тс–с–с!

– Только не говори, что ты собралась отправиться «туда»? – уже шепотом спросила Марша, в глазах ее собиралась туча.

– Да!

– Ты с ума сошла! Ты же сама видела то существо! – негодованию тетушки не было предела.

– Как раз поэтому я и должна! Как ты не понимаешь? Это подтвердило все слова матери и если я не успею, весь мир наполнится этими существами!

– Значит, я отправлюсь с тобой!

Я хотела возразить.

– И это не обсуждается! – запахнув ворот платья, Марша, отвернувшись от меня, застегивая пуговицы. Я не хотела с ней ссориться, поэтому оставила все как есть. Одно я знала точно: ей придется принять то решение, которое выберу я. Хочет она этого или нет. А сейчас пусть думает, что последнее слово осталось за ней. Я села к Марше поближе и поцеловала в щеку. И тетушка оттаяла, легонько приобняв меня здоровой рукой.

– Луна. Марша. Вы не могли бы подойти? – раздался с другого конца голос Ласточки, которая озадаченно смотрела на руку Ворона.

Мы быстро обошли костер и направились к девушке с мужчиной. Одного взгляда на руку было достаточно, чтобы понять, что дело плохо. В месте сгиба кисти рука сильно опухла, но больше всего в глаза бросалась сильная гематома.

– И ты молчал! – воскликнула Марша, негодуя. – Вокруг тебя столько людей, способных тебе помочь, а ты не можешь попросить?

– Да она и не сильно–то болела! – захорохорился Ворон, но перестал, увидев обеспокоенное выражение лица Марши. – Что, все так плохо?

Я же, не теряя времени, стала искать вблизи две длинные палки, которые можно было бы привязать к руке.

– Тебе помочь? – за моей спиной раздался вопрос. И голос спрашивающего почему–то вызвал по моему телу мурашки.

– Если не сложно, можешь нарвать лоскутами любую ткань, чтобы мы могли зафиксировать руку Ворона? – ответила я Соловью.

– Почему вы так всполошились? У него и раньше случались переломы. Ему, конечно, долго восстанавливаться, но в итоге рука же все равно срастётся? – прозвучало скептически.

Я выпрямилась во весь рост, чтобы посмотреть мужчине прямо в глаза.

– У твоего друга с каждой секундой все больше вероятность остаться без руки. Мы с Маршей не в силах оказать ему нужную помощь в таких условиях. С этим справятся только городские лекари. – в порыве нахлынувших эмоций я ткнула в грудь Соловья пальцем. – И если ты хочешь, принести хоть какую-то пользу своему другу, то будь так любезен, сделай то, о чем тебя попросили, пока я ищу все остальное!

Видимо выражение моего лица подсказало мужчине, что сейчас со мной лучше не спорить, и он ушел. Когда я все-таки смогла отыскать нужные палки и подошла к костру, Соловей сидел в кругу друзей, а у Марши я заметила нарванную ветошь.

Ворон кривился от боли, когда мы пытались зафиксировать ему руку, но ни одного звука не издал. И мне показалось, что боль в своей жизни он испытывал не единожды. Когда вся работа была сделана, Марша озвучила наши общие опасения:

– Боюсь, если мы не доберемся до города за завтрашний день, то руку Ворона будет не спасти, – тетушка грустно посмотрела на притихшего мужчину, хотя тот и не подавал вида, что его пугает такая перспектива.

Все молчали, и я перевела взгляд на Соловья, который сейчас выглядел более задумчивым, чем за все то короткое время, что мы были знакомы. Он потирал пальцами свою бороду и брови его то и дело хмурились.

– Значит, завтра мы будем идти без перерыва, – наконец

произнес он. – И если придется, где–то будем передвигаться бегом.

Соловей обвел всех взглядом и дождался, пока каждый кивнул, соглашаясь с его решением.

– А сейчас, советую всем поспать. Встаем через четыре часа.

Глава 7

Луна

Вещи мы собирали в темноте. Ворон то и дело пытался навязать свою помощь, но каждый из нас отмахивался, уговаривая его побережь свои силы. Соловей вел нас умело блуждая между деревьями. Он лавировал так уверенно, что в мою голову закрадывались мысли о том, что этот человек в темноте видит также хорошо, как и днем. И после всего, что я видела за прошедшие пару дней, я бы совсем этому не удивилась, а в нашей ситуации – даже обрадовалась.

Марша шла за мной тяжело дыша. Я переживала за нее, но по решительному лицу было понятно, что она не потерпит ни капли жалости с моей стороны. И потому, я просто взяла ее за руку, скорее для своего спокойствия, чем для ее.

В непроглядной лесной тьме было зябко и сыро, все вокруг казалось смазанным и ненастоящим. Не было понятно, какое расстояние мы уже преодолели и сколько времени на это ушло. От всеобщего молчания настроение было не самым веселым. Хотелось поскорее добраться до города.

В какой-то момент тень передо мной пропала и мне с тетушкой пришлось остановиться, чтобы определить куда ид-

ти дальше. Впереди и сзади не было слышно никаких шагов.

– Может, позвать их? – обеспокоенно осмотревшись, спросила Марша.

– Луна! Марша! – раздавалось где-то недалеко.

Мы спешили на зов, но в какой-то момент моя нога зацепилась за корень и я, выпустив руку Марши, полетела прямо. Полет мой продлился дольше, чем можно было ожидать – впереди был овраг, в который я и упала. Прокатившись по склону несколько раз, я всеми силами пыталась остановить свое падение, цепляясь пальцами за торчавшие из земли корни. Но влажная ночная земля не позволяла мне этого сделать. В итоге проделав еще несколько оборотов, я, со всей силы ударившись боком, оказалась на дне оврага.

Адская боль пронзила тело, выбив дыхание. В нос и горло залилась дождевая вода, заставив закашляться. Скрючившись на боку, полностью испачканная в грязи, я старалась не завывать в голос. Собравшись с духом и переведя дыхание, открыла глаза и уперлась взглядом в острый колышек, торчащий из земли. Приподнявшись, увидела, что все дно оврага усеяно остроконечными, гладко обтесанными кольями. Мне же просто посчастливилось упасть между ними.

Сверху кричала Марша.

– Луна!

– Все в порядке, – попыталась успокоить ее хриплым голосом.

– Ты не ранена?

Я встала. Тело саднило, но резкой боли нигде не чувствовалось. Ощупав себя, я поняла, что серьезных повреждений нет, однако вся моя одежда была изодрана. Мокрое платье прилипло к телу, и от холода тело била крупная дрожь.

– Нет!

– Мы сейчас ее достанем, – сверху раздался уверенный голос Соловья.

Где-то рядом я услышала глухой удар.

– Луна, цепляйся со всей силы руками за веревку. Мы тебя вытащим, девочка!

Я нашла ее конец, дернула и почувствовала, как сверху меня начали тянуть. Мокрые руки то и дело соскальзывали с веревки, а ноги не могли найти опоры на влажном склоне. Мне казалось, что это мучение не закончится никогда, пока меня за шиворот кто-то не схватил и не вытащил на прямую землю. Я не стесняясь окружающих, перекатилась на спину и раскинула руки в стороны. Вокруг меня собралась вся наша разношерстная компания, лица которых я могла уже рассмотреть благодаря пробивающемуся сквозь ветки солнцу. Эта картина, где я в мокрой изодранной одежде валяюсь в грязи показалась мне такой комичной, что я сначала приснула, а потом расхохоталась во весь голос.

– Марша, я бы на твоём месте осмотрел её голову, – встревоженно промолвил Филин. – Видимо она сильно ударилась!

Тетушка растерянно смотрела то на меня, то на стоящего перед ней мужчину, а я так и продолжала смеяться.

– Я просто представила, как смешно бы было, после победы над демоном погибнуть в ловушке, словно животное! – заикаясь, произнесла я и почувствовала, как к горлу подкапывает тошнота от пережитых эмоций. Чтобы окончательно не опозориться, встав на колени, я отползла к соседним кустам, где из меня вышла вся вечерняя еда.

Сбоку ко мне подошла Ласточка и опустилась на корточки.

– Как ты себя чувствуешь? – заботлива спросила девушка.

Я обтерла рукавом своего изодранного платья рот и, пожав плечами, произнесла:

– Пугалом?

На лице у рыжеволосой красавицы отразилась улыбка. Ее мягкие зеленые глаза лучились добротой и заботой. Никто не смотрел на меня так, кроме Марши, отчего я была еще больше смущена.

– Ну, раз ты шутишь, значит все не так уж плохо. Вставай!

Она крепко ухватила мою руку и помогла подняться. Затем завела за дерево и, порывшись в своей необъятной сумке, начала доставать оттуда одежду. Штаны, укороченную котту и кожаный корсет, который она помогла мне зашнуровать у меня на животе. Теперь я стала похожа на воительницу. С натяжкой.

– Спасибо!

– А тебе идет!

– Но почему ты мне помогаешь? Какое тебе до меня де-

ло? – непонимающе спросила я, уставившись на девушку.

– Во–первых, Соловей признался, что это ты предупредила его про демона... – начала девушка.

Я попыталась возразить, но Лас подняла указательный палец к своим губам и продолжила.

– Я ни о чем тебя не спрашиваю. А во–вторых, вы все же на короткое время часть нашей команды, а мы привыкли помогать друг другу! – весело сказала девушка, подмигнув мне. – Пошли, мы и так сильно задержались!

Из–за всей суматохи я совсем забыла про Ворона, а по моей вине мы растратили непозволительно много времени. Подходя к нашей группе, я боялась, что на меня обрушится шквал осуждения, но все смотрели с тревогой и сочувствием. Только один взгляд отличался от остальных. Впившись в мое лицо, будто изучая или силясь что–то понять, Соловей держал меня под гипнозом казалось целую вечность. Но потом, как и обычно, отвернулся.

– Нам надо торопиться!

Так как время поджимало, нам пришлось бежать. Благо, света стало больше и продвигаться было намного проще, не боясь свалиться в очередную звериную ловушку.

Тело болело, в горле начинало драть от подступающей простуды, но жаловаться было выше моего достоинства. Тем более рядом бежала Марша, рана которой была намного серьезнее. Ворон бежал за нами, придерживая свою руку другой, и то и дело выдыхал из своего рта воздух. Его темные

усы подскакивали в такт бега. Нам всем сейчас было нелегко.

Вдруг тетушка остановилась и закашлялась.

– Я больше не могу! – простионала она. – Мы только задерживаем вас! – воскликнула Марша, обращаясь к подошедшему Ворону.

– Передохни, время еще есть, – легко похлопав ее по спине, сказал мужчина, но смутившись, убрал руку. Все остальные, заметив, что мы вновь отстали, спешно вернулись обратно. Это явно не доставляло лидеру группы никакого удовольствия.

– Что опять? – раздражённо спросил он.

– Марша устала.

– У нас нет на это времени!

– Но она не может больше бежать!

– Ей придется, если мы хотим успеть в город до начала ночи! – Соловей был непреклонен.

– Оставьте нас, мы доберемся сами, – мои слова звучали твердо, хотя внутри такой решительности я не ощущала. – Нам не к чему так спешить.

– Тогда и я с ними останусь, – подходя к Марше, Ворон уверено сжал ее ладонь.

– Ворон, не глупи! – попытался вразумить его Филин, но его друг лишь яростно полыхнул глазами.

– Мы не бросаем своих, так ведь, Соловей?

– И когда же они успели стать своими? – голос мужчины был пропитан негодованием.

На удивление в разговор встряла Ласточка:

– Тогда, когда мы отправились в путь все вместе!

– Не забывайте, что мы находимся совсем рядом с главной дорогой, – напомнил всем Филин. – И если мы продолжим в том же духе, то нас точно кто–то услышит.

Соловей воздел глаза к небу, прикрытому кронами высоких деревьев и вдруг замер, как будто в его голову пришла мысль.

– А это хорошая идея! – похвалил он Филя, хотя тот, так и не понял за что.

– О чем ты?

– Дорога! – глаза его блеснули озорством. – Нам нужны лошади!

Соловей

«Эта девчонка просто приманка для неприятностей» – думал я, сидя с Филом в кустах возле дороги. Сейчас мы очень рисковали наткнуться на патруль, отправленный на наши поиски. А все из-за лишнего груза, привязавшегося к нашей компании. Нам нужно было найти подходящих проезжих и незаметно свести их с дороги. Страж стоял в отдалении от нас и ждал, чтобы вовремя исказить дорогу и привести их прямо к нам. Вредить кому-либо мы тоже не собирались, поэтому Филин сейчас медитировал. Ему предстояло усыпить не одного человека, а это было очень энергозатратным занятием.

Время безудержно бежало, а на дороге не было никого. Я заметно занервничал. Хотелось плюнуть на эту дурацкую затею, но наконец-то вдалеке послышался цокот копыт. На дорогу выехала карета, запряженная двумя лошадьми. Я понимал, что возможно, другого варианта у нас не будет, поэтому тихонько свистнул Стражу. Тот даже голову в мою сторону не повернул, но мир вокруг вдруг смазался, а дорога искривилась.

Возница на секунду замешкался, пытаясь понять, что произошло, но, видимо, списав все на сильный солнцепек и обман зрения, не придал увиденному никакого значения. И

только когда, прорвав реальность и заметив перед собой трех незнакомцев, он попытался закричать. Но не успел – глаза его закатились, и он кульнувшись в сторону, упал на бок.

Я в это время успел запрыгнуть и ухватить лошадей за вожжи. Кони резко затормозили, и из кареты послышались недовольные возгласы. Дверца открылась, представив нашему взору великовозрастную леди, на тощем иссохшем лице которой отразилось все ее негодование. А потом уже и понимание, что сейчас происходит что-то из ряда вон выходящее. Фил стянул ее со ступеней и посмотрел в глаза. Та сразу рухнула на землю.

– Колотильда, что стряслось? – послышался раздраженной голос. Принадлежал он молодой девушке, что еще была скрыта внутри. Не дождавшись никакого ответа, леди решила проверить все своими глазами. В проеме двери сначала появились поля необъятной шляпки лимонного цвета, из под которой невозможно было разглядеть их хозяйку. Пышное, в тон шляпе платье с трудом протиснулось в дверь. И только после того, как элегантная особа смогла спуститься вниз на землю, она посмотрела на нас.

Пухлое, по-детски наивное, в обрамлении двух ловко завитых локонов, лицо можно было назвать милым, однако тонкие поджатые губы и блеклые голубые глаза портили всю картину. В отличие от своей наставницы, девушка, видимо, не понимала, что сейчас происходит.

– Кто вы такие? – чуть ли не топая своей ногой, спросила

она. – Я, леди Эльзабэт тир Коннант, требую представиться!

Ее писклявый голос разносился по округе, что грозило нам еще большими неприятностями. Фил сделал к ней шаг.

– Боюсь, леди, мы те, кто позаимствуем вашу карету! – и, не дав девушке полностью осознать смысл сказанного, пристально посмотрел ей в глаза. Отчего та, так же как и ее спутница, упала в руки слегка покачнувшегося Филина. Сил он потратил больше, чем планировал.

Мы оттащили три тела и привязали их к ближайшим деревьям, где их не было бы видно, но можно было бы услышать, когда они придут в себя.

– И что теперь? – спросила Ласточка, когда мы все собрались возле кареты. – Вроде ты говорил только про лошадей.

– Нам придется довольствоваться тем, что предоставила судьба.

– Но карета очень заметная!

– Что мы будем делать, если нас остановят в воротах города?

– У меня есть план! – я прервал поток вопросов.

– И какой же? – спросил Ворон, скептически глядя на меня.

Я же перевел свой взгляд на привязанных к дереву барышень, а потом на наших спутниц. Конечно, у Лúны не было таких пухлых щек, а об острые скулы вообще можно было порезаться, но по комплекции, она вполне могла сойти за леди Эльзабэт. Главное – шляпу не поднимать. Марша же иде-

ально подходила на роль наставницы девушки.

– Устроим представление с переодеванием.

Луна

Сидя в тесной карете, в пышном желтом платье, усеянном мелкими переливающимися камнями, я не верила, что мы это сделали. Я не верила, что мы вообще на это согласились. Закрытая повозка была рассчитана на шесть человек, но наши новые знакомые явно имели более широкую комплекцию, на которую рассчитывали проектировщики. Соловей и Филин вдвоем сидели напротив меня, тетушки и Ворона, который не отходил от Марши ни на шаг. Страж сидел снаружи, изображая немого извозчика, а Ласточке пришлось забраться на крышу и стать невидимой.

Я не могла расслабиться, все повторяя про себя: «Я, леди Эльзабэт тир Коннант». Чтобы в случае чего не забыть. Шляпу я держала у себя в руках, нервно перебирая каждый миллиметр изделия. Но больше всего меня нервировал обжигающий взгляд мужчины напротив. Я старалась не обращать на это внимание, отчего мне пришлось уставиться в окно, на мелькавший пейзаж, от которого меня то и дело мутило.

Не выдержав больше этого мучения, я резко повернулась к мужчине лицом, и мы сцепились взглядами. Вообще, все наше общение сводилось именно к этому – к постоянному переглядыванию. И сейчас, когда мы смотрели так открыто, мне безумно хотелось влезть в его голову и понять, о чем

он думает. Он был резок со мной с самого начала, хотя я не могла вспомнить, по какой причине он так себя ведет. Он был груб и молчалив. Но тот шепот у реки... Что же это все значит?

Глаза у него были не то чтобы карие, скорее цвета засахарившегося меда. И такие бездонные – удержишь свой взор, и этот омут затянет тебя на самое дно. Если раньше я видела его взгляд, и гневным, и раздраженным, то сейчас он смотрел вопросительно, возможно даже заинтересовано. Наверное, то же самое он мог увидеть на моем лице. У нас обоих было очень много вопросов друг к другу, на которые, к сожалению, мы не сможем никогда ответить.

Эта дорога кончится и мы разлетимся в разные стороны. «Скорее бы» – думала я, но сама уже не верила своим мыслям.

– Тпру, останавливай лошадей! – послышался голос за пределами кареты, и сердце мое застучало от нахлынувшего волнения. Сейчас мне нужно было сыграть отведенную роль.

– Колотильда, почему мы остановились? – как можно громче воскликнула я. – Выгляни, посмотри!

– Да, мадам, – так же громко ответила мне тетушка. Стараясь не задевать больную руку, она открыла дверцу и выглянула наружу. Она начала причитать, отвлекая стражников, в то время как трое мужчин выбрались из кареты с другой стороны.

– Кого вы сопровождаете? – скучающим голосом спросил

подошедший к нам мужчина, и Марша, занырнув обратно в карету, села напротив, давая стражнику возможность меня разглядеть. Я же лишь слегка приподняла шляпу, которую спешно одела мгновением раньше и возмущенно произнесла:

– Я, леди Эльзабэт тир Коннант! А это моя сопровождающая, Колотильда. По какому праву вы задерживаете нас?

Было заметно, что стражнику знакомо произнесенное мною имя, потому что голос его вмиг потерял былую скуку.

– Это наша работа, миледи, – уже более учтиво ответил он. – Не случилось ли с вами ничего неприятного за время вашего пути?

– Не считая неровной дороги и бессмысленных разговоров – то нет, – ответ прозвучал резко и полностью был оправдан положением недовольной леди.

– Не смеем вас больше задерживать, – лицо мужчины не выражало никаких эмоций. – Но будьте осторожны, сегодня ворон прилетел из Темной крепости.

– И что это значит?

– Говорят, два дня назад темным ведьмам помогла сбежать банда головорезов, и теперь их разыскивают по всей округе, в том числе и в Виферне.

– Буду иметь в виду, – ровным голосом ответила я и отвернулась, давая понять, что наш диалог закончен. Внутри меня все заледенело.

Мужчина закрыл дверцу и ударил по боку кареты.

– Поезжай!

– Стойте! – вдруг крикнула Марша и просунула голову в маленькое окошко, загораживая собой происходящее внутри кареты. – Спасибо вам, что предупредили нас! Леди Эльзабэт еще слишком юна, чтобы оценить вас широкий жест.

Повозка тронулась, но тетушка все также торчала из окна, махая рукой недоумевающему стражнику, пока за ее спиной не послышался звук закрывающейся двери.

– Мы привлекли к себе слишком много внимания, – раздался рядом голос Соловья.

– У нас разве был другой выход? – вспыхнула я в ответ.

– Я не закончил... Я хотел сказать, что несмотря на все это, вы отлично справились со своими ролями.

Чего–чего, а похвалы от этого мужчины я точно не ждала, потому так и сидела, открыв рот.

– Леди не пристало сидеть с открытым ртом, – вдруг сказал сидевший сбоку от меня Фил. Я негодуяще посмотрела на наглеца, но он, как всегда, сидел, широко улыбаясь. И единственное, что мне пришло в голову сделать, так это показать ему язык.

Филин рассмеялся, и напряжение вокруг отступило.

– Вы же все слышали? – решила перевести тему. – Нас ищут.

– Поэтому нам надо быстрее разделиться, – кивая, произнес Сол. – А вам в ближайшее время спрятаться у знакомых, пока эта шумиха не затихнет.

– Надеюсь, Сорша не откажется нас принять, – обеспокоенно прошептала Марша.

Какое–то время мы ехали молча, пока Страж не завез нас в переулок и не остановил лошадей. Солнце садилось, свет сюда почти не попадал. Нам надо было спешить. Я торопливо переделась в костюм Ласточки, которая уже успела слезть с крыши кареты и протянула ей платье.

– Возьми. Это в обмен на твою одежду.

Девушка достала из своего сапога маленький кинжал и срезала с корсажа платья пару блестящих камней, раздав каждому члену банды по одному.

– Все остальное оставьте себе. Вам сейчас нужнее.

И от такой неприкрытой щедрости в глазах защипало, а в груди зародилось тепло, что могут подарить только настоящие друзья.

– Я рада, что мы были знакомы, хоть и такое короткое время.

– Я тоже, – грустно улыбнулась. – Действительно рада!

Сбоку от нас Марша и Ворон тихо переговаривались. Она что–то хмуро втолковывала мужчине, указывая на руку, а тот лишь кивал, неотрывно наблюдая за каждым движением тетушки. Вокруг них витало столько недосказанности и какой–то молчаливой тоски, что я не решилась их прерывать.

– Ворон, им надо уходить! – Соловей такой тактичностью не обладал.

Марша сразу отступила от здоровяка и направилась ко

мне, оглянувшись еще пару раз. А Ворон стоял, опустив голову. Я посмотрела на Соловья, который подошел к другу, но тот как будто уже успел про нас забыть. Мне ничего не оставалось, как махнуть всем остальным и развернувшись, уйти. Но Соловей все же окликнул меня:

– Луна, береги себя! – я повернула голову и нерешительно кивнула, стараясь за это мгновение навсегда запомнить образ самого непостижимого мужчины на свете.

«И ты себя!» – мелькнул в голове тихий отголосок моих мыслей.

Глава 8

Луна

Сорша стала первой и, скорее всего, единственной тетушкиной подругой, после того, как Марша смогла закрепиться в нашей деревушке. Она была местной травницей, и им всегда было о чем поговорить, а иногда и поспорить. Энергия в ней была через край, поэтому не удивительно, что городская жизнь ее прельщала больше.

Крепкая, пышнотелая, она своей харизмой могла привлечь любого добротного мужика. И ей повезло найти такого в Виферне. После того как она окончательно осела в городе, она звала нас перебраться вслед за ней, но тетушка по понятным причинам не могла пойти на такой риск и всегда отвечала отказом.

Однако несколько раз Марша все-таки свозила меня к ней в гости. Как оказалось, Сорша вышла замуж за местного трактирщика и взяла на себя все обязанности по уходу за этим заведением. Сами же они с Калебом, мужем травницы, жили за самим трактиром, в маленьком домике, в котором от силы было две комнатки и тесная кухня. У них не было детей, поэтому вторую комнату она всегда предоставляла в

наше распоряжение, чтобы мы не пересекались с путниками.

Каково же было удивление Сорши, когда она, причитая, открыла двери своего дома и застала нас там. Стоит отдать ей должное, она не задала нам ни единого вопроса, хотя мы и заявили на ее порог в ночи.

– Завтра. Я спрошу обо всем завтра. А сейчас отдыхайте, мои дорогие, – тихо прошептала она, открывая дверь в хорошо знакомую комнату.

За стеной послышался ворчливый голос Калеба:

– Кого это принесло?

– Это Марша и Настка. Спи.

– Чего это они на ночь глядя и без предупреждения?

– Вот завтра и узнаю. Не выгонять же их.

Мужик еще некоторое время невнятно бухтел, а потом из-за стены послышался громкий храп. Мы с тетушкой дружно выдохнули. Наконец-то можно было хоть немного расслабиться. Мы быстро разделись, вместе легли в кровать и, обнявшись, заснули.

Он снился мне. В своей черной одежде он стоял вдалеке от меня. Но потом его силуэт становился все ближе и ближе, пока передо мной не осталось лишь его лицо. Мужчина наклонился ко мне и неторопливо коснулся своими мягкими губами моих. Его борода щекотала меня, и я, почему-то, не могла сосредоточиться на поцелуе, не могла отдаться ему полностью. Непонятное, тревожное ощущение гложило ме-

ня, поэтому я разорвала наши уста и посмотрела на мужчину. Я хотела вновь окунуться в его загадочные янтарные, но на меня смотрели два черных омота, на дне которых стал загораться красный огонь.

– Настка, проснись!

Я открыла глаза и сразу не смогла понять где нахожусь. Черные горящие глаза, не хотели отпускать меня даже наяву.

– Все в порядке? – тревожное лицо Марши наконец обрело очертания. – Ты кричала.

– Кошмар приснился.

– Не удивительно! Я и сама спала очень беспокойно.

– Тебе ничего не снилось? – я боялась, что Соловей пришел не только ко мне.

– Боги уберегли.

Мне стало легче. Красавец разбойник. Демоны. Мой разум смешал все в одного человека, но главное, что это был всего лишь сон.

– Думаю, нам пора идти к хозяевам дома, – тетушка встала из кровати и я последовала ее примеру.

Сорша была на кухне и что-то готовила.

– Вы как раз вовремя! – воскликнула женщина. – Давайте вместе поедем.

За последние пару дней мы пытались не сказать, чтобы сильно обильно, поэтому сытный завтрак проглотили за пару минут. Сорша только и могла поражаться нашему аппетиту. Но еда закончилась, а женщина все так и сидела за столом,

смотря то на меня, то на Маршу.

– Боюсь даже спросить, что с вами произошло, – начала Сорша. – Сами расскажите или как?

И тетушка рассказала, опустив некоторые детали, и в особенности тот момент, где мы встретились с демоном.

– И вас сейчас ищут?

– Да, – только и могли мы ответить.

Сорша была хорошей женщиной, и на нее всегда можно было положиться, но помочь двум беглянкам, это значило нарушить закон, и подвергнуть себя, и свою семью опасности.

– Боюсь, – начала женщина. – Такую историю мы не можем рассказать Калебу. Но я что–нибудь придумаю. Тем более, что он будет отсутствовать целую неделю. А пока, оставайтесь здесь настолько, насколько понадобится.

Я не выдержала, подскочила и подбежав к женщине, обняв ее за шею.

– Спасибо! – искренне поблагодарила ее я. – Мы в долгу не останемся!

– Конечно, не останетесь! Будете помогать мне по хозяйству.

– Конечно! Спасибо подруга! – Марша так же была переполнена эмоциями.

– Но с начала, давай обработаем твою руку. Потом я схожу в город и прикуплю для вас одежды. А то в моих вещах вы точно утоните.

Так и поступили. Перед тем как Сорша отлучилась на рынок, она дала нам четкие указания, что и как мы должны делать: снять белье в комнатах, откуда съехали люди, застелить новое, старое – постирать; собрать с огорода выросшие за ночь овощи, помыть, нарезать, сварить суп и отнести в таверну.

Заняться делом было даже приятно, потому что в голову не лезли ненужные мысли и, в особенности, некоторые личности, о которых я вспоминать не хотела. Единственное, о чем я могла думать, так это о плане. Мне нужно было попасть в Альтвир, на другой конец Королевства. И самое главное – одной. После встречи с демоном я поняла, что не могу подвергнуть Маршу такой опасности, она и так посвятила мне всю свою жизнь. Теперь от своего решения я не откажусь.

Сорша вернулась как раз тогда, когда мы нарезали овощи для супа.

– Вижу, у вас все идет своим чередом! Скажу–ка я Калебу, что беру вас в свои помощницы, глядишь, даже пару золотых в месяц буду платить. Так и накопите на свое жилье. Марша сможет лечить людей, а ты, Настка, будешь ей помогать.

– Это хорошая идея, – согласилась с ней тетушка.

– Еще бы, я что–то плохое предложила, – по–доброму захорохорилась женщина. – Правда, пусть поулягутся слухи. А пока, Настка, будешь для меня в город бегать, на рынок, правда волосы твои все же нам придется покрасить, а то больно ты выделяешься.

Я непроизвольно дотронулась руками до своих белых волос.

– Боюсь, тут могут возникнуть проблемы, – вздыхая, ответила я. – На моих волосах ничего не держится, да и отрастают они моментально.

– Вот дела! – воскликнула Сорша, всплескивая руками. – Ну ничего, я что–нибудь обязательно придумаю.

Так, в дружелюбной тишине мы продолжили работать рука об руку.

Вечером Сорша отпустила нас в баню, вручив купленные платья.

– Надеюсь, подойдут. А за деньги не беспокойтесь, отдадите, когда сможете. Чай не бедствую, могу позволить себе прикупить обновок.

И, не давая сказать нам ни слова, вышла из комнаты.

– Чтобы мы делали, не прими она нас? – спросила я у Марши, когда мы, вымытые и чистые, вернулись к себе.

– Нам остается только благодарить судьбу, за то, что нам не придется этого узнать.

Я была согласна с тетушкой. Несмотря на то, что за последнее время жизнь наша изменилась, но она привела нас сюда, к женщине, которая была настоящим другом, и которая нашла для нас уголок в своем доме и в своем сердце.

Утром, когда солнце только–только стало подниматься, я уже была на ногах. Тихо я достала из–под кровати большую сумку, которую успела спрятать еще вчера. Тетушка мирно

спала, и я постаралась выйти из дома, не разбудив ни ее, ни хозяев. Сейчас мне требовалось немного разведать обстановку в поисках укромного места. Обойдя все по периметру, я направилась в конюшню.

Лошади приветливо фыркали мне, кося на меня свои умные большие глаза. Кого-то я погладила по холке, кого-то, почесала за острым ухом, а одну даже обняла, вдыхая влажный запах пота и сухой травы. Снизу об мою ногу потерлась толстая рыжая кошка, которая явно ждала пополнения, и ее я тоже удостоила мимолетной ласке.

Потом мой взгляд наткнулся на большую кучу сена. Она то мне была и нужна. Разрыв большое углубление, я спрятала туда сумку, в которой лежала удобная одежда Ласточки. Сегодня мне предстояло собрать недостающее и выполнить свой план.

Я как раз только вошла на кухню, как из соседней комнатки вышла Сорша.

– Ты уже встала, девочка! – обрадовалась та. – Это очень хорошо. Потому что мне нужна твоя помощь. Принеси-ка мне вон тот нож.

Женщина указала на один из ножей, лежащих у рукомошника, а сама стала расплетать на голове собранную в узел длинную косу.

– Режь посередине, – скомандовала Сорша.

– Что? – не поняла я. – Но зачем?

– Для тебя, дуреха! – ласково погладив меня по голове,

ответила та. – Давай быстрее!

Спорить с ней было бесполезно, хотя я не могла понять, как отрезанные волосы чем-то могли мне помочь. Острый нож легко разделил волосы, и конец толстой косы остался у меня в руках.

– Молодец! А теперь иди, сядь на стул и повернись ко мне спиной.

Я подчинилась. Сорша взяла из моих рук свои волосы и положила их рядом с собой на стол. Умелыми и быстрыми движениями, она стала брать свои пряди и вплетать их в мои. И через какое-то время на мое плечо упала темная коса, а волосы у корней волос непривычно натянулись от тяжести.

– Теперь повяжи платок, а косу выпусти наружу. Если стража и будет искать девушку с белыми волосами, то в тебе ее точно не признают.

– Спасибо! Но зачем же вы ради меня это сделали? Разве вам не жаль своих волос?

Женщина улыбнулась, и в уголках ее глаз образовались солнечные морщинки.

– Мы с Маршей давние подруги, и тебя я знаю с самого младенчества. Она, конечно, мне ничего не рассказывала, но я всегда это принимала. Вы стали мне самыми родными на свете. И волосы – это такая малость, если они могут спасти вас от опасности.

Я снова, как и вчера, обняла женщину. Все-таки иметь настоящих друзей, это очень ценный подарок судьбы.

– А теперь сбегай на рынок и прикупи все по списку, – бодро скомандовала Сорша. – А то вчера из-за ваших платьев руки были заняты. Корзины вон в том углу возьми.

Я радостно выхватила список из руки женщины и взяла корзину побольше.

Возле дверей Сорша меня остановила:

– На ладанку, – в руках у нее был маленький мешочек со шнуровкой. – Повяжи на шею. Там серебряные и пару золотых монет. На этот месяц должно хватить. А то, ишь как побежала!

Женщина засмеялась, а я густо покраснела, смущаясь своей неосмотрительности. Все-таки за поясом у меня был десяток срезанных с платья знатной леди камней, которые я собиралась обменять на монеты. И я даже не подумала, как странно смотрелась со стороны, убежав в город без денег.

Дорогу до рынка я помнила еще с прошлого раза, поэтому добраться не составило никаких проблем. Первым делом, мне нужно было отыскать ювелира. Расспросив местных, мне наконец-то удалось найти непримечательную вывеску, с такой же незаметной дверью.

На звук захлопнувшейся двери ко мне вышел молодой парень, скорее всего подмастерье ювелира. Окинув меня оценивающим взглядом, он нехотя шепеляво произнес:

– Я могу вам сем-то помочь?

– Да. За сколько вы сможете принять эти камни? – достав из-за пояса драгоценности и протянув юноше, спросила я.

Увидев на моей ладони горсть переливающихся граненых камней, глаза парня сразу загорелись, но еще в них появилась подозрительность. Осмотрев камни со всех сторон, он бросил мне через плечо:

– Минутоську! – и скрылся за ширмой, которая отгораживала зал от задней части помещения.

За перегородкой послышался невнятный шепот, а потом ко мне вышел подмастерье с его наставником в сопровождении.

– Равви сказал, что вы желаете обменять на золото эти драгоценные камни? – я утвердительно кивнула. – А могу я тогда поинтересоваться, откуда они у вас?

– Конечно! – я попыталась изобразить на своем лице самое настоящее воодушевление. – Представляете, на днях я помогла знатной даме с одним очень пикантным вопросом, и за это она отблагодарила меня.

– И кто же была эта знатная дама?

– Увы, я не запомнила ее имени. В моей пустой голове ничего на долго не задерживается. – и я постучала по своей макушке, одновременно пожимая плечами.

Мастер переглянулся со своим учеником, и их глаза алчно блеснули. Я была готова к этому. На глупой девочке каждый захочет подзаработать. Для меня же главным было обменять драгоценности без лишнего привлечения внимания. И если я немного потеряю на этом, то так тому и быть.

– За все я могу предложить тебе сорок золотых. По рукам?

– Ничего себе! – радостно воскликнула я. – А это много?

– Более чем! Поверь, лучшей цены ты нигде не найдешь.

Да и вообще, тебя могли обмануть! – расширив глаза, громко сказал мужчина.

– Спасибо вам за честность!

И мужчина, не теряя времени отсчитал мне монеты.

– Даю тебе пятнадцать серебряных сверху, чтобы ты оценила мою щедрость, и если дама вновь тебя отблагодарит, то ты сразу прибежишь к нам, договорились?

– Конечно– конечно! – я даже подпрыгнула для пушшего эффекта и, забрав деньги, выбежала на улицу. Один пункт из плана был выполнен.

Я начала покупать все по списку, попутно приобретая вещи для себя. Пришлось отжалеть на хорошие кожаные сапоги, плащ с глубоким капюшоном и бурдюк для воды. Осталось купить себе только хороший легкий кинжал.

Я подошла к лавке, где было разложено многочисленное оружие. Глаза разбегались, но ни на чем конкретном я не смогла остановиться. Все–таки я как женщина, совершенно не разбираюсь в колюще–режущих предметах.

– Думаю для тебя подошел бы вот этот, – раздался прямо над моим ухом до боли знакомый хрипловатый голос. Я даже сначала подумала, что мой слух жестоко надо мной издевается, однако сбоку знакомая мужская фигура нагнулась к лавке, что–то взяла и протянула мне.

Я бессознательно приняла из рук Соловья кинжал, но так

и не посмотрела на него, боялась потеряться в насмешливых глазах.

– У тебя такой вид, будто ты приведение увидела, – с прищущей только ему иронией, произнес мужчина.

– Честно говоря, для меня это так и есть, – не стала отпираться я. – Что ты тут делаешь?

– То же, что и все люди делают на рынке.

– Я серьезно!

– Я тоже. Меня вот другое интересует, зачем тебе оружие?

– Для защиты.

– Тогда он тебе точно подойдет, – указывая головой на оружие в моих руках, сказал Соловей.

Я медленно перевела свой взгляд на кинжал и в сердце больно кольнуло. Он был прекрасен: тонкий, легкий и невероятно острый, но больше всего меня задело то, что на головке кинжала был искусно вырезан белый лебедь. Пока я пристально смотрела на предмет в моих руках, Соловей без моего разрешения рассчитался с купцом.

Увидев, что на моем лице отразилось недовольство, он поспешил меня успокоить:

– Позволь мне эту малость, ведь однажды ты спасла мне жизнь, – и щелкнув меня по носу, мужчина развернулся и растворился в толпе.

– Стой! – крикнула я, но безрезультатно, его нигде не было видно.

Судьба интересная штука: когда ты думаешь, что кого-то

больше никогда не увидишь, она преподносит тебе неожиданный подарок.

Растерянная, я шла домой, то и дело просовывая руку в корзину и глядя искусно вырезанную рукоять. И только это действие помогало мне поверить, что мужчина не был плодом моего воображения.

День пролетел незаметно. Выполняя мелкие поручения Сорши, я несколько раз забегала в конюшню и подкладывала в сумку недостающие вещи. Радовало, что женщина до сих пор не забросила былое увлечение травами, и я смогла собрать из запасов нужные сочетания, которые надеялась, мне не пригодятся.

Вечером Марша все никак не могла улечься спать, как будто чувствовала некий подвох в моем поведении. Наверное, я и в правду вела себя слишком странно, то и дело обнимала тетушку, ненароком дотрагивалась до нее и говорила, что очень люблю. Но могло ли быть иначе.

Наконец она, отвернувшись от меня на другой бок, затихла. Я еще немного полежала, взглядываясь в ее темный силуэт, но времени у меня было немного. Надев платье, я все же тихо прошептала, обращаясь к Марше в последний раз:

– Прости меня! Надеюсь ты поймешь, что я просто не могла иначе.

На то место, что предназначалось мне, я положила свернутую пополам бумагу, в которой выразила все свои мысли, и в которой так же просила прощения и понимания. Рядом

сложила лимонное платье, на котором не хватало тех самых десяти камней и которое тетушке в ее новой жизни понадобится больше, чем мне.

Оказывается, уходить от любимых очень тяжело. Каждый шаг мне давался с трудом, а сердце сжималось, причиняя невероятную боль, зудящую где-то в районе груди.

В конюшне было темно, но это не помешало сменить свое платье на более удобную одежду и на новые кожаные сапоги. При помощи ремешка, продетых через три кольца, я прикрепила к поясу кинжал и сразу почувствовала себя чуть увереннее.

Выходя за ворота, я на мгновение обернулась и, коснувшись через одежду висящего на шее кретча, сказала в пустоту:

– Ну что, Линель, веди меня!

Глава 9

Луна

Еще делая покупки в городе, я краем уха слышала, как горожане обсуждали скорое отплытие торгового корабля в Столицу. Дата была завтрашняя, но при свете дня меня точно никто не взял бы на судно. Следовательно, мне нужно было любым способом пробраться на него ночью, а точнее прямо сейчас.

С приближением к причалу, все сильнее пахло рыбой. А на углах домов и в подворотнях можно было заметить откровенно одетых женщин, зазывающих в свои сети любого прохожего, способного заплатить. Одетая в плащ с накинутым капюшоном и в охотничьих штанах, я и сама походила на тощего юнца, лакомый кусочек для любой ночной бабочки. Каждая считала своим долгом окликнуть меня или коснуться до моей руки.

– Ишь, какой недотрога! – в очередной раз крикнула одна из них, и я, не выдержав такого обильного внимания, свернула в ближайший переулок.

Впереди виднелся просвет, откуда доносился характерный шум набегающих волн. Воздух был настолько пропитан

солью, что, облизав от волнения губы, я почувствовала ее у себя на языке. Уверенным шагом я направилась вперед, ведь цель была невероятно близка. Грудь опалило. Решимость настолько захватили меня, что я потеряла бдительность и не заметила мелькнувшую за своей спиной тень. Мне оставалось всего пару шагов до пристани, когда тяжелые руки ухватили меня за плечи и со всей силы отшвырнули к каменной стене.

Таким же грубым движением капюшон был сорван с моей головы, и моему взору предстал высокий мужчина, лицо которого было испещрено бороздками пережитой некогда оспы. Большой нос, с кривой горбинкой и широкие сросшиеся брови еще больше уродовали лицо маньяка.

Он наклонился к моей шее и громко втянул в себя воздух, принюхиваясь, словно был не человеком, а диким животным.

– Какая же ты сладкая! – облизываясь, произнес мужчина, а моя грудь стало печь пуще прежнего.

– Кто ты? – задыхаясь от ужаса спросила я, медленно ища на своем поясе кинжал. Кретч реагировал на демонов, это я уяснила еще в прошлый раз, но передо мной стоял человек.

– Я – твоя смерть! – хищно оскалился мужчина и с невероятной скоростью кинулся на меня.

Я успела выставить клинок вперед, и он вошел в человеческое тело, как по маслу, однако явного вреда это не принесло, потому что человек насадившись еще сильнее, открыл свой рот и укусил меня за шею.

Я закричала. Мучительная боль окатила меня с ног до головы, и тело стало неметь, как будто огромная пиявка высасывала из меня всю мою суть. В глазах потемнело. Стоя так, прижатая к холодной стене, и не способная пошевелиться, я прощалась с жизнью и кляла себя за то, что подвела всех. Я была готова утонуть во мраке беспомощности, когда за спиной убивающего меня мужчины, раздался оглушающий свист.

Соловей

Уже на выходе из трактира я отчетливо почувствовал смрад гниющей плоти. Один из демонов среднего звена был поблизости. Особого труда не составило проследить весь его путь. Сейчас о сражение не могло быть и речи, и мне следовало бы пройти мимо, но, втянув в себя очередную порцию воздуха, я замер. Обволакивающий запах жасмина, такой знакомый, такой запретный, ударил мне в нос и выбил из колеи. В это же время сладкий аромат стал смешиваться с тошнотворным зловонием демона. Раздался надрывный девичий крик. Забытое чувство страха охватило меня. Я не раздумывая свернул в переулок и применил свою силу: свист вырвался из моих уст, и темное очертание мужского тела, прильнувшего к своей жертве, выгнулось от боли.

Разъяренный, демон откинул свою заложницу в сторону, и девушка упала наземь, словно поломанная кукла. На меня же уже бежало чудовище, в котором ничего человеческого не осталось. Дела мои были плохи, этот демон был значительно сильнее того лесного, а сейчас я был один, и, скорее всего, на шум скоро явятся стражники. А для нас с Лúной это было равносильно добровольному походу на гильотину. Когда демон был рядом со мной, я сделал оборот вокруг своей оси и пихнул ногой в спину врага. Однако повалить большую ту-

шу таким простым маневром мне явно было не по силам, а значит, оставалось только одно – бежать. Я развернулся, кинулся к раненой девушке, закинул ее на плечо, подхватил валявшийся рядом кинжал и побежал со всей мочи. Если повезет, то я доберусь до своих друзей раньше, чем нечистая сила нагонит нас, благо девушка была легкой как перышко.

За углом начиналась пристань, и я бежал, огибая ящики, тюки и прочие вещи, попадающиеся мне под ноги. Сзади слышался животный рык и треск древесины – демон шел напролом. Впереди маячил знакомый корабль, и мне пришлось поднажать.

– Лас! Фил! – крикнул я, взбегая по трапу.

Парень с девушкой появились молниеносно.

– Что стряслось?

– Нидж! – обозначил я уровень опасности, когда за спиной послышался топот ног, и меня за шкуру схватили мощные руки.

Скорее всего, я бы потерял равновесие и вместе с Луной упал бы спиной на здоровяка, норовя сломать нам парочку костей. Но Филин успел ухватиться за мою руку и втащить меня на борт корабля. Вот только со значительным довеском.

Рядом с ухом клацнули зубы, и я, пригнувшись, дал Ласточке, оголившей свой тонкий меч, места для разгула. Послышался удар, а потом по палубе покатила окровавленная голова мужчины.

– Соловей, сейчас твоя помощь очень нужна!

Мне пришлось положить Луну на деревянный пол и развернуться в тот момент, когда из обезглавленного тела начал валить черный туман. Демону нужно было время, чтобы принять свою естественную форму, поэтому мешкать было нельзя. Я подбежал к дергавшемуся в смертельных судорогах телу и, выставив руку с кольцом вперед, свистнув в самую гущу темного облака. Кольцо активировалось и стало с невероятной силой поглощать марево, пока оно окончательно не исчезло.

И, как всегда, после такой схватки вокруг настала звенящая тишина, разрушенная топотом большого количества ног. На палубу выбежали матросы, а следом появился и сам капитан.

– Какого хрена тут происходит? – гневно спросил он, обращаясь ко всей нашей компании.

– Боюсь, нам надо отплывать прямо сейчас, – ответил я, скидывая бездушное тело в воду.

С капитаном Хигсом мы были знакомы очень давно. Когда–то он с моим наставником сражались в битве между Северным и Южным королевствами, где наше – Южное – одержало победу. Однако после этого сражения мой наставник подал в отставку и отправился в Альтвир с намерениями открыть школу–приют для детей сирот. А Хигс был тяжело ранен в ногу, которую и вовсе пришлось ампутировать. В связи с этим, забыв про военное дело, он занялся торговыми пе-

ревозками. Но связь между двумя друзьями не прервалась. Капитан был единственным посвященным в наши дела.

И сейчас, он понимающе кивнул и начал раздавать указания своим матросам.

Я подошел к лежащей без сознания девушке и опустился на корточки, чтобы приподнять ее и попытаться разбудить.

– Что она здесь делает? – озадаченные, Ласточка и Фил стояли за моей спиной.

– На нее напал нидж, в соседнем переулке.

– Она следила за нами?

– Сегодня днем я встретил ее в городе, – вспомнил я наше неожиданное столкновение. – И она выглядела удивленной.

– Но, может потом, она проследовала за тобой?

– Поверь, я бы это почувствовал! – раздраженно ответил я другу, скосив на него глаза.

Ласточка с Филом ошарашенно замерли, и мне было понятно их удивление. Раньше я мог учуять только демонов, люди в этот список не входили. Запах Луны стал моим навязчивым. Объяснить друзьям и самому себе, почему она выделялась на фоне других, я не мог, поэтому, повернув голову к девушке, стал тихонько ее трясти.

– Луна, очнись.

Глаза знахарки затрепыхались и открылись. Зеленые, словно сочная трава, напитанная влагой, они были затуманены обморочной дымкой. Но сфокусировавшись на моем лице, глаза девушки округлились, и она воскликнула:

– Соловей? А где твоя борода?

– Это все, что ты хочешь у меня сейчас спросить, – невольно дотрагиваясь до своего гладковыбритого подбородка, спросил я.

– Это первое, что пришло мне в голову, – смущенная, она отвернулась и сразу же поморщилась от боли.

Луна поднесла свою руку к шее и, дотронувшись до раны, отдернула. Вся ладонь была красная от крови. Демон ранил ее куда сильнее, чем я предполагал изначально.

– Ты сильно ранена! Мне нужно отвезти тебя к Марше.

– А куда направляетесь вы?

– В Столицу...

– Меня это устраивает!

– Но...

– Меня это устраивает! – повторила она уперто. – Я сама смогу обработать рану, если Ласточка мне немного поможет.

Ласточка первая пришла в себя и, протянув руку девушке, помогла ей подняться. Они прошли мимо, в направлении кают, а я встал и, схватившись за борт корабля, со всей силы сжал его.

– Ты позволишь ей остаться?

– Да, – просто ответил я другу. – По какой–то неведомой мне причине, судьба сталкивает нас вновь и вновь. И сейчас я намерен выяснить для чего!

– Хорошо, – согласился Фил.

– Хорошо? И все? Так просто?

– Да.

– И никаких нравоучений? Ты не станешь меня отговаривать и напоминать про миссию? – непонимающе уставился я на брата по оружию.

– Не один ты заметил закономерность ваших встреч, – задумчиво произнес он. – Страж, все–таки, отказался ехать?

Я был рад сменить тему.

– Виферн его город. Место его страхов, прошлого, с которым ему необходимо разобраться. Думаю, мы еще встретимся.

– Жаль, – друг по–приятельски похлопал меня по спине. – Он значительно упрощал нам жизнь.

– И не поспоришь.

А я остался на палубе, блуждая в своих мыслях и следя за тем, как слаженно работает команда нашего корабля. Я боялся признаться самому себе, что принятое мною решение связано не только с любопытством, но и с некой внутренней необходимостью. Как будто нас тянуло друг к другу невидимыми нитями, что постепенно скручиваются в клубок, и нет сил этому сопротивляться. Другой вопрос, хотелось ли мне препятствовать сближению?

Я должен был разобраться во всем, чтобы в дальнейшем это не стало угрозой для меня и моей команды. Развернувшись, я направился в каюту Ласточки.

Луна

Каюта была рассчитана на два человека, и Ласточка предложила мне составить ей компанию на время нашего морского путешествия. Меня все устраивало, тем более все сложилось как нельзя лучше – я попала на корабль, как и собиралась. Конечно, я не думала, что встречу здесь своих знакомых, но, с другой стороны, если бы не они, скорее всего, я была бы уже мертва.

Демоны. Стоило мне покинуть деревню, как они стали липнуть ко мне отовсюду. Даже кретч не спасал. Видимо, за такое долгое время он потерял былую силу, и нечисть стала чувствовать меня. Сейчас самым лучшим вариантом было находиться рядом с Соловьем и его компанией, которые умели расправляться с этими существами. Но могла ли я им доверять?

Усадив меня на жесткую койку, Ласточка умело перевязала мне шею, хорошенько смазав рану смесью коры ивы, корня имбиря и жира.

– Кто научил тебя лечить людей? – прервала я затянувшееся молчание.

– Я самоучка. Живя бок о бок с такими проказниками, мне ничего другого не оставалось, как залечивать их синяки и ушибы.

– Кстати говоря, как чувствует себя Ворон? Я не заметила его на корабле.

Девушка заметно погрузтелла.

– А его и нет здесь.

– Из–за его поломанной руки?

– Скорее, из–за ее отсутствия, – голос Ласточки был ровный, однако то как неподвижно сидела сейчас девушка и как натянулась ее спина, говорило мне о внутренних переживаниях, которые она не хотела показывать посторонним.

Я подошла к ней и села рядом, а потом, и вовсе взяла ее руку в свои.

– Мне очень жаль, что так вышло. Наверное, если бы мы вас тогда не задержали, то все получилось бы по–другому.

– Тут нет вашей вины. Не думаю, что мы добрались бы в Виферн раньше, – раздался голос за моей спиной.

Я обернулась на голос Соловья, который стоял в дверях каюты и ненароком залюбовалась. И это так меня взволновало, что я подскочила с кровати девушки.

– Хватит каждый раз пугаться!

– Если бы ты не подкрадывался, я бы и не пугалась!

Одно мгновение мужчина пренебрежительно фыркает, а потом уже говорит серьезно:

– Нам нужно поговорить.

– Прямо сейчас?

– Если ты чувствуешь себя хорошо, то да, я бы хотел поговорить сейчас.

Рана саднила, однако сильной боли или головокружения я не чувствовала. Мужчина понял, что я сомневаюсь, и решил принять решение за меня.

– Я жду тебя наверху. Надень свой плащ, мы выходим в море, а ночью тут достаточно прохладно.

Я посмотрела на Ласточку, которая все также сидела, но девушка, увидев мой тревожный взгляд, поспешила меня успокоить:

– Не переживай за меня. Лучше поспеши, он становится еще более вредным, когда его заставляют ждать.

Я решила последовать совету девушки, все-таки, ей виднее. Из слов Ласточки стало ясно, что характер Соловья оставляет желать лучшего, но это так же значило – я не единственная, с кем он позволял себя вести столь грубо.

Я вышла на деревянную палубу. Вокруг окончательно стемнело, и передо мной предстало бескрайнее небо, усеянное множеством звезд. За бортом мирно шумело море, а от легкой качки у меня немного закружилась голова.

– Присядь, так будет немного легче привыкнуть, – раздался голос где-то сбоку. Следом за голосом крепкая и теплая рука ухватилась за мою и потянула вниз. Я бы снова испугалась, если бы успела.

– Что же у тебя за привычка такая – возникать из неоткуда! – недовольно пробурчала я, усаживаясь рядом на порог.

– Здесь мы можем спокойно поговорить, – пропуская мою реплику мимо ушей, сказал мужчина.

– О чем?

– Держи, – Соловей протянул мне кинжал, который, как мне казалось, был потерян навсегда.

– Спасибо, – выдохнула и бережно взяла полюбившееся оружие.

Вновь возникла неловкость, наполненная тишиной. Он сидел ко мне очень близко, и рядом с ним я чувствовала себя очень маленькой. Но несмотря на это, присутствовало еще одно ощущение – чувство защищенности. Этот мужчина был знаком мне не больше недели, но я испытывала с ним спокойствие и приятное умиротворение.

Он повернул ко мне свое лицо, но я могла только видеть, как отражают его глаза свет ночных светил. Эмоции были спрятаны от меня пологом темноты.

– Ты преследуешь нас?

Такого вопроса я явно не ожидала, потому сначала опешила, а потом не выдержав засмеялась.

– Что смешного я спросил?

– Да ладно тебе, – я не могла остановиться. – Ты посмотри на меня, шпион из меня так себе!

– С этим не могу не согласиться, – усмехнулся Соловей и его тело наконец расслабилось. – Но тогда зачем тебе в Столицу?

– А кто сказал тебе, что мне нужно в Столицу? – ответила я лукаво.

– Э–э–э... – мужчина явно был сбит с толка.

– Я лишь сказала, что путь до Столицы меня устраивает, но не более того.

– Но тогда куда?

– В Альтвир, – призналась я. Стоило ли мне соврать? Не знаю. Сейчас я чувствовала, что сказанное мною особой роли не сыграет.

– Зачем?

– Навестить дальних родственников. Это что, допрос? – не выдержала я.

– Я лишь пытаюсь понять, для чего такой хрупкой девушке ночью сбегать в другой город в одиночестве? Тем более на другой конец Южного королевства.

– А это имеет значение?

– Не должно, но почему–то имеет.

И вновь наши глаза встретились друг с другом. И хотя было темно, мне казалось, что я вижу каждую черточку, каждый шрам на его лице. Соловей также неотрывно смотрел на меня, и я была уверена, он также видел меня всю насквозь. Вокруг витало напряжение, и я, отдавшись неосознанному наитию поддалась вперед, к лицу Соловья. Мужчина вторил моему движению, и теперь наши лица разделяло не больше десяти сантиметров. Мои губы пересохли, и я облизнула их от волнения. Глаза Соловья проследили за моим движением, и он сократил расстояние между нами до минимального возможного. А потом за нашими спинами раздалась чьи–то шаги, и мы отодвинулись друг от друга.

– Спокойной ночи, Луна, – поднявшись бросил он мне через плечо и скрылся за дверями.

– Спокойной ночи, – прошептала я в пустоту и поежилась от внезапно охватившего меня холода.

Глава 10

Луна

Ласточка еще не спала, когда я вошла в нашу каюту, однако, увидев мое состояние, тактично не стала задавать никаких вопросов. Мы не были еще так близки, и я вряд ли смогла бы перед ней открыться.

Втерев себе в зубы очищающий порошок на основе эвкалипта и шалфея, я отвернулась к стенке. Девушка за моей спиной медлить не стала и, задув свечу, легла спать. На жестких досках было неудобно, а в совокупности с надоедливыми мыслями, сон ко мне вообще не шел.

Понять поступки Соловья я не могла: он то подпускал меня к себе ближе, то выстраивал между нами стену, то снова, одним махом, рушил ее. Мы были связаны обстоятельствами, но это не давало ему права играть мной как наивной дурочкой. С этого момента любое его поведение не затронет моих чувств, а мысли мои будут заняты только поставленной целью – добраться до Великого леса. Путь до Столицы мог занять от четырех до пяти дней, в зависимости от погодных условий. Мне всего лишь нужно переждать и быть как можно более незаметной.

С этими мыслями я крутилась и вертелась, пока, наконец, успокаивающая дрема не стала меня окутывать. Но даже во сне образ мужчины не покинул меня. Соловей стоял вдалеке, а потом стал приближаться. Как и в прошлый раз. Сейчас его лицо было гладко выбритым, но мужчина все равно выглядел неприступно и загадочно. Знакомым движением он стал ко мне наклоняться, но в этот раз еще не дотронувшись до моих губ, глаза его загорелись адским красным светом, а лицо исказила хищная улыбка. Он открыл свой рот, в котором был ряд острых клыков. И за долю секунды сократив между нами расстояние, он впился в мою шею своими зубами, раздирая мою кожу, словно дикое животное.

Я дернулась и открыла глаза. Видимо, я снова говорила во сне, а возможно, и кричала, потому что на соседней койке задвигалась Ласточка. Пробормотав, что-то нечленораздельное, она натянула на свою голову одеяло и вновь затихла. Эта безмятежная картина вызвала во мне ощущение умиленности, и недавний кошмар стал терять свои очертания.

В каюте не было окон, но я ощущала, что сейчас только раннее утро и решила выйти подышать на палубу. Но на подходе я стала слышать крики. Корабль явно не спал. Взбудораженные матросы заполнили все пространство, окружив одну из мачт, к которой за руки был привязан молодой паренек.

– За нарушение корабельного устава – десять плетей! – раздался громогласный голос капитана, над моей головой.

– Десять! Десять! Десять! – вторили ему голоса со всех сторон, а один из присутствующих вышел в круг и стал напротив юноши.

В руках у него была скрученная плетка.

– Считай каждый удар! – крикнул Хигс. – И если собьешься, то удар не будет засчитан!

Воздух разорвал свист плети, и она ударилась о мягкую кожу, оставляя на спине кровавый след. Парень дернулся, не издав ни звука, а я стояла и не могла поверить в происходящий ужас.

– Один, – сквозь сжатые зубы сказал он.

Свист. Удар.

– Два.

Свист. Удар. Кровь.

– Три! – парень все также сдерживал крик боли.

На четвертом ударе у юноши подкосились ноги, и он повис на привязанных руках.

– Четыре...

На пятом ударе я не выдержала и побежала вперед, расталкивая столпившихся мужчин, гудевших от возбуждения. Их эта картина явно не пугала. Мое же сердце щемило с каждым хлестком.

– Остановитесь! – я преодолела расстояние и встала спиной к парню, загораживая его от всего мира. – Он же совсем ребенок!

– Отойди от него! – гневно крикнул мне капитан.

– Нет!

– Ты находишься на моем корабле, так что будь любезна выполнять мои приказы!

– Но...

– Либо можешь встать вместо него, – глаза Хигса блеснули непонятным мне огнем.

Я не поверила своим ушам. И пока я ошарашенно смотрела на капитана корабля, кто-то сбоку схватил меня и втащил в толпу, зажав мой рот шершавой рукой. Я брыкалась и пиналась, но мужской голос заставил меня остановиться:

– Луна, не дури. Ты сделаешь только хуже.

– Соловей, – капитан смотрел на мужчину, державшего меня прижатой к своему телу. – Держи свою женщину при себе. Еще один такой проступок с ее стороны, и тебе придется отвечать за ее действия. Ты меня понял?

Соловей кивнул и, взяв меня за руку, увел с палубы.

– Что ты творишь? – мужчина завел меня на нос корабля и встал, нависая сверху, отчего я почувствовала себя загнанным в ловушку зверьком.

– А на что это было похоже? – раздраженно огрызнулась я. – Хотела предотвратить творящийся беспредел.

– Ты же ведь не знаешь, за что его наказывают?

– Нет! Но ни один человек не заслуживает такого обращения! – посмотрела на него, показывая, что ему не удастся меня переубедить.

– Какой же ты еще ребенок.

– Я не ребенок! – я топнула ногой.

– Ты только подтверждаешь мои слова.

От переизбытка чувств, я зарычала и отвернулась, устремив свой взгляд на морскую гладь. Вода пенилась под напором судна и разбегалась в стороны, позволяя кораблю легко скользить по воде. Под нами можно было рассмотреть огромную гальюнную фигуру, искусно изображавшую льва, с короной на голове. Мужчина уходить не спешил. Он также молчаливо смотрел вдаль. За нашими спинами постепенно стихли крики, и я догадалась, что показное наказание окончено.

– Я бы хотела навестить раненого, – подала я голос.

– Луна, на корабле есть лекарь.

Я скептически подняла бровь.

– Подозреваю, что провинившемуся вряд ли окажут хорошую помощь.

– Луна...

– Соловей, прошу! – я дотронулась до его руки. – Пойми, я не могу иначе!

Мужчина опустил свой взгляд на мою ладонь, и я спешно убрала ее. На его лице отразилась гамма различных чувств, но такая молниеносная, что я не смогла разобрать ни одну из них.

– Ладно! – выдохнув, сказал он и провел по своим темным непослушны волосам рукой. – Но...

– Но?

– Пообещай, что не будешь делать необдуманных поступ-

KOB!

Соловей

Наивная. Непосредственная. Бесхитростная. Мне казалось, я могу читать ее как открытую книгу. За каждый ее поступок мне хотелось ее придушить и одновременно похвалить. Самоотверженная. Она безответно готова была дарить свою помощь каждому и это подкупало.

Мы зашли за сумкой Лúны. Ласточки в каюте уже не было, однако из соседнего помещения, где разместились я с Филом, слышалось веселое щебетание.

– Как давно они вместе? – раздался голос девушки, идущей со мной рядом.

– Кто? – непонимающе спросил я.

– Ласточка с Филом.

– Мы все вместе с самого детства.

– Не претворяйся, что не понял мой вопрос! – Лúна закатила глаза.

– Но я действительно не понимаю, о чем ты.

– Тогда ты не только грубый, но еще и слепой!

– Это я грубый? – видимо девушка совсем потеряла былую робость.

– То, что слепой, ты все же не отрицаешь?

– Ох, женщина, ты сведешь меня с ума своим бессмысленным разговором.

– То есть, я уже не ребенок? – ее зеленые глаза озорно блеснули и я не нашелся чем парировать ее слова.

Мы спустились на нижнюю палубу, в кубрик, где висели гамаки матросов. Сейчас они были пусты и только в одной лежал молодой парень, подставляя спину на осмотр низкорослому старичку – лекарю корабля. В руках он держал стеклянный сосуд, из которого явно пахло солью. Он выливал жидкость на тряпку и смачивал края раны и от каждого его движения юноша то и дело шипел и дергался.

– Пожалуйста, не мучайте его! – девушка подбежала к мужчине.

– Потерпит, не баба же. Правда, сынок? – засмеялся лекарь и продолжил промывать рану.

– Позвольте, я им займусь? – с мольбой в голосе попросила Лúна. – У меня все для этого есть.

– А капитан знает о вашем самоуправстве? На данный момент я здесь действующий лекарь, а не вы!

– Под мою ответственность.

Все это время я стоял в стороне, не мешая девушке самой пытаться договориться с лекарем, хотя изначально знал, что никто ее и близко не допустит к пареньку. Хотелось преподать ей еще один урок. Однако, что-то заставило меня изменить свое решение. И это очень не было на меня похоже.

Мужчина недовольно фыркнул, но спорить со мной не стал. Не произнеся ни слова, он развернулся и ушел.

В глазах девушки я заметил мелькнувшую благодарность,

и она не мешкая, стала, доставать из своей сумки различные склянки и тряпки.

– Потерпи! Эта мазь поможет унять боль.

– Шли бы вы отсюда! – раздался глухой голос юноши. – Мне не нужна ваша хренова помощь!

Парень дернул плечом на прикосновение Лúны, но застыл от резкой боли. Если бы у него были силы, он бы ушел, не дав незнакомке закончить свое дело. Мне было понятно его поведение, а вот девушка явно не ожидала такого негативного отклика на свою помощь. Но стоит отдать ей должное, девушка продолжила обрабатывать рану, правда, больше не пытаясь успокоить раненого.

Постепенно от действий молодой знахарки плечи паренька расслабились, и он забылся тревожным сном.

– Пошли, пока другие не увидели тебя здесь.

– Будет плохо, если увидят?

– Не знаю, как для тебя, но для парня точно. Ты и так подмочила его репутацию, кинувшись спасать у всех на глазах.

– Я не понимаю, что плохо в сострадании к человеку и желании ему помочь?

– Лúна, парень знал, что его ждет, идя в матросы. И при нарушении правил, он, как настоящий мужчина, должен был гордо понести наказание. От этого зависит, примет его команда или нет, – я пытался донести до нее реалии жизни на корабле.

– И чем же я сделала хуже?

– Ты – женщина, не поверила, в то, что он сможет стерпеть наказание. Ты посчитала его слабым. Что уже говорить, про других матросов.

– Но я не хотела, – до девушки стало наконец доходить.

– Желание помочь похвально, но не всегда кому–то нужна твоя помощь. В следующий раз, если не просят, не лезь.

Взгляд знахарки потух. Скорее всего, своими словами я пошатнул ее привычные устои. Но лучше это сделаю я, способный ее защитить, чем другой человек, желающий, чтобы она ответила за свою неосмотрительность.

– Соловей, – раздался голос Фила на выходе из трюма. – Вот ты где! О, Лу, привет!

От того как ласково прозвучало имя девушки в устах друга, я почувствовал боль в челюсти, но не мог подать вида, что это меня хоть как–то задевает. И даже, когда девушка, улыбнувшись ему, поздоровалась, я остался все так же спокоен. Вру! К демонам спокойствие!

– Ты чего такой воодушевленный?

– Кто–то опять не в духе? – ничуть не обидевшись, подметил друг. – Я хотел сказать, что Хигс звал нас на завтрак. Всех.

Последнее уточнение явно касалось Луны, отчего та еще больше стушевалась.

– Иди вперед, мы тебя догоним, Фил. – друг задержал на мне взгляд, но потом, пожав плечами, последовал моей просьбе.

Я повернулся к девушке, но та стояла, опустив голову. Коснувшись указательным пальцем ее подбородка, я приподнял его. Я ждал, что увижу в ее глазах страх, однако они горели возмущением.

– Я не пойду! – делая шаг назад, сказала девушка. – Если он хочет провести воспитательную беседу или унижить меня еще сильнее, то можешь передать ему, что я и так прекрасно поняла свою ошибку.

После сказанных слов, она попыталась меня обойти, но я не дал ей этого сделать.

– Не поступай необдуманно, – начал я, но по недовольному лицу, понял, что явно начал не с того.

Луна юркнула мне под локоть и почти смогла от меня уйти, но я успел схватить ее за руку. Она сердито дернула, пытаясь вырваться, но ей не хватало сил.

– Послушай меня! Я лишь хотел сказать, что не стоит делать поспешных выводов про капитана, – мои слова не возымели никакого эффекта. – Он не так плох, как ты думаешь. Уверяю, он не станет тебя унижать. Да, он грозный и местами жестокий, но это касается только его команды.

– Зачем же он тогда зовет меня?

– В этом нет ничего странного. Ты его гостья, вот и все.

– Что-то мне не сильно в это верится, – недоверчиво произнесла девушка.

– А если я дам тебе свое слово, что никто тебя не обидит? – я чуть сильнее сжал ее ладонь. – Мне ты поверишь?

Луна задумалась, но затем медленно кивнула. И я повел ее в капитанскую каюту, не разжимая наших рук.

Луна

Каюта капитана была просторной. Деревянный пол был залит лаком и блестел на солнечных лучах, падавших через окна, на которых висели собранные кверху портьеры. На стенах, выкрашенных в красный цвет, находились кованые канделябры. Также кают-компанию украшали шесть весящих с потолка фонарей, один из которых, центральный, висел над огромным деревянным столом.

На массивном стуле, обитом бархатом, восседал сам капитан, а с левого бока разместились Фил с Ласточкой. Нам же досталась правая сторона. Соловей отпустил мою руку не дойдя до каюты, чему я была несказанно рада. Сейчас, в присутствии всех, он тактично отодвинул мне дальний стул, отделяя меня тем самым от Хигса.

На столе стояли различные яства. О некоторых я впервые слышала и не представляла, как и с чем это едят. Глаза разбегались от изобилия, а желудок сжимался от волнения.

– Спасибо, что согласились разделить со мной, – начал капитан. – Поблагодарим наших богов и не будем больше откладывать. Думаю, все здесь изрядно проголодались.

Хигс приложил средний и указательный пальцы правой руки ко лбу, а потом поднял их вверх, отдавая дань богам. Мы сделали то же самое и приступили к трапезе.

Ласточка и Филин вели себя также непринужденно, как всегда: весело перешептывались, смеялись, подначивали Соловья. Капитан тоже вел себя расслабленно, и то и дело посмеивался над шутками разошедшейся парочки. Сейчас он не напоминал того человека, который без зазрения совести отдал приказ о наказании, на человека, грозившего Соловью расправой за мои бездумные поступки. Я была в смятении.

– Должен признать, вы довольно смелая девушка, леди Луна, – обратился наконец ко мне капитан, когда основные блюда были съедены.

Я как раз пригубила из кружки легкого эля, которое мне услужливо налил Сол и чуть не подавилась от неожиданности.

– Однако, я попрошу вас больше так не делать, – уже более серьезно продолжил он. – Видите ли, своим поступком вы чуть не погубили репутацию Джереми.

– Я осознала свою ошибку, – ответила я, но внутри все равно сидел червь непонимания. – Я лишь делала то, что велело мое сердце. Меня с самого детства учили помогать людям. И, увидев, как избивают ребенка, я не смогла остаться в стороне.

– Наверное, вам кажутся варварскими мои методы?

– Не буду этого отрицать.

– Я хочу вас уверить, что это необходимость.

– Вы не должны мне что-либо объяснять, это же ваш корабль и ваши правила.

– Как раз–таки должен, – Хигс отпил немного из своего кубка и отставил его в сторону. – Вы моя гостья, а я бы не хотел, чтобы вы судили меня слишком строго.

Мужчина посмотрел на меня с улыбкой, и я не смогла найти на его лице ни одного признака лукавства. Казалось, ему это действительно важно.

– Сынок, уступи этой милой леди свой стул, не хочу разговаривать с ней через стол, – капитан обратился к Соловью.

Мужчина помедлил, но потом встал, освобождая мне место. Я неловко перебралась на соседний стул, и Соловей помог мне его пододвинуть поближе, напоследок утешительно пожав мне плечо. Сам же садиться не стал, кивнув ребятам, они всей компанией отошли к окну, оставляя нас наедине.

– В былые времена я бы не стал вас утруждать и сам бы подсел ближе, но, как понимаете, сейчас я по большей части предпочитаю сидеть, – сказал Хигс, намекая на свой деревянный костыль.

– Я сталкивалась с таким недугом у себя в деревне, и представляю, какой дискомфорт он может доставлять. Нога вас сильно беспокоит?

– Когда больше, когда меньше, но разговор сейчас не обо мне, милая девочка. Хотя я рад, что вам не все равно на такого старика, как я.

– Это только профессиональный интерес! – я попыталась выглядеть сдержанно, но этот мужчина уже начал располагать меня к себе, как бы я этого не хотела.

Капитан неожиданно расхохотался.

– Рассмешила старика! – а потом, резко сменив тон, продолжил наш отложенный разговор. – Я управляю своей «Грозой морей» уже очень много лет и в моем подчинении находится более восьмидесяти моряков. И это не добродушные простачки, а мужики, которым нечего терять. Их никто не ждет на берегу, и только море их родной дом. Но чтобы их держать в узде, я должен следить за четким выполнением правил. И если их кто-то нарушает, будь, то бравый моряк или мелкий сопляк, только ступивший на борт корабля, я буду наказывать их одинаково. Иначе в один момент они поднимут бунт и выкинут меня за борт моего же корабля.

– Но Джереми еще совсем мальчик!

– У Джереми была первая ночная вахта, и он уснул, нарушив тем самым одно из главных правил!

– И это стоит десяти ударов плетью? – не сдавалась я.

– А если бы на нас напали, и погибли люди?

На мгновение я задумалась.

– Шрамы на спине, это малая цена, поверьте! Но теперь он уже вряд ли уснет на своем посту.

Я хотела снова возразить, но за моей спиной с грохотом открылась дверь, и в каюту вбежал один из матросов:

– Капитан, прямо по курсу корабль! И он весь в огне!

Глава 11

Соловей

Щепки, доски, оторванные от борта, бездыханные тела, мирно качались в волнах на фоне уже догорающего корабля. Одна из мачт с треском переломилась пополам и рухнула в воду, утаскивая за собой паруса и красно-белый флаг с изображением двух лошадей, зеркально вставших на дыбы – флаг Столицы Южного королевства.

– Что произошло? – спросила Лúна, с ужасом смотрящая на корабль, который в скором времени отправится ко дну.

– Пираты! – зло сплюнув, ответил ей Хигс. – Безжалостные ублюдки! Они как паразиты, которых ничто не берет!

– И что, никто не спасся?

– Они не оставляют никого в живых! Но даже если на корабле сейчас кто-то и лежит без сознания, мы все равно не сможем подплыть слишком близко.

– И вы просто проплывете мимо?

– Все, что мы сможем сделать, это сообщить в порту города, о нападении пиратов. Там смогут найти семьи погибших и отправить им письма, сообщив о произошедшем.

Как же мне хотелось сейчас утешить эту маленькую и

хрупкую девушку, с таким большим сердцем. Но я и сам был согласен с капитаном, а все остальные слова вряд ли бы утешили знахарку.

– Капитан! Смотрите, там шлюпка.

Один из матросов указал на воду, и все взгляды устремились за левый борт, где на волнах качалась единственная уцелевшая спасательная лодка.

– Ее надо проверить! – выкрикнула взволнованная девушка. – Вдруг в ней выжившие?

– Луна... – Ласточка, подошла к девушке и предостерегающе помотала головой.

Капитан Хигс посмотрел на девушку задумчивым взглядом.

– Парни, проверьте, есть ли в ней кто, – а потом обратился к Луне. – Надеюсь, нашей гостье от этого станет хоть немного легче.

Мы все подошли к краю, чтобы следить за моряками, как они спрыгивают в воду и плывут к шлюпке, как один перекачивается через борт и возится с чем-то, а потом они вместе тянут лодку к борту «Грозы морей».

Внутри лежит мужчина. Мне издали сложно определить сколько ему лет. Но когда его все-таки втаскивают на палубу и кладут спиной на гладкие доски, я, не веря своим глазам произношу:

– Сокол? – светлые кудрявые волосы, такое знакомое лицо, но я не могу в это поверить.

Рядом со мной стоят ошарашенные Филин с Ласточкой, а Хигс смотрит в мою сторону с неммым вопросом. Я бегу к телу и рву влажную рубашку на правой руке до плеча, где замечаю то, что искал. Черную татуировку птицы – символ Гнезда.

– Это и вправду он! – подтверждает мои мысли Ласточка.

– Я не могу в это поверить!

Но наш диалог прерывает Луна и подбежавший лекарь Витор. Они отпихивают меня и не сговариваясь начинают проверять тело на наличие повреждений.

– Он жив? – мой голос дрожит – сейчас я не в силах скрыть своих эмоций.

– Он дышит, – говорит лекарь.

– Но сильно обезвожен, – вторит ему беловолосая красавица. – Пару ожогов, но не смертельных. Несите его в каюту!

Хигс кивает, соглашаясь со словами девушки, и стоявшие рядом мужики подхватывают бессознательного парня, унося его.

Девушка спешит вдогонку за ними, но я ее останавливаю.

– Пожалуйста, не дай ему умереть!

Глаза Луны смотрят мне прямо в душу, и сейчас я открыт перед ней как никогда.

– Я сделаю все, что возможно! – легко коснувшись моей руки, она быстро уходит в след за матросами.

Луна

Таким растерянным я никогда его не видела. Конечно, мы знакомы всего ничего, но я успела понять, что этот человек в большинстве случаев привык скрывать свои чувства. Но сейчас, он показал насколько он уязвим на самом деле.

Уже два дня мы попеременно с Витором ухаживаем за мужчиной, но он так и не приходит в себя. Сейчас я сидела возле его кровати и стирала холодной тряпкой выступивший у него на лбу пот, в который раз рассматривая каждую черточку его лица.

Он красив. Я бы даже сказала, очень. У него светлые кудрявые волосы, цвета созревшей пшеницы, правильные черты лица и губы, насыщенного цвета, будто их только что долго целовали. Но эту красоту сложно назвать мужественной, скорее она присуща статуям, лик которых запечатлен в веках.

– Сокол, – произношу я прозвище мужчины, пробуя каждую букву на своем языке.

И вдруг его веки вздрогнули, и он открыл глаза.

– Я что, умер? – голос звучит хрипло, пересохший от долгого безмолвия.

– Нет, – я кидаюсь к кувшину с водой и подношу его мужчине. – Пейте! Но маленькими глотками.

Мужчина безропотно исполняет мое указание, делает пару глотков и все равно давится.

– Горло саднит, – откидываясь на подушку, тихо говорит он.

– Вы надышались дымом. Скоро все пройдет.

Он лежит, закрыв глаза, и мне начало казаться, что он снова уснул. Однако через пару минут они раскрылись, и он спросил:

– Когда я очнулся, вы ведь как–то меня назвали?

– Сокол...

– Это из–за моей татуировки? Или вы знали меня когда–то?

Меня озадачил этот вопрос.

– Нет, мы не знакомы. Ваше имя мне сообщили друзья.

Мужчина сощурил глаза и вопросительно на меня посмотрел, будто совершенно не понимая, о чем или о ком я говорю.

Резко распахнулась дверь – в проходе которой маячили три фигуры. Наш разговор прервался.

– Дружище! – воскликнул Фил.

– Ты очнулся! – радостная Ласточка подбежала к другу.

И только самым последним в каюту заходит Соловей. Он молчалив и снова закрыт от всех, в том числе и от меня. Словно грозовая туча, занимает все оставшееся пространство, и воздух вокруг как будто электризуется от надвигающейся грозы. Соловей, просивший спасти друга, сейчас не был похож на того, кто радуется хорошим новостям.

– Луна, ты можешь оставить нас наедине? Нам есть о чем поговорить с Соколом.

В это время, услышав свое имя, другой мужчина резко приподнимается на локтях и угрожающе произносит:

–Что здесь происходит? Меня зовут Эйтан!

Я растеряно смотрю на них обоих, но Соловей кивает в сторону дверей, явно намекая, что этот разговор не для моих ушей.

Проходя мимо Соловья, я кладу руку ему на плечо и, приподнявшись на цыпочки, шепчу на ухо:

– О чем бы ни был ваш разговор, прошу, будь с ним помягче. Он только пришел в себя и очень слаб!

Дождаться ответа не стала, а сразу же покинула комнату, слишком маленькую для такого количества людей.

Соловей

Последний раз, когда я видел Сокола, мне было пятнадцать лет. Мы были лучшими друзьями, братьями по духу, не по крови. Он был для меня примером, образцом для подражания. «Друзья, что не хранят тайн друг от друга» – так он говорил мне тогда.

В тот злополучный день в интернате, под звучным названием «Гнездо», все было точно также, как и в любой другой: мы проснулись, позавтракали, и Наставник отправил нас на пробежку по хорошо знакомой лесной тропинке. Ласточка с Филином убежали раньше, но мы знали, что легко их нагоним.

– Ты помнишь, какой завтра день? – воодушевленно спросил я у своего друга.

– Конечно! – глаза Сокола горели таким же огнем энтузиазма, как и мои. – Посвящение!

– Даже не верится, что Наставник передаст тебе кольцо! – я был очень горд. – Вон Филин старше и мощнее, но в нем он почему-то усомнился.

– Потому что важна не только физическая сила, но и духовная, – поучительно сказал Сокол, он был старше меня на пять лет и всегда знал больше, чему иногда я даже завидовал. – Ты на Ворона посмотри, он взрывается из-за всего и

вечно чем-то недоволен. Разве он сможет сдержать темную сущность, если даже себя не в силах?

– Тише ты! – огляделся я по сторонам. – Вдруг он тоже на пробежке. Услышит – мы таких тумачков отхватим!

– Пусть сначала догонит! – крикнул Сокол с озорной улыбкой и побежал, что есть мочи.

Я засмеялся и последовал за ним, стараясь обогнать.

По наставлению Наставника, отправились спать пораньше, дабы завтра быть полными сил и готовыми участвовать в Посвящении.

Однако на утро, когда я вбежал к Соколу в комнату, то увидел пустую кровать и никаких признаков друга. Я бегал по всему интернату, надеясь отыскать его, но последний раз его видели прошлым вечером, а сегодня его и след простыл.

Встревоженный и потерянный, я отправился в Круглый зал, где застал Наставника, рисующего на полу символы, для осуществления нашего грядущего Посвящения.

– Наставник Атропин, вы не знаете, где мне найти Сокола?

Мужчина оторвался от своего занятия, встал и повернулся ко мне. Он был очень высок и худощав, однако его худоба была обманчива. Он был полон сил и еще никто из наших ребят не смог ни разу ранить его в обучающем бою. Длинные темные волосы были собраны в высокий хвост и перевязаны кроваво-красной ритуальной лентой. Атропин смотрел на меня своим темно-карим глазом, и от этого взгляда мне

хотелось сжаться. Однако я знал, что не имею права подавать виду, что хоть немного напуган. Второй глаз был мутного белого цвета и через него от корней волос, до кончика бороды проходил огромный прямой рваный шрам. Эта старая рана задевала край губы, и оттого выражение лица Наставника, всегда было угрожающим, хотел он того или нет.

– Сокол покинул наше «Гнездо».

– Он сбежал? – я не мог понять, что происходит.

– Боюсь все не так просто, Соловей. Вчера ночью он погиб.

– Это шутка такая?

Атропин поджал губы и, прищурившись, посмотрел на меня.

– Я похож на того, кто шутит, мальчишка? Ночью бьёш, которого я приготовил для Посвящения, сбежал. Видимо Сокол услышал это и решил сразиться с ним самостоятельно. Я выбежал на улицу слишком поздно, тварь уже жевала паренька, который безжизненно свисал у него из пасти. Заметив меня, демон скрылся в лесу. И все, что я смог найти – это браслет, который он носил не снимая.

– Этого не может быть? Вы врете! – я не мог поверить в то, что слышу и эмоции бурным потоком вырывались из меня, а слезы гроздьями текли по щекам. – Почему никто не в курсе? Почему вы никому не сообщили?

– Я отправил письмо гробовщику и хотел созвать вас всех, когда закончу с приготовлениями к Посвящению и к похоро-

ронам.

Я безвольно открыл рот, но не мог издать хотя бы звук. Я мысленно крутил в голове наш разговор, но не мог понять, где я упустил главное.

– Посвящение? Но Сокол же мертв?

– Ты не ослышался. Сегодня, после погребения пустого гроба, ты пройдешь Посвящение.

У меня закружилась голова.

– Но почему я? – спросил, пытаюсь не упасть в обморок от потрясения. – Я не готов!

– Кто если не ты способен отомстить за друга?

– Но... – во рту стало сухо.

– Сокол всегда говорил, что только ты мог бы быть его преемником. Так что надеюсь, ты не подведешь меня. Ведь так?

Через силу, я кивнул, до конца еще не осознавая, о чем просил меня Наставник. Но от так уверенно смотрел на меня, в нем не было ни капли сомнений в своем решении. Как я мог отказаться?

– Я всегда знал, что ты сильный! Иди, готовься. Как бы не парадоксально это звучало, но этот самый мрачный день для всех нас, станет самым ярким, как только ты пройдешь Посвящение. Ведь у нас появится надежда на отмщение!

– Могу ли я только попросить? – обратился я к уже успешшему отвернуться Наставнику.

– О чем? – он посмотрел на меня через плечо.

– Отдайте мне браслет!

Воспоминания потеряли былую четкость, размылись и покрылись тоненькой корочкой льда, что девять лет холодила мне сердце. Мне было пятнадцать лет, я не был готов к той участи, что выпала мне. Но несмотря на это, я сдержал обещание и не подвел Наставника – мстил за потерянного друга из последних сил. А сейчас он сидел передо мной на кровати, а я не находил слов. И пока я собирался с мыслями, теребя на руке злополучный браслет, Ласточка взяла на себя всю инициативу и начала разговор:

– Что же с тобой случилось тогда? Где ты был все это время?

– Прежде чем я вам что-то расскажу, объясните, наконец, кто вы все такие?

– Мы твои друзья, Сокол! – девушка растеряно смотрела на мужчину, ища в его глазах узнавание, но он лишь комкал одеяло от злости.

– Я вас не знаю... точнее, не помню, – парень выдохнул и отвернул свою голову в сторону, стараясь не встречаться с нами глазами. – Девять лет назад, в лесу меня нашел охотник. Я был при смерти, истерзан и истекал кровью. Думаю, еще пару часов и все...

– Значит, тварь не сожрала тебя!

– Кто? – Сокол резко повернулся к нам.

– Демоны. Служители Бааш. Называй как хочешь, – внут-

ри меня бушевало смятение.

– Но как такое может быть? – Филин смотрел на меня, пытаясь узнать ответ на вопрос, на который я не мог ответить. – Наставник же сказал, что он мертв.

– Он что ли ошибся? – Ласточка сидела на постели пострадавшего и смотрела то на нас, то на Сокола. И была также растеряна, как и все мы.

– Наставник говорил то, что видел.

– Но он же сказал, что не нашел следов от тела! – звонкий голос воительницы разносился по каюте.

– Что ты хочешь от меня услышать? – оскалился я, и девушка сразу притихла. Не испугалась – обиделась. Я видел это по ее сверкающим глазам.

– Потихе, дружище! – Филин окинул нас взглядом. – Думаю, сейчас не стоит выяснять объяснения давно ушедшим дням. Пускай отдохнет, – он кивнул на Сокола. – У нас будет еще достаточно времени, чтобы все обсудить на холодную голову.

Сокол устало согласился, и нам не оставалось ничего, кроме как уйти. Мы и так насели на него, хоть знахарка и просила этого не делать.

– И когда ты стал таким умным? – покинув каюту Сокола, спросил я у друга.

– Приходится, – на показ вздохнул Филин. – Когда ты начинаешь тупить, кому-то же надо сохранять здравый ум.

– Почему бы это не быть мне? – Ласточка вопросительно

приподняла бровь.

– Не смей меня! – расхохотался Филин, за что получил по своей голове. – Ладно, ладно. Будем посменно.

– То–то же, – и довольная девушка прошла мимо нас в свою каюту.

Парень проследил за ней и как только та скрылась за дверью, улыбка слетела с его лица.

– Сол, как думаешь...?

– Думаю, Фил, что только два человека были там в ту ночь.

И раз один из них молчит, то мы обязаны узнать все у второго.

– Думаешь, нам пора вернуться в Гнездо?

– Сначала мы отыщем и вытащим Дрозда. А потом уже все вместе отправимся домой.

Луна

Не знаю, что произошло за закрытыми дверями, но весь следующий день Эйтан лежал, отвернувшись к стене. Я просила его поесть, но он лишь отмахивался, и я оставляла еду возле его кровати. Радовало одно, что по возвращении тарелка и стакан были пусты, а значит мужчина не морил себя напрасным голодом. Соловей больше не заглядывал к нему. Я пару раз видела его издали, как и он меня, но мужчина не стремился со мной общаться. И я должна была быть этому рада, ведь чем он дальше от меня, тем меньше вероятность натворить какие-либо глупости. Филин и Ласточка отвечали невпопад, отчего я перестала лезть не в свое дело.

В этот вечер я не могла уснуть, волнуясь и в то же время предвосхищая скорое прибытие в Столицу. Впрочем, и во все остальные ночи я так же мучилась бессонницей, потому решила перед сном выйти подышать свежим воздухом. Солнце садилось. Я прошла на нос корабля, чтобы сполна насладиться этой красотой. Оно медленно, неторопливо скользило по ясному небу, окуная свои нижние лучи в спокойную воду, которая сразу же окрасилась в красный цвет, образуя дорогу. И чем глубже опускалось солнце, тем шире становилась эта багряная тропа.

Я непроизвольно провела рукой по борту корабля и сра-

зу отдернула, почувствовав нечто влажное. Но не успела посмотреть на руку – снизу раздался всплеск. Глянула вниз, но ничего не увидела. Хотя, если приглядеться повнимательнее, то под водой можно было разглядеть смазанные фигуры. Тут одна из них выпрыгнула из воды, и я узнала в этом существе дельфина. Он с шумом вернулся в воду, а его собратья стали подражать первопроходцу, выпрыгивая вверх и с плеском уходя обратно.

Я улыбнулась этой незатейливой игре, от которой было невозможно оторвать взгляд, совершенно позабыв, что меня взволновало мгновение назад. Дельфинов было много, и их силуэты под водой смотрелись большой огромной массой, потому я не сразу заметила, как что-то черное выпрыгнуло из воды и, ухватив длинным щупальцем за шею, потянуло в воду.

Удар. И я уже в подводном мире, где соленая вода забивает мне нос и рот. А открытым глазам предстает еще одна ужасная картина: нечто, напоминающее осьминога, скручивает вокруг меня щупальца, количество которых не счесть, приближает ко мне свою голову, на которой кроме огромной пасти, больше ничего не находится. Демон! В голове проносится воспоминание, как я снимаю кретч, так как его веревка терла мою еще незажившую рану. И осознаю, что мое неосмотрительное решение очень дорого мне стоило.

Наглотавшись воды, я теряю сознание.

Глава 12

Луна

Со всех сторон как будто находится вакуум, в который иногда прорываются отдельные неразборчивые звуки. Отчего непонятно, что происходит вокруг. Из темной мглы меня наконец вырывают легкие шлепки по щекам и чьи-то губы на моих, вдувающие мне воздух в легкие. Я распахиваю глаза и начинаю извергать из себя всю морскую воду, которой успела наглотаться.

Возле меня на коленях стоит Сокол и тревожно наблюдает за всеми моими действиями. Тонкое платье, мокрое от воды, облепило мое тело, не оставляя никаких секретов для окружающих глаз.

А их оказывается много. Матросы окружили нас. И мне становится так стыдно, как никогда. Мужчина возле меня видит мои пунцовые щеки и долго не думая стягивает свою рубаху, натягивает на меня и помогает подняться.

– Уведи меня отсюда! – шепчу я ему, ощущая, как по щекам бегут слезы.

Сокол подхватывает меня на руки и уносит подальше от мужчин, обступивших нас. Среди них я замечаю одну фигуру-

ру, которая отделяется от всех и следует за нами быстрым шагом.

– Сокол, остановись!

Но мужчина, несущий меня, даже и не думает слушать. Он продолжает свой путь до моей каюты, которую распаивает ударом ноги. Внутри сидит Ласточка, для которой было неожиданностью такое резкое появление.

– Что случилось?

– Она выпала за борт, – отвечает Эйтан, укладывая меня на койку.

– Нет! – перебиваю его охрипшим голосом. – Что–то утатило меня вниз! Что–то такое же темное и бездушное, как мы встретили в лесу!

– Демон? – Соловей, вошедший следом за нами, ждет моего ответа. И я киваю.

Нет причин скрывать от них, что–либо, тем более все они и так знают об этих существах куда больше моего.

– Неужели это сул – водный демон? Про них давно ничего не было слышно! – восклицает Ласточка. – Но как же ты с ним справилась? Они невероятно сильны!

– Не хочу вас огорчать, – перебивает ее Эйтан. – Но под водой никого не было, кроме стаи дельфинов!

– Но я же его видела! – возмущенно вскрикнула я.

– Скорее всего, ты увлеклась разглядыванием рыб и перекинулась через борт, где нахлебалась воды, – продолжает настаивать светловолосый мужчина.

– Мне это не привиделось! Я чувствовала его щупальца на своем теле и видела его ужасные зубы!

– Луна, ты уверена? – даже Соловей начинает сомневаться в моих словах. – Столько демонов за короткий период?

– Вы что, все издеваетесь надо мной! – единственные люди, что могли мне поверить, сомневались в правдивости моих слов. Стоит ли говорить, что я была возмущена и обижена.

– Успокойся, мы просто пытаемся все прояснить, – попытался смягчить обстановку Соловей, но я еще больше пришла в ярость.

– Если вы мне не верите, то убирайтесь все вон!

– Мы не говорим, что не верим...

– Вон! – твердо говорю я, сдерживая внутри готовый вырваться крик.

Ласточка начинает выталкивать мужчин из каюты, уверяя, что присмотрит за мной. Я бы и ее выгнала, но она имеет полное право здесь находиться, у меня больше не было сил спорить.

В тишине она помогает мне переодеться в сухие вещи и берет гребень, чтобы расчесать мои спутанные волосы, успевшие отрасти еще сильнее.

– Ты то мне хоть веришь? – еле слышно спрашиваю я девушку.

Она на секунду останавливается, а потом вновь принимается за мои волосы.

– Да.

– Спасибо! – благодарно шепчу я.

За этим занятием и застаёт нас Фил, вбегая в нашу комнату.

– Девчонки, хорошие новости! Земля!

Соловей

Третий демон за такое короткое время. В это сложно было поверить, но Луне не было причин придумывать или обманывать нас. Другое дело – Сокол. Почему же он сказал, что никого не увидел там? И смог бы он один расправиться с демоном? В этой ситуации было много непонятного. Но я обязательно доберусь до истины.

Только вот времени у нас в обрез. В Виферне мы узнали, что заключенного, по описанию напоминающего Дрозда, отправили сюда. В общем–то, потому мы и направились в Столицу. Чтобы отыскать друга. Сейчас важнее всего – спасти друга, а потом можно заняться всем остальным.

Мне нужно было только найти предлог, для того, чтобы заставить Луну задержаться подольше в городе, а с ней же уговорить остаться Сокола.

– О чем задумался, друг? – прервал мои размышления Фил.

За весь путь мы с ним почти не общались. Мужчина предпочитал проводить время в компании нашей рыжеволосой подруги, что раньше не казалось мне странным. Но после замечания Луны во мне проросли корни подозрения. Тем не менее решил не думать об этом – это то дело, которое не касалось меня лично, и влезать в него я не собирался.

– Как думаешь, Дрозда не успели отправить в Королевскую каменоломню?

– Надеюсь, что нет. Иначе у нас будут огромные проблемы.

Я не мог не согласиться. Темная крепость по сравнению с каменоломней могла показаться детской шалостью. Достать оттуда друга, это было сродни чуду, которое при надобности мы были готовы совершить.

Мы смотрели на появившуюся на краю моря кромку земли и думали каждый о своем, наслаждаясь приятной тишиной, подарить которую может только близкий тебе человек.

– Мне кажется, тебе не стоит отпускать Луну.

Я удивленно посмотрел на друга. Иногда мне казалось, что этот человек умеет читать мысли.

– Все, что с ней происходит, неотрывно связано с нашей миссией, – продолжил тем временем тот. – Было бы хорошо узнать, почему эта девочка так манит наших темных «друзей».

– Я думал об этом.

– И к чему пришел?

– Я хочу предложить ей сопровождать ее в Альтвир. Задумано мы могли бы навестить Наставника. Что думаешь?

– Все зависит от того, как пройдет освобождение Дрозда, – задумчиво сказал Филин.

Я кивнул.

– Что думаешь по поводу Сокола?

– А что с ним?

– Я думаю, вам двоим нужно поговорить.

– Я ему не доверяю! – настроение мое вновь испортилось. – Это теперь не тот человек, которого мы знали в детстве.

– Тем более. Возможно, судьба преподнесла тебе еще один шанс узнать его ближе.

– Думаешь?

– По крайней мере, он сам изъявил желание пообщаться с тобой, – Филин кивнул мне за спину. Я обернулся и увидел, что там стоит Сокол.

– Не буду вам мешать.

Филин ушел, и мы наконец остались наедине. Когда Сокол подошел и встал около меня, я почувствовал, как напряжение внутри натянулось струной – я давно не ощущал себя таким растерянным. Сокол же, наоборот, выглядел довольно расслабленно.

– Что же все-таки случилось тогда? – мне так хотелось узнать правду.

– Если бы я помнил... – мужчина посмотрел вдаль, представляя ветру свое лицо. Он ведь почти не изменился, только в плечах стал шире, да и озорной блеск из глаз пропал. Я столько раз представлял, какими мы были бы, останься он в живых. И вот, мой потерянный друг стоит рядом, но между нами стена забвения: толстая, прочная, непробиваемая. От этого было очень горько.

– Что ты чувствовал, когда пришел в себя?

– Одиночество, – он повернулся ко мне, и наши взгляды встретились. – Чувствовал, что потерял что-то важное.

– Сокол, очень жаль, что я не нашел тебя, – я был искренним с ним.

– Теперь это уже не важно. Но прошу, называй меня Эйтан, ладно? Думаю, Сокола не стало очень давно – он перестал существовать тогда в лесу, истекая кровью.

Это слова резью отразились в моем сердце.

– Я понимаю, что мы не способны загладить свою вину, но, возможно, ты бы хотел узнать, что-то о своем прошлом?

– Для чего? – Эйтан посмотрел на свои руки, одна из которой была неумело перевязана.

– Не знаю, – я провел ладонью по своим волосам. – Может, чтобы понять, каким ты был раньше, к каким целям стремился, какое важное дело собирался совершить?

Мужчина лишь фыркнул на мои слова, вновь отвернувшись от меня в сторону приближающейся земли.

– Возможно, это помогло бы вернуть тебе память, – видя, что эти доводы не повлияли на друга, решил сменить тактику. – А пока, мы могли бы начать сначала. Что скажешь?

– Я бы хотел, – в его голосе я не чувствовал фальши, только искренность и некую нерешительность. Он протянул мне руку. – Эйтан.

– Очень приятно! Соловей.

Луна

Моя сумка была сложена, и я просто сидела на койке, дожидаясь, пока наше морское путешествие подойдет к концу. Выходить наверх я решительно не хотела, поэтому попросила зайти за мной Ласточку, когда корабль заплывет в бухту. Девушка объяснила мне, что некоторые товары капитана не были отмечены в учетной книге, и потому прямой путь в Столицу нам был закрыт. В связи с этим меня ожидало двухчасовое странствие со всей «птичьей» командой до города. С одной стороны, я была рада, что еще какое-то время не останусь одна, а с другой – моя душа была полна сомнений относительно одного человека мужского пола.

Наши отношения, которые с самого начала нельзя было назвать нормальными, сейчас стали только запутанней. Мы почти не разговаривали и большую часть времени старались избегать друг друга, не считая завтраков с капитаном, хотя и там мы не выходили за рамки этикета. Но, несмотря на это, я чувствовала его взгляд на себе: тяжелый, задумчивый, от которого внутри все сжималось, а сердце билось чаще.

«Что же ты за человек, Соловей?» Этот вопрос мучал меня и не давал покоя. Я пыталась смириться с тем, что никогда не получу на него ответа, ведь теперь наши пути точно навсегда разойдутся.

В дверь кто-то постучал.

– Войдите.

Сокол был последним человеком, которого я хотела видеть и видимо мое выражение лица было очень красноречиво, потому что парень заметно стушевался.

– Прости!

– Что? – такого я точно не ожидала.

Эйтан решительно переступил порог и закрыв за собой дверь подошел ко мне, но сохранил приличное расстояние, чтобы меня не смущать.

– Я прошу у тебя прощение, за то что соврал всем.

– Ты...! – я хотела накинуться на него с криком, но он зажал мой рот своей рукой, несильно, но достаточно, чтобы я не смогла что-либо крикнуть.

– Тише! Не поднимай панику! – попросил он меня и сразу же убрал свою ладонь от моего лица. – Ты спасла мне жизнь, и я посчитал нужным извиниться перед тобой и сказать правду. Однако прошу никому не говорить об этом. Просто поверь, у моей просьбы есть веская причина.

– Ты выставил меня полной дурой, сказав, что мне все привиделось! С чего я должна тебя прикрывать?

– Я не хотел этого, – мужчина растеряно провел своей пятерней по волосам, растрепав их еще сильнее, что не сделало его вид неряшливым, скорее даже более симпатичным, чего я не смогла не подметить.

«Боги, о чем я только думаю!»

– Но все же сделал, – вскинув руки, возмутилась я, хоть и не так активно, как изначально.

Сокол оттянул ворот своей рубахи, будто бы она сейчас норовила его придушить:

– Возможно, я забыл не все...

Я округлила глаза и прикрыла рот ладонью.

– Луна, но я прошу, не говори никому! Никто не должен знать! – умолял меня мужчина. – Ради этого я готов на все!

Зажмурив глаза, я лихорадочно думала. Решение далось мне нелегко, ведь я практически не знала Сокола. Не знала, могу ли ему доверять. Но несмотря на это, он все равно мог быть мне полезен.

– Ладно, – решила я сжалиться. – Давай договоримся, что с тебя услуга, от которой ты не сможешь отказаться?

– Согласен! – глаза мужчины зажглись радостным блеском. – И что же это будет за услуга?

– Пока не знаю, – пожала я плечами, хотя в действительности в моей голове уже возник план.

Глава 13

Луна

– Прощай, Луна! – капитан Хигс по-отечески обнял меня на глазах всей команды, отчего мои щеки слегка покраснели. – Был рад познакомиться с такой бесстрашной девушкой!

– Я тоже рада знакомству.

– Чувствую, ты немного лукавишь, но старику все равно приятно слышать такие слова из уст молодой красавицы! – мужчина задорно подмигнул. – Если тебе когда-нибудь понадобится укрыться на судне, то моя команда всегда будет рада тебе помочь!

– Спасибо!

Не знаю, чем заслужила такое расположение к себе, но я действительно была рада знакомству с этим грозным капитаном, в груди которого все же билось доброе сердце, немного зачерствевшее с годами нелегкой жизни.

Также он попрощался со всеми моими спутниками, а возле Эйтона задержался немного дольше.

– Не волнуйся, сынок, я отправил гонца с письмом, в котором рассказал о случившемся в море. Их родственникам передадут, хотя они и не смогут проститься с ними по-чело-

вечески. Все–таки море забирает свое и уж точно ни с кем не считается.

– Спасибо, капитан! – пожав руку Хигса, с грустью произнес парень. – Для меня это много значит! Возможно не все из них были образцами для подражания, однако они были хорошими людьми.

– Уверен в этом.

Хотя прощение было омрачено, мне было не стыдно признаться, что я рада наконец–то покинуть бескрайнее непредсказуемое море и ощутить под ногами твердую почву.

– Ребята, нам пора! – окликнула нас Ласточка, и мы, махнув напоследок капитану, все вместе направились в путь.

Девушка бодро шла впереди всех, и я решила составить ей компанию, оставив общающихся позади нас мужчин.

– Я все забываю спросить, а где же Страж? – я совершенно про него забыла, однако сейчас, увидев команду в полном составе, осознала, что она поредела еще на одного человека.

– Соловей не смог уговорить его покинуть Виферн.

– Мне очень жаль.

– Это его выбор, – девушка горько вздохнула. – Я уверена, что в нашей компании ему было бы лучше, однако не в праве решать за человека, как ему жить и что ему делать.

– Думаю, он всегда будет вам рад в Виферне.

– В этом я не сомневаюсь.

Ласточка обладала таким заразительным оптимизмом, которому не грех было позавидовать. Казалось, только что она

грустила, но через мгновение ее лицо уже сияло от веселой улыбки. Не удивительно, что Филин не сводил с нее своих задумчивых глаз. Замечала ли это сама девушка?

– Какие у тебя планы на ближайшее время? Останешься в Столице?

– Пару дней пробуду здесь. Нужно передохнуть. А потом отправлюсь дальше.

– Куда? – заинтересовалась Ласточка.

– В Альтвир.

– О, этот город мне хорошо знаком.

– Правда?

– А Соловей не говорил? Мы выросли неподалеку.

– Не думаю, что мы настолько близки с ним, чтобы он делился своим прошлым! – я попыталась скрыть обиду в голосе, но, видимо, у меня плохо получилось.

– Не злись на него. Он тяжело принимает в свою жизнь посторонних людей. Возможно, будь у вас больше времени, он бы открылся тебе.

– Но у нас нет этого времени, – я с тоской посмотрела через плечо на темноволосого парня.

Будто почувствовав, что я за ним наблюдаю, он, не переставая разговаривать с друзьями, поймал мой взгляд. И я, как всегда, отвернулась.

– Сложись обстоятельства по-другому, мы бы стали отличной командой, Луна! – невесело вздохнув, девушка стала заплетать свои длинные рыжие волосы в косу. – Это жара

меня доконает! – устав, простонала девушка.

Остаток пути мы шли, а солнце палило нещадно. С моего лба капал пот, и вся одежда прилипла к телу, от чего я почувствовала себя ужасно грязной. Первым делом, я закажу себе в таверне горячую лохань воды. Сколько бы она не стоила.

– Ты забыла, что сегодня за день? – раздался за нашими спинами голос Филина.

Нам пришлось остановиться, чтобы мужчины могли идти наравне с нами.

– А ты напомни. А то любишь только болтать без толку, – пошутила девушка, на что парень даже не обратил внимание.

– Сегодня – Огненный день.

– Неужели? – девушка радостно вскрикнула. – Это же чудесно!

Я впервые слышала про такой день и видимо на моем лице это было заметно.

– Так, в Столице называют день летнего солнцестояния. В этой местности он считается самым жарким днем в году, – это были первые слова Соловья обращенные ко мне с момента, как мы покинули корабль.

– И что же в этом такого знаменательного?

– Сегодня ночью будут гуляния во всем городе: будут жечь костры, много пить и танцевать до рассвета.

– Мы же сможем поучаствовать? – спросила Ласточка, щеки которой горели то ли от эмоций, то ли от вездесущего

солнца.

Соловей посмотрел на девушку, а потом перевел свой взгляд на меня. Было похоже, что он что-то обдумывает, перебирая в голове свои мысли.

– Думаю, нам всем не помешает одна ночь, чтобы отдохнуть.

– Ура! – Ласточка чмокнула Соловья в щеку.

– Ты, наверное, забыла, кто напомнил про этот праздник? – Филин надул губы и претворился обиженным.

– Ладно, – девушка подарила парню такой же поцелуй. – Заслужил!

А потом, долго не думая, ударила его ладошкой полбу и убежала. Филин побежал за ней. Я смотрела на эту милую перепалку, но думать могла лишь о том, что еще одну ночь я смогу провести с Соловьем. Мое сердце предавало меня.

Соловей

Я зацепился за эту идею, как за последний шанс, чтобы уговорить Лúну дожидаться меня в городе, пока мы не освободим Дрозда.

– Эйтан, ты как? С нами? – обратился я толи к другу, толи к знакомому с лицом моего друга.

– Если Лúна не против, то у меня нет причин не согласиться! – и он улыбнулся девушке так, что внутри меня все заледенело от непонятных двояких чувств.

– Мне было бы очень интересно, – и знахарка улыбнулась ему в ответ.

Мне пришлось приложить массу усилий, чтобы не накинуться на Эйтана с кулаками, хотя я понимал, что у меня нет на это никакого права. Лúна не принадлежала мне, она была вольна улыбаться кому угодно.

– Тогда направляемся в таверну «Рог быка».

– Куда? – Лúна опешила, и это не могло меня не повеселить.

– Поверь, за этим несуразным названием скрывается довольно пристойное заведение, – вернувшаяся Ласточка, постаралась успокоить девушку, но видимо, это не подействовало, хотя та тактично промолчала, отдаваясь на волю судьбе.

На горизонте появились шпили Столичного дворца, и, несмотря на то, что мы безумно устали, это придало нам сил, и мы ускорили шаг, чтобы побыстрее добраться до ворот. Дорога расширилась, и мы сами не заметили, как попали в поток людей, спешащих посетить Столицу.

– Я всегда не мог понять, почему у этого города нет названия, как у всех нормальных городов? – задумчиво сказал Филин, не обращаясь ни к кому конкретно.

– На самом деле у него есть название, – вдруг ответила Луна убирая, с лица мокрые волосы. – Эвилрейн. В честь династии королей древнего рода. Однако после того, как у последнего короля не родилось ни одного сына, ему пришлось передать свое правление старшей дочери, которая, в свою очередь вышла замуж за принца Дальних берегов, как вы понимаете, с другим родовым именем. Сейчас правят внуки рода Старвайнов. Один из них хотел переименовать Столицу, но народ взбунтовался, и он просто решил упразднить старое название на нейтральное. И со временем название действительно забылось и теперь это просто Столица.

– Ничего себе! – Фил явно был удивлен. – И откуда у тебя такие познания?

– К нам в деревню как-то заезжал один путник и Марша лечила его подагру. В знак благодарности он и подарил нам старую книгу по истории нашего королевства. Это единственное ценное, что у него было. Конечно, мы хотели отказаться, но мужчина был очень настойчив. Страницы были

ужасно затертыми, но текст и картинки все же можно было разглядеть, что я и делала довольно часто.

– Ты любишь читать? – опередив меня, Эйтан задал вопрос девушке.

– Безумно!

Они стали что-то обсуждать, но я не захотел даже вслушиваться в их разговор. Замедлив шаг, я немного отстал, разглядывая спины беззаботной парочки. Их можно было принять за брата с сестрой: худощавые, светловолосые, но то, как они вели беседу, показывало людям, что родство их точно не связывает. Звонкий смех Лúны и вторящий ему хрипловатый Эйтана приводили меня в состояние ярости и чего-то еще. Эти чувства жили глубоко в моей душе, и я даже не догадывался об их существовании до сего времени.

Таверна «Рог быка» никогда бы не бросилась вам в глаза. Обшарпанные стены здания, вывеска на которой от времени уже нельзя было различить название и дверь, на внешней стороне которой были крест на крест прибиты две доски, придавая ощущение заброшенности – все это отталкивало ненужных посетителей. И именно за эту невзрачность наша команда так любила это место. Это было заведение для «своих», где можно скрыться от посторонних глаз, и где всегда есть горячая еда и чистая постель.

Кройер, хозяин таверны, увидев нас, воздел руки вверх и поприветствовал с присущим только ему радушием:

– Какие люди к нам пожаловали! Я уж было подумал, что вы небось сгнули в мирских пучинах, так долго вас не было, – он окинул компанию взглядом. – Ласточка, ты, как всегда, неприлично прекрасна!

– Прекрати, старый шалопай! – беззлобно ответила рыжеволосая воительница, привыкшая к ухищрениям хозяина.

– Ты бы лучше не злословила, а представила мне эту снежную королеву, – и не успев получить никакого ответа, он подскочил к Луне и, взяв за руку, поцеловал тыльную сторону ладони.

Девушка застыла от такой наглости.

– Кройер, самый гостеприимный хозяин и хранитель чужих секретов, к вашим услугам, леди, – представился мужчина, снимая с себя шляпу – вечный атрибут его одежды.

Тем самым он дал возможность Луне рассмотреть свою голову. Надо отметить, что Кройер был не совсем типичным человеком и, если мы были привычны к нему, то для Луны это было большой неожиданностью. Глаза девушки округлились. А я мысленно дал себе подзатыльник за свою забывчивость.

– Я вижу, вас очень смутили мои рога? – с довольной ухмылкой сказал трактирщик. Это был его любимый трюк, который он проделывал с каждой мало-мальски симпатичной девушкой.

– Их четыре...

– Верно!

– Кройер! – я предупреждающе посмотрел на него. – Не пугай нашу спутницу!

– Ладно–ладно, все понял. И хватит смотреть на меня своим грозным взглядом. От него, если честно, мурашки по коже. Удивляюсь, почему такие девушки сопровождают тебя, хотя должны были бы бежать не оглядываясь!

Мужчина направился к стойке.

– Из–за праздника, почти все комнаты заняты, поэтому могу предложить только две оставшиеся. Устроит? – спросил он не оборачиваясь.

– Да, – ответил я за всех. – Уж как–нибудь разместимся.

Мы поднимались по лестнице, когда Лúна оказалась рядом со мной.

– Прости меня!

– За что? – удивленно спросила она.

– За то, что забыл предупредить. Ты не злился на него, – кивнул я в сторону Кройера, который уже беззаботно разговаривал с одним из постояльцев. – Он любит внимание и гордиться своей неординарностью.

– Теперь понятно, отчего такое название получила таверна, – на пухлых губах девушки появилась легкая улыбка. – И тебе нет причин просить прощения за такой пустяк.

На последней ступеньке девушка неловко споткнулась, и я вовремя успел ее подхватить, непроизвольно прижав к себе. Она так близко ко мне, как в тот вечер на корабле. Запах жасмина приятно щекочет ноздри. Ее дыхание касается

моего лица – все вокруг становится размытым. Но эту атмосферу разрушает чье-то покашливание, отчего девушка испуганно отпрыгивает от меня, а потом и вовсе спряталась в комнате.

– Проклятье! – ругательство вырывается из меня, и я перевожу взгляд на того, кто нам помешал.

Эйтан стоит на ступеньке ниже с задумчивым выражением лица.

Луна

– Как красиво!

Слова восторга срываются с моих губ, когда мы выходим на главную площадь города. Все вокруг искрится огнями, вокруг царит атмосфера веселья и сказочного волшебства. Отовсюду слышится смех, бегают дети, а за ними их счастливые родители. Многие молодые девушки держат в руках стеклянные подсвечники: у кого–то они горят, а чьи–то еще не зажжены.

– В эту ночь, юноши могут опалить палку в Большом костре и ей зажечь свечу понравившейся девушке. Если она отвечает взаимностью, то позволяет сделать это, если же сердце девушки занято, она просто закроет подсвечник рукой, – воодушевленно рассказала мне подруга.

– Так они признаются друг другу в любви?

– Кто–то да, а кто–то показывает так свою симпатию. Это просто такое веселье. Это могут быть даже незнакомые друг другу люди или близкие друзья. Все просто наслаждаются праздником.

Я заметила неподалеку лавку, на которой продавали различные красивые подсвечники ручной работы и потянула туда девушку. У меня появилась идея.

– Выбирай.

– Зачем? – Ласточка опешила.

– Ты же хотела повеселиться? Так давай же!

Я заметила, как в глазах девушки зажегся огонек, и она радостно стала выбирать себе стеклянную поделку. Увидев, как она потянулась за монетами, я задержала ее руку:

– Позволь мне?

– Но почему?

– Хотя мы и знакомы с тобой не очень долго, но я признаюсь, никогда ни с кем не дружила. А с тобой мне легко. И если наши пути разойдутся завтра, пусть это будет мой тебе подарок.

В глазах девушки я заметила смятение, но потом она согласилась, позволяя мне оплатить покупку.

Я отошла от лавки обождать задержавшуюся воительницу, держа в руках один из подсвечников, за который зацепился мой взгляд. И в это время из толпы ко мне вышел Эйтон. Ласточка заметила это и кивнула, показывая тем, что потом ко мне подойдет.

Мы молча шли, среди шумной толпы, пока не вышли на пустынный островок, огороженный каменными перилами от обрыва, откуда было видно море.

– Я столько путешествовал. Безмерное количество раз уже бывал здесь, но мне всегда Столица казалась пустой, – произнес мужчина, неотрывно следя за темной водой у подножья пропасти – Столько людей, шума и гама, но несмотря на это, в ней как будто не было души.

– Почему?

– Не знаю, – парень вздохнул и, обернувшись, оперся спиной об ограду, устремив свой взгляд на меня. – Наверное, мне просто не с кем было разделить свое веселье.

– Но сейчас ты не один, – решила подбодрить его я. – Ты нашел своих друзей и, как я вижу, ваши отношения налаживаются. Хотя ты поступаешь нечестно. Они должны знать, что ты их помнишь.

– Я не сказал, что помню все, – Эйтан ухватил меня за локон волос и легонько потянул. – Просто иногда, в прошлом есть такие вещи, которые ты бы хотел стереть, потому что воспоминания имеют силу. Силу, способную либо спасти тебя, либо уничтожить – пошатнуть твои устои. Думаю, связь с Соловьем именно такая – разрушительная.

– Каким он был? – я желаю, как можно больше узнать про мужчину, поселившегося в моей голове.

– Соловей? – мужчина на секунду задумался. – Он был настоящим другом. Верным до самых своих костей и всегда был готов защищать тех, кто ему дорог. И я вижу, что несмотря на прошедшее время, ничего не изменилось. Правда раньше, он чаще улыбался.

– В это трудно поверить.

– Да уж. Не знаю, через что ему пришлось пройти, но тот мир, в котором он остался и который я покинул, способен изменить человека, поверь мне. И кто знает, на сколько он еще тот Соловей.

– И все же, ты предпочитаешь забыть?

– Скорее, не подпускать близко.

– Знаешь, а я бы все отдала, чтобы иметь таких друзей, как у тебя, – голос мой был полон неприкрытый грусти. – Вы ровесники? Где выросли?

– Я старше.

Я скептически оглядела Эйтона и действительно, не могла в это поверить. Он выглядел юно, тогда как Соловья можно было назвать уже взрослым мужчиной. Скорее всего, дело было в том, что Эйтон худощав, хоть и поджар. Тело же Соловья бугрилось мышцами, и от него за версту несло мощью и силой. Его руки были способны убить демона, но так же они могли обнимать тебя нежно. «Например, если ты вдруг споткнешься» – от этих мыслей щеки мои запылали.

– Ты так и не ответил на мой вопрос, – отбросив ненужные мысли, я продолжила расспрос.

– Мы выросли в интернате, – тело парня напряглось, но взгляд от меня он не отвел.

– Я видела на что ваша команда способна и понимаю – такому не учат в обычных учреждениях. Так что же это за интернат такой?

– Во–первых, это не моя команда, – на челюсти Эйтона заходили желваки. – А во–вторых, я не хочу вспоминать об этом месте.

Я не могла заставить его мне открыться, хотя мне порядком надоели эти тайны. Но неся в своем сердце секрет, я не

в праве была что-то требовать. Тем более на лице мужчины мелькнули проблески застаревшей боли, которую вызывали воспоминания детства. Детства, которое было для него лучшим временем и, видимо, самым худшим.

С моря подул ветер, и я бы потеряла мои ладони друг об друга, но руки мои были заняты. Эйтон, заметив это, попросил у проходившего мимо паренька тлеющую ветку.

– Ты не против? – пронзительные голубые глаза смотрели вопросительно и как-то очень трепетно. И я, как замороженная, облизнув пересохшие губы, кивнула.

Свеча быстро разгорелась, начиная согревать мои озябшие ладони.

– Твои руки, очень холодные. Может, пойдем к костру? Вряд ли подсвечник способен соперничать с морским ветром, – поднося пальцы одной из моих рук к своим губам, спросил мужчина.

Каждое слово вырывалось из его рта теплым воздухом, покалывая на моих пальцах. Это было простое действие, однако, находясь с Эйтоном наедине, мне оно показалось очень интимным, отчего я медленным, но уверенным движением отступила на шаг назад. Он не возражал и даже улыбнулся мне понимающе, словно знал тайну моего сердца.

– Я не против уйти к огню. Только... – мне пришлось обратиться с силами, чтобы кое о чем его попросить.

– Да, Луна?

– Помнишь, ты обещал, сделать все, о чем бы я ни попро-

сила?

– И я сдержу свое слово!

Эйтон произнес это так уверенно, что я поверила в искренность слов и, решившись, произнесла:

– Ты можешь проводить меня в Альтвир?

Глаза парня подозрительно сузились.

– Зачем?

– Боюсь, я не могу тебе сказать причину, так же как и ты свои, – Эйтон нахмурился, но я продолжала, не обращая внимания. – Поверь, если бы была возможность, я бы осуществила это путешествие одна. Но я не дура, и понимаю, что это опасно. Поэтому я и прошу тебя! Мне больше не к кому обратиться.

Я и сама не ожидала услышать мольбу в своем голосе, но так, наверное, было даже лучше. Потому что, по правде говоря, хоть я и старалась не показывать всем окружающим своих чувств, но на самом деле я была в отчаянии. И мне нужна была помощь. Но я слукавила в одном, мне было к кому еще обратиться, правда, на тот вариант, несмотря на мое ноющее сердце, я даже не рассматривала.

– Признаюсь честно, – наконец заговорил парень. – Я не хотел бы возвращаться в тот город, но я не могу нарушить слово, данное тебе. Поэтому...

Выдержав недолгую паузу, он, подмигнув мне глазом, сказал:

– Луна, я составлю тебе компанию...

Мужчина не успел еще договорить, как я уже бросилась ему на шею и благодарно обняла. От неожиданности Эйтон замер, но потом, я все же почувствовала его руки у себя за спиной.

– Я очень тебе благодарна! – мои губы коснулись теплой щеки Эйтона, почувствовав, как он улыбнулся.

Разжимая руки, я ненароком посмотрела за спину парня и встретила взглядом с темными омутами знакомых глаз. Лицо Соловья будто окаменело. Попыталась быстрее освободиться из объятий Эйтона, чтобы окликнуть мужчину, однако успела заметить лишь его спину, мелькающую среди толпы.

Глава 14

Соловей

Что я ощутил? Удивление? Злость? Или это была боль? Скорее всего, все вперемешку, потому что эти чувства были незримо связаны между собой – в тот момент я не смог бы определить, что первично. Но я точно мог сказать, что картина, увиденная мной, была совершенно очевидна и поэтому резче отдавалась внутри, способствуя необдуманному поступкам.

Луна заметила меня и, наверное, хотела позвать, я видел это в ее глазах. Но сейчас мне нужно было побыть наедине: с самим собой и со своими мыслями. Я быстро развернулся и направился в сторону таверны. Для меня праздник на сегодня был окончен.

Мне нужно было остыть и взять себя в руки, но внутри все кипело и бурлило, требуя выхода. Мой мозг стал подкидывать идеи, как мне умерить свой пыл. Одна показалась мне наиболее привлекательной.

Надо бы навестить Королевскую темницу и разведать насчёт Дрозда. В городе праздник, и была большая вероятность, что стража поддастся всеобщему настроению и поте-

рывает бдительность.

Понимал ли я, что это безумие? Конечно! Могло ли это меня остановить? Нет!

Я думал сподвигнуть своих друзей на это сумасшествие, но заметил их на углу таверны: Ласточка держала в руках зажженный подсвечник и светилась от радости, а Фил стоял к ней непозволительно близко, держа в опущенной руке потухшую ветку.

– К демонам всех!

Я справлюсь и сам!

Все шло как по маслу, стража была навеселе и больше уделяла внимание болтовне друг с другом, чем охране заключённых, и мне не составило никакого труда проникнуть в тюрьму незамеченным. Более того, я смог прочитать книгу прибывших и... Удача! Дрозд был тут. Наши поиски не прошли напрасно. По-хорошему, я должен был вернуться к друзьям и обговорить тактику спасения, но азарт в крови заставил попытаться встретиться с другом и увидеть, в каком он состоянии. Я боялся, что Дрозду было не сладко и мое беспокойство не было беспочвенным.

Когда я увидел его на полу темной камеры, свернувшегося клубком, то не сразу смог распознать своего друга. На спине из-за гематом отчётливо проступал позвоночник, и его тело сотрясалось от сильной дрожи. В темнице было очень холодно, а с Дрозда сняли всю одежду, оставив только лёгкие кальсоны.

«Надо будет показать его Луне» – подумал я, отчего мой разум сразу нарисовал лицо снежной красавицы. А следом и картину, где она счастливо обнимает Сокола и целует его в щеку. Этот образ настолько захватил мое сознание, что я не сразу понял, что стою у клетки друга не один.

Боковым зрением я заметил летящий в меня серебряный предмет, и если бы не годы тренировок, скорее всего, я бы был уже мертв или сильно ранен.

– Сюда! – закричал стражник, доставая из ножен длинный меч. – У нас посторонний!

Ухмыляюсь и не двигаюсь с места. Давай же, иди ко мне! Разозленный моим бездействием, стражник замахивается и бежит в мою сторону, однако в тесном помещении с тяжеловесным оружием он мне не соперник.

Три. Два. Один. Делаю быстрый шаг в сторону, и стражник удивлённо проносится мимо меня. Он пытается развернуться, но действует слишком медленно. Одним четким и молниеносным ударом в затылок, я отправляю его в глубокий обморок, но расслабляться нет времени. Больше всего сейчас меня волнует даже не топот ног, слышный из арочного проема, а то, что Дрозд так и не отреагировал на шум борьбы и волей–неволей, я стал задумываться, не повредился ли он умом за время тюремного заключения.

– Дрозд! – мне нужно было убедиться в ложности своих мыслей. – Это я, Соловей!

Остальные заключенные стали выглядывать из своих кле-

ток, пытаясь обратить на себя внимание. Но спасти всех, точно не могу, да и не за этим я сюда пришел.

Я стоял на своем месте, готовый к сражению с толпой тюремщиков, но то и дело кидал взгляд за решетку, где мой боевой товарищ вместо ответа, сильнее сжался, словно старался стать меньше и незаметнее.

Плохой знак.

– Дружище... – закончить мне не дали, в арке один за другим стали появляться тюремщики. На секунду все замерли, оценивая ситуацию, и вид товарища у моих ног, явно был сигналом к активным действиям. Мне же этой заминки было достаточно, чтобы посчитать противников и продумать возможный исход событий. Их было семеро – дела мои были плохи, но не безнадежны.

Спрятанные в рукавах острые металлические звездочки нашли сначала две цели, затем третий тюремщик упал замертво, четвертый отделался царапиной. На этом эффект неожиданности себя исчерпал, и я достал из-за спины два легких кинжала, которые идеально легли в мои руки. Сейчас все зависело только от моей ловкости и их умений. Оставалось надеяться, что в тюремные надсмотрщики шли не слишком умные увольни, которые гордились только своей силой, не отдавая предпочтения каждодневным тренировкам.

– Ну, кто тут самый смелый? – начал дразнить их, пытаясь разбить строй. – Или вы спрятались здесь как крысы, потому что трусы и на большее не способны?

Даже в тусклом свете факелов я заметил, как гневно заблестели их глаза.

– Нас больше, так что сложи оружие и сдавайся. – гаркнул один из них. – Все равно живым тебе отсюда не выбраться!

Стражник подался вперед. Его правый глаз чуть косил, но, тем не менее, он пытался казаться грозным соперником. Смешно!

Не выбраться, говоришь? Это мы еще посмотрим! Сделав вид, что покорился судьбе, я опустив голову, сказал:

– Да, должен признать, что вариантов у меня на самом деле нет.

Косоглазый, что до этого, вел со мной переговоры, распрямил спину и явно захорохорился:

– Вот–вот! Не глупи, и мы тебя не убьем...на месте, – его губы исказились в некоем подобии улыбки, правда, актер он был плохой и любой дурак смог бы услышать в его словах фальшь. «Ты бы еще подмигнул своим товарищам» – мысленно закатываю глаза, сам же начинаю медленно присаживаться с вытянутыми руками, всем видом показывая, что собираюсь положить свое оружие на пол.

Окончательно потеряв бдительность, стражники сами отпустили свои клинки вниз, поверив моей капитуляции. Чего я и ждал. Делаю быстрый рывок руками, и кинжалы летят к потолку, описывая идеальные круги. Свой пируэт они прерывают в моих ладонях, откуда дальше летят в сторону моих противников. Косоглазый и пискнуть не успел, как повалил-

ся на пол, куда мгновение спустя упал еще один его товарищ. И так, нас осталось трое.

«Давай! Давай!» – со всех сторон слышатся крики заключенных, которые неотрывно наблюдают за боем.

– Кис–кис–кис! – ухмыляясь, говорю стражникам, и два бугая не сговариваясь, срываются с места. Я же направляюсь в их сторону, но резко меняю траекторию и, уцепившись за решетку, перекидываю свое тело через головы стражников. Мою ногу опекает жгучая боль. Один оказался куда проворнее, чем я мог ожидать, и, приземляясь на корточки, чуть не падаю. Отскакиваю в сторону и слышу скрежет клинка по камню. Медлить нельзя. Делаю подсечку – один из стражников падает спиной к одной из камер, где его тут же хватают протянутые руки пленников. Один даже впивается зубами ему в ухо, и стражник от боли орет. Это позволяет легко обезоружить его и успеть повернуться и отразить удар второго тюремщика.

Надо признать, техника у него была неплохая, но после паруминутного лязга металла о металл, тюремщик пропускает удар и с хрипами падает к остальным своим товарищам. Поворачиваюсь к последнему. Он все еще пытается вырваться из рук, но, заметив, что последний его сотоварищ повержен, перестает брыкаться.

– Пощади! – чуть ли не хнычет он.

– Где ключи от камер? – с отвращением бросаю ему.

– Я покажу! – восклицает. – Скажи, чтобы меня отпусти-

ли, и я всех выпущу.

Неужели он считает меня настолько тупым? Хромая подхожу и начинаю его ощупывать. Связка обнаружилась у него на поясе. Сегодня явно мой счастливый день. Вырубаю стражника одним ударом, как самого первого и иду к камере Дрозда.

– Эй, а нас освободить? – раздаются недовольные крики. – Мы вообще–то тебе подмогли!

– Парни! Всему свое время. Я забираю своего друга и ключи полностью в вашем распоряжении.

И больше не обращая внимания на причитающих, начинаю поочередно всовывать ключи в замочную скважину, пытаюсь найти нужный. Наконец, раздается щелчок и дверь со скрипом открывается. Не обращая внимания на боль в ноге, я опускаюсь к Дрозду, чтобы повернуть к себе лицом и замираю. По моему телу пробегают мурашки ужаса и отчаяния.

– Соловей, это и правда ты? – такие знакомые глаза, подернутые мутной пеленой, смотрят мне в душу. Но я не могу в них смотреть, потому что мой взгляд зацепился за то, что когда–то было ушами моего друга. Кровавое месиво и больше ничего.

– Да, это я!

– Как странно, – Дрозд накаляет голову в бок, будто пытаюсь что–то понять. – Твои губы двигаются, а звука не издают.

Я не знаю, что делать, поэтому просто обнимаю друга со всей силы и шепчу, скорее для себя, чем для него:

– Я вытащу тебя отсюда! Чего бы мне это не стоило.

За спиной слышится гул, но от потрясения я сначала не обращаю на него никакого внимания, а потом в мою голову врывается крик:

– Стражники!

Но уже поздно, о мой затылок ударяется что-то очень тяжелое, и я падаю в тьму.

Луна

Мы прогулялись с Эйтоном ещё немного, но после скоропалительного бегства Соловья, мое настроение заметно снизилось. Шумная толпа давила, яркий огонь резал глаза, да и рана на шее, умело спрятанная шарфом, снова дала о себе знать.

Эйтан заметил мое состояние, не стал задавать вопросов, просто проводил до комнаты и, пожелав спокойной ночи, скрылся за соседней дверью.

Ещё один решил побыстрее от меня сбежать, но я так устала, что мечтала поскорее оказаться в мягкой кровати, которая твердо стоит на полу, а не качается в такт волнам.

В комнате было темно, и только свет луны освещал помещение, в котором, как оказалось, я была совсем одна. Кровать Ласточки пустовала, и я только сейчас осознала, что она так меня и не нашла, после расставания у лавки. Надеюсь, она сейчас в более приятной компании.

Наспех умывшись из ведра с холодной водой, я наконец-то могла погрузиться в блаженный сон. Эта ночь пощадила мой рассудок, отогнав от меня кошмар во главе с Соловьём. Однако утром я все равно проснулась с чувством тревоги.

Возле соседней кровати стояла Ласточка, и в спешке шну-

рвала свой корсет. Кинжал на боку явно говорил о боевом настрое рыжеволосой девушки.

– Что–то стряслось? – с беспокойством спросила я.

Девушка выглядела уставшей и взволнованной.

– Соловей сегодня ночью не вернулся в таверну. Ты его не видела?

Мою грудь кольнула резкая боль.

– Мельком. Он куда–то очень спешил.

– Он выглядел встревоженным?

– Не более чем обычно – чуть покривила душой я.

– Во сколько это было?

– Думаю, спустя час, как мы с тобой виделись.

– И это был последний раз? – девушка смотрела пытливо, стараясь докапываться до истины.

– Да. Но почему вы так всполошились? Может, он немного загулял? – на последнем слове мой голос стал чуть тише, а щеки запекло.

– Исключено! – уверенно воскликнула девушка. – Ещё ни разу, он не оставался ни у кого до самого утра.

Такие подробности смутили меня ещё больше. Но Ласточка знала своего друга очень хорошо и если она забила тревогу – значит, на то были действительно веские причины.

– И куда ты собралась? – мне нужно было знать. – Я могу тебе помочь?

– Мы с Филом пройдемся по городу и попытаемся, что–то разузнать. Если ты займешься тем же, я буду тебе благо-

дарна.

Я быстро соскочила с кровати и начала одеваться.

– Конечно!

– Однако, зная твою специфическую особенность находить всех встречаемых демонов, я бы тебе посоветовала далеко от таверны не отходить.

Я сначала ошарашенно посмотрела на Ласточку, готовая вспылить из-за такого нелестного высказывания, но толика правды в нем все же была. Поэтому поумерив свой пыл, я лишь сказала:

– Ладно.

Ласточка кивнула и вышла из комнаты. За дверью послышался знакомый бас Филина, который стал удаляться, сопровождаемый быстрыми шагами. Я тоже не стала задерживаться. Одевшись, обмотала кретч вокруг руки, как браслет и спустилась вниз. Запах готовой горячей еды ударил мне в нос, и мой живот отреагировал характерным звуком, а рот наполнился слюной. Но я решила, что на еду нет времени – лучше я перекушу в городе на ходу. Любая задержка, и я могу упустить что-то важное.

Несмотря на раннее утро, улицы уже гудели, как пчелы в улье. Слышны были крики, разговоры, детский смех. Казалось, не этот город гулял всю ночь напролет. Он был полон энергии, и оставалось только догадываться, где же находится неиссякаемый источник, откуда он черпал свою силу. Эйтан был неправ, говоря, что в этом городе нет души. Скорее она

настолько была огромная, что он просто не мог полностью ее объять.

Решила пройтись по самым оживлённым улицам, наострив свои уши. Больше всего меня интересовали заядлые сплетники и сплетницы, другими словами купцы, торговки и их постоянные покупатели – любители поведать на всю округу о самых нашумевших историях.

Я двигалась в сторону рынка. Можно было бы спросить у прохожих, как к нему пройти, но я заметила пару телег с провизией, которые не спеша катили вглубь города и решила просто последовать за ними. По нарастающему шуму я поняла, что не ошиблась.

Рыночная площадь оказалась огромной. Всю правую сторону занимал торг. Торговцы расположились на скамьях, лотках, между ними сновали разносчики товаров, а за ними возвышалось здание каменных торговых рядов. Справа – огромный каменный постамент с лестницей, с которого зачитываются приказы, относительно казни провинившихся. В подножье постамента устанавливали виселицу, а значит, городским зевакам сегодня будет на что посмотреть. Меня же от такой перспективы передернуло. Я не могла понять, как людям может нравиться вид гибнущего в муках человека, какое бы преступление он не совершил.

Чуть поодаль можно было заметить невысокие деревянные кельи бога Хроноса и богини Бааш, для желающих принести им дары и замолить свои грехи. Эти кельи всегда стро-

или отдельно, дабы боги не видели, кому люди отдают большее предпочтение и не гневались на людей. Однако ходили слухи, что в королевском замке келья всего одна и кому из богов она принадлежала, доподлинно не было известно. Было много возмущенных, но так как никто не решался подтвердить этот слух – все оставалось на уровне городского недовольства.

Мне было так интересно, и я бы хотела рассмотреть все повнимательнее, но мой взгляд то и дело возвращался к торговым рядам, отчего мой живот настойчиво заурчал. Я решила больше его не мучить и побаловать себя свежей выпечкой. Так сказать, совместить приятное с полезным: вкусно поесть и послушать, о чем люди судачат.

Разговоров велось много, но большей частью все обсуждали ночные гуляния: кто к кому посватался, кто кого побил и, кто кому изменил. Возле одной из лавок я услышала серьезный разговор торговцев, о столичном корабле, на который напали пираты, никого, не оставив в живых. Я же грустно улыбнулась, зная, что все же одного молодого мужчину спасти удалось.

В мыслях сразу возник образ красавца. В утренней суматохе и моем желании помочь своим друзьям я совершенно забыла про Эйтана.

Вчера мы не успели обсудить ни когда начнется наше путешествие, ни что нам для этого нужно. Мы лишь договорились обсудить все за завтраком. На который я благополуч-

но не явилась. Оставалось надеяться, что он также, как и я, помогает Ласточке с Филином, если, конечно, они доверяли ему настолько, чтобы поделиться своими переживаниями.

Так я и ходила вдоль рядов, но, к сожалению, ничего путного не узнала. От вслушивания в каждый разговор моя голова стала предательски побаливать. Протискиваясь между толпой, я искала глазами проход на улицу, по которой я сюда пришла – смысла оставаться на рынке не было. Однако округу заполнили звуки труб и рожков.

Люди неуправляемым потоком двинулись на шум, и я не стала сопротивляться силе толпы. Упёршись в чью-то спину, я поняла, что люд встал, но как на зло я все равно ничего не видела и не слышала. Подпрыгнув пару раз, я смогла рассмотреть мужчину в разноцветных одеждах, который увлеченно, что-то рассказывал, и люди неотрывно следили за каждым его словом. А потом толпу охватил гул и со всех сторон до меня, наконец, донеслись обрывки слов. «Предатели короны». «Пытались бежать из Королевской темницы». «Казнь в полдень через повешение».

Продлилось это недолго, и после повторного звука трубы и рожка, все стали расходиться. Последовав их премьеру, я направилась к выходу с площади, погруженная в свои мысли.

– Надо быть сумасшедшими, чтобы пытаться бежать из Королевской темницы! – неосознанно произнесла я.

И подпрыгнула от неожиданности, когда сбоку прозвучал старческий женский голос:

– Это ещё что, милочка! Глашатай сказал, что эти дурни называли себя птицами, представляете?

– Птицами? – до меня стал доходить весь ужас происходящего. – Извините, я спешу! – отмахнувшись от женщины, я быстро стала пробираться сквозь толпу.

Шаг. Ещё шаг. И я бегу со всех ног к таверне, боясь не застать там никого из знакомых. Я ожидала от сегодняшнего дня чего угодно, и уж лучше бы Соловей загулял и забылся в объятьях девицы, чем своей неосмотрительностью завел себя прямо на эшафот.

Все вокруг покрылось пеленой и поплыло, затрудняя мой путь, и только дотронувшись руками до лица, я чувствую влагу. Плачу. Быстро провожу рукавом по глазам и, стиснув кулаки, пытаюсь держать свои чувства в узде. Сейчас не время расклеиваться. Филин и Ласточка точно, что–нибудь придумают. Не могут не придумать!

Добралась я до таверны в некоем забытии. Оглядела первый этаж в надежде увидеть знакомые лица, но заметила только недовольные взгляды. Не обращая на них внимание, я бросилась наверх, в свою комнату, но она была пуста, как и соседняя. Я была готова кричать и чувствовала, как паника накатывает на меня откуда–то изнутри. До казни оставалось совсем немного времени, а я только что и могла ходить из угла в угол, не способная никого предупредить и тем самым обрекая Соловья и его друга на верную смерть.

Почему же я такая беспомощная? Как я могу спасти мир

от тьмы, если я даже друга спасти не могу!

– А–а–а! – не сдержавшись закричала я.

На мой крик в комнату вбегает служанка.

– Простите, я просто увидела мышь, – вру и глупо улыбаюсь.

Спасибо девушке, что она не покрутила пальцем у своей головы, но лицо все–таки подвело ее, отчетливо показав, что она обо мне думает. Плевать я на нее хотела!

– Мышь убежала. Можете идти, – говорю я, протискиваясь мимо девушки. Я сбежала вниз и подошла к Кройеру, который разговаривал с одним из постояльцев.

– О–о–о, снежная дева, вы сегодня удивительно прекрасны... – начал он в своей излюбленной манере, но я жестом головы заставила его перестать говорить.

– У меня срочное сообщение для Ласточки и Филина.

Кройер сразу посерьезнел. Я наклонилась к его уху, и чтобы никто больше не мог услышать, произнесла свое сообщение.

– Вы все поняли?

– Да! Передам сразу!

Я кивнула и кинулась к выходу, где у самых дверей услышала:

– Удачи тебе, Луна!

Не знаю, что насчет удачи, но чудо мне точно понадобится.

Глава 15

Луна

Бездушность. Безжалостность. Беспощадность. Есть множество синонимов к слову жестокость. Можно ли ее оправдать? Возможно, во время войны, когда или ты, или тебя. Но в мирное время? Порой люди все же проявляют крайнюю степень жестокости и в моменты, когда их жизнь вне опасности, когда они не держат оружие и ни с кем не сражаются.

Но я бы хотела выделить еще одну грань жестокости – равнодушие. Когда огромная толпа стоит перед эшафотом и просто наблюдает за тем, как на шеи людей набрасывают петлю и затягивают. Они даже не задаются вопросом, за что с ними так – они лишь рады, что это не их выставили один на один с толпой. И я надеюсь, что каждого из толпы, кто безучастен, за их нейтралитет, ждет самое раскалённое место в царстве Бааш.

Эти мысли крутились в моей голове всю дорогу до рыночной площади, и уже на подступе внутри меня вместо страха загорелась решимость любой ценой прервать казнь. Я не буду стоять и смотреть, как моего друга лишают жизни. Да, мы знакомы недолго, но за это короткое время я успела за

черствостью и суровостью увидеть человека с хорошей душой, человека, готового прийти на помощь. Он спасал меня ни один раз – я должна отплатить ему тем же.

Повозки с заключенными нигде не было видно, а значит, у меня еще было время выстроить в своей голове хоть какой-нибудь план. Беда заключалась в том, что я ничего не могла придумать. Я была совершенно одна, вырванная из своего привычного мира, где все легко и просто, в мир, где нужно принимать решения, от которых могла зависеть не только твоя собственная, но и чья-то жизнь.

Солнце пекло. Я, как и утром, решила укрыться в торговых рядах, где уже второй раз за день рассматривала товары, но то и дело кидая свой взгляд на виселицу, на которой в такт ветру шевелились пустые петли. На прилавках можно было найти все: еду, одежду, оружие, украшения, ткани и множество разнообразных банок и склянок, заполненных различными жидкостями. От текучих, до тягучих. Бочки с сосновым варом источали знакомый древесный запах, от которого мне стало очень тоскливо. Я скучала по нашему деревенскому домику, где все было пронизано запахом сушеных растений и смолы, где все поддавалось логическому объяснению.

Воспоминания о недавнем прошлом прервали знакомые звуки инструментов, и сердце мое сжалось. На площадь въехала тяжелая повозка-клетка, с запряженными в нее двумя гнедыми конями. Издалека рассмотреть, кто в ней сидит и какое количество – было невозможно. И я, ведомая надеж-

дой, начала пробираться между людьми. Недовольные, что-то кричали мне в спину, но я продолжала настойчиво работать плечами, пробивая себе путь, словно маленькая речка, через неотточенные временем камни. Наверное, я все еще тешила себя верой, что все неправильно поняла. Что увижу незнакомых людей и превращусь в тех, кто равнодушен. Но мои ожидания в считанные мгновения рухнули.

Соловей сидел облокотившись о решетку: бледный, измученный, с фиолетовым синяком, разлившимся на его виске. А на руках он держал другого мужчину – скорее всего, это и был Дрозд. И хоть Соловей и выглядел изрядно потрепанным, но все равно дышал внутренней энергией. Тогда как про его друга такого сказать было нельзя – он не подавал никаких признаков жизни.

Послышались первые крики разъяренной толпы. Обвинения и оскорбления, унижающие достоинство заключенных. Мне так хотелось закрыть свои уши руками, но я продолжала идти за медленной повозкой, не смотря ни на что – просто, чтобы быть рядом. Мне хотелось верить, что боги дадут мне знак. Намекнут в нужный момент, как я смогу спасти Соловья и Дрозда на виду у всех.

Лошади остановились, и двое стражников отворили клетку, силком выволоча мужчин наружу. Соловей шел с гордо поднятой головой, но при этом сильно хромал на одну ногу, штанина которой была полностью залита кровью. Дрозд же идти не мог. К нему подбежали стражники, взяв с одной и

другой стороны. Однако заключенный даже с их помощью не мог переставлять ноги. Тогда стражник стал хлестать его по щекам, пытаясь привести мужчину в чувства. Не выдержав такой кровожадности по отношению к своему другу, Соловей вырвался из-под стражи. Руки его были связаны, но это не помешало ему протаранить обидчика своей головой. Мгновенно последовал ответ – его повалили другие и стали с жестокостью диких животных избивать ногами.

Я не могла смотреть на это издевательство и вопреки всем здравым рассуждениям, кинулась бежать прямо к ним. Внезапно кто-то схватил меня за руку и резко втянул обратно в толпу. Я попыталась вырваться, но подняв глаза, перестала, потому что мужчина был мне хорошо знаком. Эйтан дернул меня к себе, прижался к моей щеке и гневно зашептал:

– Луна, что ты творишь? Тебе что ли жить надоело? Идем отсюда!

Не дав мне и секунды на ответ, мужчина стал тащить меня в противоположную сторону от Соловья, чему я стала яростно сопротивляться.

– Отпусти!

Но Эйтан продолжал идти, не обращая внимания на заинтересованные взгляды людей. Обиднее всего, что никто даже не попытался помочь кричащей девушке. Женщины в нашем мире мало чего стоили и права голоса не имели.

Лишь завернув за угол деревянной кельи, он остановился, наконец, меня отпустив.

– Хватит шипеть как кошка, всю руку мне изодрала своими ногтями! – недовольно пробурчал он.

От такой наглости у меня перед лицом все заволочло красной пеленой, и я кинулась на Эйтона с кулаками.

– Их же убьют! – кричала я. – И ты тоже убийца, раз позволишь им это сделать!

Парень легко перехватил мои руки и ждал, пока из меня выйдет весь гнев. В какой-то момент я почувствовала накатившую усталость и мои руки повисли вдоль тела, больше никем не удерживаемые.

– Успокоилась?

Я ничего не ответила. Даже не смотрела на него, лишь себе под ноги, куда капали слезы отчаяния и беспомощности. Вздохнув, Эйтан сделал шаг ко мне и уже нежно приподнял мою голову, чтобы мы могли встретиться взглядом.

– А теперь послушай меня внимательно. Если ты все еще хочешь помочь своим друзьям, то нам нужно поторопиться! Видишь те бочонки? – Эйтан перевел мой подбородок чуть в бок, и я заметила ряды аккуратно выставленных вдоль деревянного сооружения бочонков с сосновым варом, которых так много продавалось на рынке. Вокруг была также разложена солома. Мужчина отпустил мое лицо и, порывшись за пазухой, достал два небольших кремния.

– Подожди келью Бааш, я сделаю то же самое с кельей Хроноса. И как только все разгорится, беги внутрь и предупреди служительниц о пожаре. Я встречу тебя на выходе и

скажу, что делать дальше.

Его слова шокировали меня.

– Но, Эйтан, это же богохульство! Боги покарают нас!

– Я думаю, жизни наших друзей стоят того. А ты как считаешь?

Я сокрушительно кивнула, готовая на все, лишь бы спасти заключенных. «Простите Боги нам эту дерзость!»

Смола разгорелась моментально, захватывая с собой сухую траву, и сразу же в небо стал подниматься черный столб дыма. Помнив о словах Эйтана, я со всех ног бросилась за угол, чтобы оповестить всех, кто находился внутри. Проскочив в узкие двери, едва уловимо поклонилась алтарю богини и закричала, что есть мочи:

– Пожар!

Служительницы и посетители неторопливо подняли на меня глаза, не веря сумасшедшей, но в это же время, во все окна стал пробиваться чад от горящего вара – все сразу же бросили свои дела и ринулись на меня, к выходу. Я развернулась и побежала от толпы, потому что рисковала быть затоптанной.

У дверей, знакомой хваткой меня оттащил в бок Эйтан. Он выглядел очень серьезным и смотрел в сторону площади, где в нескольких местах появились такие же столбы дыма, как и у нас. Горели торговые ряды.

Рынок, не славящийся спокойствием до этого, в эту минуту превратился в настоящий хаос. Люди кричали и бега-

ли из стороны в сторону, тогда как ветер делал свою работу и разгонял смог, застилая всем глаза, пробираясь в горло и вырываясь обратно удушающим кашлем.

– Натяни ворот платья как можно выше, – посоветовал мужчина, когда я зашла в одном из приступов кашля. – Самое простое позади.

– Простое?

– Поверь, нас ждет увлекательное времяпрепровождение!

Мы двигались быстрым шагом против толпы, в сторону каменного постамента, за которым скрывалась виселица. В рядах стражников было беспокойно. Они понимали, что казнь сегодня отменяется, и им нужно срочно увозить отсюда заключенных. Но неистовая толпа преграждала путь, да и дым не нравился лошадям, отчего те то и дело взбрыкивали, отказываясь выполнять приказы.

– Сейчас мне понадобится твоя помощь, – сквозь вездесущие крики, голос Эйтона звучал очень глухо, и мне пришлось приложить все свои усилия, чтобы понять, о чем он меня просит. – Ты должна привести сюда как можно больше стражников, чтобы я мог с ними расправиться. Филин и Ласточка где-то поблизости, поэтому они возьмут на себя всех остальных.

– Хорошо, – я пыталась выглядеть храбро, но мой голос предательски дрожал.

– Это еще не все! Как только я стану сражаться с тюремщиками – беги. Беги со всех ног и петлей по городу, до тех

пор, пока не поймешь, что за тобой нет погони. Поняла меня?

– Но...

Эйтан перебил меня и произнес слова отдельно и четко:

– Ты поняла меня?

– Да, – больше прошептала, чем сказала.

– Вот и умница! – и без предупреждения наклонился и поцеловал меня в губы. – А теперь иди. И помни, если что–то пойдет не так, я приду тебе на помощь!

Ошарашенная нашим поцелуем, я не смогла ему вразумительно ответить, развернулась и пошла навстречу неизвестности. Но несмотря на затуманенный разум, в голове моей складывался план. Мне нужно было сыграть роль, мне нужно было заставить мужчин последовать за мной в ситуации, когда они могли прогнать меня, даже не выслушав. И хоть я была невинна, однако я знала, что мужчины легко теряют голову от красивого женского тела и от возможности показать какой он на самом деле «мужик».

Долго не думая, я рванула свой ворот, и маленькие пуговицы полетели во все стороны, те самым открывая спрятанную до этого времени кожу. В образовавшемся вырезе легко проглядывались холмики моей груди, почти не оставляя место фантазиям. Впереди, среди дыма, я увидела компанию стражников, которые с жестокостью заталкивали Соловья и Дрозда в клетку.

– Помогите! Кто–нибудь? Здесь есть сильные мужчины? –

я делала вид, что из-за смога ничего не видела, хотя отчасти так и было, потому что глаза резало нещадно.

Мужчины переглянулись, но свою работу делать не перестали. Послышался скрип закрывающейся двери. За это время я успела вплотную подойти к повозке и упала прямо к ногам мужчин, пытаюсь делать это естественно. Надо сказать, что в своем представлении я преуспела: руки и ноги я ободрала о жесткий камень, а один из стражников все же обратился на меня свое внимание, наклонился, помогая подняться. И сразу же все мужские взгляды опустились туда, куда я и рассчитывала.

– Ох, спасибо!

Краем глаза я заметила, что в клетке происходило какое-то движение. Может Соловей заметил меня? Оставалось надеяться, он не поведет себя глупо и не подаст вида, что мы знакомы.

– Здесь сейчас не безопасно! Вам бы постараться уйти подальше от толпы и пожара, – стражник пытался смотреть мне в глаза, но на долго его выдержки не хватало.

– Я не могу! – я возвела руки вверх, пытаюсь показать степень моего отчаяния, отчего моя грудь задвигалась сильнее. – Там мой младший брат!

По моим щекам полились слезы, от дыма, конечно, но очень вовремя.

– Понимаете, наша лошадь испугалась и понеслась вместе с телегой и на одной из выбоин в дороге колесо треснуло, и

телега перевернулось вместе со мной и моим братом! Меня выкинуло в сторону, лошадь убежала, а...Николоса накрыло! Помогите достать его, и я сделаю, все, что попросите!

Надеюсь, заминки с именем они не заметили, а списали все на мой шок. Для пущей убедительности я кинулась в объятия одного из стражников, которого посчитала здесь самым главным, и заревела во все горло.

Мужчины не любят женский плач, поэтому стражник попытался отцепить меня от себя, но когда понял, что это затруднительно, вздохнул:

– Тод, пойдем со мной. Остальные глаз не спускайте с заключенных. Мы вернемся через пару минут. – и уже мне. – Перестаньте плакать. Мы вам поможем.

Значит, моя интуиция меня не подвела.

Я уверенно подошла к каменному постаменту, свернула за угол и никого там не встретила. Мужчины, следующие за мной, явно были недовольны – телеги нигде видно не было. Я же могла думать только о том, что осталась один на один с вооруженными воинами.

– Ну и где же твой драгоценный братец, а? – тот, что еще недавно хотел мне помочь, сощурил глаза и стал наступать, буравя меня взглядом. Его товарищ опустил руку к своему мечу.

– Ты что, девка, развести нас пытаешься? – он размахнулся, и я закрыла глаза, прикрыв лицо руками, готовая в любой момент получить пощечину. Но удара не последовало,

лишь глухой удар об землю, как будто тюк картошки уронили с телеги.

Стражник лежал у моих ног без признаков жизни, но крови нигде видно не было.

– Луна, беги! – Эйтан сражался со вторым противником. И мне ничего не оставалось, как последовать его словам.

Соловей

Нас заволокли по ступеням и сразу же накинули на шеи петли. Жесткая веревка царапала кожу, а когда ее затянули туже, кадык передавило и дышать стало трудно. Рядом с моим другом проделывали то же самое, но если я стоял твердо, то колени Дрозда дрожали, и он связанными руками схватился за веревку в районе шеи, пытаюсь удержаться на ногах. Люди, стоявшие перед нами, громко выкрикивали оскорбления и смеялись над нашими мучениями. Но я не испытывал к ним злости, скорее это была жалость и стыд, за наш пропавший народ.

– За убийство служителей закона, за попытку бегства из Королевской темницы, к смертной казни через повешение приговариваются...

Мужчина на каменном постаменте был одет нарядно, я бы даже сказал нахально празднично, будто бы он не смертельный приказ зачитывал, а короновал нас. Его слова также звучали неуместно бодро и торжественно.

На последнем слове он запнулся:

– ... Соловей и Дрозд! – лицо мужчины чуть скривилось, но должен сказать, что по большей части он не подал виду, что его удивили наши имена.

Толпа раздалась смешками. Но я–то знал, что им не было

бы так смешно, знай они, кто мы есть на самом деле и какую роль взяли на себя еще детьми.

Пока на наши головы не успели надеть черные мешки, я высматривал в толпе знакомые лица. Своим поступком прошлой ночью, я знатно облажался, но все равно надеялся, что мои друзья найдут способ помочь нам выбраться. Наставник учил нас стратегии также упорно, как и заставлял тренировать тело. Но оставался главный вопрос: знают ли они о казни? За спиной послышались тяжелые шаги, и на мою голову опустилась темная непрозрачная материя. Но за долю секунды, до того, как я полностью лишился зрения, я заметил, как толпа стала волноваться, а над ней витала едва заметная дымка.

Дальше все происходило очень быстро. Стражники спорили, стоит ли нас повесить в такой суматохе, но суть виселицы заключалась не только в убийстве преступников и их унижении перед толпой, но и имела поучительную необходимость – показать другим, что шутки с законом плохи, и каждый получит по заслугам, если решится перечить «короле».

– Бааш вас забори! Как же не вовремя! – я узнал голос мужчины, с каменного постамента. – Увозите их обратно, пока толпа всех нас не затоптала.

А потом бросил в нашу сторону:

– Сегодня вам повезло, но эта маленькая отсрочка не даст вам насладиться жизнью сполна. Вы все равно в скором вре-

мени отправитесь к Бааш, и она покарает вас!

«Интересно, он так и в обычной жизни говорит?»

– Твоя правда, – усмехаюсь, когда с меня стянули мешок и я смог посмотреть ему в глаза. – Но представь, с какими распростёртыми объятиями она встретит тебя?

За свою наглость я тут же ответил, получив кулаком от ближайшего стражника, но даже сплевывая кровь на доски виселицы, я продолжал улыбаться. Этот же стражник, запихивая меня в клетку, пообещал жаркую ночь, которую приказал мне обеспечить «помпезный говорун».

А потом я кое-что учуял. Этот запах, я не перепутаю ни с чем. И хоть кругом пылали огни и стоял плотный смрад дыма, меня все равно окутал аромат жасмина. Луна была здесь. И действительно, спустя пару мгновений запах воплотился в образ. Девушка вышла из черной пелены с испачканным сажей лицом и в разодранном платье, в разрыве которого виднелась гладкая фарфоровая кожа. И даже больше. От этого вида я на миг потерялся в пространстве и забыл где нахожусь, но после того, как знахарка упала к ногам этих ублюдков, я был готов раздвинуть прутья клетки и поубивать всех к чертовой матери. Неимоверной силой воли мне пришлось сдержать свой порыв, даже просто подойти ближе, потому что понимал, весь спектакль, разыгрываемый для стражников, был для нашего с Дроздом спасения. Значит, поблизости находились и остальные мои друзья. По крайней мере, я на это надеялся. Сейчас мне нужно было освободить свои ру-

ки и помочь другу продержаться до прихода помощи. Дрозд выглядел очень плохо: кожа побледнела, а грудь вздымалась часто–часто, как будто ему не хватало воздуха. Дым вокруг только ухудшал ситуацию.

В это время Луна увела за собой двух стражников, и как только они скрылись за углом, вокруг повозки начался сущий хаос. Мои надсмотрщики стали падать замертво, один за другим – невидимый противник был для них неуловим, Ласточка была невероятно прекрасна в своем мастерстве. Прошли считанные секунды, и за моими плечами раздался щелчок.

– Ну, чего расселись, увальни? – растрепанная, уставшая, но все такая же беспечная Ласточка стояла в проеме. – Вам нужно какое–то отдельное приглашение?

– Я бы не отказался от помощи, – по моему хмурому лицу девушка сразу поняла, что все не так просто, но без разговоров подхватила Дрозда подмышку и помогла мне вытащить его наружу.

– Где Филин?

– Разбирается с лошадьми, – Ласточка указала в сторону фыркающих животных, и я заметил друга, который пристально смотрел в глаза двум кобылам. – Сейчас с ними очень сложно договориться, приходится применять силу.

– Хорошо, значит, ждем всех остальных и убираемся отсюда!

– Соловей, Луна с Эйтаном уйдут другим путем. У нас

всего две лошади, и если мы не поторопимся, то боюсь, нас схватят всех. Скоро сюда прибудет подкрепление, ты меня понимаешь?

– Более чем...

Девушка обрадовалась, что я не стал с ней спорить, на самом же деле я не был доволен таким раскладом, но в нашей ситуации Ласточка была права – выбраться с площади и скрыться будет проще по раздельности.

Времени на разговоры у нас не осталось, за криком людей отчетливо стал слышен шум и лязг доспехов. На рыночную площадь прибыла королевская гвардия – элитные войска Южного Королевства. Бороться с ними у нас попросту не хватило бы сил, поэтому мы поспешили отцепить успокоившихся лошадей от повозки, привязать Дрозда и как можно скорее покинули место пожара.

Глава 16

Соловей

В одном из переулков мы спешили. Лошадей пришлось оставить – мы и так привлекали к себе очень много внимания. Скрываться от людей при свете дня было проблематично, поэтому мы решили разыграть из себя загулявшую после ночного праздника компанию, которая только сейчас решила отправиться по домам. Мы даже с Филином что-то пели, еле переставляя ноги и в моем случае, прихрамывая. Дрозд вписывался в нашу картину как нельзя лучше, повиснув на наших руках. Но если для людей мы выглядели беспечно и смешно, что было видно по добродушным улыбкам, то нам – не до смеха: с каждым шагом я опасался, что Дрозд в любой момент мог просто лишиться чувств. И мне было страшно. Очень страшно, что он просто не сможет потом прийти в себя.

До таверны мы добрались, когда солнце уже освещало небо красным светом и готовилось зайти за горизонт. Возле дверей я заметил Эйтона, который тут же подбежал к нам и помог затащить Дрозда внутрь – на второй этаж где для него уже была приготовлена чистая комната с чаном горячей

воды. Повидавшие многое служанки помогли избавить раненого друга от одежды, и когда мы опустили его в воду, стали отмывать от крови. Дрозд почти не двигался и ничего не говорил, и даже, когда вода коснулась ран на теле, лишь слабо застонал и пробормотал что-то нечленораздельное. Одна из девушек стала поливать голову Дрозда, но, увидев запекшуюся кровь в месте, где когда-то были уши, не смогла сдержать испуганного крика, потом все же взяла себя в руки и, намочив чистую тряпку, стала аккуратно промывать рану.

– Я боюсь даже спрашивать, что с ним делали в тюрьме! – глаза Ласточки наполнились слезами, тогда как голос был полон неудержимой ярости.

– Мы поговорим обо всем, потом. А сейчас нам нужна Луна! – я поискал глазами девушку. – Эйтан, где она?

– А она не вернулась? – задал он вопрос, от которого внутри все похолодело.

– А ты ее видишь? Она же должна была быть с тобой! Ласточка сказала, что таков был уговор, – я перевел взгляд на девушку, но она находилась в таком же смятении, как и все вокруг. – Эйтан?

– Я ей сказал бежать сюда, в таверну, сразу же, как я возьму на себя стражников. Когда я закончил с ними, вас уже нигде не было видно. А вернувшись, Луну не застал и подумал, что она меня ослушалась и побежала помогать вам!

– Но тогда, где же она? – я выходил из себя.

– Соловей, успокойся. Тебе нужно отдохнуть. – Ласточка

подошла ко мне и, положив свои руки на мою грудь, попыталась оттеснить от Эйтана. – Мы сейчас же отправимся ее искать.

– Нет! – я скинул ее руки и не стал обращать внимание на обиду в глазах воительницы.

– Что значит, нет?

– Это значит, что я сам ее найду! А вы отправляйтесь к ближайшему лекарю и приведите его сюда! Дрозду нужна срочная помощь.

– Но ты ведь и сам ранен! – Филин попытался достучаться до моего благоразумия, но я был непреклонен. – Тебе не помешал бы осмотр!

– Лас, дай мне, пожалуйста, обезболивающую настойку, – слова друга пролетели мимо моих ушей.

Осознав, что спорить бесполезно, она принесла мне маленький флакон, который я забрал у нее чуть ли не силой, потому что Ласточка все же продолжала сопротивляться моему решению. Напрасно! Сейчас я мог думать лишь об одном, и всем пришлось смириться с моим выбором. Ну или почти всем:

– Я иду с тобой!

Бросив взгляд на Эйтана, опрокинул в себя флакон снадобья и, не ответив, вышел из комнаты.

«Иди, ты, куда хочешь, Сокол!»

Думаю, он не понял моих мыслей, потому что за открывшейся за моей спиной дверью сразу послышались быстрые и

твердые шаги.

Луна

Словно заяц, гонимый стаей диких волков, я бежала, не разбирая дороги. Если Эйтан не справился, то погоня не заставит себя ждать. Но я отгоняла от себя тревожные мысли. Спрятанное под одеждой натренированное тело, сильные руки, мужчина точно превосходил тех двоих, которых я смогла к нему привести. Эта мысль успокаивала, хотя и не до конца. Но лучше было думать о хорошем, чем убивать себя неизвестностью.

Бок резко кольнуло: мое тело подсказало, что не имеет хотя бы мало-мальски сносной физической подготовки, отчего мне пришлось сбавить темп, а потом и вовсе остановиться. Вдохи и выдохи вырывались из моего тела рваными комками, а сердце хотело пробить грудную клетку. Я оперлась о каменную стену дома и начала дышать постепенно и спустя пару минут смогла восстановить дыхание. Боль в боку постепенно поутихла.

Теперь можно было оглядеться. Хотя от этого было мало толку. Я не знала, где нахожусь. Убегая с рыночной площади, я старалась держать путь к таверне, но бежать сразу туда не решилась, чтобы не привести за собой возможных преследователей: пару раз свернула с нужной улицы, а потом все смешалось, и я не могла различить, знакомо ли мне место,

либо же нет.

Редкие прохожие не вызывали доверия, и мне пришлось просто идти вперед, то и дело сворачивая в разные переулочки, надеясь набрести на нужную улицу. Увы, сегодня был не мой день. Улица стала уже, а проулочки, в которые я забредала, оказывались тупиками. Стало совсем темно. Я в своем разодранном платье привлекала очень много внимания, но люди, живущие здесь, вряд ли могли мне помочь – они и сами выглядели не лучшим образом. Грязная закорелая одежда, запах немытых тел, кто-то валялся прямо на земле в своих испражнениях, но даже и не пытался двинуться с места, другие же просто перешагивали через тело и шли дальше. Сальные взгляды мужчин и ненавистные – женщин, вышедших на ночную работу, резали меня со всех сторон, а я только и могла, что обхватить свои плечи руками и опустив голову, идти дальше.

В какой-то момент гнет взоров заставил смотреть меня только себе под ноги, и я шла, пока не столкнулась с кем-то из прохожих. Сжалась и с опаской подняла глаза на того, кто стоял на моем пути: статный, опрятный и совсем неповторяющийся в эту обстановку мужчина, смотревший на меня раскосыми глазами, с немым вопросом. Короткий ежик волос и аккуратно ухоженная борода-кисточка указывали на то, что этот мужчина следует столичной моде – это определенно говорило о его статусе в обществе. Я ждала, что он отмахнется от меня, приняв за одну из бродяжек, но этого

не произошло.

– Прошу меня извинить, миледи, не заметил вас. Вы не ушиблись? – и столько было в этом взгляде участия, отчего мои плечи расслабились, поверив, что все–таки мне повезло. Находясь в это время суток в таком месте, я не могла рассчитывать на большую удачу. Тем более, что кретч молчал, обмотанный вокруг руки под рукавом платья.

– Что вы! Это моя вина! – воскликнула я. – Но видимо судьба нас свела вместе. Я заблудилась и мне нужна помощь.

– Действительно, судьба, – задумчиво произнес он, и на его лице промелькнула эмоция, которую я не смогла распознать. – Так чем, вы говорите, я могу вам помочь?

– Вы сможете меня проводить до рыночной площади? Это все, чего я прошу.

– Я так понимаю, вы не местная?

– Нет. Я тут проездом.

– Одна? – учтиво спросил мужчина.

– Да, – я понадеялась, что такой факт вызовет больше жалости к моей персоне. – Так вы сможете помочь...?

– Зовите меня, лорд Фокс.

– Лорд Фокс.

– А вас?

Тут я запнулась. Могла ли я довериться первому встречному, хоть и производящему благоприятное впечатление? Люди его статуса вряд ли находятся в таких злых местах из интереса.

– Настка. Просто, Настка, – все же стоит быть более осмотрительной.

– Что ж, ...Настка, – лорд слегка замялся на моем простом имени. – Думаю, я в силах вам помочь. Как раз шел в том же направлении. Прошу.

Он протянул мне свой локоть, чтобы я могла за него схватиться, будто бы перед ним не простолюдинка, а самая настоящая леди. Наверное, мне стоило задать себе вопрос, почему он так вежлив, почему его не смутил мой внешний вид и почему он так легко решил помочь незнакомке? Но я была так напугана внутри себя, что приняла эту учтивость как добрый порыв души порядочного человека.

И только когда, свернув за угол, нам навстречу вышли два бугая, меня наконец озарило.

– Берем ее! – уже совсем другим тоном произнёс лорд Фокс.

Меня схватили, а к лицу поднесли грязную тряпку, источающую приторно сладкий аромат, от которого моя голова закружилась, и я погрузилась во тьму.

Пробуждение было не из приятных. В горле саднило и очень хотелось пить. И, как будто кто-то, прочитав мои мысли, поднес к моим губам чашу с холодной водой.

– Пей, дорогая, не торопись, – раздался мягкий женский голос у меня над головой.

Я сделала пару глотков и только после этого приоткрыла глаза. Сначала ничего не смогла увидеть и побоялась, что

ослепла, потом, зрение все же стало резче, и я смогла рассмотреть небольшую комнату, освещаемую тусклой свечой и женщину, что сидела возле меня. Немолодая, с редкими седыми волосами, собранными в косу, лицо ее имело глубокие бороздки морщин, от чего оно казалось сморщенным и некрасивым. Однако глаза смотрели с добротой и настоящей заботой. Она протянула к моему лбу свою шершавую сухую руку и, замерев на секунду, кивнула своим мыслям с легкой улыбкой.

– Жара нет. Это хороший знак! Остальным... – она оглянулась куда-то себе за спину. – ...повезло не так сильно.

– Остальным? – мой голос резанул, словно наждачная бумага, отчего я зашлась в приступе неудержимого кашля.

– Тише! – женщина закрыла мой рот рукой, а глаза ее, потеряв былую мягкость, наполнились страхом. – Если кто-то прознает, что ты пришла в чувства, то сразу же заберут!

Я затаилась. Унять саднящее горло было практически невозможно, поэтому, чтобы отвлечься, я приподнялась на локтях и осмотрела помещение. Комната без окон, одинокий низкий столик, на котором стояла догорающая свеча и чан с водой, а на полу тела, укрытые старыми, но чистыми тряпичными. Девушки. Все они как одна лежали неподвижно и из-за того, что лиц их видно не было, можно было подумать, что они и не живые вовсе.

Когда приступ прошел, я решилась задать вопрос еще раз, но уже шепотом.

– Кто они? И где мы?

Женщина сжала губы, отвела взгляд и сильно выдохнула, отчего ее плечи опустились, придавленные грузом правды, которую ей сейчас придется рассказать.

– Эти девушки, и ты, в том числе – вы те несчастные, которые так не вовремя попались на пути у лорда Фокса.

В моей голове сразу возник образ мужчины, чью помощь я опрометчиво приняла.

– Но для чего мы ему? – вся эта ситуация меня пугала. Я не знала, сколько была в бессознательном состоянии, и боялась даже подумать где сейчас нахожусь. В мыслях появились образы о моих новых друзьях, и с ними тихой поступью пришел страх, что они в спешке и суматохе, даже и не заметят моего отсутствия. Ищет ли меня Эйтан, так неожиданно укравший мой поцелуй? Соловей? Я вспомнила, как его билла стража, и сразу отмахнулась от этой мысли. У него есть дела поважнее.

– Ему вы без надобности. Точнее не то чтобы так. Ему за ваши прекрасные головки заплатят немалые деньги.

– Он что, собирается нас кому-то продать? – могла ли я представить, что-либо подобное?

– К сожалению, дорогая, да. И все мы, рабыни «Его»! – и женщина указала пальцем на трясущейся руке вверх, отчего я сначала не поняла, кого она имеет в виду. Хроноса?

– Его Высочества... – увидев, что я не поняла ее намеков, едва слышным шепотом объяснила она.

Меня прошиб холодный пот. Значит, за время, что я была без чувств, лорд Фокс и его прихвостни принесли меня прямо в королевский замок, в народе именуемый «брильянтовым», за его гладко отполированные белые стены, которые на солнце переливались разноцветными бликами. Я всегда хотела увидеть это чудо сама, но я не могла даже представить, что моя мечта осуществиться столь грустным образом.

«Не местная»? «Одна»? Вопросы лорда были так понятны мне сейчас. Намётанный глаз разглядел во мне никому не нужную сиротку, а два уточняющих вопроса и мои откровенные ответы подписали мне приговор. Надежда на то, что меня смогут тут найти, моментально оборвалась.

Другая мысль кольнула меня в грудь, и я спешно ошупала свое запястье через рукав платья – кретч был на месте. Значит, лорд Фокс решил, что ценного на мне точно быть ничего не может и не стал просить своих напарников меня обыскивать. От этого стало чуть легче, но все остальные чувства были готовы вырваться на свободу потоком соленых слез. Мне пришлось сжать со всей силы кулаки и прикусить нижнюю губу, чтобы не разрыдаться.

Женщина сидела рядом и молча смотрела за моей внутренней борьбой. Она хотела приободрить меня, погладив по спине, но мой яростный взгляд в ее сторону и рука опустилась, не дойдя до цели.

– Для чего мы тут? Что в Столице перевелись все слуги и больше нет желающих служить «ему»? – мой голос сочился

сарказмом, и я точно также подняла палец вверх.

Печаль на лице старухи и до того была сильной, однако мой вопрос заставил ее еще и побледнеть. Мне стало жутко.

– Ответьте же мне! Вы с ними за одно?

– Что ты! Что ты, дитя! Как можно? Я здесь не по своей воле, – женщина всхлипнула, а потом, уткнувшись в свои ладони, тихо заплакала. Мне стало стыдно.

– Успокойтесь, прошу. – устало потерла лицо.

Зелье, что использовали похитители, явно имело множество побочных свойств: помимо саднящего горла, крутило тело, а голова едва заметно кружилась. В сочетании с грызущими меня переживаниями, казалось, что я снова упаду в обморок.

– Послушайте меня, пожалуйста. Мне просто надо знать, для чего я здесь? И почему мне до сих пор так плохо, а остальные девушки не пришли в себя?

– Так много вопросов, – продолжала плакать женщина, горящая от одной только ей известной беды.

Я разозлилась и сев в кровати, ухватила за тонкие плечи старой дамы и несильно встряхнула их, тем самым заставляя ее посмотреть мне в глаза.

– Только вы знаете на них ответы! – сказала я твердо и пыталась выглядеть убедительной, хотя все вокруг ходило ходуном. – Думаю, скрывать от меня что-то нечестно. Я готова к любой правде, какой бы горькой она не была.

Хвала богам, мои слова возымели действие и женщина,

как она позже представилась, бабушка Баффетта, повсхлипывала пару раз, вытерла рукавом последние слезы и наконец–то рассказала все.

Его высочество, как оказалось, не король, а его младший сын, принц Дерем, славился на всю округу своими любовными похождениями. И, конечно же, мог получить в свои объятия любую – будь то знатная дама или простая служанка. Но принцу всяко было мало, вереница услужливых красавиц надоели ему – он чувствовал скуку. Это чувство довело его до состояния крайней ярости, и он сорвался на одной из своих пассий. И в момент, когда на теле юной девы проявились красные отметины от его рук, тут–то принц и понял, чего же ему все это время не хватало. Король, прознав про ненормальные пристрастия сына, запретил ему заниматься этими грязными вещами, пригрозив сослать его в дальний замок, подальше от людских глаз, если по королевству пойдут слухи. Дерем и сам понимал, что избитые служанки будут мусолить глаза отцу, а приличная леди устроит скандал и пойдет молва, поэтому стал думать, как не перечить слову отца, но тем не менее удовлетворить свои потребности. И верный друг, лорд Фокс, нашел выход из этой ситуации. Нужны те, о ком никто не знает, те, которые никому не нужны, те, о ком не вспомнят, если они пропадут. Так у принца Дерема появился свой тайный гарем, который лорд Фокс своевременно пополнял новыми жертвами. А пополнять приходилось, потому что девушки должного ухода не получали, и кто–то

выходил из замка калеккой, а кто-то и вовсе не выходил.

В темной комнате, где свет излучала только маленькая искорка, слова, произнесенные женщиной, пробрались под кожу, до самой сути и мириадами болезненных мурашек подняли все волоски на теле.

– Но каким же образом вы связаны с... – я не могла себя заставить произнести имя Его Величества в слух.

– Моя дочь, Лорна, по дурасти своей влюбилась в лорда Фокса и понесла от него. Сейчас ходит тяжелая на последнем месяце. Как она радовалась, глупая, думая стать графиней. А я просила ее не рассказывать ему, сберечь дитя, коли она рожать удумала, – Баффетта опять горько вздохнула. – Но, что ей слова матери – вы, молодые, всегда умнее.

– Замуж он ее не позвал? – догадалась я.

– Какое там! – всплеснула руками старушка, но, испугавшись своих эмоций, заговорила еще тише. – Сказал, что от ребенка не откажется, но как мать, безродная, она ему не нужна. Моя девочка, услышав такое, чуть там и не померла, а потом кинулась графу в ноги и стала молить ребенка не забирать. Сказала, что на все готова, лишь бы он при ней был.

– И?

– Графу нужна была сиделка, для одурманенных девушек, что он для друга находит. А я опыт такой имею, за больными иногда присматривала в монастыре Бааш.

– Так вы тут, чтобы лорд Фокс вашего внука не отобрал? – не поверила я.

– Он пообещал мне, что возьмет мою дочь в жены, если я буду ему служить.

– И вы поверили? – голос мой был полон скептицизма и шока. – Человеку, который приводит сюда девушек на верную смерть? Такой муж нужен вашей дочери?

– За свой выбор я отвечу на том свете, но роднее Лорны у меня никого нет, понимаешь?

Понимала ли я ее? Нет! Тысячу раз, нет! Но она мать, я же своих детей не имела и оттого могла быть предосудительна. Одно я знала точно, как бы она себя не оправдывала: сейчас, здесь, в этой комнате, Баффетта, была таким же палачом, как граф и принц.

Адреналин от услышанного разогнал мою кровь по телу и слабость, наконец отступила, уступив место активности. Мне нужно было что-то делать, чтобы не сойти с ума. И сейчас я могла заняться тем, что умела лучше всего.

– Я хочу осмотреть девушек! – твердо произнесла я, так, чтобы у Баффетты не было мыслей мне отказать.

– К-к-конечно, – неуверенно согласилась та. – А ты умеешь?

Стоит ли говорить, что отвечать на этот вопрос я не стала, а сосредоточилась на моих спутницах по несчастью. Состояние их было пугающим. Ни одна не проснулась, ни когда я их звала, ни когда пыталась разбудить. Лбы их горели огнем, и я поблагодарила богов, за свое крепкое устойчивое здоровье.

– Вы сказали, что мы вдохнули какой-то наркотик, – я

повернулась к женщине и пристально на нее посмотрела. – Мне нужно знать, что за он. Иначе, я не уверена, что хоть кто–то из них придет в себя!

– Я...я никогда не спрашивала, да и не уверена, что лорд Фокс снизошёл бы до меня, чтобы ответить. Но как–то раз я слышала, что он говорил королевскому травнику собрать в больших количествах... – Баффетта замялась.

– И что же он просил?

– Не помню точно, но слово такое знакомое и вроде бы с шитьем связано?

Она вопросительно посмотрела на меня. Я ужасно злилась на эту женщину. Как же она могла смотреть за девушками, если не знала, отчего их спасать надо! Не мне отчитывать ее, да и времени у меня не было – в голове проносились тысячи названий растений, тысячи свойств, которые могли они вызывать. И я вспомнила.

– Наперстянка?

– Да! Точно оно! Я еще подумала, что название такое необычное, но оно вылетело из моей головы.

– Вы серьезно? – если я думала, что ситуация не могла быть хуже, то точно ошиблась. – И вы не подумали узнать, что же это за растение такое? Оно же смертельно!

Мне уже было наплевать, что от моего крика, кто–то зайдет в комнату: сейчас я должна была исполнить свой долг и спасти тех, кого могла. Я боялась лишь одного, что уже слишком поздно и сердца девушек не выдержат и остановят-

ся раньше.

– Встаньте и помогите же мне, наконец! Нужно всех перевернуть на бок и вызвать рвоту!

– Рвоту? Но они же все здесь запачка...

Мой взгляд был способен убить ее на месте. И Баффетта все поняла без слов – кинулась выполнять мои указы: повернуть на бок, открыть рот, оттянуть язык и нажать на корень.

Как только девушки стали извергать из себя содержимое своих животов: желудочный сок, желчь и слизь – по комнате разлился кислотный запах, от которого я и сама почувствовала тошноту. Четверо сразу же стали выглядеть лучше, а их лбы определенно стали холоднее. Однако последняя – пятая – вызывала особую тревогу. Я заметила кровь в уголках ее губ. Температура не спадала. Я пыталась залить ей в рот воды, но она даже не пыталась ее проглотить и, потому мне пришлось по пару капель заливать в горло, чтобы организм окончательно не обезводился. Время текло тягучим маслом, а я все меняла тряпку за тряпкой, которые высыхали на лбу у девушки.

Такая молодая, не старше меня, и безумно красивая, несмотря на слой грязи и пыли на ее лице. Иссиня–черные густые волосы тяжелой копной укрывали девушку почти до поясницы. Лорд Фокс определенно умел выбирать, а вместе с тем и убивать.

– Давай же, не сдавайся! – молила я ее, в то время как рядом уже слышались первые стоны проходящих в себя де-

вушек.

Но она не слышала и лежала почти бездыханно. А я все смотрела и смотрела на нее, пока на долю секунды мои глаза не закрылись. Так сидя я и спала, пока не почувствовала под своими руками что-то трясущееся. Глаза открылись моментально, и я подскочила, красавицу трясли судороги, а из ее рта текла белая пузырящаяся пена. Спина девушки вдруг выгнулась и опала, отпустив мученицу в царство Хроноса. Из моих глаз сразу же полились слезы, и я уткнулась в тело умершей.

И чтобы окончательно добить меня, в этот же момент щелкнул замок двери, и в комнату вошел улыбающийся граф.

– Очнулись. Как славно!

Глава 17

Соловей

За десять лет моей упорной службы Наставнику, я выполнил для него тысячи заданий, которые в основном заключались в поиске демонов и мой нюх, проявившийся после первого сражения, очень мне помогал. Я старался впечатлить Атропина, показать, что он сделал верный выбор, но этот раз не шел ни в какое сравнение. Сейчас я пытался сделать невозможное – отыскать девушку в огромном городе, наполненном множеством различных запахов. Почувствовать тот неповторимый аромат, который принадлежал только Луне, от мысли о котором я сходил с ума, с того самого момента, как встретил ее! Где же ты, девочка?

Возможно, мне было бы проще, если бы Сокол не следовал по пятам, однако он был очень упорным в этом занятии, а я не мог тратить время еще на одну бессмысленную ссору, потому просто смирился.

– Сними свой плащ! – не попросил, а приказал я.

На удивление тот даже спорить со мной не стал, видимо и без того понимал, что я очень бросаюсь людям в глаза, тем более, что возле дверей одной из таверн уже висели наши с

Дроздом портреты. Надо отдать королевской гвардии должное, действовали они расторопно. Я накинул плащ на плечи, а капюшон натянул до самых глаз и хоть вещь была немного тесновата, выбирать мне не приходилось.

– Ты что–нибудь чувствуешь? – до меня долетел едва слышный голос моего самоназначенного спутника. Кто–то из друзей успел поделиться с ним перечнем моих способностей, что не могло не злить.

– Нет.

Мне приходилось идти медленно, чтобы не пропустить ни одного, хоть немного похожего аромата, и из–за этого мы теряли очень много времени – со знахаркой могло случиться все–что угодно, а у меня не было других вариантов.

Проходя возле одного из переулков, который находился не так уж и далеко от нашего нынешнего пристанища, я что–то почувствовал. Сухой и одновременно сладкий, с едва чуть различимыми, изысканными фруктовыми нотками, и такой мучительно притягательный букет коснулся моих ноздрей, и я сразу понял, что это тот самый. От него в моей голове сразу появилась кружащая легкость и вместе с ней образ беловолосой красавицы. Тут–то я себя сдерживать не стал и побежал, что есть мочи по едва заметной ниточке, которая, словно невидимый клубок тянула меня и звала. Краем сознания я замечал, что мы все дальше забредаем в царство нищеты и голодовщины, где Луне совсем было не места.

Запах разделился, и я не мог понять, куда идти, кинулся

вперед, но посередине улицы он резко прервался, и нам с Соколом пришлось вернуться к той самой развилке. Петляя по улицам Столицы, я пытался понять, что двигало девушкой, почему она ушла так далеко от назначенного места.

Сокол резко дернул меня за руку, отчего я остановился.

– Какого демона ты творишь?

А потом и сам понял, что смутило моего бывшего друга детства. Мы почти уперлись в задние ворота королевского замка, где стояли, словно статуи – стражники Его Величества, короля Норберта Старвайна.

– Она там, – указал я на замок. – Я отчетливо чувствую!

– Мы не можем туда пойти, ты же понимаешь? Тебя ищут и за твою голову назначена кругленькая сумма.

– Ты предлагаешь бросить ее там?

– Нет, – Сокол бросил на меня скептический взгляд, как будто я сказал несусветную чушь. – Я предлагаю вернуться и составить план, как нам пробраться в замок и при этом не попасться страже на глаза. Сейчас, когда мы не знаем, по какой причине она оказалась внутри, нам ничего не остается.

– Она в беде! – я был в этом уверен. Моя интуиция кричала, что знахарке нужна помощь. Но сейчас мои руки на самом деле были связаны.

– Мы этого не знаем, – мужчина, заметив мой гневный взгляд, примирительно продолжил. – Но мы обязательно выясним, что с ней. Эту ночь ей все же придется провести за стенами «бриллиантового».

В голове стали проноситься возможные варианты решений, но ни один не подходил для данной ситуации.

– Я хотел бы сказать, что ты не прав, но... – я потер разболевшиеся виски. – Но нам действительно придется вернуться.

И отчего-то нога моя вдруг заболела с новой силой, а душа словно дала невидимую трещину, я всем естеством чувствовал, что предаю ту, что поселилась в моем, казалось бы, черством сердце.

Луна

Раскосые, необычные в своей экзотической красоте глаза, смотрели с превосходством. В них горел алчный, жадный огонек, от которого мое тело покрывалось ледяной корочкой.

С того момента, как граф узнал, что девушки пришли к себе и явился лично в этом убедиться, прошло уже часа два. Мертвую девушку, словно мешок ботвы, вынесли те самые, знакомые бугаи, и мне никогда не суждено было узнать ее имени. Остальных же по очереди выводили из комнаты и через какое-то время возвращали обратно. Я была самой последней за кем пришли. И вот сейчас я стояла посередине покоев графа, а он, словно король, просто сидел в массивном кресле и бесстыдно разглядывал меня.

– Прекрасна! – первое, что я услышала от него за время, проведенное здесь. – А волосы, я сразу обратил на них внимание, такой необычный оттенок, так и хочется скрутить их в кулак.

От этих слов, я вся сжалась.

– Боишься? – не укрылось от лорда Фокса мое состояние. – Значит старуха уже поведала тебе наш маленький секрет?

Я молчала, глядя на графа, не опуская глаз.

– А глаза... Словно летняя листва, напитанная водами реки Тор, что протекает через Орлиные горы, что в Северном королевстве. Если бы я не был уверен, что ты придешь по душе принцу, то и сам был бы не прочь провести с тобой пару ночей или даже больше, смотря на сколько бы тебя хватило. Молчишь?

На аристократических губах появилась усмешка.

– Гордая, значит? Ну что ж, я и не таких ломал, – и, посмотрев за мою спину, едва заметно кивнул служанкам. – Раздеть ее!

Мои глаза расширились от шока, а с губ слетел неконтролируемый вопрос:

– Что?

Зря! Это только еще больше раззадорило графа, решившего показать, где находится мое место. Девушки беспрекословно повиновались воле своего господина и стали стягивать с меня платье.

– Перестаньте! Что вы делаете?

Сдаться им без боя я не могла, хотя и понимала, что лишь оттягиваю неизбежное.

– Рвите ткань, раз она не понимает по-хорошему! – лорд Фокс начинал терять терпение.

Ткань издала характерный звук, к моим ногам полетели ошметки, и, не дожидаясь приказа графа, служанки сорвали с меня и панталоны. По моему голому телу пробежал озноб, но не холод был тому причиной, а стыд. Еще ни один мужчи-

на не видел меня обнаженной, и я представляла, что это случится только с любимым, после обручения в храме Хроноса. Но сейчас на меня смотрел чужой мужчина, и взгляд его отнюдь не был влюбленным. В глазах графа горела похоть, и что-то еще, то что чернее самой темной безлунной ночи.

– А ты везде такая снежная, – лорд Фокс облизал свои губы языком, что на долю секунды показался мне змеиным. – На пол ее!

Что он собирается со мной сделать? Сердце в панике билось в груди, а меня уже уложили прямо у ног мужчины.

– За руки держите, чтобы она не могла вырваться.

И стал опускаться передо мной на колени, так медленно, чтобы я окончательно прочувствовала всю его власть и превосходство. Я стала извиваться и дергать руками, но меня держали так сильно, что руки простреливали болью. Я кричала и мой голос окончательно осип, а когда поняла, что от этого мало толка, стала молотить ногами, пиная графа туда, куда могла дотянуться.

– Бейся птичка, бейся! – хохотнул он и схватив мои ноги, согнул их в коленях. И я билась, билась из последних сил, а он просто держал меня и ждал, пока я сдамся. Кретч, зажатый в моей руке, придавал выдержки, но организм был истощен. Граф знал об этом и, словно паук, загнавший свою добычу в ловушку, ожидал, когда мои конвульсии прекратятся.

Энергия покинула меня, а вместе с ней пришла апатия – я обмякла, не способная больше сопротивляться.

– Ну, вот и славно, – видимо, это слово было любимым в обиходе лорда.

Согнув мои ноги в коленях, он расставил их шире, а потом без предупреждения ввел в меня два своих пальца. Крик боли вырвался хриплым стоном, а из глаз полились слезы унижения.

– Целая! Дерем заплатит мне за тебя вдвойне! Отличный улов, – граф был доволен собой. Встал, переступив через меня, словно я мусор, бросил через плечо. – Отведите ее к остальным, и не давайте никакой одежды, пусть знает, как мы поступаем с непокорными.

Я отпихнула руки служанок, которые хотели меня поднять, и встала сама, распрямила спину и пошла к двери, где меня ждали мои конвоиры.

– А, вот еще что, – у самых дверей остановил меня еле слышимый голос Фокса. – Скажи старухе, что я ее жду.

Двери за мной закрылись.

Тайными проходами для слуг меня голую проводили до места моего заточения, где я передала слова графа Баффетте, а потом просто легла на пол в углу комнаты и отключилась.

И снова кошмар. Но не Соловей за мной пришел – Сокол стал моим демоном в этот раз. Глаза его горели безумством, а лицо превращалось в волчью морду, с зубами, с которых стекали вязкие слюни. Благо долго спать мне не дали. И сон прервался. Баффетта разбудила, приподняла и через голо-

ву натянула на меня жесткую ткань платья для служанок, в которые переоделись уже все присутствующие. Я позволила одеть себя и даже накормить, потому что сама бы не стала этого делать. В покоях графа я была отчаянно смелой, но сейчас, в этой темнице, без окон я больше не хотела бороться. Судьба кинула свои кости, и я в этой игре уже заведомо проиграла.

– Деточка, ты же так изведешься до смерти, – старуха присела рядом со мной.

– Лучше так, чем у принца в покоях, – бесстрастно отвечала ей я и отвернулась к стене.

Не нашлось бы сейчас тех слов, что смогли бы меня ободрить. Спасения нет, и я так и загину в этих стенах, а выйти смогу лишь ногами вперед, такая же неизвестная, как та черноволосая красавица, жизнь которой я не отвоевала у богини подземного царства – Бааш.

Ночь. День. Я и все остальные девушки не понимали, сколько времени мы уже провели в этом заточении. Редкий шепот, но в основном тягостное молчание и едкий кислый страх в наших жилах, что стал неотъемлемым спутником каждой из нас. Три раза в день нам приносили еду и питье, иногда забирали Баффетту, по приказу графа, но нас отчего-то не трогали. Старуха была такой же пленницей, что и мы. Я больше не могла на нее злиться. Из-за своей дочери она распрощалась со светом и подарила себя одинокой свече и нам.

– Бабушка Баффетта, чего же они ждут? – не выдержала одна из девушек, Марфа, миниатюрная брюнетка, хрупкая, словно фарфоровая кукла и тонкая, как лесная фея. – Расправились бы с нами быстрее, а так мучают ожиданием кончины, с ума сводят своим бездействием.

– Так тож от того, что «Его» нет сейчас в замке. Уехал на охоту со своей свитой. Должен быть со дня на день.

– Чтоб он на охоте своей подох, – едва слышно пробурчала я, и тяжелые вздохи безысходности прозвучали мне согласием.

Следующий день отличался от предыдущих, отчего страх, затаившийся в недрах души, снова стал давать свои ростки. Еды нам не принесли, а вместо этого всех одним разом вывели из комнаты и строем повели по закоулкам огромного замка. В конце пути высокая тяжелая дверь отворилась, и в нос ударил свежий воздух. Нас вывели на улицу и повели в невысокую баньку, что обычно для слуг топили. На улице было еще темно и пусто, однако я чувствовала, что не ночь сейчас, а предрассветное время, когда природа готова уже проснуться.

– Хорошо–то как! – Марфа глубоко вздохнула, но после грозного «цыц» одного из стражников, вновь поникла.

Забываться нам не давали. Хвала богам, внутрь с нами мужчины не пошли, лишь наказали вымыться и переодеться в чистую одежду. Та одежда, что была на нас, пропиталась

пылью и потом, да и мы сами выглядели плачевно, со своими немывыми и спутанными волосами.

– Девки, вода горячая! – высокая и стройная Лойка радостно защебетала и начала активно намыливать свои длинные пшеничные волосы.

Другие девушки вторили ей, стали плескаться и хохотать. Я же не могла разделить всеобщего восторга, ни на секунду, не забыв, где я нахожусь. Не думаю, что была здесь самой умной и рассудительной, просто, видимо, личный осмотр графа был только у меня, и от одной мысли о нем, внутри затягивался толстый узел страха и отчаяния. Лорд Фокс был безжалостен, но каков окажется принц, для которого мы сейчас все моемся.

Одна из девушек, Урса, также не принимала активного участия в веселье, села рядом и тихо сказала:

– Беду чую. Все не спроста, – я была с ней полностью согласна. – Такая безнадега на душе, словно поведут нас на бойню, как тех коров.

– Думаю, принц вернулся и теперь хочет посмотреть на пополнение, – также тихо ответила, однако вокруг все затихло, прислушались.

– А может нас просто помыть решили? – Марфа была самой оптимистичной из нас. – Бабушка сказала, что день у нас точно еще есть до его приезда.

– Баффетте, что сказали, то она нам и передает. Не думаю, что лорд Фокс и принц ее в известность ставят о своих пла-

нах. Так что расслабляться нам нельзя! – сказала Урса и вышла в предбанник.

Я последовала за ней, а все девушки за моей спиной поспешно стали смывать пену, уже без улыбок на лице.

И обратно, тем же путем, чтобы не встретить никого из знати. Хотя утро было ранее, но конвоиры наши перестраховывались. Шли мимо знакомых дверей, за коими была наша темница, все дальше и дальше, теряясь в коридорах. Остановились же мы перед другими дверьми – высокими, резными, позолоченными. Красота их кричала, бросалась в глаза, однако чувствовалось, что за ней притаилась опасность – дикий зверь, что выжидает свою добычу.

Покои Его Величества, Дерема Старвайна, были такие же, как и двери. Все вокруг говорило о богатстве хозяина: два массивных кресла, с вырезанными ножками в виде львов, на дубовом столе, бархатная красная ткань, которая как будто стекала алой кровью почти до самого пола, шторы на высоких окнах, в тон скатерти, увитые узорами ручной вышивки, задернутые и не пропускающие свет, и ковер с высоким ворсом, что манил протянуть к нему руки и ощутить его мягкость. Больше в этой комнате ничего не было. Двери в другие комнаты были плотно закрыты.

В одном из кресел сидел лорд Фокс, а в соседнем разместился и сам хозяин комнаты. Кареглазый блондин, как и все мужчины в его роду, рассматривал нас, выстроенных в ряд на коленях, с откровенной скукой.

– Пять? Винсент, ты меня расстраиваешь, – растягивая гласные, беззлобно сказал мужчина.

– Тебя не было всего неделю. Поумерь свой пыл и получше приглядишься. Думаю, ты согласишься, что качество важнее количества, – глаза Фокса блеснули в предвкушении, а меня прошиб озноб.

Не обо мне ли он говорит? Я всегда выделялась на фоне остальных, и этот случай не был исключением.

– Что ж... – принц встал и подошёл к нам. – Поднимите их!

Стражники беспрекословно исполнили приказ и за локти поставили каждую на ноги, чтобы господин мог оценить свой товар по достоинству.

Я смотрела в пол, опустив голову. Было страшно, если встречу взглядом с этим садистом, то уже не выйду из этой комнаты. Я следила за носами его дорожных сапог, испачканных в грязи, за каждым шагом, что он делал от одной девушки к другой. Первая девушка. Вторая девушка.

– Хм..

Принц остановился в двух шагах от меня, и я замерла.

– Эта!

– Но, может ты посмотришь всех? – лорд Фокс явно хотел переубедить друга.

– Я. Сказал. Эта. – и от голоса его сжался даже граф, столько в нем было власти и силы.

– Как пожелаешь, – граф поклонился и быстро вышел из

комнаты, отдав приказ страже вернуть нас к Баффетте.

Без разговоров нас всех начали уводить, и я, плюнув на страх, подняла голову, чтобы увидеть ту, чья участь была предрешена. Урса. Последнее, что я видела, это как принц взял ее за подбородок, сжал его своими пальцами, отчего те побелели, а плечи девушки затряслись. Двери закрылись. Мне бы чувствовать облегчение, но душа болела, а сердце обливалось кровью, вместо слез, что не появились на сухих глазах.

Соловей

Устроить Ласточку в замок служанкой оказалось не такой легкой задачей, как мне бы хотелось. На решение этой проблемы ушло несколько дней, включающие в себя поиск связей и двадцать золотых монет. Я был готов заплатить больше, чтобы ускорить процесс, однако помощник управляющего, старый знакомый Кройера сказал, что это вызовет подозрение. Я злился, но настаивать не стал.

– Не похожа она на служанку, – бухтел Филин.

– Не волнуйся за нее, – я попытался успокоить разволновавшегося друга. – Ей нужно только получить разрешение на вход в замок и пройти мимо стражи, а там она просто станет незаметной.

– Но, если ее сил не хватит? – упорствовал он. – Ты об этом думал?

– Значит пересажу в безопасном месте, пока не восстановлюсь! – девушка подошла к Филину и чмокнула его в щеку. – Я большая девочка и могу за себя постоять.

Парень сразу оттаял, а я же, смутившись, решил сходить проверить Дрозда. Конечно, я был счастлив за друзей, но все никак не мог привыкнуть к такому новому статусу их отношений.

С нашим раненым другом дела обстояли сложнее. Найти

лекаря, который не побоится помочь беглому преступнику и при этом будет держать рот на замке, было еще сложнее, чем проникнуть в замок. Кройер пустил слух среди своих знакомых, что нужна помощь, и один знахарь пришел навестить Дрозда.

– Тело его заживет, слух, скорее всего, вернется, – я уже было обрадовался этой новости, но седовласый лекарь продолжил. – Но душа его изранена и покалечена. Сильные переживания он перенес, отчего разум закрылся.

– Что вы имеете в виду? Он сошел с ума?

– Молодой человек, если бы я только мог это знать, – он печально пожал плечами. – Я больше по телесным ранам мастер, а по духовным делам вам надо найти кого-то другого.

Я протянул ему мешочек с монетами, однако старик отмахнулся:

– Прибережи. Неизвестно мне, сколько душевник может запросить за свою службу, так что деньги лишними не будут, – грустно улыбнулся и вышел, оставив меня с Дроздом наедине.

Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, и только грудь вздымалась вверх и вниз в спокойном размеренном ритме. Лекарь замотал голову друга, заложив в уши целебную мазь, от чего температура стала спадать. Лечение помогало, однако Дрозд так больше в себя и не приходил. Сейчас сказать, что ему всего двадцать три года было нельзя: шоколадные волосы были коротко срезаны и покрылись сединой,

лицо приобрело сероватый оттенок, а некогда ясные глаза, так и не открывались.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату вошел блондин:

– Как он?

– Без изменений, – ответил я Соколу.

Воцарилось молчание. Мужчина мялся в дверях от неловкости, что витала возле нас, а я боролся внутри себя, пытаюсь решить, стоит ли мне верить этому человеку или нет?

– Нам нужно найти душевника, специалиста по душам, – нехотя прервал я тишину. – Обычные лекарства не смогут вернуть его нам.

– Я могу пройтись по городу, пораспрашивать! – глаза Сокола загорелись желанием помочь. – Заглянуть к местным травницам, думаю, эти бабы лучше других знаю, где и кого можно найти.

– Это хорошая идея.

Мужчина развернулся, но я окликнул его:

– Спасибо!

Улыбка. Кивок. И дверь закрылась.

Мысли сразу же изменили свое направление. Я чувствовал тревогу, мое тело тянуло меня к замку, наплевав на все опасности и логику, а сердце тосковало. Мог бы я представить, что девушка, с таким чистым и непокорным взглядом сможет зацепить меня. С давних пор я дал себе зарок не привязываться ни к кому и верно следовал своим убеждениям, но, как оказалось, власть моя над эмоциями была лишь вы-

мыслом, в который я так хотел верить.

Но сейчас, в этой комнате, где свидетелем был мне только друг, находящийся в беспамятстве, я поклялся, что спасу знахарку. Я был готов умереть за нее, даже если это разрушит все наши планы, и моя миссия будет провалена. А потом, признаюсь ей в своих чувствах!

Глава 18

Луна

Я сидела в углу комнаты на полу, обняв свои колени руками и ждала возвращения Урсы. Кто-то из девушек сидел в такой же позе, кто-то лег, но я точно знала, что никто не спит – это было просто невозможно. В голове роились мысли, возникали устрашающие видения, а кретч, зажатый в руке, уже таким привычным образом, пропорол кожу, и я почувствовала, как что-то липкое и жидкое стекает по ладони, но даже не ощутила боли. Только это ощущение держало меня в реальности, не позволяя окончательно погрузиться в пучину страха и ужаса.

Время шло, и, хотя в комнате не было часов, мне казалось, что я слышу гипнотическое постукивание стрелок: тик-так, тик-так. Наверное, я все же сходила с ума, потому что тишина, в который мы находились изо дня в день, давила на разум сильнее любого дурмана.

Шаги. Тяжелые, но уверенные, определенно мужские. Замок щелкнул, и в комнату впихнули Урсу, которая даже не предприняла попыток удержать равновесие рухнула к нашим ногам и тихонько заскулила.

Она жива! Девушки обступили ее, но боялись прикоснуться, я же отпихнула нерасторопную Баффету и опустилась к девушке.

– Урса, милая, ты должна сказать, что он с тобой сделал.

– Ни... че... го..

Из-за слез я не сразу поняла, что она имеет в виду. Я аккуратно перевернула девушку и спешно оглядела. Кроме синяков на лице, в форме мужских пальцев и от веревок на руках, я больше ничего не заметила. Могло быть что-то еще, что спрятано под платьем, он без разрешения девушки, я не решалась осмотреть ее полностью.

– Урса, он сделал тебе больно? Я должна знать, чтобы помочь тебе, – я гладила ее по голове, чувствуя под рукой легкую дрожь.

– Он не тронул меня, – еле слышно сказала она и подняла ко мне свое опухшее от слез лицо. – Настка, помоги мне перебраться на свое место, прошу. Мне просто нужно отдохнуть.

Дважды просить не пришлось. Вместе с остальными девочками мы уложили Урсу под ту тряпицу, что служила нам одеялом, и она, закрыв глаза, сразу уснула. Сверху я положила свою накидку, надеясь, что хоть таким образом смогу помочь Урсе. Отходить не стала и, как верный страж сидела возле девушки, нежно перебирая ее волосы и охраняя ее сон.

– Настка, как думаешь, что с ней?

– Сегодня он ее не тронул, – раздался голос Баффетты, и

мы все устремили глаза на старуху. – Так обычно и бывает: сначала он запугивает их различными способами, но не причиняет физической боли. Но потом...

– Что?

– Да все, что ему в голову взбредет – бьет, насилует, режет.

Испуганные вздохи.

– Баффетта, ты должна нас спасти! – Марфа кинулась в ноги старухи, но та отвернула голову.

– Я не могу!

– Ты должна! Должна! Должна! Я не хочу умирать! – девушка кинулась на бабушку с кулаками и стала молотить ее, что есть сил, вымещая свое несчастье. Баффетта резко подскочила, отпихнула Марфу с небывалой, для женщины ее лет, силой и кинулась к дверям. Стража открыла двери, выпуская ее и обезумевшие девушки, не теряя времени, попытались вырваться вслед за ней. Я же, все так же сидела возле Урсы, понимая, что все их телодвижения напрасны. Мужчина не стал разбираться, а, замахнувшись, дал пощечину одной из девушек, отчего та отшатнулась и вернулась в комнату, другие решили не повторять ее ошибок и безропотно отступили.

– Все, чего вы добились, это лишь разорвали единственную связь с внешним миром и обозлили стражу, – устало сказала я и, конечно же, получила лавину ненависти в свою сторону.

– А ты вообще ничего не сделала!

– Нам, что сидеть и ждать, пока нас убьют!

– Молчала бы!

– Я надеюсь, вам стало легче, – усмехнулась, совсем незадетая их резкостью. – А теперь послушайте меня внимательно. Если мы хотим выбраться отсюда, то должны действовать сообща, без необдуманных поступков.

– И что ты предлагаешь? – Марфа смогла взять себя в руки, от нее уже не веяло враждебностью.

– Пока не знаю, – в ответ лишь недовольные возгласы. – Я сказала «пока». Дайте мне время, и я что–нибудь придумаю.

За неимением большего, девушкам пришлось успокоиться и разойтись по своим углам, а я стала думать. Пять девушек, запертая комната, стража и огромный замок. Казалось бы, выхода нет, но я чувствовала, что все же один вариант на спасение возможен, но для этого нужно было достучаться до Баффетты, точнее, до ее совести.

Я стала проговаривать свои мысли в слух и друг за другом, слова сливались в некое подобие плана, который дополнялся девушками. В итоге мы все легли спать с надеждой в сердцах.

– В его комнате стоит огромная кровать с балдахином. Со стороны ног, сверху свисают петли, в которые он просунул мои руки и затянул, сильно, так, чтобы я точно не вырвалась. Ноги мои едва доставали до матраса, и я на носочках удерживала весь свой вес, то и дело соскальзывая и обдирая руки о жесткие веревки. Он же лег в кровать, откинул балдахины с двух сторон и просто стал смотреть на меня, на то, как я

мучаюсь. Долго смотрел, с наслаждением. А потом просто взял и уснул, с улыбкой на губах.

– И ты весела так...

– До тех пор, пока он не проснулся. К тому моменту сил во мне уже не было, руки затекли, и я их не чувствовала. Когда меня отвязали, встать я так и не смогла, ноги подгибались от перенапряжения.

Мы собрались вокруг проснувшейся Урсы и слушали ее историю, не перебивая. Тесный круг, участливые взгляды должны были придать Урсе сил, да и не только ей – всем нам. Сейчас, когда в нас теплился огонек веры в лучший исход, мы чувствовали незримую связь друг с другом, нить, что тянулась из души в душу каждой девушки.

Я положила голову Урсы себе на грудь и ласково зашептала ей на ушко про все, что успело случиться за время ее сна и все, что мы смогли придумать, чтобы спастись из рук агрессивного безумца. От этих тихих слов девушка бесшумно расплакалась, и хотя я чувствовала, что это слезы радости, все равно размеренно качала ее в своих руках, стараясь не допустить возможной истерики. Урса – сильная девушка, я уверена, что она сможет с этим справиться.

Баффетта не приходила и за все это время стражник зашел всего раз, с тарелкой на подносе, от которой шел приятный аромат и с чашкой, откуда поднимался горячий парок. От вида мужчины, все мигом разбежались и стали жаться ближе друг к другу и к стенам. Он подошёл ко мне с Урсой

и приказал:

– Накорми ее, напои и смотри, чтобы все до последнего кусочка съела!

Я смотрела мужчине прямо в глаза, но отвечать не собиралась. Ему видно, этого не требовалось, потому что он впихнул мне в руки поднос и вышел.

– А нас они, что ли, голодом решили заморить? – захныкала Селли, дочка мясника, отец которой умер пару недель назад, в пьяной драке из-за проигранных последних денег и тем самым оставив дочь без средств на существование.

– Не любят в этом замке непослушных, – грустно вздохнула Лойка, прижав руки к животу, который издал громкий характерный звук.

У меня и самой все внутри скрутило от запаха готовой и горячей пищи, однако я уловила в ней еще кое-что – тонкий, сладкий аромат, такой знакомый и... отодвинула поднос подальше.

– Опийный мак – что в еде, что в напитке. Сильный галлюциногенный наркотик.

– Настка, как же ты поняла?

– Почувствовала.

– Ничего себе! – девушки удивились моим способностям, а я лишь пожала плечами – сейчас не это было главное.

– А вот для чего Урсе его подсунули, даже боюсь представить, – я посмотрела на девушку, но она лишь сильнее ко мне прижалась, словно маленький котенок.

– Тут–то, как раз все ясно, – Марфа подошла к еде и принюхалась. – Помимо галлюцинаций, он еще что–то делает?

– Иногда его применяют как очень сильное обезболивающее... – договаривать уже не стала, все было яснее ясного.

– Нет! – воскликнула Урса, вырываясь из моих рук. – Вы хотите сказать, что меня снова поведут к нему? Но я ведь только пришла в себя!

– Ты думаешь, ему есть до этого дело? Мы все тут лишь временное развлечение, игрушки, для мальчика с поломанной психикой! – Марфа не пыталась успокоить, а лишь накаляла обстановку.

– Тише! Ты ее пугаешь! – я поднялась и подошла к разошедшейся девушке, пытаюсь уговорить поток ее необдуманных мыслей.

– Мы все тут напуганы! – поддержали ее Лойка и Селли, те, что обычно держали нейтралитет.

– Хватит! – чуть более громко сказала я. – Возьмите же себя в руки, иначе сюда вломятся те двое, и уже всем нам не будет сладко!

Марфа насупилась, но верещать перестала, остальные опустили головы.

Я взяла поднос и понесла его к ночному горшку, вылила туда содержимое чашки, а потом частями скинула еду, надеясь на то, что она не всплывет.

– Что ты творишь? – не унималась Марфа.

– А ты хотела это съесть? – не удержалась от колкости я,

моего терпения явно не хватало.

Недовольный взгляд был мне ответом.

– Урса, – я подошла к дальнему углу комнаты, куда едва дотягивался свет свечи.

– Он убьёт меня... Убьёт сегодня... – шептала она, а взгляд ее проходил сквозь меня. – Убьёт... Потом мое тело закопают или того хуже, отдадут на корм охотничьим псам!

– Никто тебя сегодня не тронет, – я обняла девушку, что так нуждалась во мне.

– Обещаешь?

– Обещаю. Но сейчас тебе придется кое– что сделать. Для себя и для всех нас.

– Что? – и вновь ее глаза наполнились ужасом.

Как же я ее понимала. Но мне нужна была вся ее сила воли – от этого зависело выберемся мы отсюда или нет.

– Ложись на свое место, – Урса непонимающе на меня посмотрела. – Ложись – ложись, не бойся. Молодец! У тебя есть на что–нибудь аллергия?

– На укусы пчел. Но зачем тебе...

– Отлично! – видно, никто в комнате не разделял моей радости, потому что я слышала едкий шепот за спиной. – А теперь представь, что тебя покусал целый улей диких пчел.

– Я не понимаю.

– Место укуса раздувается и болит, это неприятно, но терпимо. укусы нескольких пчел, для обычного человека не опасны, но для тебя – все не так просто. У тебя начинается

интоксикация. И чем больше пчел, тем сильнее реакция твоего организма. Твой язык опухает – становится все больше и больше, пока не закрывает гортань, отчего ты не можешь нормально вздохнуть. Представила?

– Да.

– Сейчас, когда я закричу, ты должна будешь изобразить все это! Ты должна сделать вид, что не можешь дышать: хватайся за горло, бейся руками и ногами, напряги лицо до красноты. Делай все, что придет тебе в голову, можешь закатить глаза.

– И для чего весь этот цирк? – вездесущая Марфа меня напрягала.

– Предположим, у нее аллергия на опиум, и ей срочно нужны лекарства, да такие, о которых знаю только я. Как мы поняли, Баффетта не сильна в знахарстве и есть надежда, что вид умирающей девушки заставит принести ее то, что нам нужно.

На долю секунды я заметила, как взгляд Марфы, да и всех вокруг блеснул... уважением? Я была не уверена, но хотелось бы верить, что я не настолько безнадежна, как думала раньше.

– А нам, что делать? – робко спросила Селли.

– Изображать панику и не давать подходить к Урсе близко, все-таки не такие тут служат слепцы. Но на нашей стороне внезапность и..., – я постучала себе по голове. – ...ум. Готовы?

Я закричала, прося о срочной помощи. Девочки стучали в двери и бегали по комнате.

– Что у вас здесь происходит, – недовольный стражник, заглянул в узкую щель, пытаясь увидеть причину шума. – А ну–ка прекратили балаган! Мы вас быстро сейчас успокоим!

– Позовите Баффетту, – кричала я, и головой указывая на извивающуюся возле меня Урсу. – Эта девушка, задыхается! Нам нужна помощь! Скорее!

Стражник чертыхнулся и закрыл дверь. Крик девушек начал затихать, но я покачала головой, показывая, что мы должны продолжать играть, ведь нас могли подслушивать.

Старуха прибежала быстро, видимо, смерть одной из игрушек принца, без его участия могла дорого стоит каждому, потому проверять и перестраховываться никто не стал.

– Что с ней? – Баффетта пыталась пробраться ближе, но ей не позволяли.

– Она умирает! – Лойка, кинулась к женщине на грудь и стала плакать, да так убедительно, что я и сама бы поверила в правдивость ее слез, не зная, что это просто представление.

– Это колдовство! – тут же подлетела к ним Марфа. – Ее лицо и горло распухли! Ее прокляли! Прокляли!

Вой. Стенания. Плачь. Крик. Баффетта выглядела такой потерянной и казалось, она уже не понимает, почему находится здесь. Это было как раз то состояние, которое мне нужно было. Я пролезла между девушек и начала в красках расписывать женщине, что же на самом деле произошло. Урса

поела, попила, а потом через пару минут ей стало плохо, и она начала задыхаться. Аллергия на что-то из еды. Моментальная. Такое бывает. Нужно остановить действие аллергена. Не знаете, как? Хм. Дайте подумать. Точно! Мне понадобится...

Старуха лишь кивала каждому моему слову, и мне оставалось надеяться, что она меня слышит и запоминает весь список. Думаю, у королевского лекаря все ингредиенты будут. На первый взгляд, все они безобидные, но, если совместить в нужных пропорциях... Марша вложила в меня огромное количество знаний, и сейчас я была ей благодарна как никогда.

Баффетта, отдаю ей дань, вернулась достаточно быстро, так и не скажешь, что старуха. В руках у нее были всякие склянки, бумажки с порошками, ступка с пестиком. Вывалив содержимое рук на стол, она снова выбежала, чтобы вернуться с кувшином воды, чашкой и клубком чистых тряпиц.

Я начала смешивать в каменной ступице травы, потом сделала вид, что насыпала их в чашку и поднесла к губам уставшей Урсе.

– Пей, милая, пей. Сейчас станет лучше, – и едва слышно произнесла лишь для Урсы. – Пару минут и можешь сделать вид, что спишь.

– Что ты ей сказала? – Баффетта наблюдала за каждым моим движением и скорее всего потом доложит обо всем лорду.

– Ничего, я просто послушала, проходит ли воздух в гортань и, хвала Хроносу, хрипы уже не такие сильные, – мои

слова звучали достаточно убедительно, чтобы женщина поумерила свою подозрительность.

После стычки с Марфой она выглядела уставшей, осунувшейся, и я бы пожалела ее, если бы не глаза, в которых поселилась обида и недовольство – в них больше не было сопереживания. Ну и тьфу на тебя, карга старая!

Урса затихла. Она действительно выглядела уснувшей, если бы не веки, что периодически подергивались, чего можно было не заметить, если не приглядываться.

– Спит. Кризис миновал, – поднимаясь с пола и вытирая вспотевшие руки о край платья, сказала я для Баффетты.

– Больше такого не повторится?

– Для этого нам нужно будет выяснить, на что так отреагировало тело Урсы. Но только после того, как она придет в себя. Сейчас мы уж точно ничего узнать не можем.

– Ясно, – женщина переступила с ноги на ногу, видимо от неловкости. – Ты, это... молодец! – похвалила она меня. – Если бы с ней что-нибудь случилось, страшно представить, что бы он мог с нами сделать... Ну, вы поняли.

– Как уж тут не понять! – не смогла сдержаться Марфа от едкого замечания, но от моего сурового взгляда, быстро прикусила свой язык.

– Это мой долг, – сказала я женщине и подошла к столу, где стала дальше месить ингредиенты в ступке.

– А это для чего? Ты же сказала, что все позади.

– Я лишь сказала, что кризис миновал, но такая реакция

говорит о том, что Урсе понадобится еще и противоаллергические компрессы, – если бы Марша слышала, что за бред я несу, упала бы в обморок.

– Никогда о таком не слыхала, – женщина нахмурила лоб. – Потом узнаю у лекаря, правильно ли ты все делаешь.

– Не уверена, что ваш лекарь знаком с народным знахарством, которое передается от матери к дочери, и только так. Веками наша семья собирала травы, изучала их свойства и разрабатывала лишь нам известные сочетания трав. Так что спросить то вы можете, но не думаю, что лекарь поймет, о чем вы. Хорошо, если не примет вас за фантазёрку или выдумщицу, – я блефовала, очень нагло и неумело. Никак нельзя было допустить, чтобы она пошла к лекарю и начала, что-то объяснять, он сразу же поймет, что дело нечисто.

– Наверное, ты права. Он и сейчас особо слушать меня не стал. Выдал все, что я попросила и пошел по своим делам. Говорят, королева неважно себя чувствует, – женщина еще что-то говорила, позабыв, что ей здесь не рады, но я и не слушала.

Щепотка того, две щепотки этого. Капля воды. Тщательно перемалываем. Еще вода. Я впала в некое подобие транса, проделывая такие знакомые движения, отработанные до автоматизма.

– ...велел отвести ее в баню на помывку, – слова ворвались в меня неудержимым потоком.

– Баффетта, нельзя этого допустить! – я намеренно не

смотрела на стражу, а всячески пыталась поймать взгляд старухи. – Баффетта, только вы сможете что-то придумать! Девушка не способна сейчас даже встать, вы же понимаете?

Она понимала. Я видела это по ее поникшим плечам, по опущенным глазам.

– Ладно, я схожу к лорду Фоксу и попробую его убедить. Только он может договориться... – и снова она не может сказать имя принца, но этого и не нужно, главное, чтобы она ушла.

Двери закрываются. И я начинаю действовать.

– Быстро все встали. Урса, и ты тоже, можешь больше не претворяться. Сейчас будет сложно, но нам уже нечего терять. Кто сможет поцеловать одного из стражей?

– Что? – слышится в мою сторону возмущение и непонимание, а во мне закипает злость.

– Давай я, чего уж тут, жить всяко больше хочется, – сейчас я готова кинуться Марфе на шею, за ее решительность и мужество.

– Вот, возьми, – протянула ей ступку. – Намажь содержимое на губы, но ни в коем случае не облизывай и не глотай. Наша с тобой задача, чтобы эта смесь попала стражникам в рот. Она их обездвижит полностью – не смогут даже говорить, как сон с открытыми глазами. Действует моментально.

– А потом что? – спросила Лойка, пока мы тщательно смазывали губы.

– А потом бежим в сторону бани, там, где есть люди, от ко-

торых нас так упорно прячут. Будем надеяться, кто-нибудь да поможет. Наша задача выбраться из замка.

Разговаривать времени больше не было, на счету была каждая минута, если не секунда. Я постучала в дверь и отошла вглубь комнаты.

– Чего тебе? – раздался недовольный бас из приоткрытой створки.

– Нам нужна ваша помощь! Прошу! Позовите друга!

В проеме появилась вторая голова.

– Девка, не дури! Говори, чего тебе нужно или мы вас забираем, нечего нам говорить с подстилками принца, – и оба загоготали, будто бы эта была первоклассная шутка.

Меня передернуло от отвращения, но старалась скрыть это, обняв себя за плечи:

– Помогите!

– Да какого хрена сегодня у вас тут происходит? – терпение стражников закончилось, и они вошли в комнату.

Я разогналась, с разбегу запрыгнула на первого вошедшего, что был ближе, прижалась губами к его рту и надавила со всей силы, чтобы ему пришлось его открыть. Я укусила мужчину за губу. Марфа, словно осьминог, обвила второго.

– Сука, – он меня откинул от себя и облизав кровоточащую губу, рухнул наземь возле моих ног. Второй тоже не заставил себя долго ждать.

Я вытерла губы тыльной стороной руки и ополоснула их в кувшине, который сразу же протянула подошедшей Марфе.

– Затащите их вглубь и снимите связку ключей – лучше их запереть тут.

Легко сказать, эти парни весили неимоверно много и нам обессилевшим передвинуть их было сродни сдвинуть гору, но упорство и желание жить сделали свое дело. Мы выбежали из комнаты, когда я поняла, что на мне чего-то не хватает. Мой кретч! Видимо, обронила, пока сражалась со стражником.

– Бегите, я вас догоню!

– Мы о таком не договаривались! – Марфа, хорошая девка оказалась. – Не дури, что бы ты там не обронила, это того не стоит!

Еще как стоит. Но я не могла ей этого объяснить.

– Бегите!

Девушка кинула на меня укоризненный взгляд, но остальные потянули ее дальше по коридору, и они быстро скрылись за поворотом.

Из темноты на меня смотрели две пары злобных глаз, но это все, что им оставалось – смотреть и безмолвно ненавидеть ту, что так ловко их обвела.

– Ну где же ты? – я шарила по полу, под тряпками, что валялись грязной кучей и только лишь под столом наткнулась на то, что мне было так дорого. – Попался!

– Не знаю, кто попался тебе. Но ты точно попалась! – слова, от которых мурашки по коже. Мне не хватило всего пары минут.

Лорд Фокс был зол. Нет – он был в гневе. Он открывал рот, чтобы наорать, но видимо всех слов мира ему не хватало, чтобы высказать то, о чем он думает.

– К Бааш все! – он схватил меня за руку и поволок за собой. – Пускай Дерем решает, что с тобой делать!

Попыталась крикнуть, но сильная оплеуха оглушила меня, и когда моя голова откинулась от удара назад, на короткое мгновение я заметила знакомую рыжую копну. Ласточка? Видение растворилось в воздухе.

Глава 19

Луна

Дерем Старвайн слушал очень внимательно, то и дело кидая на меня скучающий взгляд.

– Винсент, я все понял. Твоя обленившаяся стража, не смогла справиться с какими-то нищенками. Старуха тупа, словно ослица. Ты халатно относишься к своим обязанностям, за которые, заметь, я плачу тебе хорошие деньги. Что ты хочешь от меня услышать? Тебя пожалеть, поплакать с тобой?

– Ты не понимаешь! Это все она! Ведьма во плоти! – слюни изо рта графа летели во все стороны, словно яд у змеи. – До ее появления в этом замке не было ни одного инцидента!

Принц подошел ближе. Знакомым движением он поднял мой подбородок, посмотрел мне в глаза, а потом брезгливо отдернул руку.

– Что у нее с лицом? Твоя работа?

– По-другому она не затыкалась.

– Значит так, – Дерем отошел к окну и встал к нам спиной. – Эту – забирай себе. Делай что хочешь, но платить за порченный товар я не собираюсь. Да и внешность у нее уж

слишком экзотическая, не знаю, чем ты руководствовался, выбирая ее. Остальных – прикажи своим прихвостням поймать. И если я узнаю, что хоть одна из них попалась придворным на глаза... То ты понимаешь, я буду вынужден искать себе другого поставщика. А мне бы этого не хотелось. Да, друг?

Лорд Фокс со всей силы сжал руки в кулаки. Уязвленный, обозленный и униженный, он смог лишь выдать:

– Да, Дерем, я тебя услышал.

И снова меня, словно собаку на привязи, потащил за собой.

– Ты за это еще заплатишь! – он смотрел вперед, но я понимала, что брошенные слова адресуются мне. – Раз уж ты досталась мне таким образом, то я тебе покажу, кто твой хозяин и где твое место.

Было ли мне страшно? От вереницы событий все шло кругом, в голове до сих пор звенел удар, а щека горела огнем, и оттого я просто не могла чувствовать, что-то еще. Не было страха. Будущего не было. Куда бы он меня не затащил и, что бы он со мной не делал, уже не было разницы – умру ли я в руках одного садиста или другого. Единственное, что еще жило во мне, так это вера, что моих подруг не найдут и им удастся вырваться из этого ада.

Лорд шел быстро, отчего мне приходилось бежать за ним, чтобы он в конечном результате не оторвал мою руку. Встречным стражникам он отдал несколько кратких поруче-

ний, касающихся беглянок, а потом потянул меня на выход, на задний двор замка.

– Мои ребята свою работу знают и что их ждет, если приказ не будет выполнен – тоже. Поэтому, во дворце нам оставаться не имеет смысла, здесь слишком много глаз и ушей, которые будут лишь мешать, – и такое выражение лица у него было хищное, что я невольно поежилась.

Он запихнул меня в запряженную черную карету, кучер которой даже и бровью не повел на поведение господина. Лошади заржали, и после удара хлыста тронулись. Брусчатка стучала под колесами, отдаваясь в моем теле вибрацией, и я закрыла глаза, желая провалиться в сон, чтобы не смотреть на мужчину, что сидел напротив.

Руку опалило точечной болью – граф меня ущипнул.

– Даже и не думай спать, моя дорогая ведьма! Я хочу, чтобы ты сидела и тряслась от страха, представляя, что я буду с тобой делать! О–о–о... Я не могу дождаться, руки так и чешутся!

Пока он был увлечен своими бурными мечтами, я, улучив момент, рванула к дверям, но так и не успела что-либо сделать – жесткие мужские руки рванули меня обратно и с силой усадили себе на колени. Тут-то я и почувствовала всю силу желания графа и испугалась, что он решит воплотить его прямо тут. Рука его залезла ко мне под юбку, лорд Фокс приблизил свое лицо к моим волосам и глубоко вздохнул.

– Как же ты воняешь! – он отпихнул меня от себя, чему я

была несказанно рада. – Ну ничего, в моем имении имеется огромная купель, и места в ней хватит на двоих.

Видимо, мое лицо отразило весь спектр отвращения, потому что очередная пощечина за сегодняшний день опалила мое лицо.

– Не смей так смотреть на меня, мразь!

Дорога казалась бесконечной. Лорд не давал мне отдыхать, то и дело щипая и пиная, когда мои глаза закрывались от усталости, убаюканные ритмичным движением кареты. Помимо этого, он не переставая говорил о мерзких вещах:

– Какая страсть горит во мне, ты даже представить не можешь, как я одержим мыслью обладать тобой.

Он упивался своей властью. А я в свое время продолжала молчать, зная, как ему это не нравится. То, что расплата будет, не было никаких сомнений, а какой она будет, уже не имело никакого для меня смысла.

Доехали в сумерках, время, когда все приобретает еще более устрашающий вид, чем есть на самом деле. Огромный каменный дом горел огнями, а значит, граф успел послать кого-то предупредить своих слуг о скором приезде.

Лорд Фокс втащил меня в дом и, не обращая внимания на удивленные взгляды, поволок на второй этаж, в господские покои, в которых, в отдельной комнате уже была наполнена горячей водой купель, про которую в красках рассказывал мужчина.

Он стал стягивать с меня одежду, не обращая внимания на

мои протесты. Платье упало на пол, и он оттолкнул его ногой в угол комнаты, поморщив лицо. Свои же вещи он снял аккуратно и сложил на невысокий стул у дверей. Граф стоял ко мне спиной, и я не могла этим не воспользоваться – ухватила массивный подсвечник с горящими свечами и, подбежав к мужчине, ударила мужчину со всей силы по голове. От тяжести, рука соскочила, задев лишь ухо лорда Фокса, но само действие сработала, словно красная тряпка для быка – граф озверел.

Он поднял канделябр с пола, размахнулся, и удар пришелся мне на лицо, разорвав щеку. Кровь хлынула как из носа, так и из самой раны, окрасив мраморный пол красными разводами. От нахлынувшей боли мои ноги подкосились, и я рухнула к ногам мужчины, зажимая щеку рукой, а второй сжимая кретч, молясь, чтобы он дал мне сил.

– Я хотел быть с тобой добрым, но ты злоупотребила моей благосклонностью, ведьма. Значит, будем по–плохому!

Он схватил меня за волосы, которые за время моего путешествия успели отрасти вдвое, намотал их на кулак, как и обещал во время нашей второй встречи, и потянул в комнату, где располагалась господская кровать. Мужчина кинул меня прямо на нее, а сам отошел в другой конец комнаты, где находилась замаскированная дверь, за которой скрывалась небольшая ниша. Там висели, прибитые к стене различные атрибуты, для таких садистов как он: хлысты, веревки, дубинки и множество других вещей, названия которых я не

знала.

– Давай сюда свои руки, – граф подошёл ко мне с веревкой.

– Нет! – я яростно замотала головой, понимая, что если он свяжет мне руки, то обнаружит кретч и помимо всего прочего, я больше не смогу обороняться.

Хищные раскосые глаза блеснули безумством, а желваки заходили, от сильно сжатой челюсти. Он ухватил меня за шею, придвинул к себе и нарочито спокойно сказал:

– С этого момента в твоём лексиконе не будет слова «нет», – и чтобы сломить мою волю окончательно, большим пальцем залез прямо в рану, поглубже, так что вокруг замелькали мушки, а из глаз брызнули слезы. Воспользовавшись моей потерей в пространстве, он ловкими умелыми движениями связал руки.

– А это у нас что? – кретч, болтающийся на веревке, замаячил перед моими глазами, но я не могла никак на нем сфокусироваться. Неловко попыталась дотянуться до него, но граф отдернул руку и залиvisto засмеялся.

– Тебе это вещичка дорога? Да? – мужчина вновь наклонился ко мне. – Тогда обещаю хранить ее в память о тебе. Ведь, когда я с тобой закончу, она тебе уж точно не понадобится.

И снова смех. Лорд отошел к секретеру, выдвинул один из ящичков, положил туда мой оберег и с довольным лицом вернулся.

– Ну что, дорогая, продолжим? – моего согласия он не ждал, босыми ногами ступил на постель и снял массивную картину со своим портретом со стены. За ней находился громоздкий крюк, который с лихвой мог удерживать все, что угодно, не говоря уже о картинной раме. Я попыталась сползти с кровати, но лорд справился со своей работой быстро и, подняв меня за руки вверх, зацепил узел за крюк. Бежать теперь мне было невозможно.

– Отлично! – лорд был доволен, за моей спиной его не было, но по шуму я смогла понять, что он вновь ищет что-то в своем тайном шкафу. – Знаешь, там, откуда я родом говорят, что кровопускание – это лекарство от всех болезней. А ты как думаешь, ведьма?

– Я не понимаю...

– Не волнуйся, сейчас ты все поймешь, – и я поняла, озвучив это громогласным криком боли.

Граф водил по моей спине, чем-то острым, словно он был художником, а моя спина – полотном. Он делал это медленно, наслаждаясь каждым мгновением, упиваясь моим криком.

– Пой, птичка, пой! – смеялся он за моей спиной, и сильнее вдавливал лезвие мне в кожу. – Как же славно!

Я чувствовала, как кровь, словно вода, бежит из моих ран и все вокруг заволочло дымкой. Это длилось невыносимо долго и в то же время я не была уверена, что прошло и пару минут. Мой разум терял связь с реальностью, и я не сразу

поняла, что мужчины около меня уже нет.

– Ах ты, чертова дрянь! – послышалось издалека. – Ты решила спалить мне дом?

И только сейчас в мое сознание ворвался запах гари и треск разгорающегося огня, в комнате резко стало душно и жарко. Шум воды, которой граф, видимо, пытался затушить огонь, что возник из-за свечи, выпавшей из подсвечника, которым я пыталась ударить лорда. Я была рада, что мучитель сейчас занят не мной, но в то же время у меня не хватало сил, чтобы снять свои руки с крюка. Я отчаялась. Я почти сдалась.

А потом звук разбитого стекла, осыпающийся сотнями осколков. Я поворачиваю голову в бок и вижу, как в комнату вместе с холодным освежающим воздухом врывается Он. Эйтан.

Соловей

Который день Ласточка возвращается без хороших вестей. И который день я готов поубивать всех и самому отправиться в замок.

– Я была везде! – взволнованно твердит девушка. – Я подслушала разговоры всех придворных девиц и всех слуг, но никто и словом не обмолвился о ней!

– Ты что-то явно упускаешь! – настаиваю я. – Где ты еще не была?

– Только у венценосных; короля, его принцев, ну и парочки их приближенных.

– Значит, следует проверить и их!

– Соловей, это слишком опасно, – Филин злится на меня. – Не думаю, что это стоит того!

– Это? – я подхожу к Филину вплотную и готов сорваться в любую секунду. – Луна, не «это», тебе понятно?

– Ты свихнулся с этой девчонкой! – с губ друга слетают слова, а в след за ними он получает кулаком в челюсть. В меня врежется такой же точный удар.

– Прекратите! Прекратите, немедленно! – Ласточка словно буфер втискивается между нами, как делала с самого детства. – Не вам решать, опасно это или нет. Я пойду!

– Лас!

– Нет, Филин, послушай меня! Я хочу это сделать!

Филин гневно качает головой и, резко развернувшись, уходит из комнаты, со стуком захлопнув дверь.

– Мне жаль, – с досадой начинаю я, потирая ушибленное место, но девушка меня перебивает.

– Не надо, Соловей, все в порядке.

Ласточка ушла затемно, в сопровождении с Эйтаном. Мы договорились по очереди ходить в караул, на тот случай если девушкам срочно понадобится помощь. Воительница обычно выходила из замка, когда солнце начинало подниматься из-за горизонта, мы провожали ее до таверны, слушали ее отчет, и она шла отсыпаться.

Я почувствовал тревогу уже тогда, когда тени на стенах моей комнаты стали расти, а Эйтан с девушкой еще не вернулись. В дверь постучал и сразу же вошел мой друг. Смотрел он на меня сердито, но также в них можно было уловить нарастающую тревогу:

– Их до сих пор нет!

– Я заметил.

– И это все что ты скажешь? – Филин был крайне возмущен.

– Если бы ты меня не перебивал! – закатил глаза к потолку. – Седлай коней, я захвачу сумки и проверю Дрозда перед отъездом.

Филин, едва замаявшись, кивнул. И хоть он ничего не сказал, но это промедление было красноречивее любых слов.

Дрозд был совсем плох. Как лекарь и сказал, он начал поправляться, однако в моменты бодрствования он говорил бессвязно, вел себя агрессивно и мог нанести себе новые раны, поэтому нам приходилось держать его в постоянной дреме и будить лишь для того, чтобы накормить.

Я заглянул в комнату, ожидая увидеть своего друга в том положении, в котором он был обычно, но от удивления замер на пороге.

– О, Соловей! – голос друга был хриплый, но очень даже бодрый. – А я не мог понять, куда вы все подевались? И где это мы?

– Что ты помнишь? – я подошел к Дрозду, положил руку ему на лоб, проверяя, есть ли жар. Но он был холодный и сухой.

– Эй, перестань! – мужчина, смеясь, откинул мою руку. – Со мной все в полном порядке.

– Значит слух вернулся? – я не мог поверить своим глазам, он выглядел здоровым.

– Вернулся? Хм. Честно говоря, я помню только то, как мы убежали от стражей в Вифернском лесу вместе с Вороном, а дальше полная тьма. Так что ты имел в виду про мой слух? – Дрозд бессознательно потянулся к своим ушам и не найдя их, замер. – Соловей, что со мной случилось?

– Черт, как же все не вовремя! – вырвалось из меня вслух. – Послушай, Дрозд, дружище, я все тебе расскажу, но у нас случилось кое-что, и я не могу задержаться ни на се-

кунду. Я пришлю к тебе Кройера, он сможет ответить хотя бы на некоторые вопросы!

– Кройер? Соловей, мы что в Столице?

– Да, – я виновато пожал плечами и выскочил в коридор, оттуда вниз по лестнице и к владельцу трактира. Недовольный Филин стоял там же. По мере того как я говорил, две пары глаз становились шире.

– Присмотри за ним, до нашего возвращения, – попросил я трактирщика.

– Обижает! – наигранно возмутился тот и, хлопнув меня по плечу, пошел на второй этаж.

Мы с Филином, не сговариваясь, решили не затрагивать эту тему, от того, что сами не понимали, как себя вести: конечно, мы были рады, но такое разительное изменение должно было о чем-то говорить, но пока мы не выяснили причину задержки Ласточки и Эйтона, нам пришлось отложить этот вопрос на потом. Мы слишком давно друг друга знали, чтобы надеяться на то, что Ласточка просто задержалась – она нашла бы способ сообщить об этом.

Мы скакали на лошадях, по маршруту, который команда продумала до мелочей и на котором мы не слишком привлекали к себе внимание. То, что дела еще хуже, чем мы могли предположить, стало понятно, когда мы заметили скачущую нам навстречу во всю прыть Ласточку.

– Тпр, – три лошади моментально остановились, предоставляя нам возможность поговорить.

– Лас, что случилось? Ты в порядке? – Филин осматривал свою девушку, пытаясь удостовериться, что с ней все в полном порядке.

– Не волнуйтесь, мне ничего не угрожало, но вот...

– Что-то с Лúной? – я напряженно всматривался в лицо подруги. – И где Эйтан?

– Об этом я и хотела сказать... Лúну полчаса назад увезли из замка, Эйтан отправился следом за ней. Нам нужно спешить, чтобы нагнать их.

– И куда ее везут?

– В поместье некоего лорда Фокса, дружка нашего младшего принца.

– И для чего ему Лúна?

– Соловей, – Ласочка замялась и опустила взгляд. – Она ему нужна...

– Лас! – во мне закипала ярость. – Для чего?

– Сол, – друг положил мне ладонь на плечо, привлекая к себе внимание. – Мне кажется, она имеет в виду, что Лúна ему нужна в качестве женщины, ведь так?

– Не совсем так... – было видно, что рыжую красавицу выкручивает от самой мысли произнести это в слух.

– Мне нужно знать! – я сказал это тихо, но девушка давно меня знала и чувствовала, что буря внутри меня скоро может вырваться на волю.

– Она его добыча.

Больше ей ничего не нужно было говорить, ведь я и так

понял, что она имела ввиду. Ударив лошадь по крупу, я сорвался с места, не заботясь, что друзья остались позади. Ничего. Догонят. Мне нужно было пару минут свободного пространства и ветра в голове.

Не придавая значения, что меня могла узнать стража, я проехал возле самого замка, пытаясь найти нить, что связывала нас с Лúной, ту, что вела меня и звала. И когда этот сладостный аромат коснулся моего носа, я пришпорил лошадь и помчался по дороге, вслед за девушкой, которая так волновала мое сердце. Друзья скакали за мной, я слышал стук копыт, но не обгоняли, давая полностью отдаться своему дару. С демонами было проще. Я выслеживал их, чуял, но мой мозг всегда был сосредоточен, сейчас же я чувствовал дисбаланс внутри, мысли собирались и разбегались, роились мухами перед глазами, показывая возможные варианты событий. Но если раньше моей задачей было убить существо любой ценой, то сейчас я должен был успеть спасти жизнь. И вот это «успеть» пугало меня.

Становилось темнее, незначительно, но дышать стало легче, дневной жар отступал. В отдалении я заметил одинокого всадника. Сокол. Он, услышав нас, повернул голову, и его белоснежные кудряшки разлетелись во все стороны, придавая сходство с купидоном. Но хоть я и знал, что он всячески пытается помочь, однако, он еще мог украсть сердце девушки, а возможно уже сделал это.

Так, этих мыслей еще мне не хватало! Это не было важ-

но, главное было спасти Луну и точка. Кареты нигде не было видно, однако хорошо просматривались следы на песчаной утоптанной дороге. Нам нужно было держаться на достаточно большом расстоянии, чтобы нас не заметили и люди лорда не забили тревогу.

Солнце уже опустилось за горизонт наполовину, когда мы заметили двухэтажный дом, который, по-видимому, принадлежал похитителю. Мы остановились поодаль за высокими кустами в тот момент, когда высокий мужчина вытащил хрупкую девушку из повозки. Грубо, собственнически держа ее руку, он поволок к крыльцу, где они скрылись от наших глаз.

– Надо срочно ее спасать! – Эйтан чуть было не покинул укрытие, но я вовремя ухватил его за рукав плаща.

– Подожди, – я указал на забор имения, за которым ходили караульные.

– И зачем обычному лорду такая стража? – Ласточка с Филином успели оценить обстановку вместе с нами.

– Он не обычный лорд, он граф, но помимо этого – Ласточку передернуло. – Он...поставляет для Дерема Старвайна молоденьких девушек, с которыми он развлекается...повсякому.

Кулаки сжались непроизвольно, зубы заскрипели, я уже представлял, как мои руки смыкаются на шее графа.

– Принц успел...

– Нет! Слава богам, нет! – Ласточка поняла меня без слов.

– Тогда какой у нас план? Как мы будем ее спасать? – Филин еще раз выглянул из укрытия. – Караульных не много, но не известно, когда у них смена.

– Придется рискнуть, – я посмотрел на притихшую Ласточку. – Ты как, справишься?

Девушка кивнула. Но только слепой не заметил бы синяков под глазами и слабую бледность лица.

– Лас, – Филин приобнял ее. – Эти дни были очень изматывающими для всех нас, но больше всего досталось тебе. И не смотри на меня так, тигрица, я просто волнуюсь за тебя.

– Филин прав. Подруга, побудь здесь. Нас трое как–никак, да Эйтан? – я подмигнул парню.

– Конечно!

– Вы издеваетесь? Хотите, чтобы я сидела здесь и протира- рала задницу, пока вы рискуете своими жизнями? Ни–за– что! – упрямылась рыжеволосая воительница.

– Парни, оставьте нас наедине. – попросил Филин, и мы отошли к лошадям, чтобы пара могла поговорить наедине.

Не знаю, что он ей сказал, но пара минут и девушка, опустив усталые плечи покорно вздохнула, привстала на носочки и поцеловала Филина. Нам было неловко прерывать их, но парень с девушкой и сами не стали затягивать и после того, как Филин кивнул в сторону дома, мы вышли из–за кустов, оставив Ласточку позади.

Спасибо тьме, она была отличным помощником, спрятав нас от глаз караульных, отчего мы их быстро вырубил, не

произведя при этом постороннего шума. В парадные двери входить не стали, обойдя дом по периметру в направлении задних дверей для слуг, кои оказались открытыми – на пороге стояла тучная женщина в чепце с большим тазом грязной воды в руках. Еще один подарок судьбы, то была работа для Филина.

Он обошел женщину вокруг, пока она вылиwała содержимое в высокую траву, схватил ее сзади и зажал рукой рот. И хоть она не успела крикнуть, от испуга, она отпустила таз, и он со звоном упал на пол крыльца.

– Тише! Если закричишь, я тебя убью, поняла? – женщина понятливо закивала головой.

Для пущей наглядности, мы обступили ее кругом, не давая возможности сбежать, пока Филин искал с ней зрительный контакт, и только когда руки женщины безвольно повисли, он смог убрать руку с ее губ. Нам нужно было узнать всего пару вещей, от которых зависело, как быстро мы спасем знахарку:

– Покои господина на втором этаже в левом крыле в самом конце. Граф говорит, что оттуда вид красивый, – затараторила служанка. – А по мне так, все одно, везде елки да сосны, куда ни глянь.

– Дальше, – поторопил ее друг. – Слуги, стража, где живут?

– Так это мы в правом крыле, возле кухни. Спасибо господину, зимой там печка всегда огненная, мы не смёрзнем,

не то, что у наших соседей слуги живут на чердаке. А там знаете, как холодно и ветер ночью свистит, что спать невозможно.

– Стража? – на лбу у Филина выступили крупные бисеринки пота, видимо, в голове у этой женщины была такая каша, что заставить ее говорить нужные вещи и при этом контролировать, было затруднительно.

– Так это, сторожка у них, через час должны уже проснуться, в полночь сменяются, ко мне захаживают за свежей булкой. Я ее специально пеку... – не успела она договорить, да так и рухнула у наших ног.

– Ты не мог поаккуратнее с ней, она же все же женщина, – не удержался я пошутить над другом.

– Умолкни и без того тошно.

Эйтан усмехнулся. Но по большей части, как я успел заметить, говорить он не очень любил.

– Кто вы такие? – не успели мы зайти в дом, как нам на встречу вышли два бугая. Высокие и мощные, они точно не принадлежали к стражникам.

– Это вашу бабу мы вырубил? – в унисон гадко рассмеялись они. – Сладкая цыпочка. Мы таких любим!

– Что ты сказал? – Филин не стал ждать и кинулся на громил, попутно доставая из ножен свой меч. Но мужчины засмеялись ему в лицо и синхронно разбежались, для их комплекции они двигались легко. В отличие от стражников, сейчас перед нами были опытные бойцы.

Они перекрыли нам вход в дом, и мы теряли драгоценное время.

– Эйтан, мы с ними разберемся, а ты найди способ попасть внутрь и спаси Луну, – я, не став ждать, его ответа, кинулся другу на подмогу.

Мой меч, блеснул в свете луны, будто набираясь силы у ночного светила, знакомой тяжестью оттянул руку, и первый удар сразу же коснулся щеки одного из противников. Его глаза налились яростной кровью, и от бывшего веселья не осталось и следа. Теперь мы были один на один, и только от нас зависело, кто выйдет победителем, а кто проигравшим. Звон стали разлетелся по округе, и мы с Филином постарались отпихнуть бойцов внутрь дома, сковать их движения и при этом не разбудить остальную стражу. Удар. Еще удар.

– С разбегу! – крикнул Филин и мы, выставив плечи вперед, все же втолкнули противников внутрь.

Развернуться тут было тесно всем нам, но мы были меньшего размера, и помимо этого, с самого детства нас учили сражаться в любых обстоятельствах. Меч легко лег обратно в ножны, и я заметил удивленное выражение лица одного из верзил. Улыбнулся ему во все зубы, схватил первый попавшийся предмет, то была фарфоровая ваза, и швырнул ему прямо в лицо. Филин проделал то же самое. Мы кидали то вверх, то вниз, заставляя их отвлечься и закрыть лицо руками, не давая расслабиться ни на минуту, а потом, в один момент прекратили. Соперники открыли глаза, и отвели в сто-

роны руки, оголяя незащищенную шею.

– Вот вы и попались! – довольно прошептал я и из моих рукавов умелым движением достал две металлические звездочки и швырнул прямо в цель.

Звук булькающей, из рассеченной шеи, крови заполнил холл и два тела рухнули.

– Беги к Ласточке, а я наверх!

– Спасибо! – друг убежал, а я, не задерживаясь ни секунды, взбежал по лестнице и кинулся в левое крыло.

На подходе к господским покоям я заметил, что из щели по полу клубится дым и отчетливый запах гари заполнил все крыло. Сердце мое тревожно сжалось. Я подергал ручку, но, как и должен был догадаться заранее, она была закрыта, поэтому мне ничего не оставалось, как просто выбить ее. Треск дерева и я внутри. Жар от огня, дым, дерущийся Сокол с графом, все осталось на втором плане, как только я увидел голую девушку, подвешенную за руки к громоздкому крюку, спина которой была изрисована красными узорами. Но когда я понял, что это кровь, то впервые в жизни остолбенел, на мгновение, пока она не повернула в мою сторону голову и из последних сил не простонала:

– Соловей... – тело ее ослабло, и голова безжизненно повисла.

Глава 20

Соловей

Оценив обстановку, я отметил, что Сокол справляется вполне сносно, хотя техника явно хромала, но тут меня можно было обвинить и в предвзятости. Знахарке была нужна моя помощь куда сильнее. Я бросился к девушке, желая удостовериться, что она жива, а не истекла кровью из-за сильных ранений.

– Кто вы, черт вас побери, такие? – голос графа был хриплый от удушливого дыма. – И какое право вы имеете врываться в мой дом?

– Такое же, как и вы, похищать невинных девушек! – ненависть слышалась в каждом слове Сокола, даже удары стали мощнее, отчего графу приходилось несладко!

Я снял девушку и уложил на бок, боясь причинить еще хоть каплю боли, но она все равно поморщилась и застонала.

– Тише, Луна, – я погладил девушку по влажным от пота волосам. – Я сейчас тебя закутаю в одеяло и будет немного больно, но ты ведь сильная, правда? Нужно потерпеть...

– Со... Соловей... мне... нужен... – шум металла заглушал еле уловимый шепот девушки.

– А–а–а, – от дверей раздался громогласный крик.

Мы с Соколом обернулись к дверям и заметили испуганных служанок, прижимающих руки к лицу и все продолжающих орать. Этого хватило, чтобы граф выбил меч из рук Сокола и упер свой ему в грудь.

– Дуры! Чего встали? Зовите стражу!

Их сдуло, словно ветром. А наша ситуация усложнилась.

– Отошел от девки, иначе твой дружок отправится к Баш! – лорд Фокс взял себя в руки и пренебрежение, которое часто можно было заметить у знати, исказило его лицо. На голом торсе проступили ровные полоски разрезов, из которых сочилась кровь. Молодец, Сокол!

– Хорошо, – я приподнял руки вверх, а сам лихорадочно пытался придумать, как нам спастись, потому что как только сюда ворвётся стража, шансов у нас не будет вообще.

– Нам не нужны смерти, ведь так? Мы просто заберем девушку и уйдем, и никто больше не пострадает, – Сокол пытался отвлечь его внимание на себя.

– Не думаешь ли ты, что я соглашусь на какие–либо ваши условия, уроды! Ты не в том положении, чтобы просить! – и для наглядности взмахнув мечем, полоснул ему по щеке.

Я же, схватив одеяло, в которое еще не успел закутать девушку, кинулся на графа и накинул ему на голову. Он комично замахал руками, пытаясь себя освободить, наступил на край и, окончательно запутавшись, рухнул на пол, со всей силы ударившись головой об край секретера. Характерный

хруст. Граф лежал неподвижно.

– Ты думаешь, он «того»? – Сокол выглядел озадаченным.

– Я думаю, что у нас просто нет времени это проверить!

Бросился к кровати, где ослабевшая девушка пыталась встать, но я ей не позволил: сорвал простынь с постели, накинул ей на плечи и взял на руки, стараясь не думать, что задеваю раненую спину. Она повернулась лицом и посмотрела затуманенными глазами прямо на меня, сейчас я смог рассмотреть еще одну уродливую рваную рану у нее на щеке.

– Он нужен мне... – прошептала девушка и погладила меня по щеке, отчего по моему телу пробежал рой мурашек.

Непослушную руку, что гладила мое лицо, она перевела в район своей груди и сжала в кулак. До меня стало доходить.

– Кулон?

Она хоть и вяло, но радостно кивнула.

– Эйтан, ты не видел нигде кулон? Белый неотточенный камень.

– Я был занят другим, – усмехнулся он. – И если мы не поторопимся, то думаю, нас здесь прикончат.

– Он там, – девушка напрягла голос и указала в сторону, где лежал лорд.

– Он у графа?

– Нет, в столе... – силы окончательно покинули ее.

Сокол быстрым шагом преодолел комнату, переступил через тело и стал выдвигать все ящики подряд, пытаясь найти искомое.

– Он? – на протянутой руке болтался знакомый камень.

– Да!

– Тогда не будем терять времени.

В это время крепкая рука ухватила мужчину за ногу, отчего он чуть не упал, и Сокол немедля всадил в показавшуюся из-под одеяла грудь графа меч. Все произошло так молниеносно, но в то же время жалеть умершего никто из нас уж точно не стал бы.

Внизу творился бедлам. Слуги верещали и бегали из комнаты в комнату. Дым уже спустился вниз, и огонь норовил последовать его примеру. Навстречу нам бежали два мужика с ведрами, за ними женщины с тазами, мы же шли напролом – терять было уже нечего. Я пихнул ногой самого первого и он, не удержав равновесие, кубарем покатился вниз, сбивая своим телом остальных. Мы смогли пробежать по лестнице и почти выскочили в парадные двери, пользуясь замешательством домочадцев.

– Держите их! – за нашими спинами послышался топот большой толпы.

Стражники.

– Бегите! – Сокол обнажил свой меч и развернулся. – Я их задержу!

– Эйтан, не глупи!

Но мужчина уже не слушал. Он принял огонь на себя. Черт! Черт! Черт! Я добежал до знакомых кустов, где сидела уже пришедшая в себя Ласточка, с огромной шишкой на лбу

и Филин, что словно курица над ней кудохтал.

– Фил, держи! – я аккуратно передал ему Луну. – Уезжайте отсюда сейчас же. Встретимся в бухте. Мы вас догоним сразу, как только сможем.

И кинулся обратно, стягивая маску с лица, спасти безмозглого героя, который решил пожертвовать собой, ради нашего спасения. Подоспел я как раз вовремя, потому что Сокол лежал на земле, а его руки скручивал один из бойцов графа. С такой большой толпой мне было не справиться. Обычными методами. Остался другой. Прости, Сокол, лучше у тебя немного поболит голова, чем мы все тут умрем. Я привычно выдохнул из себя весь воздух, а потом втянул как можно больше и свистнул.

Грозные стражники, словно тряпичные куклы, зажали уши и рухнули на колени, желая заглушить невыносимый звон в голове. Я же, пользуясь моментом, подбежал к Соколу, что лежал в позе эмбриона, схватил его за шкурку и поволок за собой, пока военные не пришли в себя.

Свист ветра и мой неприкрытый ничем бок обожгло болью.

– Дерьмо! – выругался я, но продолжил бежать.

В нас стреляли стрелами. Благо кусты были совсем близко, а там – лошади. Кобылки ждали нас, пощипывая травку. Мы вскочили каждый на свою и, пришпорив осоловелых животных, поскакали отсюда быстрее.

– Надеюсь, это имение сгорит вместе со своим владель-

цем! – злобно прокричал Сокол.

– Полностью с тобой согласен, друг!

«Все же, друг» – подумал я, и на душе стало немного теплее.

Луна

Обволакивающий и убаюкивающий шепот касается меня, окутывая со всех сторон. Я словно растворяюсь в нем, плыву в мягкой пустоте, полностью отдаваясь ритму. Ш–ш–ш.. Отдаляется и приближается. Мне так хорошо и в то же время я чувствую себя неуютно, будто что–то неправильно в моем состоянии. Будто нахождение в этой невесомости ложно и фальшиво. Будто протяни руку, и ты сможешь сорвать неестественную картину, приводящую в заблуждение. Но желание понять или хотя бы что–либо вспомнить разрывается от адской боли, а потом и вовсе пропадает в темноте.

Соловей

– Как она? – это первое, что я спрашиваю у своих друзей, добравшись до заброшенной бухты.

– Она потеряла много крови, а раны открыты и в любой момент могут загноиться, так что думаю, ты догадываешься, в каком она состоянии!

От былой веселой и оптимистичной Ласточки не осталось ни следа. Она измучена, под ее глазами чернеют круги, а от перенесенного удара по голове уже расползаются фиолетовые разводы. Взгляд искрится, а щеки пылают. Наверное, я и сам выгляжу не лучше, а раненый бок все сильнее беспокоит. Из-за него мне даже пришлось просить Сокола отправиться за Дроздом в Столицу одному, договорившись встретиться в указанном месте не позднее, чем через пару дней, чтобы продолжить свой путь. Оставаться так близко от имени графа было опасно.

Но сейчас я понимаю, что с раненой Луной в ближайшие дни мы просто не сможем куда-то идти.

– Скажи, что ей нужно и я достану.

– Вот, – девушка протягивает мне клочок бумаги. – Здесь все, что может понадобиться. Езжай в ближайшую деревушку.

– Вы присмотрите за ней?

– Мог бы и не спрашивать, друг! – Филин выглядит возмущённо, и я прекрасно понимаю его чувства, но просто ничего не могу с собой поделать, от одной мысли о раненой знахарке мне хочется кого–нибудь убить.

Я выехал на широкую лесную тропу, на которой были видны отчетливые следы от телег и копыт, двинулся в том же направлении, давая лошади больше свободы, а сам снова погрузился в размышления. Вся моя жизнь складывалась из следования определенным правилам и подчинения приказам Наставника. Все было ясно и размеренно – у меня было предназначение, точнее у нашей команды, и я никогда не сворачивал с намеченного пути, считая, что ничего не может быть важнее. Но как же я ошибался. Стоило моему сердцу предать меня, как я плюнул на все, готовый следовать за девушкой с белыми, как лебединое крыло, волосами и глазами, что смотрят в самую душу. Где я оступился? Где дал слабину? И когда я подпустил ее слишком близко? Но все это не так важно, когда ты смиряешься со своими чувствами. На первое место выступает грызущее чувство неопределенности, касаемо взаимности чувств и то, что девушка может быть влюблена в твоего друга. И хоть эти мысли вызывают во мне агрессивные чувства, головой понимаю, что не имею на них право, ведь никто никому ничего не обещал.

Кобылка фыркает, и я возвращаюсь в реальный мир. За время раздумий, сопровождающихся душевными терзаниями, мы успели выехать из леса, и впереди уже были видны

первые деревянные домики приморской деревушки.

У первого встречного мужика я уточнил, где проживает знахарка, и хоть он и окинул меня подозрительным взглядом, увиливать от ответа не стал, указав на один из домиков.

– Шевла, ее звать, – кинул напоследок и поспешил исчезнуть с поля моего зрения.

Двери отворились раньше, чем я успел ступить на порог.

– Заходи, странник, – раздался скрипучий старческий голос. – Заждалась я тебя.

– Меня? – удивился я. – Вы меня, наверное, с кем-то спутали?

– Да нет... – неопределенной сказала старуха и поманила вглубь дома. – Все утро соловушка под окном пела, да так печально, что я старуха и то слезу пустила. Рассказывай!

Она указала на старенький стул, но я отказывался от этого жеста, хоть бок саднил все сильнее. Эти витиеватые слова, наполненные намеками и тайным смыслом, натолкнули меня на одну возможную здравую мысль:

– Вы – ведунья?

– Так тож меня называют, но я предпочитаю не нарекать себя никакими званиями. Я знаю, кто я, а ты, странник? Что смотришь, глазами гневными? Не нравятся бабкины вопросы? Тогда рассказывай, что привело в мой дом?

И на самом деле бессмысленные вопросы, что вылетали изо рта старухи изрядно напрягали, хотелось скорее забрать нужные лекарства и вернуться в бухту. Я без слов передал

список Шевле и стал разглядывать дом, пока она, покрхтывая, собирала все необходимое.

Вокруг витал приятный запах мяты и, казалось, что дерево, из которого был сделан дом, впитал в себя это сладкое благовоние. Пространство было маленьким и везде, куда бы не падал взор, висели травы и корешки, высокий, до самого потолка, стеллаж был заставлен стеклянными и глиняными баночками, в которых находились, настойки и мази. Я взял одну из них и сквозь белую тряпицу, служившую импровизированной крышкой, привязанную к банке тесемкой, вдохнул и сразу закашлялся.

Старуха вырвала из моих рук свою заготовку и строго выговорила меня, за любознательность:

– С виду умный мужик, а ведешь себя словно маленький любопытный мальчишка! Не все, что здесь стоит безопасно. Хоть и выглядит таковым.

Честно, я и сам не мог понять, почему поступил так неосмотрительно. Это совсем не было на меня похоже. Закружилась голова, и бок предательски сковало болью, от чего я на секунду потерял равновесие и чуть было не упал, разгромив старухину комнату.

– Э–э–э...сядай, давай! Сразу же сказала!

– Что–то мне не хорошо...

– Да видно мне. Показывай! – и не успел я сам, что–либо сделать, отодрала мои руки от бока, который я бессознательно держал, и присвистнула.

– Кто ж тебя так хорошенько обработал?

Я опустил глаза вниз и заметил, как от тонкого разреза, расплзаются черные разводы, словно десятки червей, забравшихся ко мне под кожу.

– Стрела, значит, была отравленная.

– Это сомнений не вызывает, другое дело, что за яд? Хм...

Даже если бы я и знал ответ, то все равно не смог бы ничего сказать, язык разбух, глаза стали сильно слезиться, а бок стал гореть огнем, который импульсами разбегался по всему моему телу.

– Плохо дело, странник! – Шевла кинулась куда-то вглубь комнаты, звеня склянками. Разбилась банка, но старуха не обращала внимание, продолжая что-то искать. – А, вот!

Женщина разорвала рубаху и смазала чем-то мою грудь, а потом, не предупреждая, воткнула огромную иглу, отчего я не почувствовал боли, скорее нарастающее давление, которое словно мыльный пузырь лопнуло в один момент, и мне стало значительно легче.

– Фух, угадала, – вытирая мокрый лоб, вздохнула старуха.

– Угадали? – я смотрел округлившимися глазами, надеясь, что мне это просто послышалось.

Шевла лишь пожала плечами, ни капли, не смутившись моего взгляда:

– Тут было три варианта: либо ты умрешь от яда, либо от неверного противоядия, либо я тебя спасу. Мне и тебе терять было нечего.

Честно говоря, я даже не нашел, что ей ответить, то ли от ее наглости, то ли от правдивости ее слов.

– Так, птичья душа, коли чувствуешь себя полегчай – вставай, я зашью твой бок, да отпущу. У меня делов полно, да и твоя душа темной нитью с белой связана и все рвется побыстрее отсюда.

В голове с каждой секундой становилось все яснее.

– О чем вы? Какие нити?

– Тебе виднее, странник. Я лишь посредник, передающий слова, их только ты понять можешь. Мне не дано. Знаю только, что соловушка горько пела, грустно так... – иголка прошла кожу насквозь, я же сжал зубы сильнее, стараясь лишний раз не дергаться. – Беда за тобой по пятам ходит и все вокруг тьмой покрывает.

Забинтовав бок, старуха помедлила, взяла меня за подбородок и внимательно посмотрела в глаза. От нее отчетливо пахло старостью – травянистый затхлый запах, который витает вокруг тех, в ком жизнь уже почти подошла к своему закату.

– Две судьбы уготованы тебе, два пути. И от того, какой ты выберешь, зависит, как твоя жизнь, так и жизни всех твоих близких. Много тумана в тебе, столько, что аж глаза покрыты дымкой. А тут... – женщина дотронулась до моей груди, где не так давно торчала огромная игла. – ... пожар. Дашь ему себя согреть и всех спасешь, понимаешь?

Ни черта я не понимал! Но решил не расстраивать стару-

ху, кивнул.

– Эх, брешешь ведь... Ну да ладно, ступай. Денег не надо! – отмахнулась Шевла от моей протянутой руки. – Ты лучше, как выйдешь, возле дверей возьми два ведра и принеси воды студеной из колодца, а то мне, сам понимаешь, сложновато уже.

Я же ухватил ее за руку и вложил туда один золотой и, загибая пальцы, сказал:

– Ты мне жизнь спасла, ведунья! Так что плата моя мала. И воды принесу.

– Спасибо, странник! – зарделась старушка. – Звать-то тебя как, скажи напоследок.

– Соловей я.

– Вот значит, как... Понятно.

Что она поняла, я уже не стал разбираться, мне нужно было спешить к друзьям, поэтому еще раз поблагодарив знахарку, взял кулек с лекарствами и вышел за двери.

Луна

Выныриваю из омута забвения, резко и стремительно. Слышу шум волн, в носу трепещет отчетливый запах водорослей, а на сухих потрескавшихся губах ощущается соленый вкус. Громкие тяжелые шаги и вторящие им легкие, едва слышные, раздаются в относительной близости и голоса:

– Ты уверена? – мужской, с хрипотцой, напряженный и очень знакомый.

– Да, – женский, уставший. – Воспаление идет на спад, и раны хорошо заживают.

– Тогда почему она так и не пришла в себя?

– Сол, она столько пережила...Имей терпение...

Это они обо мне? Кто же эти люди, от голоса которых мне стало так радостно на душе? Я пытаюсь открыть глаза, но веки такие тяжелые, а сил так мало. Нужно отдохнуть. Чуть-чуть. И я снова попытаюсь.

Глава 21

Соловей

Заброшенная бухта была моим самым любимым местом из всех, что мы находили за время наших путешествий. Здесь было тихо. Спокойно и умиротворенно. Обветшавший деревянный маяк с пристройкой для жилья отлично подходил для пересидки. Крыша маяка была сорвана ветром и, видимо, из нецелесообразности ее уже не стали восстанавливать и просто бросили на борьбу со временем. Жилая часть так же пострадала от буйств природных стихий, но в целом крыша была цела и нигде не протекала, а стены с облупившейся белой краской стояли крепко и прятали нас от посторонних глаз.

Солнце сегодня палило и я, сняв тяжелый плащ, рубаху и сапоги, вышел пройтись по кромке моря. Песок обжигал босые ступни, голый торс мгновенно покрылся каплями пота, отчего я, долго не думая, стянул с себя всю остальную одежду и кинулся в воду. Она обхватила меня холодными объятьями, мелкими иголочками пробежалась по всему моему телу и выпустила обратно, давая возможность сделать глоток воздуха. Я нырял и выныривал, боролся с водой до тех

пор, пока не почувствовал долгожданную усталость во всех мышцах, и только тогда я повернулся к маяку.

Я заметил силуэт, но жидкость все еще застлала взор, и я, вытирая ладонями воду, направился к берегу, совершенно не задумываясь, что на мне нет никакой одежды. Луна уставилась на меня своими огромными глазами, покраснела от кончиков волос, до самой груди, а потом и вовсе отвернулась, бросив через плечо:

– Я ничего не видела!

А я так и застыл. Осознание, что она наконец-то пришла в себя, выбило из моей головы мысли, и только спустя пару секунд я спохватился и быстро натянул штаны на мокрое тело. Чтобы окончательно не смущать девушку, я решил оставить ее реплику без ответа:

– Ты давно пришла в себя?

Знахарка нерешительно обернулась. Заметив, что я хоть и не одет полностью, но хотя бы прикрыт в самых важных местах.

– Не очень. Я попыталась кого-нибудь позвать, но никто не ответил, – Луна нахмурилась, отчего кожа на лице натянулась и рана, что пересекала ее щеку, дала о себе знать. Девушка ойкнула и дотронулась до своей щеки, где уже чувствовался тоненький аккуратный шов и в глазах ее сначала отразилось непонимание, а потом они потемнели от нахлынувшего осознания. – Я теперь, наверное, похожа на чудовище?

– Вовсе нет, – я подошел к девушке чуть ближе, стараясь не терять наш зрительный контакт. – Что ты помнишь?

Она неловко переступила с ноги на ногу, и я решил отступить обратно, давая ей больше простора, хотя, должен признаться, совершенно не хотел этого делать.

– Последнее, что я помню, это как Эйтан проткнул графа мечом... – глаза ее блеснули. – Он ведь мертв, да?

Я кивнул.

За то время, что Луна находилась в беспамятстве, мы успели разведать обстановку. Округа гудела новостями. Граф был убит в собственной спальне. Разбойники проникли в дом ночью, вынесли ценное имущество и заодно спалили часть покоев, чтобы замести следы. Какое имущество, какие следы, рассказы разнились, но не это было главным. Теперь за наши головы была назначена награда в тысячу золотых – за живых или мертвых. Ну как за наши... За мою. Соколу и Филину с Ласточкой повезло, их портреты были далеки по точности написания, что нельзя было сказать про мой. А учитывая, что я еще и сбежал прямо с эшафота, меня можно было считать лакомым кусочком для любого охотника за головами. Поэтому я сидел здесь, пока друзья охотились или ездили в деревню за лекарствами, все к той же ведунье.

Им даже пришлось ее привезти прямо сюда, в бухту, потому что на вторые сутки Луну охватил жар, и ничего не помогало. Мы пошли на отчаянный шаг, рискуя тем, что ста-

руха может нас всех сдать любому наемнику.

– Ох, беда! – причитала целительница, кружа вокруг кровати, на которой лежала Лúна, спиной вверх. – Бедное дитя! Истерзало ее зло, искромсало тело и душу.

Но, несмотря на словесный поток, она не теряла бдительности и отдавала приказы всем, борясь за жизнь девушки. Ее рука ловко порхала от одной раны к другой, зашивая кровавые узоры на спине и рваную рану на лице. Шевла снабдила нас примочками и настоятельно просила прикладывать их к щеке беловолосой красавицы, чтобы шрам зажил как можно незаметнее. Напоследок старуха вывела меня за двери и сказала:

– Не волнуйся, странник, никому я про вас не расскажу. Вижу, что души твоя и твоих друзей мечутся из стороны в сторону, словно птицы в клетках. Ты главное, нить белую не отпускай, держи крепко, понятно тебе?

– Не отпущу!

– То–то же, – заулыбалась старуха, показав свои поредевшие от старости зубы.

Меня вырвало из воспоминаний и я уже уверенно сказал:

– Да, Лúна! Больше он не сможет причинить тебе вреда!

Из груди девушки вырвался вздох облегчения, и мне невыносимо захотелось ее обнять, чего я, конечно же, себе позволить не мог, но вот девушка своих порывов сдерживать не стала. Лúна подошла ко мне вплотную, просунула свои маленькие ручки под мои и крепко обняла, прижавшись ли-

цом к моей груди.

– Спасибо, – очень тихо произнесла она, а я же стоял словно камень, боясь шелохнуться. Почувствовав мою напряженность, девушка попыталась отстраниться, но я не дал, прижав ее к себе крепче, как и желал долгое время.

Момент был нарушен ржанием лошадей – Филин с Ласточкой вернулись с охоты.

– Ты голодна? – спросил я знахарку, нехотя разжимая объятия.

– Если честно, то очень, – не стала скрывать она.

– Тогда пойдем, узнаем, что нас сегодня ждет на обед, – и, не давая ей времени подумать, взял ее ладонь и потянул по направлению к друзьям.

– Должна признать, что для обычного человека, ты идешь на поправку очень быстро.

Мы сидели за столом и уплетали похлебку из крольчатины, закусывая свежим хлебом, что ребята смогли купить в деревне. Луна мимолетно посмотрела на озадаченную Ласточку и лишь пожала плечами.

– Надо отдать должное старухе, – Филин приобнял Ласточку за плечи. – Если бы не она, то кто знает, что было бы. Хвала Хроносу, он на нашей стороне.

Скрип колес за окном отвлек нас от разговора, и я пошел к дверям, чтобы посмотреть, кого могло сюда занести.

– Эйтан! – я бросился к лошади, запряженной в телегу

с сеном, на котором сидел парень. Ребята встали из-за стола и побежали вслед за мной, встречать новоприбывших. Я увидел Дрозда, лежащего в том же сене, но не придавал этому большого значения. Однако по тревожному взгляду Сокола понял – что-то не так.

– Стой! – Сокол остановил меня. – Стойте все!

Все замерли в замешательстве. Эйтан задержался в городе намного дольше, чем должен был и сейчас мне нужно было знать причину. Я попытался пройти мимо парня, что преградил мне пути и не пускал к другу.

– Пусти!

– Погоди немного, Соловей, – он ухватил меня за плечо и силой остановил. – Нам надо поговорить. Всем вместе!

И хотя я хотел не послушать его, все-таки разум во мне взял вверх, и мы друг за другой отошли в сторону. Я только сейчас обратил внимание на то, что Сокол выглядит не лучшим образом: весь в пыли, с мешками под глазами, будто не спал несколько дней и потухшим взглядом, который не мог сулить ничего хорошего.

– Он умирает...

– Что?

– Как?

– Он же был в себе, когда я видел его последний раз! – никто из нас не поверил, особенно я. – Я говорил с ним!

Сокол большим и указательным пальцем потер переносицу, пытаясь прогнать усталость, а вместе с ней и тяжесть на

душе.

– Вот, – протянул он мне письмо, что достал из–за пазухи. – Кройер все объяснил мне, но я попросил рассказать все на бумаге.

Медлить мы не стали.

«Дорогой Соловей!

Ваш друг, Дрозд, находился в сознании в тот день, когда вам спешно пришлось покинуть город. Я был с ним до ночи – он развлекал меня забавными историями из ваших приключений. Сам же я не отставал от него, рассказав про ту шалунью, что работает в торговой лавке напротив и частенько заглядывает ко мне. И поверь, он смеялся от души, не веря ни единому моему слову. Надо сказать, правильно делал. Уверяю тебя, что выглядел он вполне здоровым и в таком же состоянии я оставил его отдыхать. В приподнятом настроении утром я отправил служанку спросить, не желает ли он отзавтракать, однако та вернулась испуганная, сказав, что господин не приходит в себя, как бы она его не звала. Я самолично отправился его проверить и застал Дрозда в бессознательном состоянии.

Не теряя времени, я отправил за врачом, надеясь, что найдется этому объяснение, но он лишь подтвердил все наихудшие опасения. Он умирает, и мы не в силах ему помочь.

«Люди приходят в себя, чтобы попрощаться» – сказал он мне. Сколько ему отмерено, сказать он не может, но я надеюсь, ваш друг, Эйтан, успеет довести его до вас, чтобы и вы

могли сказать ему последние слова.

Простите, друзья, я не люблю сообщать плохие вести, но у меня нет иного выхода.

Искренне ваш, Кройер!»

Я передал письмо друзьям, а сам на шатающихся ногах пошел в сторону телеги. Дрозд лежал неподвижно, как в те дни, когда мы сбежали, однако сейчас его грудь почти не вздымалась, а тело приобрело синюшней оттенок.

Мимо меня прошла Лúна и стала ощупывать и осматривать Дрозда, и во мне еще теплилась надежда, однако, когда она подняла на меня печальные глаза, я почувствовал, как по щекам моим полились слезы, а Ласточка рядом разрыдалась в голос.

– Мы должны что–то делать!

– Надо ехать за Шевлой, – я пошел в сторону лошадей, но Эйтан обогнал меня.

– Побудь с другом...

Тем же вечером Дрозд перестал дышать. Похоже, он на самом деле жаждал попрощаться с нами и только потом отбыл к Хроносу. На закате приехал Эйтан, но ведуньи с ним не было.

– Она сказала, что Дрозд останется здесь навсегда, ведь дрозды любят теплые места.

Старуха все знала. И мы похоронили его. Девушки сложили на его могиле два венка, свитых из лесных трав и цветов, и Лúна запела прощальную молитву, до конца которую я, так

не дослушав, ушел.

Луна

То, что Соловья нет рядом, я поняла только когда, завершив молитву, открыла глаза и увидела удаляющуюся спину мужчины. Эйтан с Филином стояли напряженные, а Ласточка, не стесняясь своих чувств, опустилась на колени и, уткнувшись головой в могилу, плакала и кричала, отдавая дань умершему. Филин не выдержал такой картины, подхватил девушку на руки и, баюкая ее, словно ребенка, унес в сторону маяка.

Эйтан стоял рядом, нервно жевал нижнюю губу, а между бровей у него пролегла глубокая морщина. Он то открывал рот, то закрывал его, теребил перебинтованную руку и, видимо, не находя никаких слов, но я при всем желании не была готова сейчас о чем-то говорить. Мне казалось неправильным нарушать ту тишину, что невидимыми путами окутала бухту, будто бы и она горевала вместе с нами.

Так и не сказав Эйтану ни слова, я ушла, ведомая зовом души, которая устала от непрерывных несчастий и потерь. Так я незаметно для себя подошла к маяку и вошла в покосившиеся двери, за которыми находилась винтовая лестница. И хоть понимала, что дерево иссохло и может провалиться подо мной в любой момент, я все равно продолжала подниматься вверх, будто бы от этого завесила моя жизнь или,

быть может, это могло вернуть Дрозда с того света.

Вечерний берег был прекрасен. Стоя на самом верху, я наблюдала, как солнце село на воду и окрасило в красный цвет, будто бы в нее опрокинули бокал густого терпкого вина. Волны лениво лизали песок и даже почти не пенились. Все вокруг дышало спокойствием. Это место как будто смеялось над нами, не замечая всеобщей печали. И хотя очень хотелось поддаться этой безмятежности, я все-таки простила с этим местом, уверенная, что никогда не найду в себе сил вернуться сюда и вновь погрузиться в пучину воспоминаний.

– Надеюсь, ты не собираешься сделать какую-нибудь глупость? – раздался тихий вопрос за моей спиной.

Я повернулась и посмотрела на мужчину, чей голос поселился в моей душе. Растрёпанные волосы, опущенные плечи, придавленные невидимым грузом и красные глаза, которых он не скрывал. Глаза, которые делились своей слабостью со мной. Впервые за все время он был открыт для меня, а я так боялась сказать, что-нибудь не так чтобы не ранить его в такой сложный момент.

– Надеюсь, ты пришел сюда не с теми же мыслями?

– Я пришел сюда, просто потому что пришел. Без всяких мыслей, – он отвел глаза в сторону солнца. – Хотя, казалось бы, сейчас в моей голове должно быть столько всего. А я ощущаю только пустоту. В голове, в теле..., в сердце.

Мне так хотелось поддержать его, но знала, что не найдет-

ся слов, способных вернуть в его душу хоть толику равновесия. Сейчас он хочет с ней делиться и она готова стать его слушателем.

– Так что же ты тут делаешь?

– Это самое невероятное зрелище, которое я когда-либо видела. Я просто не могла... Я должна была прийти сюда, иначе жалела бы об этом до конца своих дней. Скорее всего, я никогда сюда не вернусь.

– Это место такое же твое, как и наше. Поэтому не стоит так говорить.

От его слов больно кольнуло в сердце.

– Спасибо, – еле слышно сорвалось с моих губ. – И про-
сти...

Мужчина непонимающе посмотрел на меня:

– За что же?

– За то, что не смогла помочь, – кулаки мои до боли сжались.

– Луна, ты ведь не всесильна.

Соловей мягко развернул меня к себе, и когда наши глаза встретились, я пропала. На мгновение показалось, что я вижу в них нежность, но быстро откинула свои мысли, уверенная, что придумала то, чего нет. Что во всем виноват этот вечер, опьяняющий закат и ласковый ветер, который имел возможность касаться волос этого мужчины, в отличие от меня.

– Тем не менее, спасибо за то, что хотя бы попыталась, – мужчина снова отвернулся.

Я лишь кивнула, развернулась и начала потихоньку отступать к лестнице.

– Не постоишь со мной, пока Солнце не сядет?

– Что? – спросила я, не уверенная, что верно услышала.

– Можешь побыть немного со мной? Мне бы не хотелось оставаться в одиночестве.

– Конечно!

Как бы я смогла отказать?

– Луна, вставай, – сон прервался голосом Ласточки.

Комната еще находилась в полумраке. Я подскочила, не понимая, что происходит.

– Одевайся, Соловей всех собирает на важный разговор, – девушка похлопала меня по плечу и вышла из комнаты, оставляя наедине.

Чтобы не заставлять ребят ждать, я быстро надела платье, заплела две тугие косы и выскочила на маленькую кухню.

– Нам нужно отсюда выдвигаться, – сказал Соловей, когда все заняли свои места за столом.

– Соловей, ты уверен? – Филин выказал явное недовольство. – Мы сейчас не в том положении, чтобы разгуливать по Королевству. На нас идет охота, за твою голову назначена награда.

– Он прав, – согласилась с ним Ласточка. – Это опасно.

– Вы, наверное, забываете, с какой целью мы совершали это путешествие?

Друзья потупили глаза.

– На данный момент мы в меньшинстве. Ворон остался в Виферне. Дрозд... – мужчина запнулся. – Как вы правильно заметили, нас продолжают искать и сидя на одном месте, мы рискуем также, как двинувшись от сюда в сторону Корзанаса.

– И что ты предлагаешь? Двинуться туда наобум? – Филин начинал раздражаться, отчего Ласточке пришлось схватить его за руку. – Мы не можем себе этого позволить, потому то, как ты уже сказал, мы в меньшинстве.

– С нами есть Сокол, – он заметил недовольный взгляд парня и исправился. – Эйтан. И ко всему прочему, мы должны сообщить Наставнику о том, что он жив, хотя давно считался погибшим. Ты с нами?

Эйтан молча пожал плечами, посмотрев на меня задумчивым взглядом.

– Мне тоже не нужно в Корзанас, – подала голос я. Соловей нахмурился.

– Но это единственный путь, по которому ты можешь попасть туда, куда тебе нужно. Нам все равно в одну сторону и твоя помощь и умения не помешали бы.

– Я даже не знаю... У меня нет нужных лекарств.

– Мы можем сходить за Шевлой. Она помогла привести тебя в чувства, возможно, поможет с травами, – предложила Ласточка и посмотрела на Луну. – Что ты думаешь по этому поводу?

– Это бы точно не помешало.

В этот момент к моему уху наклонился Сокол.

– Гнездо находится близ Альтвира, а значит мы можем дойти все вместе и там разделиться. А я смогу исполнить твою просьбу.

Я на секунду задумалась, а потом, посмотрев на Соловья, сказала:

– Я помогу!

– Мы поможем, – вторил мне Эйтан.

Мужчина нахмурился, но кивнул. Нужно было собираться.

Глава 22

Луна

Обычно лес вызывал у меня чувство умиротворения, ощущение небывалой гармонии и единения с природой, а запахи и звуки наполняли каждую частичку тела энергией. Однако сегодня было не так.

– Слишком тихо, – будто прочитав мои мысли, поежилась Ласточка. Лошадь, что везла ее, нервно била себя хвостом и настороженно водила ушами.

– Тишина в лесу не к добру, скажу я вам, – Филин также выглядел настороженно.

Эйтан и Соловей молчали, однако то, как пристально они смотрели по сторонам, подтверждало опасения друзей.

– Думаю, нам стоит ускориться! – обратился сначала ко всем Соловей, а потом повернул голову в мою сторону. – Мы с Луной в деревню и обратно. Встретимся через час у старого дуба.

– Может, не стоит заставлять Луну ехать к старухе? – Эйтан обратился к другу. – Один ты справишься быстрее.

– Я не стану грузом! – возразила я.

– Я не это имел в виду... Просто ты не так давно пришла

в себя.

– Если ты себя не хорошо чувствуешь, – Соловей испытующе посмотрел на меня, видимо, пытаюсь найти признаки слабости.

– Я в порядке.

– Раз так, тогда действуем по плану!

Эйтан нахмурился. Но спорить не стал.

Соловей пришпорил своего коня, и я, чтобы не потерять его в утренней дымке, поспешила за ним. Мне поскорее хотелось покинуть лес и выйти на открытое пространство.

Мы спешили у кромки деревьев, оставив лошадей жевать траву, вышли из леса, откуда уже хорошо виднелись низенькие дома. Время было раннее, но деревенский народ уже должен был начать работать, однако никого не было видно. Чем ближе мы приближались, тем медленнее становился шаг Соловья. Я же вторила его движениям.

Мы вышли на маленькую улочку между домиками, но в воздухе витал шлейф безжизненности, будто бы жители спешно покинули свои жилища. А потом мы поняли, что кто-то не успел этого сделать. Нам открылась ужасная картина побоища. В центре деревни, где обычно проходят гуляния, валялись тела. Множество истерзанных тел, разбросанных в каком-то страшном беспорядке.

– Я не почувствовал...

– О чем ты?

– Луна, это сделали не люди и не звери, – от его слов меня

затрясло.

– Соловей, нам надо уходить, – я потянула его в противоположную сторону, обратно к лесу. Но мужчина крепко стоял, упершись ногами в землю.

– Мы пришли за лекарствами. Беги к лошадям, я скоро вернусь. Днем демоны не выходят.

– Я не оставлю тебя здесь одного!

– Луна!

– Нет! Мы пришли сюда вдвоем, вдвоем и уйдем!

Мы боролись глазами, но я чувствовала свою силу сейчас. Соловей гневно помотал головой, показывая свою злость, но потом все же тихо начал красться мимо домов, увлекая меня за собой.

Двери в дом старухи были сорваны с петель, как будто кто-то ломился в них целенаправленно, а возле косяка мы увидели кровавые разводы, которые чем-то напоминали написанные наспех символы. Внутри же творился невероятный хаос.

– Бери все, что считаешь нужным и уходим.

Спорить я не стала. Хватала все, что попадалось под руку, и запихивала себе в мешок. Соловей стоял на пороге и внимательно смотрел по сторонам, то и дело втягивая в себя воздух.

– Проклятый жасмин...

– Что? – не поняла я.

– Ничего, – отмахнулся он. – Давай быстрее.

Тем временем из соседней комнатушки послышался шорох. Я замерла, бросив на Соловья обеспокоенный взгляд. Он прижал к своим губам указательный палец и тихо двинулся в сторону шума.

Мужчина вошел в комнату, и некоторое время не было слышно ничего, а потом я смогла различить голос. Очень слабый старческий голос. Я, стараясь сильно не шуметь, переступила порог соседнего помещения и оказалась в маленькой кухоньке, где на корточках перед обессиленной женщиной сидел Соловей.

Все вокруг было испачкано кровью, и я не раздумывая кинулась к целительнице. Сразу стало понятно, что ничем помочь я ей не смогу. Живот пересекала огромная рваная рана, и время утекало, словно вода сквозь пальцы.

– Белая ниточка, – из последних сил проговорила старуха. – Столько боли..., столько крови...и, столько же света! Тьма идет за тобой по пятам и тьма же держит тебя за руку. Не верь ей, она обманет.

Она коснулась моего лица с благоговением и оставив след с запахом железа, уронила руки, покинув этот мир навсегда. Я была растеряна. Непонятные слова резали ножом, но предсмертный бред я видела не впервые.

И в момент, как женщина испустила последний вздох округу оглушил рев. Рев, который невозможно было не узнать.

– Ты же сказал, что днем они не выходят?

– Значит, я был не прав!

Соловей выглядел таким же растерянным, как и я.

– Что нам делать?

– У нас мало вариантов: либо сражаться, либо бежать. И учитывая все обстоятельства, я думаю, второй вариант предпочтительнее.

– Тогда бежим? – умоляюще просила я. Но где-то глубоко внутри я знала, что как бы я не хотела, Соловей поступит по-своему.

– Луна, времени для споров нет, поэтому ты сделаешь так, как я тебе скажу!

– Но...

– Я даже слушать не буду! У нас очень мало времени. Рядом с тобой я их совсем не ощущаю. У нас будет больше шансов, если мы разделимся.

– Соловей...

– Не перебивай! – мужчина выглядел очень злым и обеспокоенным. – Сейчас я выйду на улицу и что бы не происходило, ты сразу же кинешься бежать в лес, к друзьям. Поняла меня? Ты помнишь дорогу?

– Да..., – дрожащим голосом ответила я.

– Умница! Тогда, я пошел.

Соловей отвернулся по направлению к двери, но я не дала ему уйти. Мужчина, видно, ждал того же, он резко развернулся и больно впился в мои губы, кусая их, как загнанный в ловушку зверь. Я принимала то, что он давал, понимая, что

сейчас может быть только так – жестко и сухо, чтобы даже не возникало мысли, что это в последний раз.

Поцелуй резко прекратился, и мужчина, не говоря ни слова, выбежал из домика, не оставив мне возможности остановить его.

– Идите сюда, твари! – послышалось с улицы, а мне ничего не оставалось, кроме как только бежать и не оглядываться, как просил тот, о ком болит мое сердце и душа.

Покинув череду домов, я устремила по полю, к лесу, где ждали наши лошади. У самого подножья леса за спиной раздался нечеловеческий вопль. Он был столь внезапным, что от неожиданности, а возможно, и от всепоглощающего страха, я запнулась о корень дерева и упала. Колени обожгло, но мимолетная боль прошла, как только я подняла лицо от земли, и увидела одно из существ, которое разодрало на части мою лошадь. Другая же убежала в гущу, лишив меня возможности спастись.

Высокое, змееподобное существо с множеством клинообразных ножек, без глаз, но с огромной пастью и дырами вместо носа принюхалось, и тот час оскалилось, собираясь кинуться на меня, лежавшую в метре от него. Я приподнялась на колени и рванула в сторону, стараясь обогнуть чудовище и проскочить в лес, где вероятность скрыться была больше, чем на открытой плоскости, однако прогадала. Огромный змеиный хвост мощным ударом в живот откинул меня обратно. Я обхватила голову руками, пытаюсь сгруппиро-

ваться, чтобы при ударе об землю получить как можно меньше ранений. Но все равно не была готова к приземлению, которое пришлось на спину, болевым толчком выбило воздух из легких и заволокло глаза цветными пятнами. В это время зверь заревел и начал идти прямо на меня, я же пыталась отползти, цепляясь за мокрую от росы траву и чуть ли не поскользываясь на ней снова. Из деревни слышались ответные крики его сородичей, и я взмолилась Хроносу, чтобы он сохранил жизнь Соловья, раз моя почти прервалась.

Внезапно мои пальцы нащупали в траве палку, которую я, не раздумывая, перехватила двумя руками. В тот же миг тварь сорвалась прямо на меня, разинув свою огромную пасть, желая отведать кусок своей добычи. В прочем, демон ждало разочарование, палка встала как раз поперек, не давая буквально пары сантиметров, чтобы меня настигнуть. Зубы мелькали прямо перед моим лицом, а зловонное дыхание обволакивало и вызывало приступы тошноты, на которые я старалась не обращать внимание. Руки тряслись от напряжения, зверь давил всей своей массой, пытаясь переломить ветку и добраться до трофея.

Собрав свои последние силы, я приподняла ноги, уперла их в мягкий живот демона и яростно крича, толкнула, что есть мочи. Одна из конечностей монстра проскользила по влажной земле, и он с шумом завалился набок, освобождая мои руки, в которых я держала свое единственное оружие. Понимая, что в лес мне уже не попасть, я развернулась и по-

бежала обратно в деревню, не оборачиваясь назад, зная, что змееподобное существо продолжает погоню.

Тело болело, отказывалось слушаться, но я упорно продолжала двигаться вперед. Добежала до первых домов и стала петлять по узким улочкам, то и дело натыкаясь на тела погибших жителей, преграждающих мне путь и лишаящих меня таких необходимых секунд на то, чтобы оторваться от демона. Во мне струился страх, смешанный с адреналином, и я не понимала, что мне делать и куда бежать. Так я и выбежала на круглую площадку, где мы с Соловьем впервые увидели побоище, оставленное монстрами. Только вот сейчас картина предстала передо мной еще страшнее. Твари обступили Соловья со всех сторон и попеременно кидались на него, пытаясь вымотать окончательно и уж потом попить в свое удовольствие. Рубашка мужчины, вся изодранная, была пропитана кровью, и я видела, что Соловей держится лишь на остатках силы воли и не более того.

Внезапный толчок в спину привел меня в чувства и прервал мои раздумья, ведь я совершенно забыла, от кого бежала. Я упала на каменную кладку, едва успев подставить руки, а потом резко развернулась, выставив палку острием вперед. И в тот же миг она проткнула мягкий живот демона, который навалился на нее своим телом и начал извиваться от боли и дико орать. Я успела вылезти из-под монстра, однако наше маленькое сражение успело привлечь ненужное внимание его собратьев.

Глаза всех существ, не исключая гневного испепеляющего взгляда Соловья, были устремлены на меня.

– Зажми уши!

Зная, что за этим последует, я закрыла уши руками, и свист невиданной силы разлетелся по округе. Он снес меня с ног, но я постаралась поскорее встать, пока звери не пришли в себя и в этот момент крепкие мужские руки подхватили и понесли меня подальше от этого места.

– Дурочка! Какая же ты все–таки дурочка! – воскликнул Соловей с волнением в голосе, а я, открыв глаза, уставилась на его подбородок и тихо плакала. Его слова долетали как–то отдаленно, а в голове стоял неясный гул. Я поднесла свои пальцы к глазам, они все были в черных разводах и в крови, что, видимо, пошла из моих ушей. Мне даже показалось, что на некоторое время мое сознание померкло, потому что следующее, что помню – меркнувший свет, хлопок и отчетливый запах затхлости.

Стало ощутимо холоднее, из–за чего я начала приходить в себя. Я провела по своим слипшимся от грязи и слез глазам, пытаюсь разглядеть своего спутника, но ничего кроме тьмы не видела, хотя и ощущала всем своим телом, как он прижимает меня к себе. Но потом я почувствовала, как мужчина стал заваливаться все так же не выпуская меня из рук, упал, приняв удар на себя.

– Соловей! – я привстала с мужчины, пытаюсь ощупать руками его и найти самые опасные раны. Судить было слож-

но, но мои пальцы нащупывали лишь неглубокие царапины, от нажатия на которые Соловей слабо шипел. Радовало хотя бы то, что он в сознании.

– Луна, прекрати, ради Хроноса! И без того тяжело, – прокричал Соловей, перехватывая мои руки.

– Я пытаюсь найти раны, требующие сиюминутной обработки, – не могла уговориться и пыталась вырвать свои пальцы, чтобы продолжить слепой осмотр.

– Перестань, – уставшим голосом попросил мужчина. – Ничего серьезного на мне нет.

– Но ты только что упал. Я обязана тебя осмотреть, пока ты не истек кровью и не умер

– Угмони свои знахарские замашки, – он поддел меня с ухмылкой в голосе. – Я просто переусердствовал и не рассчитал своих сил. Такого количества тварей я никогда не встречал, поэтому не знал, помогут ли вообще мои способности. Но если твоя напористость это следствие тайных желаний потрогать меня, то тут возражать не стану.

Щеки мои запылали румянцем, благо в потемках ничего нельзя было рассмотреть.

– Иди ты, Сол, со своими шуточками!

Я не сильно пихнула его в бок, отчего он сразу застонал.

– Прости, прости...

Я начала гладить ушибленное место, а мужчина рассмеялся в ответ на мои действия и я сразу же попыталась оторвать от него руки, но он снова ловко перехватил их и прижал к

своим губам.

– Знахарка, а кто тебе сказал, что я шучу? – едва слышно спросил Соловей и затих.

Я ждала, когда же Соловей продолжит говорить, однако по тяжелому, но равномерному дыханию поняла, что он уснул. Уснул, так и не отпуская меня от себя, не отпуская от своих мягких губ. Пользуясь случаем, я попыталась оглядеться, но кроме тоненькой полоски света над головой ничего не увидела, тем не менее, могла предположить, что это погреб, так как глаза зацепились за банки и мешки, что располагались по всему периметру. Я, чтобы окончательно не околеченеть, дотянулась до пустой мешковины, придвинулась к своему спутнику и накрыла нас.

Уснуть я так и не смогла, отчетливо слыша, как где-то над нами рычат и воют демоны, которые не спешили покидать деревню. Такое большое скопление тварей, да еще и в дневное время наталкивало на не утешающие мысли – завеса между нашими мирами истончается, и если, я не исполню волю своей матери, этот мир рискует стать обеденным столом, пировать в котором точно будут не люди.

Сложно сказать, сколько я пролежала, тяготимая своими мыслями, но в этом темном месте, набитом сырыми овощами, кореньями и, хвала Хроносу, вяленным мясом, время потеряло всякие ориентиры. Возле самой лестницы, на деревянной полке нашелся огарок свечи, и с помощью двух крем-

ниевых камней, я зажгла ее. Тусклый свет озарил комнату и лежащего на полу мужчину, который продолжал спать крепким сном, восстанавливая свои силы.

Пока он безмятежно спал, я заглянула в разрезы истерзанной одежды, чтобы удостовериться в безобидности ран, пробегая по ним пальцами и смазывая найденной у целительницы дома смесью. Я продолжала это делать до тех пор, пока не почувствовала, что пульс моего пациента резко изменился. Рука моя опиралась на грудную клетку Соловья и гулкие, быстрые удары сердца под ней заставили меня поднять свой взгляд и встретиться с вполне ясными медовыми глазами пришедшего в себя мужчины.

Я стояла на коленях, прямо перед ним, нависая сверху. Соловей смотрел напряженно и пристально, не отрываясь от моего лица, будто искал в нем что-то только ему известное. И то, как он это делал, пробудило во мне волнение и вместе с тем, ощущение чего-то томительного внизу живота. Рука мужчины стала медленно подниматься по моему бедру, поверх платья, крепко, но без напора, и закончила двигаться на моей талии. Тем самым он будто говорил, что уже не отпустит меня, не даст мне отступить. Секунда промедления, и он молниеносно прижал меня к себе. И теперь я полностью лежала на нем, осязая крепкое мужское тело подо мной, все его мышцы и выпуклости, от соприкосновения с которыми меня кинуло в жар. Я боялась издать какой-либо звук, хотя понимала, что на самом деле сейчас и здесь все слова пере-

стали иметь для нас значения. Мы растворялись друг в друге сильнее и сильнее, при этом, так и не пошевелившись.

Наши губы находились так близко, наши носы едва соприкасались, а дыхание стало неразделимо, стало единым для двоих. Интимность момента кружила голову, особенно когда я чувствовала, как он вдыхает то, что только что выдохнула я.

Время тянулось, как мед, выливаемый из банки, и я осознала, что Соловей ждет моего решения – сейчас он давал мне право на выбор. Но он и не догадывался, что уже давно у меня был только один возможный вариант, от которого я не собиралась отказываться.

Я отстранилась.

Глаза Соловья тут же сузились, но руки он не сжимал, готовый в любой момент отпустить меня. Чувствуя свою невидимую власть над этим мужчиной, во мне разыграло неведомое до сели женское довольство, отчего я лукаво усмехнулась, а потом, пока не успела передумать, повернулась к свече и задула ее.

– Не стоит тратить огонь понапрасну...

И уже без доли стеснения упала в объятия мужчины, впервые сама даря ему свой поцелуй. Неумелый, изучающий, неторопливый и бесконечный. Мы будто знакомились заново, полностью открываясь перед друг другом, впуская в потаенные уголки своих душ. Вздох удовольствия вырвался изо рта Соловья, когда я запустила пальцы в его волосы, и он по-

спешил дать волю своим рукам, тем самым срывая с моих губ такой же стон, словно мы находились в борьбе за каждый глоток воздуха.

– Честно говоря, я испугался, – прошептал Соловей, чуть отстранившись.

– Я думала, что ты ничего не боишься.

– Видимо, теперь это уже недостоверная информация.

После этих слов Соловей подмахнул меня под себя и обрушился на мои губы, больше не сдерживаясь, давая мне всецело прочувствовать всю силу его желания. Не было в них прежней ласки, скорее жгучая необходимость, потребность, что созревала долгое время и которую безжалостно сдерживали. И я отвечала с той же страстью.

Каждая частица тела наполнилась негой, дрожью пробегая от кончиков пальцев ног и обратно, опьяняя и лишая мыслей. Одежда слетела. Я сдалась своим чувствам окончательно и бесповоротно. В памяти будут лишь осколок мгновенной боли, а за ним – наслаждение, что с каждым толчком все сильнее и сильнее. Как ногти впивались в спину, ощущая каждую мышцу, напряженную до предела и мокрую от истомы. И струна, что натянулась и лопнула, ослепляя мириадами разноцветных бликов, что связали нас навсегда.

Лежа в его объятьях, я ощущала себя самой счастливой и нужной. Возможно, я поспешила и отдала свою честь недуманно, но все же другого раза для нас могло и не быть. Будущее мое так расплывчато. Оно покрыто туманом неопре-

деленности и посему, то что произошло между нами, ощущается остро и оттого более значимо.

Соловей

Раздался взрыв. Нам на головы посыпался песок и сверху взревели исчадия тьмы. Реальность настигла нас молниеносно, и мы с Луной подскочили, наспех натягивая свою одежду.

– Думаешь, это наши?

– Нет никаких сомнений, – уверенно сказал я. – И нам следует поторопиться, пока они отвлекли их на себя. Так что собирай скорее все что может пригодиться в свою сумку и бежим.

– Они же не станут с ними сражаться? – взволнованно спросила Луна.

– Мы хоть и убиваем демонов, но все–таки не самоубийцы. Так что вздохни поглубже и готовься бежать.

– Про самоубийц мне есть, что тебе возразить, – буркнула девушка, явно намекая на мое недавнее решение, но я не стал парировать, зная, что в чем–то та все–таки была права. Хотя понимал, что все равно поступил бы также, даже если мне дали еще один шанс.

Больше не отвлекаясь на разговоры, я пихнул дверцы вверх и выбрался наружу, где меня ослепил яркий свет. Я быстро проморгался, возвращая себе зрение и одновременно прислушиваясь. Возле нашего укрытия было тихо, только следы когтей говорили о тварях, что еще недавно здесь

находились.

Прогремел еще один взрыв в отдалении. Мешкать было нельзя. Я помог знахарке выбраться из погребца и, не отпуская ее руки, кинулся бежать в противоположном направлении. Я тянул ее за собой, петляя между домов, и остановился лишь однажды, когда заметил вещи, которые сохли на заборе. Ухватив рубаху, штаны и в добавок ко всему платье, я пихнул их Луне, а сам на всякий случай достал меч и продолжил бежать. Так мы и пробежали всю деревню, натываясь лишь на остатки человеческих тел, которыми уже успели полакомиться демоны. Самих же тварей мы так и не встретили.

Мы выбежали на главную дорогу, которая вела Корзанас, но по ней мы идти не могли, там нас могут встретить наемники или королевская стража. И доставлять им такого удовольствия я не собирался. Потянул Луну чуть левее, снова в лес, где надеялся встретиться с друзьями. К старому дубу дорога для нас и для команды была отрезана, так что мы либо встретимся где-то по пути, либо уже в самом Корзанасе, где у нас есть перевалочный пункт. Главная наша задача, это не нарваться на тварей и оторваться от них как можно дальше. Хоть ребята и увели их в другом направлении, но никто не исключал, что эти твари разбегутся в разные стороны, а они, несмотря на свои немаленькие габариты, отлично передвигались в лесу.

Я втянул в себя воздух, хоть и знал, что аромат жасмина перебивает мне вонь демонов, но все же попытался отделить

эти запахи друг от друга. И в какой-то момент я понял, что у меня получилось. Мои рецепторы говорили, что мы отдаляемся и я не мог не порадоваться этой новости. Тем не менее останавливаться или сбавлять шаг нам было категорически нельзя.

Я чувствовал, что Луна, непривыкшая к таким нагрузкам, устала. Она запинаясь за коренья, спотыкалась, громко дышала, но все равно не прерывала бега и крепко держала мою руку, зная, что от этого зависели наши жизни.

Лес становился все гуще и темнее. Ориентироваться было практически невозможно, поэтому в какой-то момент я даже не был уверен, что мы двигаемся вперед, ведь даже не было видно тропинок, по которым мы могли бы выйти хоть куда-нибудь. Вскоре бег перешел на быстрый шаг, но становился все медленнее и медленнее, и в момент, когда я был готов полностью остановиться, впереди задрезжал свет, деревья поредели и мы услышали шум воды. Мы шли прямо и выйдя наконец на открытое пространство, нам предстал невероятный вид. Яркая огромная луна освещала резкий обрыв и бескрайнее море, что билось об скалы.

– Отлично, – запыхавшись простонала Луна. – Видимо теперь мы можем отдохнуть.

И больше не претворяясь выносливой, она рухнула на землю и, раскинув ноги и руки в стороны, уставилась на звезды.

– Не могу не согласиться, усмехнулся я и лег с ней рядом,

переплетая наши пальцы. Но жесткие и резкие порывы ветра, приносимые ветром с моря, не дали нам насладиться моментом и прогнали ближе к деревьям.

– Нужно развести огонь, а то мы заболеем и умрем.

– Это будет очень нелепо, учитывая нынешние обстоятельства, – засмеялась Луна. – Но хочу, чтобы ты знал, что умереть я тебе не дам.

– Если ты будешь меня лечить так, как делала это недавно, то я готов рискнуть.

Девушка зарделась, смущенно посмотрела на меня, и я испугался, что неудачно пошутил. Но расслабился, когда она легко улыбнулась, поправляя свои белоснежные волосы и все же ответила:

– Не будем испытывать судьбу.

Позже, сидя возле разведенного костра и неловко прижимаясь друг к другу, мы ели вяленое мясо из погреба, которое Луна успела прихватить с собой.

– Ты говорил, что раньше демоны не выходили на свет. Что же изменилось?

– Не выходили и более того, не собирались такими огромными стаями, не знаю, как это еще назвать. Они одиночки, которые не терпят соперничества, и то, что мы видели там, выходит за грань моего понимания. Возникает много вопросов, и самый важный, почему именно эта деревня стала их целью? Если позволить хотя бы малейшее допущение, то я бы сказал, что их всех сюда как будто созвали, но это невоз-

можно. Я бы точно об этом знал.

– Они унесли жизни целой деревни, – пожившись от страха, прошептала Луна, будто ненароком могла привлечь сюда этих тварей. – И если бы ребята не увели их в лес, то, возможно, жертв было еще больше. А вдруг кто-то из них ранен?

– Не думаю, что стоит об этом переживать. Что-что, а убежать мы умеем, – я погладил Луну по лицу, но внезапная мысль больно стрельнула в голову. – Или ты имеешь в виду кого-то конкретного?

– Ты о ком сейчас? – не поняла девушка. – Про Эйтана?

– Вот именно, куда же без него! – я и сам не ожидал от себя такой вспышки. Его имя на ее губах заставляло мою кровь кипеть. Ведь их что-то связывает и возможно, то, что произошло, было лишь моментом слабости с ее стороны. Скоро она это осознает, а я окажусь слепцом, не заметившим очевидного.

– День и правда был тяжелый, особенно для неподготовленного тела. Так что ложись, а я покараулю, – я встал и отошел подальше от костра, чтобы не наговорить еще больших гадостей.

Глава 23

Луна

Я слышала, как Соловей срубает мелкие ветки своим мечом и могу поклясться, в этом звуке можно было разобрать гневные нотки. Снова эта резкая перемена в настроении, которая возникла на пустом месте. Чем я могла его обидеть? Тем, что переживала за друзей? Это казалось смешным.

Возможно, во всем нашем разговоре имелось двойное дно, о котором я не подозревала. Соловья определенно мучили мысли, не зря же он начинал так злиться при одном лишь упоминании своего друга. Могло ли это быть ревностью к нашему общению? Я чувствовала, что Эйтан очень многое значит для Соловья. Но что было бы, знай он о том, что Эйтан все помнит? Сколько он сказал, они не виделись? Девять лет – это невероятно большой срок. Возможно того человека, которого Соловей помнил уже и нет давно, но это не мешала ему жить прошлым.

Соловей прекратил уничтожать окружающую природу и вернулся к огню, где я постаралась претвориться спящей, дабы не нарваться на еще одну вспышку необоснованной ярости.

– У тебя была когда–нибудь мечта? – вдруг спросил мужчина, прервав тишину. Я продолжала лежать, немного обиженная. – Я вижу, что ты не спишь. Твоя грудная клетка слишком часто поднимается, как у загнанного в угол зайца. Да и сопишь ты как обиженный ежик.

Надо ли говорить, что я насупилась еще больше и не собиралась с ним говорить еще как минимум пару часов.

– Да ладно тебе, Луна, – мужчина подошел ко мне, легко поднял и отнес к дереву, где усадил возле себя, приобняв за плечи. – Прости, я иногда веду себя не слишком сдержанно. Но я меняюсь, правда!

И такое лицо у него было искреннее, что злиться не было сил. Да и он не так уж часто называл меня по имени, используя нейтральное «знахарка», как стену между нами. Только за это мне хотелось простить его и зацеловать каждую частичку его лица.

– Поделишься своими тайнами?

Хоть я понимала, что он говорит о мечтах, но все равно вздрогнула и боясь выдать себя с головой просто начала говорить:

– Вообще–то я не сопела!

– Но и не спала, так что фактически я говорил правду, – лукаво подмигнул мне Соловей.

Им невозможно было не залюбоваться. Этот мужчина имел надо мной невероятную гипнотическую власть. Вот недавно он явно был раздражён и зол, а сейчас он словно

мальчишка, подтрунивал и шутил, отчего я мгновенно забывала обо всем, готовая просто смотреть в его блестящие от костра глаза.

– Ну так что?

– Ничего особенного я не желала, правда. Я с самого детства наблюдала, как Марша лечила людей, как они ее уважали и ценили, и мечтала быть такой же – помогать людям и быть их частью.

– И как же так получилось, что вы оказались в Темной крепости?

– Все потому же... Я не была частью, я слишком выделялась и тем самым пугала остальных. Думаю, они давно искали повод избавиться от меня. И настолько сильным было их желание, что они пожертвовали единственной знахаркой, дабы избавиться от меня, – горько усмехнулась я. – Ну и поделом!

– Звучит очень грозно, особенно от такой хрупкой девушки, как ты, – Соловей в упор посмотрел на меня, обвел глазами лицо. – Но должен сказать, что, несмотря на твою внешность, внутри тебя прочный стержень, который способен выдержать не один удар судьбы. Не каждый мужчина может таким похвастаться.

От нахлынувших эмоций, я прижалась к нему и потерлась щекой о крепкую мужскую грудь. Он же в ответ сильнее меня обнял и зарылся носом в мои волосы и легонько втянул воздух, как делал это периодически, вызывая мое смущение.

– Замерз, – пояснил он свои действия, и я просто легонько кивнула в знак согласия, хотя сама же горела, но не от огня.

– А у тебя была мечта?

– Есть, – тихо прошептал он мне на ухо. – Спасти этот мир!

Я и не догадывалась, что мы настолько похожи.

– У тебя это обязательно получится.

Так мы и уснули.

Двигаться мы решили вдоль обрыва, омываемого Южным заливом, который должен был вывести нас к Узкому проливу. На нем, как раз и стоял Корзанас.

– Сколько нам предстоит добираться до пролива?

– Сложно сказать. Все зависит от погодных условий, и как быстро мы будем идти, – Соловей чихнул и шмыгнул носом. – По главной дороге было бы быстрее, но там меня легко могут схватить. Да еще и отсутствие лошадей, даст о себе знать.

– Тогда не будем засиживаться!

Однако у Хроноса, а может быть, и у Бааш, сегодня не было настроения, так что ночью пошел дождь, который к середине дня превратился в ливень, вымочив единственную нашу одежду. Ветер с моря охлаждал, и нам пришлось уйти подальше в лес, что никак не ускорило наш путь.

Следующей ночью я дала возможность Соловью вздремнуть, потому что, по правде говоря, выглядел он не очень

хорошо. Он всячески пытался сопротивляться, но как только его глаза закрылись – он сразу провалился в сон. За пару часов вода с неба поредела, но я очень сильно продрогла, а Соловья во сне вообще была мелкая дрожь. Положила его голову к себе на колени и одновременно прислушивалась к ночным звукам, а пальцы тем временем перебирали каштановые волосы, и лишь это монотонное занятие дарило мне некое подобие спокойствия. Ладонь соскользнула мужчине на лоб, и ее буквально обожгло.

– Соловей, ты горячий! – попыталась разбудить мужчину, легонько тряся ее за плечо.

– Еще какой, – в сонной дреме пробормотал Соловей и потянулся ко мне руками.

– Да нет же, – я перехватила его руки. – У тебя жар!

Взор мужчины стал понемногу проясняться, однако был объят болезненной пеленой. Порывшись в сумке, в надежде найти что-нибудь полезное, я радостно воскликнула увидев кору ивы.

– Жуй, – ничего не объясняя, засунула ее ему в рот и, поддев рукой подбородок, заставила активно жевать.

– Что это? – скривился Соловей.

– То, что поможет немного унять твой жар и привести тебя в чувства, до того, как мы доберемся к ближайшему поселению.

– Это опасно и не стоит того!

– Так же опасно, как и то, что ты получишь переохлажде-

ние, лежа на стылой земле и в последствии умрешь! А я, как помнишь, обещала этого не допустить, – наши глаза схлестнулись, но болезнь брала свое, Соловей не выдержал зрительной атаки, закрыл глаза и потер лоб.

– Тогда дай мне еще что–нибудь от головы, чтобы немного отсрочить мою смерть.

Я понимающе кивнула, не обращая внимание на сарказм.

– Скоро станет легче, обещаю!

Впопыхах стала собирать сумки, запихивая вещи бездумно, лишь бы побыстрее. Потушила костер. Нам повезло, начинало светать, а значит путь к селению будет не таким затруднительным, хотя, если брать в расчет то, что мне придется фактически тащить Соловья на себе, тут уж ничего не могло мне помочь. Нам хотя бы нужно было найти дорогу, а там уже будем разбираться по обстоятельствам.

Шли целый световой день, с маленькими перерывами, чтобы оба могли отдышаться. Быстро стемнело, мне уже хотелось выть от безысходности: сил не было, Соловей валился с ног.

Когда я услышала голоса, я сначала списала это на помутнение сознания, на то, что я выдаю желаемое за действительное, тем не менее, звуки только усиливались, а лес наконец расступился.

Видимо от радости, что путь почти окончен, Соловей смог уменьшить давление на мои плечи и шел практически самостоятельно.

– Прижми голову поближе ко мне, пусть волосы спадают на лицо, – попросила я, чему мужчина незамедлительно последовал, понимаю в какую сторону ушли мои мысли.

Таверна отыскалась быстро: по ржанию лошадей, по музыке и по невероятно аппетитному запаху пищи. Только сейчас я поняла, как проголодалась. Вяленое мясо лишь слегка перебивало чувство голода, но с запахом тушеного кролика, рот сразу наполнился слюной, а живот скрутило.

Внутри было шумно, душно и, возможно, не очень прибрано, хотя в таких заведениях сложно судить о чистоте в такое время суток, когда разгулявшиеся гости могут разнести и поразбивать половину помещения. Главное во всеобщей суматохе никто не обращал на нас внимание, полностью отдавшись эфемерным волнам медовухи и эля. Это легко можно было понять по красным лицам и смачной брани.

– Нам, пожалуйста, комнату, – обратилась я к управляющему. – Теплую воду, что–нибудь мясное, с овощным рагу и теплую шкуру. Мой друг перебрал нынче и нам нужно пристанище. Отблагодарим на славу!

Хозяин окинул нас сальным взглядом, ухмыльнулся и выдал ключи, одновременно оборачиваясь к одной из служанок:

– Бета...

Слушать мы не стали, мечтая лишь побыстрее добраться до комнаты и исчезнуть с глаз всех постояльцев. Прилагая усилия, я затащила Соловья наверх, в комнату же он дошел

самостоятельно, и я, если честно, не стремилась помогать, так как была ужасно вымотана. Он переступил порог и не раздеваясь упал на кровать, чего я себе позволить пока не могла.

Для приготовления лекарства стала выкладывать нужные растения на прикроватную тумбу: липовый цвет, подорожник, ромашку, шиповник и мать–и–мачеху. Сухие травы легко перетирались в порошок, из которого мне требовалось четыре ложки для заварки. Пока раствор остужался, я сложила остатки сбора в маленький мешочек, где он будет храниться до другого подобного случая.

Приподняв мужчину и подперев ему под спину подушку, я стала по чуть–чуть вливать в него отвар.

– За мной еще никто так не ухаживал.

– А как же твои родители? – спросив, я сразу же поморщилась. – Прости...

– Ничего, – уголки губ его слегка дрогнули, будто говоря, что такие вопросы его не задевают. – Я их не помню. Как и весь первый год, что провел в Гнезде, хотя мне было уже около пяти.

– Мне очень жаль.

– Не стоит, правда. Думаю то, что я попал туда, было лучшим исходом, потому что скорее всего я погиб бы либо от голода, либо от холода, а может быть и того хуже.

–И как же это произошло?

Соловей немного помолчал, собираясь с мыслями. Видимо для него эта тема все-таки была не так проста, как он пытался ее преподнести.

– Мне об этом рассказал Сокол. Если подумать, то все мои детские воспоминания связаны именно с ним. Он старше меня на пять лет, и когда я появился в Гнезде, он взял негласное шефство надо мной. Он вытянул меня из тени забвения, он смог заставить меня говорить. Учил меня, помогал мне и всегда был рядом, – тут Соловей опять остановился. – Как-то на одном из наших тренировочных поединков, которые периодически Сокол для меня устраивал, так как был намного опытнее меня и Наставник ему доверял, он одержал очередную победу. В тот момент, я сдался, сел на землю и разрыдался.

– Ты? – в шутку удивилась, пытаюсь разрядить обстановку, видя, как Соловья поглощают воспоминания.

– И такое бывало, – мужчина прикрыл глаза. – Ты бы не могла потушить свечу, а то она безбожно жжет глаза.

Я поспешила исполнить его просьбу. Свеча потухла, и лишь свет камина разгонял полумрак комнаты, давая мне возможность обойти предметы и не зацепиться за них. Однако я осталась стоять. Соловей приоткрыл один глаз, нахмурился и молча постучал по второй половине кровати, близ себя.

– Не заставляй меня повторять еще раз. Каждое движение и так отдает звоном колоколов в моей голове, так и горло

дерет нещадно. Забирайся под одеяло и грей меня, знахарка. Ты ведь обещала не дать мне умереть, так что будь добра исполнить данное мне слово.

– Кажется, я и так сполна постаралась, – проворчала я, хотя от его слов мне стало так легко, так естественно и как-то правильно. Забравшись под одеяло и устроив свое лицо на плече мужчины, я ощутила себя самой счастливой девушкой в этом мире.

– Так значит, ты заплакал, как маленькая девчонка? – поддела его я и тут же взвизгнула, ощутив легкий щипок в бок.

– Сама виновата, нечего потешаться над больным человеком.

– Я все больше думаю, что ты претворяешься!

Соловей хмыкнул и полушепотом продолжил, изменив голос, подражая Эйтану.

«– Куда делось твое упрямство? – спросил меня Сокол. – Куда пропала твоя сила воли?»

– Я устал, – всхлипывая, ответил, сидя у его ног.

– Речь не об этом, – Сокол стал ходить вокруг меня. – Не понимаешь?

Я лишь помотал головой, растирая рукавом слезы по своему лицу и внимательно слушая.

– Неужели, ты не помнишь, как свора диких собак чуть не съела тебя живьем?

Надо ли говорить, что я растерялся, услышав это. Он знал, что я ничего не помню, так же как он знал – этого я не хотел

вспоминать. Возможно, боялся узнать, что родители бросили меня, что я был им не нужен, что был противен и бесполезен. Но раз Сокол завел этот разговор, значит, он имел смысл, и я должен был пересилить себя и узнать правду.

– Мы возвращались с Наставником из одного его путешествия, через одну деревушку, – он увидел мой напуганный взгляд. – Не бойся, я не помню названия, а даже если бы и знал, то не стал бы тебе говорить, мы ведь друзья? А друзья должны друг друга защищать!

Он присел на корточки возле меня и похлопал по плечу.

– Мы наткнулись на стаю диких собак, которые окружили одного маленького мальчика. Несуразный оборвашка, но с таким серьезным лицом, следивший за каждым движением животных. В твоих руках была только палка, которой ты оборонялся с ловкостью настоящего воина. Вокруг ни души, тишина, нарушаемая лишь рычанием собак и фырканием наших лошадей. Ты устал, выбился из сил, но, несмотря на это, ты боролся, зная, что от этого зависит твоя жизнь. Ты не хотел быть кормом. Я слез с лошади, чтобы помочь, но Наставник задержал меня. Думаю, он разглядел в тебе больше, чем я.

– И что же случилось дальше? – я спросил, затаив дыхание.

– А дальше случилось то, что изменило твою жизнь навсегда, – Сокол выдержал драматическую паузу. – Ты засветел!»

Соловей

Я был готов уже на следующий день продолжить путь, но Луна убедила меня остаться еще на пару дней, обосновав это возможностью получить осложнения. Спротивляться не стал, потому что чувствовал себя я не лучшим образом. Зато мы много говорили. Наверное я никогда не был так многословен, как в эти два дня. Луна вызывала во мне чувство уюта, будто я очень долго не пил, а сейчас глотаю живительную влагу большими глотками и никак не могу насытиться. Не могу насмотреться на нее, тону в бездонных зеленых глазах, пытаюсь дойти до самого дна, до сути, что таилась глубоко внутри. Чувствовала ли она то же самое? Со мной, с неотёсанным бандитом с дороги? С Соловьем–разбойником? Я наслаждался тем, как она ухаживала за мной, как проверяла мой лоб, робко касаясь его губами и даже как поила меня. Все это вызывало ощущение довольства, ведь я не мог и подумать, что заслуживаю такую, как она. Это невозможно сравнить даже с тем, что я испытывал, победив своего первого демона, хотя тогда я считал это самым большим моим достижением.

– Раз уж ты чувствуешь себя хорошо, то давай я попрошу наполнить лохань.

– Что, все так плохо?

Луна зажала двумя пальчиками свой миниатюрный носик и наигранно скривилась.

– Понял твой намек!

По распоряжению девушки комнату обеспечили ширмой и наполнили емкость горячей водой.

– Думаю, тебе стоит пойти первой, пока вода не остыла, – неуверенно предложил я.

Чтобы девушка не смогла возразить и не смущалась моего присутствия, я направился к двери.

– Стой! Мне кажется, места хватит нам двоим, – от ее ласкового голоса у меня скрутило живот. Сначала я не поверил тому, что услышал, а обернувшись – тому, что увидел.

Девушка начала развязывать пояс платья: медлительно, тягуче и так завораживающе. Я видел, как она смущена, но глаза ее мерцали желанием. И эта наивность, смешанная с гипнотической женственностью, свели меня с ума в ту же секунду. Ее платье упало к ногам, и мне не потребовалось много времени, чтобы начать стягивать свою одежду, наслаждаясь румянцем на девичьих щеках. Преодолев расстояние между нами в считанные шаги, подхватил обнаженную девушку на руки и поймал удивленный вздох, впившись в сладкие губы.

Я поставил ее в теплую воду и залез за ней следом. И стал целовать каждый сантиметр ее тела, каждый шрам на спине, в котором винил себя. Я целовал ее шею, наслаждаясь диким пульсом, что был меня по губам. Я целовал ее грудь,

упиваясь тихими всхлипами. А потом я встал перед Луной на колени и прикоснулся языком к ее пупку. Стон. И девушка вцепилась в мои плечи, чтобы не упасть. А потом я опустился еще ниже...

Мылись мы долго. Очень долго, с большим удовольствием. И в холодной воде.

Покинуть наше пристанище решили тем же вечером, чтобы не попадаться лишний раз на глаза постояльцев, а также жителей деревушки. Два дня были потеряны, и нам необходимо было их наверстать. Погода снова была не в духе: сильный ветер хлестал по лицу, залетал в вырез одежды и кусал любые участки тела, до которых дотягивался. Радовало, что мы успели купить теплую одежду и были защищены тяжелыми плащами от ветра и от ненужных взглядов. Мы двинулись к конюшне, когда нам навстречу выехали два стражника.

Я сразу понял, что дело плохо. По их глазам, что ощупывали наши фигуры, по нервным движениям, по победным улыбкам. Где же мы совершили ошибку? Мысли замелькали в моей голове, пытаюсь найти выход из этой ситуации. Секунда промедления и мы рискуем угодить на виселицу.

– Остановитесь и покажите свои лица! – уверенно приказал один, в то время как другой объезжал нас, отрезая путь к отступлению. – Живо, кому говорю!

Словно мы животные, с надменным презрением и высокомерием.

– На раз, два, три, ты отскочишь в сторону, поняла! – едва

слышно сказал я. – Раз! Два! Три!

Быстрым движением я вытащил меч из–за спины, я со всем силы стукнул лошадь стоящего впереди наездника по подплечью, отчего та встала на дыбы застигнутая врасплох. Не ожидая такой наглости, стражник не удержался на коне. Я перехватил упавшего мужчину и подставил острие оружия к его горлу. Луна тем временем зашла за мою спину, ухватив лошадь за уздцы.

– Слезай с коня и отходи, а иначе твой друг рискует отправиться в царство Бааш раньше отмеренного ему срока. И отбрось оружие!

– Тварь!

Я надавил сильнее на кадык своего пленника, и тот испуганно вскрикнул.

– Прошу следить за своими словами, – кивком указал Луне на коня. – Садись.

Несмотря на свой невысокий рост, Луна ловко забралась на лошадь. Я же пихнул стража к его товарищу, вскочил в седло и тут же прищпорил ее, пока двое мужчин не успели поднять тревогу. Луна последовала за мной.

Крики стали раздаваться за нашими спинами, но шум ветра уносил их, а в крови бурлил азарт. Не сговариваясь, мы свернули в лес и поскакали, что есть мочи, уже привыкая к вечной гонке, что преследовала нас изо дня в день. Отбросив мысли, мы отдались скорости, пытаюсь нагнать упущенное время и быстрее достигнуть точки назначения. Только я

и Луна. Невероятное ощущение.

Несколько дней мы скакали без остановки, делая лишь небольшие перерывы, чтобы дать лошадям отдохнуть, а нам перевести дух, перекусить и набрать воды в ближайших речках.

– Как мы попадем в город незамеченными? – Луна обеспокоенно посмотрела на меня. Она боялась.

– Нам и не придется, – таинственно ответил я.

– Но как же, ты ведь сказал, что дом находится в Корзанасе.

– Все верно, – уголки моих губ приподнялись, пока я дожевывал ломать хлеба.

– Не томи, – Луна потянула меня за рукав и нетерпеливо посмотрела в глаза.

– На то он наш дом, чтобы иметь некоторые хитрости.

– В смысле?

Я встал и подал руку девушке, помогая ей встать на ноги.

– Думаю, лучше показать. Здесь недалеко.

Для начала я подошел к лошадям и отвязал их от деревьев. Перевязав их поводья между собой и ударив одну из них по крупу, дал им возможность бежать. Луна приподняла бровь.

– Пусть бегут домой, нам они больше не понадобятся. Идем.

Этот лес был мне уже знаком, он был моим старым добрым другом, что любил подшучивать надо мной и прятать от

меня кое-что. Я внимательно разглядывал деревья, аккуратно ступая по лесному ковру.

– Мы ищем что-то конкретное? – Луна шла за мной и так же крутила головой, однако не поймав, что должна увидеть. – Тут все такое одинаковое. Деревья, кусты, трава. Но тем не менее, меня всегда завораживал лес.

– А еще, он умеет говорить и если внимательно следить и слушать, то точно сможешь с ним пообщаться. Есть!

За время, что мы были здесь с командой в последний раз, все заросло, но пара сломанных веток, примяты мох, все говорило лишь об одном – мы не первые. Следы были еще свежие.

– Теряют шноровку, – высказал в слух свое недовольство. – Смотри, знахарка и не забывай.

Засунув руку в траву, что была примята, я нащупал то, что искал – железное кольцо и дернул на себя.

– Прошу вас, леди, проходите вперед, – я помог девушке пройти внутрь, наслаждаясь ее большими глазами.

– Знаешь, мне кажется, что скоро я перестану удивляться чему-либо.

– Уверю тебя, я найду способы, – пошутил я перед тем, как проход поглотила полная тьма.

Глава 24

Луна

Тоннель приходилось преодолевать на ощупь. Пахло сыростью, а под ногами то и дело пробегали громко пища, вездесущие крысы. Короли тайных мест и секретов.

Стоит ли говорить, что, как только мы открыли потайные двери, на нас были устремлены три острых меча, которые одновременно опустились, стоило нам выйти из укрытия.

– Слава Хроносу! – ко мне бросилась Ласточка и со всей силы обняла, не давая возможности вздохнуть. Я и не знала, на сколько ко мне прикипела рыжеволосая красавица, и сама не понимала, как по ней успела соскучиться за эти дни разлуки. Я вцепилась в нее также сильно.

– Как вы? – осматривать людей при встрече уже входило в мои привычки. – Целы?

Ласточка, смеясь, отстранилась, и в этот момент к нам подошли все остальные. Филин обнял свою девушку и влюбленно на нее посмотрел:

– Я бы не позволил этому случиться!

– И мне с этим повезло, – отшутился Эйтан, разряжая тем самым напряжённую обстановку.

– Смех смехом, а теперь серьезно и по порядку. – Соловей, как всегда, переменился и стал серьезным.

Ребята переглянулись между собой, а потом Филин, взяв инициативу в свои руки кивнул в сторону дверного проема, что вел в другую комнату:

– Думаю вы устали с дороги и проголодались. Давайте поедим и поговорим, так сказать, совместим мировые проблемы с мирскими потребностями.

Он пытался шутить, но видно уже первая волна радости от нашего появления схлынула, и теперь настоящие переживания стали показывать свое истинное лицо.

Мы разместились в гостиной, за маленьким низким столиком, прямо у камина, который приятно согревал окоченевшие пальцы. Комната выглядела немного пустой, нежилой, а какой-то запущенной. На стенах висело пару картин, но их можно было назвать безликими и пустыми. Невооруженным взглядом было видно, что в доме бывали редко, что подтверждала пыль и паутина в углах помещения.

Я только сейчас ощутила, как сильно продрогла и, переживая за Соловья, который недавно нехорошо себя чувствовал, взглянула в его сторону. Мужчина как будто почувствовал мой тревожный взгляд, обернулся, мягко на меня посмотрел и вернулся обратно к разговору с мужчинами. Он не выглядел больным, скорее уставшим, о чем говорили мешки под глазами и осунувшееся лицо.

–...свист и тишина! – ворвался в мои раздумья рассказ

Филина. – Мы знатно перепугались, скажу я вам.

В это время Ласточка зашла в комнату с подносом, с двумя глубокими тарелками, из которых шел пар и самый аппетитный в мире аромат.

– Угощайтесь, моя фирменная похлёбка из курятины!

– Это исключительно вкусно, – не сдержала я восторга.

– Всецело поддерживаю!

Ребята засмеялись.

– Вы просто проголодались, тут даже соли нет, не рискнули выбираться в город.

– А курицу я прихватил по дороге сюда, – гордо выставив грудь, Филин покрасовался перед нами.

– Эй, не забывай, кто стоял на карауле! – почти обиделся Эйтан, но по горящим глазам было видно, что он также веселится, как и все. Сейчас мне казалось, что этот взрослый мужчина наконец стал открываться, и прежняя замкнутость истончалась, словно ткань на коленях протертых штанов.

– Вы ее украли, ребята, не забывайте!

– Тут захочешь – не забудешь!

Громко звякнула ложка о пустую тарелку, и все взгляды устремились на Соловья. И снова мы видели перед собой собранного, закрытого на все замки предводителя, который ждал отчёт, и всеобщая веселость не входила в его планы. Можно было только поразиться его способности менять личности.

– Да понял я. По существу, – вздохнул Филин, лучше всех

знавший настроение своего друга.

– Мы услышали свист, и стало ясно, что дело плохо. Так громко ещё никогда не было, а значит, дела у вас обстояли не хорошо, – начал Филин.

– Я решила поехать проведать обстановку и то, что увидела, повергло в ужас: кровь, растерзанные тела и свора голодных тварей, что пытались меня вынюхать, но благо, не видели, – Ласточка запнулась. – Честно, первая мысль, что пришла мне в голову – вы мертвы. Но потом, поразмыслив, решила, что это слишком глупая гибель для нашего Соловья, поэтому решила вернуться к друзьям и начать действовать.

– Таких вестей мы не ждали: твари, что гуляют днем, да ещё и в таком количестве...

– Что уж говорить про меня, – спокойно проговорил Эйтан. – К такому жизнь меня не готовила.

– Ещё как готовила, – откликнулся на его слова Соловей, а потом вновь перевел глаза на Ласточку с Филином. – Я так понимаю, вы решили действовать по старой схеме и использовать шумовые мешочки?

– Так, а других идей и не было, – Филин пожал плечами.

– Мы понимали, что справится с ними не сможем, а единственный шанс привлечь их внимание и увести, не подпуская близко – громкий шум.

Я смотрела на ребят и завидовала. Завидовала их решительности, их собранности, их дружбе и единству. Завидовала и уважала одновременно. Они, несмотря на опасность,

все равно смогли придумать и воплотить в жизнь, план по спасению.

– Как вы поняли, что мы живы? – спросила я.

– А мы и не знали, – развела в стороны руки Ласточка. – Но были обязаны, что–то предпринять

– Верно, – кивнул Филин. – Лучше попробовать что–то сделать и потерпеть поражение, чем не сделать, но подставить своих друзей, лишив их возможности спастись.

Мне захотелось плакать от счастья. Приятно было осознавать, что являешься частью команды, готовой ради тебя рискнуть, даже не будучи уверенными в том, что вы все еще живы.

– Я вас люблю, друзья! – не сдержала своих чувств я.

– Ох, знахарка, поверь, это взаимно! – одарил меня своей улыбкой Филин.

И вот я смотрела сейчас на него и, наконец, поняла, за что его полюбила Ласточка. Несмотря на свои, казалось бы, значимые внешние недостатки, этот человек был источник неиссякаемого позитива, человеком, что отдает, не беря взамен, человек, что за свою любовь готов пожертвовать жизнью.

– И мы тебя любим, – Ласточка села рядом и обняла.

Я была счастлива иметь таких друзей.

Спустя час разговоров и нашего рассказа, о том, что мы видели и как выбрались, мои глаза стали слипаться, убаюканные размеренными голосами и выпитым теплым чаем, кото-

рый мне принесла Ласточка.

– Пойдем, я тебя провожу в твою комнату, – Соловей забрал из моих рук кружку, оставил ее на стол и поднял меня на ноги.

– Сол, я приготовила желтую и синюю комнаты, – Ласточка, тепло нам улыбнулась, а потом, взяв Филина за руку, повела за собой. – Мы спать, всем спокойной ночи.

Было очень мило смотреть за тем, как развиваются отношения друзей. Как открыто они себя ведут и не стесняются показывать свои чувства. Это было идеальным примером того, как все должно быть.

– Пойдем, – Соловей вырвал меня из этих теплых мыслей.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж и прошли по узкому коридору к одной из дверей. Мужчина открыл ее, пропуская меня вперед.

– Войдешь? – я обернулась, чтобы взглянуть в его глаза.

– Луна, – Соловей с нежностью посмотрел на меня и провел рукой по щеке. – Ты устала с дороги, хоть и не хочешь в этом признаваться. Тебе нужно отдохнуть.

– Вовсе нет, я этого не отрицаю. Просто...

Мужчина ласково мне улыбнулся и наклонившись, поцеловал краешек моих губ.

– Спокойной ночи, знахарка, – он хотел сделать шаг назад, но я обхватываю его шею, не давая отступить.

– От чего ты бежишь?

Наши лица в миллиметре друг от друга. Глаза в глаза. Гу-

бы к губам.

– Бегу?

– Да. От меня?

– Но я не бегу от тебя, – Соловей слегка отстраняется. –

Я бы уже и не смог, даже если бы и захотел.

Эти слова теплом разливаются по моему телу.

– Даже если от этого будет зависеть моя жизнь, я буду стремиться к тебе, знахарка! Я пройду через любые преграды, через любые препятствия, не найдетя стен, что я бы не разрушил ради тебя!

Я задрожала от тысячи чувств, что звенели во мне.

– Правда?

– Правда! Ты мне не веришь?

Я не могла поверить, что достойна всего того, что мужчина обещал. Что я достойна любви.

– Тогда не уходи... – прошептала я, моля.

Соловей на секунду замер, а потом, переступив порог, закрыл за собой дверь.

Соловей

Я смотрел на спящую девушку, и сердце щемило нежностью. Такой всеобъемлющей, такой многогранной и такой невозможной. Трудно было поверить, что я мог полностью состоять из этого чувства. Но было что-то еще. Что-то более громоздкое. То, что заставляло сердце биться чаще от одного лишь взгляда девушки. Неужели это любовь?

Я не мог уснуть. Ходил из угла в угол. Но мысли не покидали мою голову, и, не выдержав такого накала, я вышел из комнаты Луны. Только у себя в комнате, где было сыро, холодно и не пахло жасмином – я смог ненадолго уснуть.

Утро настало резко, со стуком в дверь.

– Сол, просыпайся, есть новости! – удающиеся шаги Филина взбудрили и заставили меня подняться.

Я, застегивая рубаху, выходил из комнаты, когда столкнулся с Луной, что тоже спешила вниз.

– Доброе утро, Соловей, – Луна выглядела поникшей. Оглянувшись по сторонам, я остановился на секунду и поцеловал ее в нос.

Девушка открыла свой миленький ротик, но увидев, что я шуточно прижимаю свой указательный палец к губам, улыбнулась, дав мне пройти вперед.

Веселое настроение сразу улетучилось, как только я заметил тревожные взгляды собравшихся.

– Хорошо, что все в сборе, – зарываясь рукой в свои волосы, нервно воскликнул Филин. – Есть некоторые новости, которые нам стоит обсудить.

– Прямо сейчас? – Эйтан зевнул.

– Именно сейчас, – Ласточка выглядела очень взволнованной, я бы даже сказал, чрезмерно взволнованной для утра. – Ребят, у нас вами очень мало времени. Весь город заполнен Королевскими солдатами, и они входят в каждый дом в поиске нас.

– Проклятая Бааш, – выругался я сквозь зубы. – Много?

– Достаточно, чтобы за пару дней перевернуть здесь все вверх дном.

– Да это же целая армия!

– О том и речь, – Филин стал мерить комнату шагами. – Нам срочно нужно покинуть Корзанас.

– Нам нужен план, – подытожил я.

Глаза устремились на меня, прося что-то придумать. Я зажмурился, отгораживаясь от друзей, ища внутри беспорядочного потока идей, хотя бы одну стоящую.

– Переправа закрыта?

– Я не знаю, – Ласточка пожала плечами. – Так далеко я не заходила. Мне хватило пройти по паре улиц, чтобы понять, о чем гудит весь город.

– Значит так, сейчас ты отправляешься к проливу и нахо-

дишь любого переправщика, готового за деньги уплыть с нами вечером. По награде – половину сейчас, половину потом.

– Все как обычно.

– Именно.

– А что делать нам? – Эйтан смотрел в упор.

– А нам придется держать оборону и как-нибудь добрат-ся до переправы живыми.

– Так себе план, – скептически отозвался Эйтан.

– Прости, что не удовлетворил твои ожидания, но я так же как и ты не знаю, что делать.

– Кто сказал, что я не знаю?

– Ну так просвети!

– Эй, парни, полегче, – Филин стал между нами и ко мне пришло осознание, что мы стояли с Эйтаном практически вплотную. – Не время выяснять отношения. Нам надо думать.

– Через лес пути нет? – впервые за все время Луна подала голос.

– Нет, – сразу же ответил я.

– Подожди, а ведь Луна права, – Филин задумчиво почесал подбородок. – Мы можем пройти через скалы.

– Через?

– Ты имеешь в виду "Пороги смерти"? Ты совсем с ума сошел?

– Вы о чем? Что значит пройти через скалы? – Эйтан стоял, скрестив руки на груди.

– Чтобы это ни значило, все равно девушки там пройти не смогут. Это слишком опасно! – отмел я эту идею.

– Мне не нравится твой скептический тон, – Ласточка заступилась за возлюбленного. – Он хотя бы что-то предлагает.

– Давайте посмотрим на это с другой стороны, – Луна прервала наш спор. – Есть ли другой выход из сложившейся ситуации?

– Мы можем разделить и добираться до воды поодиночке. – Эйтан вызывающе смотрел на меня. – У нас будет больше шансов.

Я посмотрел на Луну, которая от стресса кусала свою нижнюю губу. Эйтан был прав, им всем будет так безопаснее.

– Но Соловью нельзя появляться в городе! – воскликнула Луна. – На него идёт охота.

– Вот именно, Луна. На него. А не на нас, – Эйтан с напором посмотрел на знахарку. – Девушки не могут, а ты сможешь?

– Но...

– Он прав, – не стал я отрицать. – Возможно, вам, ребята, следует идти без меня, а я пойду в обход.

– Ты же сам сказал, что это опасно! – Луна гневно смотрела на меня.

Такая маленькая и такая злая, я специально усмехнулся на ее слова, чтобы увидеть, как ее глаза полыхнут:

– Я имел в виду опасно для неподготовленных людей, –

Луна кинулась на меня со своими кулачками, пытаюсь ударить меня ими в грудь. Я ловко перехватил ее предплечья, держа на расстоянии.

– Тебе так хочется поскорее умереть? – в резком голосе ее прозвучали нотки пронзительности.

– Сол, – попытался успокоить нас Филин. – Не думаю...

– Я все сказал, – спокойно и четко произнес я, дабы ни у кого не возникло мысли со мной спорить. Я резко отпустил девушку и отошел. – Ласточка, иди на разведку. Как только ты вернешься, мы начнем исполнять наш план. Точнее, каждый будет следовать своему.

– Соловей прав! Сейчас каждый сам за себя, – слова Эйтана утонули в тягучей тишине.

Я вышел из комнаты, но не удивился, услышав легкие торопливые шаги за спиной.

– Зачем тебе так рисковать?

– Не думаю, что это так же опасно, как идти напрямую через город, где нас, скорее всего, уже будут ждать. Раз они здесь, то догадываются, что мы движемся в Альтвир. Думаю, их основная задача сейчас, не подпустить нас к воде. И если есть хотя бы маленькая вероятность, что они ищут только меня – нам лучше разделиться.

– Не иди через горы, прошу! Затаись. Пережди, – голос девушки дрожал.

– Знахарка, не волнуйся ты так, – я притянул Луну к себе. – Со мной ничего не случится.

– Правда?

– Правда.

Больше никто не произнес ни слова.

Глава 25

Луна

– Как ты? Наверное, эти дни стали для тебя целым испытанием? – на кухне меня перехватил Эйтан.

– Да, как и для всех нас.

– Ты хорошо держишься, для девушки, пережившей такое потрясение!

– Ты тоже! Очень храбро было с твоей стороны, взять на себя этих тварей! – по телу пробежала дрожь отвращения, смешанная со страхом.

– Я не мог иначе...

– И я благодарна тебе за это.

Повисла неловкая пауза. Я задалась вопросом: понимал ли мужчина, для чего он вообще завел этот разговор?

– В общем, я хотел сказать, что мы все переживали за тебя! – я приподняла бровь, и мужчина исправился. – За вас, я хотел сказать...

– Эйтан, что происходит?

Отчего-то я чувствовала себя не очень комфортно.

– Ничего от тебя не скрыть, – он смущённо мотнул своей головой, и колечки волос, упавшие на лицо, придали Эйтану

мальчишеский вид, будто он и не был меня старше.

– Знаешь, должен признаться, что... – он промедлил, перебирая во рту слова, ища те, что подойдут. – Я боялся тебя потерять. Ты стала мне очень дорога за эти дни и... Возможно, Соловей, Филин и Ласточка знали меня раньше, но мне они не близки... Я им не доверяю.

Мужчина вдруг подошёл вплотную и обнял меня.

– Но ты другое дело. Тебя хочется защищать, оберегать. И порой мне кажется, что вот сейчас ты сломаешься под напором своей судьбы, но каждый раз ошибаюсь.

Первой моей реакцией было желание оттолкнуть мужчину, нарушившего границы моего личного пространства. Я сжала кулаки, готовая ударить, его за такую вольность. Но Эйтан просто держал меня, не сильно, не интимно, а как-то по-отечески.

– Луна, – глядя меня по спине, он тихо проговорил. – Я просто хотел сказать, что ты сильная девушка. И ты должна знать, что есть люди, готовые поддержать тебя и просто быть рядом.

Я почувствовала себя маленькой девочкой, с которой говорил ее старший брат. Брат, которого у меня никогда не было. Как и отца, что был мне так необходим в детстве. Я отступила, но на душе было очень тепло.

– Я рада, что ты появился в моей жизни. И я думаю, в скором времени ты сможешь принять друзей обратно в свое сердце.

Я хотела, чтобы мои слова посеяли в нем зерно раздумий, но мужчина нахмурился и отвел взгляд.

– Не думаю, что это возможно Луна.

– Может, есть то, чем ты хочешь поделиться? Я могу просто слушать...

Эйтан лишь помотал головой, и я грустно улыбнулась, чувствуя тот же груз, что нес на своих плечах этот мужчина.

– Тогда, я хочу, чтобы ты знал... – я немного замялась, не зная, как правильно выразить свои мысли, не обидев при этом своего собеседника. – Ты хороший друг, и я действительно счастлива тебя знать.

Боль мелькнула в глазах Эйтана, но он достойно принял мои слова.

– Я тоже рад, Луна, – и, поцеловав кончики моих пальцев, быстро вышел из кухни.

Я вышла следом, столкнувшись с Филином, чему я несказанно обрадовалась. Во мне все еще зрела надежда, что лишь он способен переубедить Соловья.

– Фил, ты должен поговорить с ним. Это ведь верное самоубийство! – просила я отчаянно. – Мы найдем другой способ.

– Он не передумает.

– Это все, что ты можешь мне сказать? Он ведь твой друг, твой товарищ! – тон мой, мала помалу повышался, хотя я и понимала, что он прав.

– А ещё, он человек, чьим решениям я всецело доверяю, –

спокойно сказал мужчина. – И тебе стоило бы.

– Вся ответственность целиком и полностью лежит на мне, – раздался за спиной голос, с нотками раздражения. – А теперь прошу закрыть эту тему.

Соловей снова покинул комнату, тем самым подтверждая свой авторитет, а Филин поднял руки вверх, будто намекая, что именно это он и имел в виду.

Я устало опустилась на диван. Так я и просидела, до тех пор, пока не вернулась Ласточка и не сообщила, что нашла человека, способного нас переправить через залив. С этого момента время побежало.

Мы стали готовиться и собирать небольшие сумки из только жизненно необходимых вещей. Изучали карту города, чтобы понимать, в каком направлении двигаться, какие пути самые опасные, в каких закоулках есть возможность укрыться. Я так увлеклась, что даже не заметила отсутствия Соловья во всеобщей дискуссии.

– Где Соловей? – спросила я Ласточку, когда мы переоделись.

– Так он ушел сразу же, как я вернулась.

Непонимание кольнуло ржавой иглой. Почему он не попрощался со мной? Я подошла к окну с головой, в которой отсутствовали всякие мысли. К чему они, если приносят только разочарование. По узкой улочке шла целая толпа горожан: нарядные мужчины, миловидные женщины с корзинами, бегали дети.

– Ребята, – выбегая из комнаты, воскликнула я. – Сегодня ярмарочный день!

Видимо, Хронос сжалился над группой неудачников и решил облегчить борьбу с несправедливым миром.

Новость подняла настроение, ведь в шумной, активной толпе раствориться будет куда проще.

– Корзины, – Ласточка поставила на стол два пыльных плетеных прямоугольника. – Нашла в кладовой.

– Умничка моя! – поцеловав девушку в щеку, Филин обратился ко всем. – Тогда план немного меняем. Эйтан, Луна – идете парой, со скоростью толпы. Мы с Ласточкой следом за вами, на подстраховке. Маршрут запомнили?

– Да, – в один голос ответили другу.

– И вот еще что... – рыжая воительница подошла ко мне и протянула кинжал. Тот самый, что лежал в вещах моей погибшей лошади.

– Но как?

– Мы нашли ваши раскиданные вещи. Я не могла не захватить его.

– Спасибо! – я была так рада, ведь эта вещь многое значила для меня. Намного больше, чем я готова была признать.

Сейчас нас переполняла радость, и мы совершенно забыли об опасности, которая сама решила о себе напомнить. В дверь громко и настойчиво постучали.

– Демоны вас раздери! Второй этаж, окно!

– Что? – с округленными глазами я наблюдала за тем, как

Ласточка потащила меня по лестнице прихватив корзины.

– Фил, сумки в комнате захвати, – крикнула она через плечо, когда мы подбежали к окну в конце коридора.

– Держи, – она вручила в руки мне плетёнки, сама же распахнула окно и стала влезать на крышу. – Давай их сюда. Молодец. Теперь давай руку, но советую вниз не смотреть.

– Открывайте! – раздались гневные голоса из-за дверей

– Не обращай внимание и слушай только меня. Ставь ногу на этот выступ. Так. Теперь на этот. А теперь отталкивайся со всей силы!

Я сделала все как сказала девушка и с ее помощью забралась на крышу. Мужчины передали нам сумки, которые мы вложили в корзины, и сами забрались наверх.

– Быстрее, сюда, – Филин указал на соседнюю крышу. – Там можно спуститься по винограднику.

Ласточка с грацией пантеры перемахнула на другую сторону, даже не поколебавшись ни на секунду, несмотря на то, что руки ее были заняты вещами. За ней прыгнул Эйтан и Филин. А я, подойдя к краю, почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Возможно, если бы я знала, что на кону не стоят жизни друзей и моя, я бы осталась стоять на месте, потому что сейчас я не представляла, как заставить себя перепрыгнуть.

– Ни о чем не думай! Разбегись и доверься своему телу. Ты сможешь! – подбадривала меня Ласточка.

– Расстояние небольшое, – поддерживал Фил.

– Я славлю тебя! – Эйтан выставил руки вперед.

Мне не хотелось подвести своих друзей, не хотелось быть трусихой и обузой. На секунду закрыла глаза и глубоко вздохнула, беря себя в руки. «Я справлюсь». И побежала. Раз нога. Два. Толчок, и я оказываюсь в крепких руках мужчины.

– Не будем терять времени. Нам сюда.

Сбоку дома и правда цвел дикий виноград, оплетая своими ветвями всю стену сверху донизу.

– Под ветвями есть решетка, хватайтесь за нее и спускайтесь. Нам нужно торопиться! – Филин шел первым, не обращая внимания на ветки, что царапали ему лицо и руки. Думаю, это была маленькая цена за возможность спастись.

На удивление спустились без особых проблем. Нам везет! Подходим ближе к краю переулка и с большим трудом вливаемся в расцветающую, бурную, веселую толпу. Нацепив на лица улыбки, мы разделяемся.

Шумный поток людей ведет нас переулками, приближая к пункту назначения, и я даже забываюсь во всеобщей суматохе и праздничном настроении. Я смеюсь над какой-то фразой Эйтана и все кажется насмешкой, глупой шуткой, в которой мы не бежим из города, спасая свои жизни, а просто вышли развеяться и сходить на ярмарку. Жители города толпятся вокруг, жестикулируют, что-то кричат, так, что в общем гуле ничего не понятно. Одним словом – живут.

Но когда в определенный момент блондин вырывает меня из толпы в один из переулков, я возвращаюсь в реальность.

Небо затягивает тучами и вот–вот они обрушат на нас свое негодование. Впереди я вижу деревянный настил и воду. Мы добрались. Целыми. Сзади слышатся шаги, но это Филин и Ласточка, бегут к нам, взявшись за руки.

– Мы это сделали!

Покинув переулок, мы выходим на пустую пристань, где пришвартован одинокий йол.

– Соловья – не вид...

И тут из–за поворота дороги показывается отряд: двенадцать человек маршируют в строгом строю с мечами наготове. За считанные минуты, они окружают нас, убивая любую мысль о побеге.

Соловей

Природа вокруг начала меняться, стала каменистой, с налетом пыли. Я смотрел на острые пики с замерзанием сердца. Лёгкая туманная пелена, ещё больше подчеркивала величие непреступной стены. Я буквально был подавлен этим зрелищем, ведь что может сравниться с волнением, охватывающим при виде того, что должен покорить. Внутри скреблась обида, но я умело запихнул ее поглубже, зная, что сейчас любые эмоции могут стоить мне жизни.

Теперь задача казалась простой: скорее начать и вступить со скалами в бой.

Путь мой проходил вокруг склона по едва заметной тропе, что поднималась, то опускалась, ведя меня к самому заливу, где по тонкой береговой линии я мог дойти до пристани.

Сейчас я примерялся ногой к чуть заметной каменной нащепке, едва выступающей из горы. Спуск начинался с настоящего лазания по отвесной скальной плите. Воздух стоял влажный и тяжёлый. Я попробовал перенести опору тела – нагрузил понемногу, – но соскользнул, ибо выступа, по сути дела, не было – так, легкая заглаженная кривизна. Нашел опору и начал спускаться. Карабкаться было нелегко. Склон настолько крут, что камни едва держатся на нем, и малейшее движение может вызвать настоящий камнепад. Сначала ды-

шать было тяжело, а на глаза то и дело капал пот, стекающий со лба, но через полчаса будто бы добавились силы.

Здесь они нужны. Самые что ни на есть физические. Нужны выносливость и способность вскрывать в себе запасные резервы, переступать через второе, третье дыхание.

Сейчас все камни под моими пальцами были одной и той же величины, будто их просеяли через гигантское сито, но я все равно продолжал пробираться между скалами; то поднимаясь, то спускаясь, чтобы преодолеть препятствие. Я остановился перевести дыхание.

Прежде чем снова двигаться, я наметил удобный камень для следующего шага. На гладких скалах не видно ни единой неровности, никаких трещин, за которые мог бы зацепиться мой взор. Идти дальше бесполезно, уцепиться не получалось, а кирка лишь слегка царапала камни, не пробивая их глубоко. Я понял, что нужно вернуться и искать другой путь, пройти там, где уклон покрывался трещинами.

Назад двигался медленно. И тут рука соскользнула, и я полетел вниз, пытаюсь ухватиться хотя бы за что-нибудь. Пальцами, расцарапанными в кровь, успел схватиться за торчащий между камней корень и быстрым движением обмотал его вокруг запястья, в момент натяжения другой рукой ударил киркой и наконец, остановил свое падение.

Я попытался закричать, выпуская свои эмоции, но с губ не сорвалось ни слова. Тут я задумался: смогу ли я вообще дойти и не сыграло ли мое эго со мной злую шутку. В по-

пытке доказать, что—то Соколу и самому себе не напрасно ли я рискую жизнью? Но внутри меня мощный взрывчатый страх. Тот, что не каждого поит небывалой силой, даёт ему ясность мысли, реакцию и точность.

Попытавшись дотянуться до выступа сбоку, я срываюсь. Еще попытка. Снова подтягивание и... снова срыв. Напружившись, сложившись пополам, упираясь ногами в камень, он принимает рывок, качается вперед под моим действием, но выдерживает. Еще попытка. Сейчас я на грани того, чтобы отпустить руку и просто рухнуть в море, больше ни о чем не заботясь. Ставлю ногу по—другому. Еще попытка. На этот раз успеваю уцепиться за край маленькой щели, куда входят разве что кончики пальцев. Но и это неплохо. Двигаюсь вверх пока еще есть зацепки. Подаюсь вправо. Еще правее, еще... и, наконец, я взбираюсь на широкий карниз. Некоторое время я лежу, восстанавливая дыхание, растягиваюсь на выступе, как гигантская рыба, которую только что вытащили из моря после ожесточенной борьбы и впервые ощущаю непоколебимую уверенность, что теперь меня ничто не остановит.

Чтобы собраться с силами перед дальнейшим спуском, я присел на пару минут, дабы дать себе время на передышку. После отдыха руки мои стали тверже и уверенней, и я начал спускаться по длинной крутой осыпи из известняка. Это, пожалуй, самый тяжелый отрезок маршрута. Я бы еще добавил: бездарный.

Бездарный, ибо скучный, однообразный, требует не столько ловкости, сколько огромного напряжения физических сил. Нужно монотонно повторять одни и те же приемы.

Иногда, когда мне попадается плоские камни, я сажусь и тотчас чувствую некоторое облегчение, но осознаю, что трачу время впустую, и, выбирая другой камень, с трудом отрываю себя от прежнего и делаю свои шаги к заветной цели.

Временами я оглядываюсь назад, специально, чтобы окинуть глазом сей эквивалент моей усталости. И эта оглядка приносит мне маленькую радость, удовлетворение, мне даже кажется, что она возмещает какую-то толику затраченных сил.

Я слишком сильно устал, находиться в вертикальном положении. Только теперь я ощутил, насколько опустошен, отчего испытываю странное чувство – будто нахожусь вне собственного тела и наблюдаю за ним с полутораметровой высоты.

В этот момент сверху слышится шум, скрежет и валун размером с маленький арбуз срывается со склона и ударяет меня в грудную клетку, отчего я лечу прямо в море.

Падение в ледяную воду было весьма болезненным и неприятным, благо падал я уже не с большой высоты. Я понял, что успел спуститься достаточно низко, миновав наиболее коварные участки, очень вовремя, можно сказать, «запрыгнул в последнюю повозку», а иначе сорвись я выше, мог бы разбиться насмерть о водную гладь.

Левее вижу береговую линию, ту самую, к которой так стремился и до которой не дошел совсем чуть-чуть. Начинаю двигаться в ее направлении, но это не так просто, течение очень сильное. С большим трудом выбираюсь на сушу и принимаюсь выжимать одежду и выливать воду из ботинок. Кирка пошла ко дну в море, однако я не сетую, нащупывая два ручных кинжала в своем мешке, что все это время висел за моей спиной. Дрожа от холода и стуча зубами, одеваюсь. Мне нужно по крайней мере полчаса, чтобы добраться до своих друзей.

Взглядом отметил как, закрывая оранжевый край закатного неба, быстро ползла к Корзанасу блекло-синяя туча, тугая, выпуклая, словно брюхо огромного животного. Я же двинулся дальше, внутренне удивляясь тому, что стал совершенно равнодушен ко всему происходящему.

Идти вдоль берега у нижней части горы трудно, и подчас мне приходится подниматься выше, чтобы найти путь сквозь густые заросли.

Капли начинают падать с неба постепенно, пока не превращаются в прямой поток воды, что холодными порывами ветра бьет по щекам. Но к этому времени я понимаю, что дошел. Ухватившись двумя руками за деревянные перила и перекинув свое тело через край, я оказался на причале, где происходило нечто невообразимое.

Группа стражников обступила моих друзей кругом, а команда на корабле йола, заметив суматоху, стала поспешно

распускать паруса, готовясь отплыть без нас.

– Сто золотых, если подождёшь двадцать минут! – крикнул я капитану.

– Я не сумасшедший! – замотал он головой.

– Сто пятьдесят, – настаиваю, злясь, что теряю драгоценные минуты.

– Нет...

– Триста! И это последнее предложение!

– Бааш тебя заberi, двадцать и ни минутой больше!

Решив один вопрос, поспешил заняться другим.

–Эй, вы взяли не тех, вам нужен я! – крикнул, что есть мочи, отвлекая внимание солдат и позволяя друзьям воспользоваться этим шансом для спасения.

И этого действительно хватило, чтобы за долю секунды, что отвлеклась стража, Филин и Эйтан выхватил мечи из своих ножен, а Ласточка растворилась в воздухе. Началась ожесточенная борьба за жизнь. Дождь лил как из ведра, застилая глаза, забивая нос и рот.

У Луны в руках блеснул кинжал: тот самый, что не так давно выбирал для нее я. Отряд противника разделился: кто-то кинулся ко мне, кто-то остался сражаться с пленниками, хотя на данный момент уже нельзя было сказать в чью сторону был перевес.

Стук мечей оглушал, прерываемый короткими воинственными криками. На меня обрушился град ударов. Били и справа, и слева, и сверху, всячески пытаюсь выбить клинки

из моих рук. А я просто уворачивался, отходил и всячески искал возможность нанести ответные удары.

Один из стражников завел руку вверх и я отпрыгнул, отбив его атаку так, чтобы меч противника полетел сильно в бок, отчего тот завалился, и я воткнул свой кинжал ему в бедро, надеясь, что не задел важных артерий, но тем не менее вывел его из боя. Потом крутанулся и рубанул в левое плечо подбежавшего солдата, в момент, когда он неудачно открылся.

И снова клинки скрестились, и снова я парирую. Мне уже сложно сказать, скольких я поверг. Но вот передо мной последний, я защищаюсь, делаю вид, что руки устали, и нападать я не собираюсь, однако, как только стражник расслабляется, я резко бросаюсь в атаку, подбрасываю кинжал вверх, отвлекаю и выбиваю меч у своего противника. Делаю подсечку, и мужчина падает, ударившись головой о доски. Пока он не пришел в себя, спихиваю его в воду – пускай поплавает.

Я окинул пристань взглядом, отмечая, что Филин борется с двумя, но на помощь ему бежит Эйтан. Там я не нужен. Ищу глазами белое пятно и найдя, на мгновение замираю. Стражник, выбивает из рук знахарки кинжал, хватается сгибом локтя за ее шею, а другой рукой приставляет меч к ее горлу.

– Ну что, узнал меня, старый друг? – с гадкой улыбкой спросил он, и его лицо на самом деле показалось мне знакомым. Точно! Один из тех, чьих лошадей мы со знахаркой

украли.

– По лицу вижу, что признал, – рассмеялся мужчина, довольный собой, а потом резко прекратил и его улыбка превратилась в оскал уязвленного животного. – Бросай оружие! И сейчас давай без глупостей, а то твоя девка пострадает.

Тут уже смеяться начинаю я.

– Вперед, здоровяк. Она мне не нужна, – его растерянность доставляет удовольствие, ведь он не знает того, что знаю я. Правда, лицо Луны и без того белое становится цвета мела и практически сливается с ее волосами. Только зелёные глаза блестят обидой. Неужели она поверила? После всего, что между нами было?

Секунда и стражник начинает оседать к ногам девушки, так и не поняв, что с ним произошло. Ласточка становится видимой и, не теряя времени, тащит знахарку в мою сторону, впихивая в ее руку потерянное оружие. Но тут раздаётся вскрик. Я поворачиваюсь, но мне кажется, что время вдруг превратилось в мед, и все вокруг замедлилось, будто секунды слиплись друг с другом.

Филин стоял, зажимая свой бок, сквозь пальцы его текла яркая алая кровь, заливая собой дощатый настил. Рядом Эйтан разделался с последним стражником и в последний момент успел подхватить друга, чтобы тот не рухнул.

– Нет! – раздался душераздирающий крик Ласточки.

Глава 26

Луна

Я вытерла руки об платье, оставляя красные следы на и без того грязной ткани. В каюте пахло кровью и ромом, единственным спиртным, что нашлось у капитана. Филин уснул, обессиленный от боли и кровопотери, после зашитой наживую раны. Рядом сидела молчаливая Ласточка, сложив руки на коленях.

– Я на минуту...

Выйдя на палубу, перевалилась через борт, и меня вырвало. Тыльной стороной руки вытерла желчь и уставилась на воду.

– Как он? Ты сама в порядке? – безжизненным голосом спросил Соловей, как всегда, бесшумно подошедший. Я повернулась в его сторону и обвела силуэт глазами. Он весь как будто потух изнутри.

– Сейчас он спит.

– Луна, я не могу ещё и его потерять, понимаешь? – он посмотрел на меня и я заметила влагу в уголках его глаз. Она не смела пролиться, лишь показала себя, дабы напомнить, что человек умеет чувствовать.

– Понимаю...

– Я хочу попросить, не оставлять нас в Альтви́ре.

– Соловей... – замотала я головой.

– Я не прошу навсегда... – мужчина запнулся. – Точнее, я не смею просить об этом, но хотя бы довести с нами Филина до Гнезда, а там мы за ним присмотрим.

– Сол...

– Я понимаю, что потом вы с Эйтано́м уедете, но...

– Да помолчи ты наконец! – не выдержала я. – Ты ведь не думаешь, что я брошу вас в таком положении? Потому что, если такая мысль хотя бы на секунду забралась в твою голову, то я ударю тебя! И буду бить до тех пор, пока не выбью всю эту дурь.

– Знахарка, – чуть ли не благоговейно прошептал мужчина, прижимая меня к себе.

– Вот именно! – обиженно буркнула я, удобнее устраиваясь в его крепких надежных руках.

Соловей укрыл меня своим плащом, и я почувствовала себя дома. Вот так просто, на неизвестном корабле, с запахом соли и крови, но именно рядом с этим мужчиной.

– Спасибо тебе. В тысячный раз. Хотя должна признаться на мгновение я поверила, что ты отдашь меня ему.

– Луна, ты же поняла, что это блеф?

– Ты очень хороший актер, Соловей.

– Я догадывался, что Ласточка там, – мужчина обеспокоенно посмотрел мне в глаза.

– Соловей, я не злюсь, – ответила, смотря в даль. – Но отвечая на твой вопрос: я не в порядке. Совсем. И не знаю, буду ли.

– Я сделаю все, чтобы этого больше не повторилось.

– Обещаешь?

– Обещаю!

Это стало нашим ритуалом, подтверждением тех необъяснимых чувств, о которых мы пока не говорили вслух. Постояв так еще немного, я ушла в каюту. В груди саднило. Я позволила себе эту маленькую слабость, но впереди была неизвестность, и я пока не понимала, как смогу соединить эти два мира в один.

Ласточка так и сидела, неподвижно, блуждая внутри собственного черепа, со сведенными вместе ладонями, ковыряя когтями кончики пальцев – давно уже покрасневшую кожу, запекшиеся ранки, сочащиеся порезы.

– Знаешь, я так и не поблагодарила тебя, – мне нужно было прервать это гробовое молчание, чтобы окончательно не сойти с ума. – Спасибо. Если бы не твой дар, то, скорее всего, я бы была уже мертва.

Ласточка окинула меня мутным взглядом и слабым голосом спросила:

– Тебе кто–нибудь рассказывал, откуда у меня этот дар?

– Нет. Сказали, что ты сама расскажешь, если считаешь нужным.

Девушка пожевала сухие губы, пытаясь совладать с бес-

покойством: откровение давалось ей нелегко.

– Мой отец любил медовуху. Очень любил. Сильнее этого он любил лишь избивать мою мать.

Я была шокирована таким началом. Ласточка грустно хмыкнула, увидев мои округлившиеся глаза.

– Было ещё одно увлечение у моего отца: укладывать меня спать. Вот тогда он становился очень ласковым, гладил мои волосы, целовал то в лоб, то в щеку, поправлял мою сорочку, особенно вырез на горле.

– Нет... – я не могла поверить в то, что слышала.

– Он медленно и размеренно гладил мои голые плечи, бурча себе под нос, как сильно любит свою малышку. – Ласточка помолчала, подбирая слова, Я протянула ей кружку с водой, и она благодарно отпила. – Я была слишком мала, чтобы понимать ужас происходящего, но моя мать – то все прекрасно осознавала. И вот в один из вечеров отец вернулся домой, такой пьяный, что едва стоял на ногах, с порога дал матери оплеуху, видимо, для профилактики, и пошел в мою комнату.

Я буквально осязала, как события того злосчастного дня прокручивались у девушки в голове.

– Именно то, что случилось потом, наложило отпечаток на всю мою жизнь и на то, кем я стала.

– Лас, ты можешь не рассказывать дальше...

Но мыслями девушка была не здесь и, видимо, не слышала моих слов.

– В этот раз он не стал со мной церемониться. Откинул одеяло и, схватив меня за ногу, одной рукой, потянул к себе, другой же, стал расстегивать свои штаны. Я была напугана до смерти и не понимала, что происходит, почему отец сейчас так холоден со мной. Его руки стали шарить по моим ногам, пытаюсь стянуть панталоны, а я молча отбивалась, пока мое сердце выскакивало из груди.

Резкая тишина.

– Я помню, что потом не сопротивлялась. Что просто лежала, придавленная весом его тела и думала лишь о том, когда же это кончится. Резко раздался звук бьющегося стекла – какой-то предмет швырнули через всю комнату, а вслед ему еще один. Отец рывком слез с меня, параллельно крича матери, о том, какая она дрянь. Он выбежал за ней из комнаты, а я сразу залезла под кровать и свернулась калачиком. Я слышала возню, крики, но как-то отдаленно, а потом – глухой стук, будто мешок картошки скинули с плеч на землю. И тяжёлые шаги, что набатом отдавались в моих ушах.

Из под кровати были видны только сапоги отца, и я взмолила богов – Хроноса и Бааш – спрятать меня от него. Ход времени замедлился, будто превратилось в желе, что облепило каждое мгновение, а сознание отделилось от тела. И вот он стоит на коленях и смотрит прямо на меня. На короткий миг мне показалось, что наши глаза встретились, что вот-вот он вытащит меня из моего убежища и продолжит свое дело. Однако он выругался, встал, осмотрел всю комнату и

вышел. Мой отец не увидел меня. Это было невозможно, но это случилось.

Лицо Ласточки не выражало эмоций, но глаза выдавали бурю в душе. Несколько секунд – и взгляд ее стал таким же, как раньше, возможно с маленькой крупницей презрения.

– Лишь когда в сенях хлопнула дверь, я заставила себя вылезти из–под кровати и в дверном проеме комнаты наткнулась на свою мать. Ее тело лежало на полу, и я нагнулась, чтобы проверить, дышит ли она. Но, наткнувшись на стеклянный взгляд и окровавленный лоб, поняла, что мать мертва. Стыдно признаться, но в тот момент я почувствовала облегчение, что хоть кто–то из нас освободился. Больше никаких чувств эта картина у меня не вызвала. В ту же ночь я сбежала.

Сейчас я старалась ничего не говорить: рассказ Ласточки был чем–то очень личным, тем, что не предназначено для посторонних ушей.

– Когда меня нашел Наставник, я яростно не желала ехать в Гнездо. Помню, что скрылась от него, еще толком не умея контролировать свой дар. Атропин пообещал научить меня этому, а так же пообещал научить защищаться, стать такой сильной, чтобы ни один мужчина не смог причинить мне вред.

– И ты смогла ему довериться?

– Наверное, у меня просто не было шансов, – Ласточка наконец ожила и повернулась к спящему Филину. – Атропин

умеет убеждать. Он рассказал мне про мальчика с необычным даром. Мальчика, который умел повелевать волей людей. Про воришку, которому чуть не отрубили руки, за его дела, только лишь потому, что он не умел пользоваться своим даром. Наставник обещал познакомить меня с ним. Я не могла знать тогда, что именно этот мальчик поможет мне снова доверять мужчинам. Но Хронос знал и подтолкнул к верному решению. А теперь мой Филин лежит здесь, а я не в силах ему помочь.

Девушка заплакала, а я, обняв, просидела с ней почти до восхода солнца, молча разделяя боль своей подруги.

На заре мы доплыли до берега. Мне не верилось, что мой путь почти закончился, что я смогла преодолеть такое расстояние и быть так близко к своей цели.

Филин выглядел неплохо, относительно своего состояния. Он пришел в себя и даже пытался, что-то шутить, когда мы грузили его на повозку, но после сразу же уснул.

– Это нормально, что он столько спит, – спросила меня Ласточка, не отходявшая от своего друга и возлюбленного не на шаг.

– Он потерял много сил и сейчас восстанавливается, – попыталась успокоить девушку, но та все равно продолжала кусать свои губы от беспокойства.

На удивление, Эйтан как-то спокойно отнесся к тому, что мы проводим друзей до Гнезда. Может, начал к ним привы-

кать? В любом случае спорить не стал и сразу запрыгнул в повозку.

С Соловьем мы больше не разговаривали. Хотя мы то и дело переглядывались, и от его взгляда мои щеки краснели, а по телу пробегала дрожь неконтролируемого возбуждения.

Дорога бежала по холмам, опоясывая их одним за другим и поминутно даря все новые пейзажи. По сторонам дороги, в некотором отдалении виднелись деревни и отдельные домики, с надворными пристройками. Возделанные поля, сады и стада пасущихся коров и овец придавали картине мирный вид, настолько красивый, что хотелось остановиться и смотреть бесконечно.

Потом мы въехали в ельник. Меня окутало свежим запахом лесной травы. Из ветвей каждой молоденькой елочки, покрытой темными иголками, пробивалось бесчисленное множество длинных желтых побегов. Освещенные солнцем, они сверкали, как свечи. Постепенно стали появляться ореховые и дубовые деревья. Высоко вверх поднимались серые стволы осин, и сквозь их жидкую листву нежно сияло небо.

Здесь тропа была заброшенная и пахло папоротником. Ехали еще долго, только с наступлением сумерек деревья, наконец соизволили расступиться и показать нам двухэтажный особняк серого цвета с двумя высокими колоннами, которые поддерживали балкон на втором этаже. Черные ставни гармонировали с угольной двухскатной крестообразной

крышей.

Участок окружала кованая изгородь. Ворота скрипнули, как старые кости, когда мы проехали внутрь. Путь проходил по фруктовому саду, который окружал дом, прямо к конюшне. Она стояла отдельно, в глубине участка, где в загоне лошади мирно жевали сено. Конюшня была новорубленной, крытая широкой дранкой, с хорошо прокопченными стенами.

Должна признать, я была удивлена, ожидая увидеть, что-то менее гармоничное. Интернат я представляла себе совершенно по-другому.

– Красиво, правда? – глаза Ласточки сияли тихим светом. – Дом, милый дом.

Я радовалась за девушку, тому, что у нее есть место, которое она может назвать домом, позабыв о прошлом.

Повозка остановилась и девушка легко спрыгнула, победив к задней двери дома:

– Приготовлю комнату! Несите Филя.

Тут мимо мелькнула невероятно быстрая тень, обдав меня потоками ветра и выбив пряди волос из косы.

– Соловье–е–ей! – девичий писк разорвал сумеречную тишину. – Вы вернулись!

На шее мужчины повисла темноволосая миниатюрная девушка.

– Иви! – Соловей закрутил ее и засмеялся, так беззаботно, как будто встретил самого родного человека в мире.

Он отпустил девушку и повернулся к нам:

– Иви – это Луна.

– Сокол? – на лице девушки появилось замешательство. –

Но что ты тут делаешь?

– Ты, наверное, хотела спросить, как такое возможно? –

поправил ее Соловей. – Мы тоже были шокированы. Но наш друг жив! Эйтан, неужели никаких воспоминаний?

Мужчина посмотрел по сторонам, умело делая вид, что ничего не узнает. Надо отметить, что все жители Гнезда были первоклассными актерами. И меня это немного пугало. Не разыгрывают ли они спектакль не только друг для друга, но и для меня? Глупо, но вопрос вполне закономерный.

– Нет? – расстроилась девушка. – Но я уверена, что ты быстро все вспомнишь, как только увидишь Наставника! Он захочет с тобой поговорить.

– Мы все хотели бы поучаствовать в этом разговоре, – тут голос Соловья стал напряженным. – Но думаю, это может подождать до ужина.

Он потрепал ее по голове, как младшую сестру, отчего глаза девушки, казавшиеся почти черными, заискрились недовольством. Она сразу же пригладила их обратно, желая выглядеть более женственно.

– Наставник дома?

– Нет, но он вот-вот должен вернуться, – девушка посмотрела на меня. – Но не думаю, что он будет сильно рад гостям.

– Иви! – Соловей грозно посмотрел на свою подопеч-

ную. – Не говори того, о чем не знаешь. Я разве этому тебя учил?

Лишь мгновением позже она заметила Филина, когда Эйтан помогла ему спуститься с повозки.

– Фил! Что с тобой? – Иволга подбежала, пытаясь помочь, но мужчина остановил ее.

– Иви, я в порядке!

Девушка обиженно фыркнула и побежала в дом, даже не удосужившись подержать нам двери.

– Она, между прочим, твоя ровесница, – сказал Соловей, когда я посмотрела Иволге вслед. – Но в это трудно поверить, когда она ведет себя как ребенок. Ей есть чему у тебя поучиться.

Когда филина уложили в постель, Ласточка сразу стала хлопотать над ним.

– Фил, я зайду попозже.

– Не переживай, дружище, я найду чем себя занять – стены здесь очень интересные, а потолок – вообще загляденье.

– Эй, вообще–то я могу побыть с тобой, – насупилась воительница.

Фил благодарно ей улыбнулся, но помотал головой.

– Поужинай и приходи.

– Я могу поужинать и здесь, – настаивала Ласточка, не желавшая оставлять любимого.

– Тогда захвати с кухни чего–нибудь. А у Иви попроси книгу. Желательно про любовь. Спроси, может у нее есть

собственная коллекция? Я пока способен только слушать.

– Ну ты и балбес, – Ласточка звонко рассмеялась, а Соловей закатил глаза и вышел вместе с нами в коридор.

Меня проводили до комнаты, в которой я могла привести себя в порядок. Я запалила свечи и решила осмотреть временное жилище. Комната была уютная, несмотря на минимум вещей. На окне простые занавески, под ним небольшой пустой стол, у стены глубокий комод из светлого дерева, большая высокая кровать и ростовое зеркало на стене. А еще, к моему удивлению, я обнаружила скрытую дверь, ведущую в уборную с небольшой купелью и раковиной. Это было очень дорогое удовольствие, которое себе мог позволить не каждый. Все вокруг говорило о достатке, но вот откуда у интерната такие деньги? Живут ли здесь еще ученики? Вопрос становился все больше, и я решила, что задам их всех Соловью при первой возможности.

Я привела себя в порядок, впервые за долгое время почувствовав себя чистой и опрятной. Скитания, бегство, вечная суета, сопровождающаяся постоянной опасностью для жизни стали привычными, и вот такое тихое спокойное место должно было обволакивать умиротворением, однако я от чего-то чувствовала нервозность, будто бы душа моя не могла найти себе места.

В дверь постучали. На пороге стоял Соловей.

– Все уже собрались, я решил тебя проводить.

Шли мы не быстро, будто бы продлевая момент.

– Я хотел тебя поблагодарить. То на что ты пошла ради Филина очень значимо для меня.

– Я рада, что моей помощи не понадобилось. А значит, я спокойно смогу продолжить путь.

Глаза мужчины сузились.

– Одна? Или с Эйтаном, как и собиралась до этого? Я тоже мог бы помочь. Почему ты не просишь меня?

– Не думаю, что сейчас время это обсуждать, Сол.

Я примирительно коснулась его груди, и мужчина, тяжело выдохнув, перехватив ее, поднес к своим губам.

– Ты права, знахарка, – он легонько поцеловал костяшки моей ладони. – Но после ужина мы обязательно обо всем поговорим! Договорились?

И чтобы не нарушать нашей традиции, я, рассмеявшись, ответила:

– Договорились! Но у меня к тебе тоже есть множество вопросов, так что тебе придется очень постараться, чтобы удовлетворить мое любопытство.

– Поверь, я постараюсь, – глаза Соловья загорелись, а голос, став ниже, отозвался тягучим спазмом внизу моего живота.

Светлая просторная столовая была ярко освещена свечами в канделябрах. Стол был накрыт, а посередине стояла большая хрустальная ваза с увесистыми ветвями белой сирени, от которой по всей комнате распространялся дивный

свежий аромат.

Соловей отодвинул мне стул возле себя и помог сесть. Все были в сборе, но одно место все же пустовало. Однако мое внимание больше всего привлек дерзкий взгляд карих глаз, устремленный прямо на меня. Не знаю, чем, я прогневала Иволгу, но я старалась держаться как можно непринужденнее, хотя под острым и пронизательным взглядом сохранить спокойствие было не так просто. Дикое желание плеснуть этой девице воды в лицо, чтобы немного ее остудить судорогой свело мои пальцы на кружке.

Снова открывается дверь, и в столовой воцаряется тишина: на пороге стоит статный, стройный мужчина экзотической и устрашающей наружности. Я представляла Наставника по-разному, но те образы были далеки от реальности. Длинные черные, словно смоль волосы, были убраны в высокий хвост, что открывало полностью лицо мужчины, и словно магнитом тянуло рассматривать его. Огромный, длинный, рваный шрам в свете свечей будто бы сиял, а мутный пустой глаз пугал своей безжизненностью, и мне захотелось сжаться и стать незаметной для этого человека. Все остальные черты будто бы растворялись и смазывались, не давая зацепиться за что-нибудь более живое и человеческое.

Он обвел взглядом всех присутствующих, задержался на Эйтане, но ни один мускул не дрогнул, ни одна эмоция не проскользнула на его лице, мне даже показалось, что от него исходит недовольство, о котором и предупреждала Иволга.

А потом его глаз нашел меня. Он посмотрел как-то странно, гипнотически, затягивая в черную воронку, где горел холодный огонь презрения. Он словно пытался прожечь меня насквозь. В нем плескалась сила – страшная сила.

– Что ж, – прервав наш зрительный контакт, Атропин подошел к стулу во главе стола. – Ужин у нас сегодня будет занимательный.

Молча отдал дань богам, и стал есть, больше не произнося ни слова. В неловкой тишине всем пришлось последовать его примеру, мне же кусок в горло не лез. Я ухватилась за бокал с вином и сделала глубокий глоток. Потом еще несколько. Вино приятно согревало кровь, а мысли, смешанные в беспорядочный клубок, стали понемногу отходить на второй план.

Громко звякнули столовые приборы о пустую тарелку и вывели меня из легкого пьянящего марева. Атропин уже доел свою порцию и теперь сидел, развалившись и сложа руки на груди.

– Сокол, я рад твоему возвращению домой. Очень хотелось бы узнать все подробности твоего чудесного воскрешения, – он говорил мало эмоционально, но я могу поклясться, что слышала сарказм в его голосе. – Но думаю, мы сможем обсудить это потом, наедине.

– Меня зовут Эйтан.

– Не столь важно, как зовут тебя сейчас, больше меня интересует имя прекрасной белокурой гостьи.

Эйтан сжал свои губы в тонкую линию, но промолчал, устремив свой взгляд на меня, как, впрочем, и все в столовой. Ласточка сидела тихая и удивленная, а Иволга источала безмерное удовольствие от происходящего.

Соловей поймал взгляд Наставника и посмотрел на него, ведя безмолвный разговор, который я не могла понять. Он защищал меня?

Духота вокруг вдруг стала сгущаться и давить, но я постаралась улыбнуться, не позволяя своим слабостям взять верх.

– Меня зовут Луна.

– Луна, – мужчина произнес мое имя так, словно пробовал каждый звук на вкус. – И что же занесло вас, Луна, в наше скромное Гнездо?

– Это я ее попросил... – попытался за меня ответить Соловей, но Атропин поднял руку, призывая его замолчать.

– Соловей, некрасиво перебивать девушку. Думаю, она способна сама ответить, ведь так? – от холода в его голосе по моей спине пробежал озноб, вино было не способно справиться с этой лавиной.

На удивление, Соловей не стал спорить, однако под столом нашел мою руку и легонько сжал, мне же от его безмолвной поддержки стало немного легче.

– Я бы назвала это случайностью.

– Хм, скажу вам прямо, но я не верю в случайности.

– Видимо, я более суеверный человек, чем вы, – смущенно улыбнулась, не зная, как правильно себя вести с этим стран-

НЫМ ЧЕЛОВЕКОМ.

– По моему опыту, прежде всего нужно остерегаться улыбающихся людей. За маской скромности может скрываться нечто более коварное, чем милое личико.

– Наставник! – не выдержал Соловей, чуть ли не вставая со своего стула.

– На что вы намекаете? – во мне стала просыпаться злость.

– Ни на что, дорогуша. Просто делюсь своими наблюдениями. Соловей, стоит быть более сдержанным в своих эмоциях. Вижу, что это путешествие не пошло вам на пользу.

Я сделала глубокий вздох, пытаюсь справиться с внезапным приступом ярости.

– Что–то вы не больно рады возвращению ваших учеников! – не выдержала я. – Они рисковали жизнью ради ваших целей, Филин ранен и все эмоционально истощились. Не вижу причин вести себя так грубо.

Мужчина хрипло рассмеялся, сбивая с меня спесь.

– А у вас острый язычок. Жаль, что совершенно бестолково расходуете слова. Каждый из моих птенцов знает правила и устои Гнезда. То, как я с ними разговариваю, то, чему я их учу – не доступно для вашего понимания.

– Вот именно, ты для нас чужая, а еще смеешь перечить хозяину дома, в который соизволила явиться без его разрешения, – Иволга была довольна своей тирадой. И злобно улыбалась.

– Иволга, – Атропин посмотрел на ученицу и спокойно

произнес. – Вон из–за стола.

– Что? – девушка явно была озадачена. – Но я ведь правильно все сказала!

– Вон. Из–за. Стола. – тихо, не повышая голоса, но всем вокруг стало не по себе, от силы энергетики этого мужчины.

Иволга резко поднялась, ее руки так вцепились в белоснежную скатерть, что смяли ее.

– Это ты во всем виновата! – крикнула она, глядя прямо мне в глаза. – Такие, как ты, приносят только несчастья в жизни других людей.

Девушка выбежала из столовой громко хлопнув дверью.

– На чем мы остановились? – как ни в чем не бывало продолжил Атропин.

– Не думаю, что нам стоит продолжать разговор, – Ласточка впервые за все время заговорила, но голос ее дрожал. – Наставник, мы все устали с дороги...

– Отпусти Луну, она не должна сейчас все это выслушивать. Вся ответственность лежит только на мне. Она спасла жизнь Филину и множество раз выручала нас, и самое малое, что мы можем сделать, это отплатить теплой постелью и вкусной едой. Если хочешь отчитать, то мы можем сделать это в твоём кабинете, Атропин, без посторонних ушей. – Соловей перешел с уважительного тона на пренебрежительный. – Луна, иди...

– Я ее не отпускал! – лицо мужчины исказилось от гнева, а шрам на губе искривил его, словно в волчьем оскале. Было

видно, что он не терпел к себе такого обращения.

– Луна, прошу, уходи к себе! – Соловей игнорировал Атропина, смотря на меня такими пронзительными чистыми глазами, что сердце мое сжалось от страха, словно лимон, из которого выжали весь сок.

Я выбежала так же, как Иволга чуть ранее, а за мной слышались торопливые шаги Ласточки.

– Живо, в мой кабинет!

Я обернулась, но Ласточка схватила меня за руку и потащила подальше от разъярённых мужчин.

– Они сами разберутся. Соловью не в первой.

Глава 27

Соловей

– Снимай кольцо!

– Сначала объясните, что на вас нашло? – я был полон негодования.

– Я не должен тебе ничего объяснять, Соловей! Не забывай свое место, – голос его словно покрылся корочкой льда. – Ты мой меч в этом мире тьмы, а как ты знаешь, оружие не умеет говорить.

– Тем не менее, Наставник, вы позволили себе оскорбить невинную девушку...

– Невинную? – лицо Атропина побагровело в свете свечей. – Если ты в это веришь, значит ты еще глупее, чем я всегда думал. Не вижу причин продолжать этот бессмысленный разговор. Снимай кольцо.

Я смотрел на Наставника, пытаюсь понять, что я упускаю. Я не узнавал человека, вырастившего меня, человека, всегда державшего себя в руках. Я стремился быть таким, как он, но сейчас он напоминал сумасшедшего.

– Значит, сейчас вас интересует только это демоново кольцо? Не хотите узнать, как прошло наше путешествие? Где

Ворон? Дрозд? Что случилось с Филином? – я кричал, уже не сдерживая себя. – Дрозд погиб, выполняя ваше задание! Ворон лишился руки и не смог вернуться с нами. Разве это вас никак не интересует?

– Все они знали, на что идут. Я подарил вам жизнь и цель, ради которой вы живете. А вот ты, как лидер, не справился со своей задачей, так что можешь не перекладывать на меня свои неудачи, Соловей.

– Вы сейчас серьезно? Ладно, пусть так... Но Сокол? Неужели вы ничего не скажете по этому поводу? Честно говоря, у меня складывается впечатление, что вы знали, что он жив.

Я пристально посмотрел на Наставника, надеясь, что он опровергнет мои подозрения, но он улыбнулся.

– Конечно, знал.

– Что?

Атропин стал перебирать бумаги на своем столе, будто говорил о чем-то обыденном, будто его слова не выбили почву из-под моих ног и не раздались в моей голове оглушительным набатом. Я не выдержал и, подойдя к столу, смел все на пол.

– Все это время вы вдали? – красная пелена встала перед моими глазами, кровь забурлила от бешенства такой силы, какой я не испытывал никогда в жизни. – Мы проводили прощальный обряд. Мы оплакивали его и все, что вы можете сказать, что знали?

Атропин откинулся на стуле:

– Если ты закончил истерику, то тебе следует уяснить, что все, что я делаю, имеет веские причины. Все вы вышли на новый уровень, стали упорно заниматься, обучаться, в вас разгорелся огонь мести, который способен был вести вас даже на край мира. Месть, что объединила вас.

– Но это же обман!

– Это необходимый шаг.

– Вы хоть сами слышите, что говорите? Как можно ложь выдавать за благие намерения?

– Тебе не дано понять всю истинную суть. Сокол возложил на себя тяжкое бремя и его разум чист и светел, он на все готов ради справедливости. А вот в твоём сердце поселилась тьма, темнее той, что несут сами демоны, темнее той, что способна окутать Бааш. Ты очарован ей и всячески защищаешь, хотя давал мне слова, что не поддашься черной силе.

Его слова заставили меня остолбенеть.

– Эта девчонка воплощение зла и порока, манящая своей невинной белизной, но имеющая прогнившее нутро.

Я отшатнулся.

– Вы сумасшедший! Луна – самый светлый, самый чистый и честный человек, готовая жертвовать собой во благо других. Мне никогда не встречались такие, как она!

Наставник запрокинул голову и рассмеялся так, будто бы я сказал нечто забавное, но смех его был сухим, словно хруст

ветки под ногами.

– Глупец! Она на самом деле такая одна. Она есть еще больший обман, чем который позволил себе я. В моих поступках истина, в ее же – только ложь.

– Безумие! – я не мог поверить его словам. – Вы ее даже не знаете!

Мужчина перестал надменно улыбаться, его лицо стало каменной маской, полной холодного студеного цинизма.

– Снимай кольцо и проваливай, птенец. Свою миссию ты выполнил.

– Да подавитесь! – я стянул с себя кольцо, чуть не содрав кожу с пальца и кинул на пустой стол.

Выходя из кабинета, я лицом к лицу столкнулся с Эйтаноном. Или Соколом. Я уже не понимал, кто этот человек есть на самом деле. Его невозмутимое лицо больно резало и отдавалась тихой болью в груди, будто бы я нашел брата и снова потерял его.

– Предатель! – я ткнул пальцем ему в грудь, хотя хотел хорошенько врезать по его ангельскому личику. – Я верил тебе! Ты был моим примером, моим другом, братом. Я так стремился быть похожим на тебя, верил каждому твоему слову. Ради тебя, я стал тем, кто я есть сейчас. Я мстил за тебя, а ты все это время был жив и даже не дал мне знать! Все эти дни ты смотрел мне в глаза... нам всем и лгал, без единого зазрения совести. Как можно быть таким эгоистом?

Я искал в его глазах, в его лице хотя бы проблеск сожаления.

ния, возможно, сопереживания, однако моя гневная тирада на него не произвела никакого впечатления.

– Где ты был все эти годы?

– Выполнил свой долг. У каждого из нас он есть. И ради цели мы с тобой готовы пойти на все, а методы и средства не важны. Это второстепенное, то, что мешает нам видеть ясно, понимаешь?

– Нет, не понимаю!

– Конечно, – усмехнулся мужчина. – Куда тебе. Своими глупыми поступками, ты чуть не сорвал мою миссию!

Теперь я смог рассмотреть бушующий шторм эмоций, но меня ужаснуло, что лишь провал был страшен для него, что все остальное не вызывала в нем чувств, словно он был пустой оболочкой. Неужели он был таким всегда, а я не замечал этого?

– Мне пришлось спешно придумывать историю, дабы найти оправдание тому, что я жив. Благо провести вас было проще простого.

– О какой миссии ты говоришь? У всех она одна – истреблять зло, демонов, что своим присутствием в этом мире оскверняют людей, их помыслы и чувства.

– Ты наивен, Соловей, если думаешь, что демоны являются самым большим злом. Они лишь посредники. Но раз старик не посчитал нужным тебе пояснить истинную суть вещей, то, кто я такой, чтобы идти против его решений?

Он, задев меня плечом, зашел в кабинет. Раздался щелчок

– он закрыл дверь на замок. Я замахнулся и со всей силы ударил по ней кулаком, надеясь, что боль заглушит грозу в душе, но облегчения я не почувствовал.

Я хотел пойти к Филину, рассказать все, излить свое негодование, но быстро передумал. Другу сейчас не к чему такие переживания, я успею еще во всем разобраться.

В комнате моей было темно и я, не закрывая двери, пошел зажечь лампу. Когда пламя разрослось, я повернулся, наконец, заметив то, на что сразу не обратил внимание. В моей постели лежала Иволга. Она притворялась спящей, но ресницы ее трепетали, выдавая ее с головой.

– Иви, какого демона ты тут делаешь? – девчонка не знала, что сейчас может своей выходкой попасть под горячую руку. – Уходи из моей комнаты, немедленно!

Девушка подскочила, прикрывшись одеялом.

– Сол, пожалуйста не прогоняй! – взмолилась Иволга. – Сегодня все только и делают, что гонят меня, словно я собачонка какая-нибудь.

– Ив...

– А мне ведь нужно всего немного тепла, – девушка откинула одеяло, и под ним ничего не оказалось. Иволга была полностью нагой.

– Прикройся! – я от злости запрокинул голову и потер глаза руками. Этот вечер просто не мог быть еще хуже.

– Соловей, – томно позвала девушка и стала ползти ко мне по кровати. – Я так долго тебя ждала, ты так долго отсут-

ствовал. . .

– Бааш тебя заведи! – я пошел прямо к девушке, стянул ее с кровати и повернулся за одеялом. Тут Иволга кинулась на меня, опрокидывая на постель и, не теряя ни минуты, стала целовать, впившись в мои губы.

И именно в этот момент в дверях слышался вздох. Мы с Иволгой одновременно повернули голову и увидели Луну, стоявшую в проеме. Бледную как привидение. Я начал стелкивать с себя девушку, но знахарка успела прийти в себя и кинулась прочь.

– Луна!

Я бросился за ней, однако внезапно что-то тяжелое обрушилось на мою голову, и мир стал терять четкость и постепенно темнеть. Последнее, что я помню, это расплывчатый образ Иволги.

– Прости, Соловей, но тебе лучше немного отдохнуть.

Луна

В комнаты возвращались в молчании. Каждая из нас была погружена в свои мысли, и каждая из нас была ошеломлена происходящим.

– Луна, можешь зайти ко мне? Хотя бы на ненадолго.

– Да, конечно...

Мы вошли в комнату, копию моей, но она была живой, наполненной всякими мелочами, которые дарят пространству смысл.

– Очень уютно, Лас.

Стены комнаты были увешаны угольными рисунками. Пейзажи, портреты, картины любой тематики.

– Это все ты нарисовала?

Девушка смущенно кивнула.

– Они великолепны! В них столько эмоций, столько чувств...

– Спасибо тебе... На самом деле, именно об этом я и хотела с тобой поговорить.

– О твоих рисунках? – удивилась я.

– О чувствах...

Я вопросительно на нее посмотрела.

– О твоих с Соловьем чувствах.

– Я не понимаю...

– Луна, мы все видели, что между вами что-то происходит. И сегодня я наконец убедилась, что это правда.

– Это так заметно?

– Смеешься? – девушка улыбнулась. – Я еще никогда не видела его таким. Но то, как он сегодня защищал тебя перед Наставником, самое истинное признание в его чувствах.

Мое сердце забилося быстрее.

– Да, иногда он грубый, черствый, вспыльчивый, но с другой стороны он добрый и справедливый. А еще он верный друг, который никогда не бросит в беде. Я знаю его с самого детства, и поверь, оно не было счастливым. Его растили с определенной целью – быть воином и убийцей демонов. О чувствах речи не шло, как ты понимаешь. А сейчас он наконец нашел тебя!

– Ласточка, я завтра уезжаю.

– Да, я знаю. Но могу ли я тебя попросить исполнить одну маленькую просьбу?

– Просьбу? – переспросила я.

– Я лишь хочу попросить прислушаться к себе. Возможно, Хронос не зря свел вас вместе. Возможно, стоит дать волю чувствам и наплевать на все остальное?

Я чувствовала, как внутри натягивается струна. Она тянулась–тянулась, пока мы смотрели друг на друга, а потом лопнула.

– И что мне делать? – я растеряно смотрела на Ласточку.

– Доверься ему, – ее слова вызвали у меня приступ нежиз-

данной немоты. – Ты ему нужна.

– Как и он мне! – впервые я призналась об этом вслух.

– Так иди же, подруга!

Я шла к его комнате, расправив плечи, наконец, окончательно решившись открыться Соловью. Подойдя к дверям, я вытерла об юбку влажные ладони перед последним шагом. Я подняла кулак, чтобы постучать, однако заметила, что дверь открыта и за ней отчетливо слышались голоса, шорохи и странные звуки.

Я заглянула и ... прижала кулак к губам, перестала дышать. Застыла. Казалось, целую вечность тарасилась в одну точку. Сделала глубокий вдох, справляясь с внезапным приступом паники. И на этот звук два страстно переплетенных тела посмотрели на меня. Глаза Иволги сверкали, словно грозное небо, а Соловей посмотрел мне прямо в глаза, и его взгляд был полон искреннего раскаяния.

Я кинулась бежать.

– Луна, – раздалось за моей спиной, но я и не думала останавливаться.

Сбегая по лестнице вниз, не разбирая дороги, я столкнулась с Эйтаном, который выходил из кабинета Наставника. Я собиралась пронестись мимо, чтобы ничего ему не говорить, однако мужчина схватил меня за руку.

– Луна, стой! – он попытался поймать мой взгляд, но я упорно прятала заплаканные глаза. – Куда ты так спешишь? Почему убегаешь от меня?

– Я бегу не от тебя.

– От кого же?

– От себя! – вырвав руку, я побежала к выходу, желая оказаться на крыльце и вдохнуть свежего влажного воздуха.

Ветер ударил мне в лицо, остужая мои горящие щеки. Я попыталась вдохнуть полной грудью, но мои легкие как будто отвергали кислород, поступающий в них, заставляя меня дышать рвано и часто, словно я действительно тонула. Могла ли я знать, что мои слова станут реальностью за такое короткое время.

– Луна, что происходит? – Эйтан встал возле меня.

– Мне нужно уехать.

– Я знаю...

– Прямо сейчас, – перебила я мужчину. – Ты со мной?

– Ночью? – мужчина хмуро посмотрел на меня, но по моему твердому взгляду понял, что я не шучу. – Сейчас не самое лучшее время...

Я резко подняла руку, призывая его остановиться.

– Эйтан, я все поняла. Поняла, что не могу доверять никому в этом доме, не могу верить данным словам. Я сама справлюсь!

Я развернулась, чтобы уйти в дом.

– Постой, – я остановилась, но оборачиваться не стала. – Я согласен. Прямо сейчас. Иди собирай вещи, встретимся у конюшни. И вот еще, что...

Я обернулась, в то время как Эйтан доставал из кармана

мой кретч.

– Вот, держи, – он протянул кулон мне, и я дрожащими руками приняла его.

– Спасибо, – сказала сквозь слезы. – Ты даже не представляешь, что он для меня значит.

Мужчина кивнул, заходя в дом вместе со мной.

Я надела самую теплую рубашку, шерстяную юбку и поправила кулон на шее, наверх накинула черный стеганый камзол с высоким горлом. Сунула ноги в сапожки для верховой езды и надела перчатки. Полностью собравшись, почувствовала себя готовой к бою.

Соловей

Я пришел в себя, пока что не осознавая, где нахожусь. Дикая боль заполняла мою голову, отдаваясь неравномерным тиканьем в висках.

– Очнулся? – знакомый голос вывел меня из бессознательной темноты. С трудом открыв глаза, я посмотрел на Наставника. Он стоял посередине залы, которую обычно мы использовали в качестве тренировочной, когда погода не позволяла заниматься на улице. Атропин провел тонким лезвием от кинжала по своей ладони, чуть поморщившись, и темная струйка крови закапала на пол. Я как замороженный наблюдал за этим действием, силясь понять, что в действительности происходит. Затем мужчина наклонился и стал рисовать своей окровавленной ладонью на мраморной плитке. Знак за знаком, он выводил очень скрупулезно, не обращая на меня внимания. Я попытался сдвинуться с места, но оказалось, что я привязан к стулу: руками, ногами и торсом.

– Что...

– Т–ш–ш, – раздалось сбоку, и маленькая женская ладонь накрыла мои губы, чуть сжав, и тихий шепот раздался у моего уха. – Не стоит отвлекать Наставника, сейчас он должен сосредоточиться. Знаешь, Соловей, если бы ты не оттолкнул меня и не побежал за этой девкой, то ничего бы этого не бы-

ло. И спустя несколько дней, ты стал бы свидетелем рождения нового мира. Мира, где я была бы твоей Королевой, а ты – моим Королем.

– Ив, – попытался сказать сквозь ее ладонь.

– Да, Сол? – девушка чуть разжала пальцы, позволяя с ней говорить.

Я повернул голову в ее сторону и посмотрел в черные глаза.

– Ты, ко всем демонам, спятила?

Лицо девушки исказилось гримасой гнева. Она замахнулась и, слегка согнув свои пальцы, яростно оцарапала мою щеку. Занесла руку повторно, но строгий властный голос остановил ее:

– Прекрати! Не трать на него свои силы.

– Ну па–а–а–п!

– Папа?

Видимо, я повредился рассудком или того хуже – умер, иначе как объяснить тот абсурд, что происходил вокруг меня.

– Иволга, ты слишком не сдержана в своих эмоциях и словах, а это меня очень сильно огорчает.

Ив потупила взгляд.

Тут дверь в залу отворилась и широкими торопливыми шагами вошел Сокол. Он окинул меня взглядом, чуть сощурился, но, пройдя мимо, направился прямо к Атропину, остановившись, не доходя до края кровавых символов.

– Сейчас.

– Еще не время, она не готова!

– Пусть едет следом, как вы закончите, а «она» собралась уезжать прямо сейчас!

– Луна? Она уезжает? – я стал дергать руками, пытаюсь освободиться. – Развяжите меня! Я должен с ней поговорить!

Но никто не обращал на меня внимание.

– Я готова! – Иволга топнула ногой. – Пусть поскорее убиваются отсюда, а я их догоню. С ним, – она кивнула в мою сторону. – мы не задержимся надолго.

Атропин залез рукой в карман своих широких брюк и достал оттуда кольцо и передал его Соколу в руки.

– Береги его, иначе все наши труды пропадут зря. Бааш никогда нас не простит и приготовит места в самом горячем котле.

– О чем вы говорите? – я стал дергаться сильнее, однако веревки впились в руки, не ослабевая, что было не удивительно, ведь их завязал учитель, тот, кто знал, как это делать лучше всех. – Сокол, зачем тебе кольцо?

Мужчина отвел взгляд.

– Соловей, мне очень жаль.

– Неужели я был так слеп все эти годы? – непроизвольно слетел с моих губ вопрос.

– Хватит! Поезжай, – голос Атропина звенел в тишине. – Мы доведем все до конца.

Сокол, не обернувшись, вышел из зала.

– Что доведете? Атропин, я имею право знать!

Иволга подошла к Наставнику и положила руку ему на плечо.

– Отец, думаю он заслужил узнать правду, хотя бы перед смертью.

В свете ламп, когда девушка и мужчина стояли рядом, я наконец увидел насколько они похожи. Шрам Атропина и его белесый глаз скрывали этот факт прямо у меня на виду, но сейчас, когда я знал правду, это было очевидно.

– Как такое может быть? – сокрушенно едва слышно спросил я. – Как я не замечал этого раньше?

– Ты много не замечал, – Наставник хмыкнул. – Но стоит отметить, что ты мой лучший ученик, Соловей. Лучше Сокола. И лишь поэтому, я позволю тебе исчезнуть, зная всю правду!

Глава 28

Атропин

35 лет назад

В деревушке близ Альтвира, у подножья Великого леса жил простой парень – Атропин. Мечтатель, я собирался изведать весь мир, побывать в каждом уголке, разгадывать загадки и находя невероятные ответы. Тогда я и не знал, что одна из величайших тайн мира существовала прямо у меня под боком.

В то лето, я собирался вступить в ряды матросов, следуя своей мечте, однако за неделю до отплытия, проходя через лес в соседнюю деревню, я наткнулся на девушку. Девушка невероятной, необычной красоты попала в капкан на зверя и просила помощи. Она лежала на траве белым пятном: волосы были словно первый снег, выпавший в горах, брови ее, словно сотканые из снежинок, оттеняли небесно-голубые глаза, в которых застыли слезы, а одежда белой вуалью укрывала ее тонкое невесомое тело, оголив лишь окровавленную ногу. Я помог ей выбраться, но от боли та потеряла сознание, и мне не оставалась ничего, кроме как отнести ее домой.

Всю неделю я со своей матерью ухаживал за ней, за моей Луарой и проникся небывалым теплом. Но девушка сама по себе была очень скрытной, скромной, и ничего не хотела о себе рассказывать.

– Атропин, ты уплываешь странствовать, – говорила она мне тогда. – И скорее всего те чувства, в которых ты мне признаешься, всего лишь кратковременное увлечение. Поэтому не думаю, что нам стоит давать им прорасти.

Я всячески возражал, но Луара была непреклонна. Единственное, что она мне пообещала, что если я вернусь через три года и все так же буду ей верен, то она станет частью моей жизни.

Помню, как она, прихрамывая, ушла к лесу и растворилась в нем, словно туманная пелена, которую разогнал утренний ветер. Стоит ли говорить, что все время моего путешествия я грезил возвращением. Я, человек, всю жизнь мечтающий убежать из своей деревни, стал привязан к ней невидимыми нитями, что удавкой тянули меня обратно. Меня перестали интересовать тайны мира, ведь где-то там, в лесу, меня ждала Снежинка. От одной мысли, что она может не дожидаться, мне становилось тошно, и я поклялся убить любого, кто поселится в ее сердце. Там мог жить только я. Она должна быть только моей.

Служба моя задержалась на целый год, и я, вернувшись, уже и не верил, что смогу отыскать Луару, однако меня ждал большой сюрприз. Мать встретила меня, накормила и сразу

же рассказала, что приходила к ней моя беловолосая принцесса и год назад, и полгода назад, и последний раз – месяц назад.

– Дождалась, – вырвалось у меня радостное, и я кинулся из дома в Великий лес. Я не знал где искать мою красавицу, но чувствовал, что она сама найдет и почувствует мое присутствие. Окончательно заплутав, я вышел в центр одной поляны и что есть мочи закричал. Но поляна была пуста, лишь белый кролик скакал прямо ко мне. Помню, насколько это было необычным, увидеть дикого зверька, что сам бежал в мои руки. С собой у меня ничего кроме охотничьего ножа не было, но я решил, что раз не нашел девушку, то хотя бы принесу домой крольчатину. Но зверек заметив нож, остановился и как человек замотал головой и вдруг покрылся знакомой белой дымкой, и вот передо мной стояла она – Луара.

Она кинулась ко мне в объятия. Я обхватил ее руками, однако сам как будто находился не с ней, мысли мои плутали, ведь то, что я увидел, было тем, что я всегда искал. Моя Луара и была той тайной, которую я должен был теперь разгадать. Она поведала мне историю своего народа, что она одна из Хранителей, частица грани, что не пропускает зло, тьму и саму Бааш в наш мир. Она закачала рукав своего одеяния и показала тонкую вязь черных знаков в доказательство своих слов.

Меня охватила мелкая дрожь предвкушения и азарта: я должен был стать фрагментом этой истории, должен стать

важным компонентом в жизни Луары и всех Хранителей. Я был готов хоть сейчас жениться на Хранительнице, но она меня остановила.

– Не все так просто, Атропин, – девушка слегка замялась. – Сначала мы должны узнать друг друга получше, удостовериться в наших чувствах и только поняв, что они истинны и чисты – просить вождя позволения пройти сквозь обручение. Если Дерево отвергнет тебя, то мне придется стереть твою память и навсегда с тобой проститься.

– Значит ты мне не доверяешь? – внутри начинала зарождаться злость, но я умело сдерживал ее, дабы девушка не обрубила наше общение накорню, испугавшись моих эмоций. Но я действительно был возмущен ее осторожностью, тем, что четыре года ожиданий моих и ее оказались недостаточным доказательством наших чувств.

– Атропин, дай нам немного времени...

И я дал. Прошел еще целый год мучительных ожиданий, прежде чем она отвела меня в селение. То, что я увидел, было невероятным и будоражащим. Кто бы мог знать, что Великий лес спрятал в себе нечто подобное: два огромных дерева–исполина, переплетенных временем, образовывали одно целое и действительно что–то неопишимо безмерное, божественное. Овальная проем был прозрачным, но мелкая рябь, то и дело пробегающая по пустоте, манила в нее окунуться. Я уже знал к тому времени в чем состоит обряд, и мне не терпелось приступить.

Вождь встретил меня радушной улыбкой. Он начал разговаривать со мной о пустяках, но завидев, как я нервно тереблю рубаху, списал это на волнение и начал меня успокаивать. Как же мне хотелось огрызнуться и сказать, чтобы прекращал нести чушь, и приступал уже к делу. Но я ждал пять лет – мог подождать и еще немного.

И вот мы стоим на самой верхней ступени. Луара рядом, с венком на голове, вождь ниже, возле него незнакомая мне девушка, по цвету пепельных волос которой я понимаю, что она не Хранительница, а такой же простой человек. Мы поднимаем руки вверх и толпа начинает вибрировать и мы, наконец–то, разворачиваемся и входим в Древо Жизни. Ну как входим: Луара как по маслу проходит вперед, я же врезаюсь в прозрачную пелену, словно в каменную кладь, пробую еще раз, но резкий толчок откидывает меня метров на пять назад, и я падаю на землю, окруженный взволнованной, шокированной толпой.

– Грязный!

– Нечестивый!

– Отравленный!

Вокруг раздавались голоса людей, и в какой–то момент мне казалось, что они разорвут меня, но, присмотревшись к их лицам, понял, что нет на них злости, только жалость. Они испытывали жалость к человеку, кто больше остальных заслуживал быть тут!

– Это все подстроено! – негодуя крикнул толпе. – Лу-

ара, ты ведь не веришь их словам?

Но девушка верила.

– Атропин, Дерево Жизни никогда не ошибается. Чувства твои не чисты, и помыслы твои, видимо, тоже.

– Не правда!

– Возможно, сынок, ты и сам в это веришь, но судьба твоя не связана с нами и должна пойти другой дорогой, – вождь встал возле Луары, чуть загородив ее собой. – Я проведу обряд Очищения, и ты больше никогда не вспомнишь о нас.

Он стал двигаться в мою сторону, но я вытянул руки вперед, к поникшей девушке:

– Стойте! – я посмотрел вождю прямо в глаза. – Луара сказала мне, что сама умеет проводить этот обряд, так дайте же нам время проститься...

Повисла тишина. Все ждали решения главы, но он медлил, и если бы ветер не трепал его длинные белые волосы, я бы решил, что жизнь остановилась.

– Луара, каково будет твое решение? – он взял девушку за руку. – Я не стану препятствовать, если ты этого сама хочешь.

– Луара, Снежинка моя... – позвал я ее ласково.

Лицо девушки исказилось гримасой боли и внутреннего сопротивления. Красные глаза опухли, а слезы непрерывным потоком лились по щекам, каплями свисая с подбородка.

–Хочу, Ишель.

Вождь кивнул, отпуская девушку ко мне. Я думал, она ки-

нется в мои объятия, но она шла медленно. Каждый шаг был тверже предыдущего, потому что Луара действительно была готова со мной проститься, как велело ей это демоново Древо.

Мы шли вдоль домов, к лесу. Я протянул девушке руку, и она, помедлив, все-таки взяла ее, хоть и некрепко. На той самой опушке, где год назад она подарила мне чудо своего преобразования Луара и захотела проститься, тем самым закончив отношения и перерезав узлы наших связанных судеб.

– Все не может закончиться так, Луара!

– У нас нет выхода, – голос девушки стал хриплым и срывающимся от переполняющих ее эмоций.

– Мы должны что-то придумать! Я должен стать Хранителем! – гневно крикнул я. И тут девушка от меня отшатнулась.

– Это все, что тебя интересует?

– Конечно, – заметив растерянный взгляд Луары, я поспешил исправиться. – Ведь только так мы можем быть вместе, только так ты навсегда станешь моей.

– Как я не замечала этого раньше? – слезы девушки вмиг высохли, а лицо стало отрешенным. – Ты никогда меня не любил, ведь так? Ответь, Атропин! Тебе так хотелось стать Хранителем, что ты обманом заставил меня верить в твои несуществующие чувства? Так хочу тебя огорчить, ты бы никогда не стал равным мне, потому что по сути, ты простой человек. Как же ты этого не поймешь?

– О чем ты?

– Дерево никогда бы не наградило тебя силой, потому что твое тело не способно выдержать всю мощь благодати Хроноса. Ты был бы моим мужем, спутником моей жизни, отцом детей.

– И все? – я был в бешенстве. – Так значит, ты все это время меня обманывала?

Я стал двигаться на девушку, но она не испугалась, лишь гордо задрала подбородок:

– Я никогда не лгала тебе и не обещала тебе силы, я обещала тебе лишь свою любовь, я была готова отдать тебе всю себя.

– Ты и отдашь, сука! – я ударил ее по лицу, отчего она упала, потеряв сознание.

Тогда, в приступе гневного исступления, я взял ее там, всячески терзая тело. Когда я закончил на ней не было живого места, все было в кровоподтеках. Но я не сожалел, ведь обманщица это заслужила. Девушка наконец пришла в себя, и я подошел, чтобы высказать ей свои прощальные слова, надеясь, что она не переживет этот день, но не ожидал, что в мою сторону прилетит белый сгусток энергии, который полоснул по моему лицу, словно меч.

Неимоверная боль пришлась большей частью на мой глаз, к которому я сразу прижал свои руки.

– Чтоб ты сдохла, тварь, – орал я Луаре, уходя с поляны на еле гнущихся ногах. – Клянусь, я уничтожу вас и ваше

лживое Древо!

В тот день мое лицо изменилось навсегда, а глаз перестал видеть, так как разрез, проходящий от кромки волос до подбородка, задел и его. Я понимал, что скорее всего вождь будет мстить за смерть Хранительницы, потому домой не пошел, а сразу отправился к одному знакомому, который спустя пару дней помог мне добраться до порта и уплыть из этого проклятого места.

Десять лет я странствовал, прошел через войну, где нашел друга Хигса, но ни на секунду не переставал искать любую информацию про Хранителей, Хроноса и... Бааш. Ведь не сложно было догадаться, что именно она способна противостоять этой шайке шарлатанов. В одном из своих путешествий я наткнулся на ниджа, самого настоящего демона. Конечно, он желал меня уничтожить, но я сказал, что смогу возродить в этом мире Тьму и убить ее противников, тех, кто охраняет грань мира. И он прислушался, затих на время, а потом и вовсе отпустив, сказал, что хочет узнать все, особенно местонахождение Хранителей. Я предоставил всю информацию, все до мельчайших подробностей, все, что мог вспомнить о самом поселении и о том, что про них рассказывала Луара.

– Чтобы разрушить грань, нам нужно уничтожить Хранителей. А потом отравить Древо.

– И как это сделать?

Нидж не знал. Но, несмотря на это, он поделился со мной

другой информацией. Например, как призвать низших демонов, как управлять ими и даже, как сделать из человека ницзя, если того потребуют обстоятельства. Этого было достаточно: все остальные вопросы я собирался решать по мере их поступления. Сначала мне нужно было организовать гибель Хранителей.

Я вернулся домой. Первым делом, я решил проведать свою мать, ведь прошло десять лет, а писем я ей написал не так уж много, в которых отправлял деньги и не был уверен, что она еще жива. Но старуха хоть и была уже достаточно дряхлой, но жизнь в ней теплилась, хоть разум и помутнел. Мать приобняла меня, но истинной радости, которую ожидал, я не увидел: глаза ее были полны печали.

– Где же я ошиблась, сынок? – пробормотала она невнятно. – Бросить собственного ребенка.

Я прищурился, думая, что она говорит о моем отце, который бросил нас, когда я был еще маленьким. Но она продолжила, и от ее слов по моей спине пробежал холодок:

– Мальчишка–то, совсем еще птенчик, ангелочек, похожий на мать, но с твоим хмурым взглядом.

– Моим?

– Да, Атропин, – старуха кивнула своим мыслям. – Такой мрачный, словно сокол смотрит на тебя, так недоверчиво, будто люди вокруг всюду пытаются его обмануть и обидеть.

– О ком ты говоришь, сумасшедшая? У меня нет сына!

– Я была в лесу, несколько лет назад, и она вышла ко мне,

гневная, яростная, словно дикая кошка. А за подол ее цеплялся малыш. Она кричала. Но я не слышала о чем она говорит, потому что не могла оторвать взгляд от ребенка с твоими чертами и в то же время на тебя совершенно не похожего. Она сказала, что проклинает тебя и собралась увести мальчика обратно, но ребенок, сорвав полевой цветок, подошел ко мне и сказал: «Бабушка, меня зовут Хоук, и мы с мамой не любим папу, но вот ты мне зла не сделала, потому я буду тебя защищать от тьмы!»

Я вскочил со стула и стал ходить по комнатке, сжав руки в кулаки. Хотелось рвать и метать.

– Эта тварь мало того, что выжила, так еще и родила от меня!

– Атропин, как ты можешь так говорить? Ребенок – это святое!

– Заткнись! – рявкнул я на мать, забрызгав ее лицо слюной. – Не тебе говорить о святости, когда сама водила мужиков домой, запирая меня в чулан.

– Я виновата перед тобой и много раз просила прощения...

– Сдались мне твои просьбы!

Я вышел из дома. Мне нужно было проветрить мозги и привести мысли в порядок, что навалились на меня снежным комом. Плана как такового у меня не было, но точно должен был увидеть все своими глазами.

Я выслеживал их больше трёх месяцев. Почти безвылазно

бродил по лесу, подобравшись к селению как можно ближе. Я должен был быть осторожен, ведь если меня заметят, то это точно верная смерть.

Помню, как первый раз увидел Луару, такую же прекрасную, как десять лет назад, ничуть не изменившуюся, мне даже стало обидно, что на ней не осталось следов от нашей последней встречи. С другой стороны, я испытывал невероятное ощущение, наблюдая за ее беззаботностью, поскольку она даже не догадывалась о моем присутствии, я чувствовал себя хищником, что присматривается к своей добыче. Мне всего лишь нужно было дождаться момента. Момента, когда я смогу исполнить свой план и сделать Луаре так больно, насколько это возможно.

И такой случай представился. Как же была она неосмотрительна в своих поступках, моя Снежинка. Украсть ребенка, отошедшего от нее на пару минут, не составило труда: зажать ему рот, чтобы не кричал и унести подальше, в свое логово. Осталось только ждать, пока Луара сама не придет в мои руки и будет делать все, что я пожелаю. А желал я многого.

Она пришла в тот же день, словно чувствовала свое дитя на расстоянии.

– Чего ты хочешь, Атропин?

– А чего хочешь ты, Снежинка? – я сидел на стуле, закинув одну ногу себе на бедро, ощущая всю степень превосходства.

– Не называй меня так! Никогда!

– Я бы не советовал тебе горячиться, – сказал спокойно глядя ей в глаза. – Мне кажется, но ты не в том положении.

Женщина сжала кулаки от злости. Видно, как ей было тяжело совладать со своими эмоциями, но ради своего ребенка она сумела себя сдержать.

– Так чего ты все–таки хочешь? – сухим безжизненным голосом спросила Луара.

– Чтобы ты просила...

– Просила? Хорошо! Прошу, верни Хоука! Он никак не связан с нашими отношениями!

– Во–первых, он мой сын, а значит он наша с тобой прямая связь, как бы печально это не было, во–вторых, ты неправильно просишь, – произнес, не сумев сдержать ухмылки. Мне нравилось растягивать удовольствие. Смотреть, как она сначала не понимает, а потом ломается, словно ветка, наполненная соком, но которую ты умело переломил, даже не напрягаясь.

Я медленно провожу взглядом от ее лица к полу и Луара, следуя за ним, опускается на колени.

– Верни мне его, прошу..., – и видя мою приподнятую бровь, наконец говорит то, чего я жажду. – Я сделаю, все, что ты захочешь.

– Это другой разговор. Ты расскажешь мне все про Хранителей: все ваши слабые места, про все, в чем вы несовершенны и где больше всего уязвимы.

– Для чего это тебе?

– Это не имеет для тебя никакого значения.

– А взамен?

– Это еще не все, Снежинка.

– Не...

– Я буду называть тебя так..., – я стукнул по столу, отчего женщина дернулась. – ... как посчитаю нужным. Ты поняла?

– Поняла, – ответила она сквозь зубы.

– Вот и отлично, – я снова откинулся на стул. – Мы с тобой поженимся, по нашим мирским традициям и будем жить вместе, мы ведь семья, у нас есть сын. Ему нужен отец, который объяснит, что есть люди, которые по сути своей лживые твари и что ему лучше жить от них подальше.

Из глаз Луары потекли слезы.

– А взамен на все это, я обещаю не убивать его. Все очень просто. В нем течет ваша кровь, и он долгое время провел под вашим влиянием, но ради знаний, что ты мне предоставишь, я готов дать мальчику шанс стать достойным человеком. – и, поразмыслив немного, добавил. – И еще одно, ты ни о чем не расскажешь свои сородичам, ты даже видеться с ними не будешь, прервешь все связи и контакты. А иначе...

– Где сейчас Хоук?

– Сначала ты должна пообещать, что выполнишь свою часть сделки.

– Обещаю.

– О, нет–нет! – я театрально замахал рукой. – Поклянись.

– Где мой сын?

– Поклянись! – резко крикнул я. – Или больше никогда его не увидишь! Поверь, я могу это устроить.

– Клянусь, – прошептала женщина, смотря на меня, стоя на коленях с ненавистью, но я был готов простить ей эту вольность, ведь после произнесенной клятвы, она стала полностью принадлежать мне.

– Мальчик за домом, играет со своей бабушкой.

Я не успел договорить, как женщина уже выбежала за дверь. Подойдя к окну, я постарался запечатлеть в своей памяти эту картину воссоединения и осознать, что теперь у меня есть оружие, способное уничтожить Хранителей.

И все шло как по маслу: мы поженились, стали жить вместе, делить постель, воспитывать сына. В глазах общественности мы были идеальной семьей. Луара выполняла все мои требования и рассказала обо всех тайнах Храниелей. Однако все также оставалось неясным, как отравить Древо Жизни.

– Это не возможно, Атропин. – мотала Луара головой. – Чтобы ты не задумал, но Древо не пускает в себя тьму и зло, только чистые душой и помыслами могут войти в него. И это подтверждается тем, почему тебя оно не пустило...

Хлопок и женщина прижимает руку к горячей щеке.

– Скажешь еще что-либо в этом духе, и это отразится на мальчике!

Только такие угрозы действовали на нее.

Хоук со мной на контакт не шел.

– Ты вырастила маменькиного сынка, Луара! Он вечно прячется за твою юбку!

– Но он тебя боится, Атропин!

– Сейчас мы это исправим, – я начал расстегивать свой ремень. – Будет знать, кто в доме главный.

– Не смей!

– Отойди! – я замахнулся на нее ремнем, но Луара лишь отвернула лицо в бок, но не отошла, загораживая собой сына.

– Хочешь выместить зло, пожалуйста, делай это на мне, но ребенка не тронь!

В тот раз я их не тронул. Должен признать, что в какой-то степени даже зауважал ее за этот поступок. Но решил для себя, что это будет последний раз, когда она ушла от наказания.

Но я просчитался. Она решила обвести меня вокруг пальца.

Я как раз купил особняк в отдалении, куда собирался увезти свою семью, чтобы нам ничто не мешало. И уезжал на несколько дней. И эта тварь решила сбежать, прихватив с собой моего сына. Учитывая, что поклявшись не возвращаться к Хранителям, она нашла лазейку, решив уплыть в другую часть света, надеясь, что я их не найду. Но, к несчастью для нее я вернулся слишком рано, нагнав их в порту, уже на лодке.

Разразился скандал. Ругаясь, я вырвал ребенка из рук Лу-

ары и отдал капитану корабля, моему старому другу, а сам же попытался успокоить взбешенную женщину парой оплеух. Видимо, в какой-то момент я не рассчитал и ударил сильнее, чем нужно. Лаура упала. На палубе никого не было: мы стояли в порту. Я оглянулся удостовериться, что меня никто не видит, а затем выкинул бездыханное тело в реку.

В этот же день я увез Хоука и мать в особняк. Мальчик постоянно плакал, звал мать, но я то и дело повторял, что она бросила его, что выбрала свободную жизнь без оков, что таким, как его мать, верить нельзя, и только отцу можно доверять.

Не скажу, что мальчик сразу поверил мне, ведь он был достаточно взрослым, чтобы что-то понимать, но все же был ребенком, который ещё не знал, что такое манипулирование. Удивительная вещь – детская психика. Гибкая и мягкая, как глина в руках гончара. Я стал отвлекать его от горя тренировками, учил темным искусствам, пока лишь в теории, но обещал призвать ему настоящего демона, дабы показать, какая сила на самом деле имеет власть в этом мире и, что именно Тьма никогда не врёт. Она как раз-таки чиста в своих действиях.

Хоуку нравилось. Не скажу, что он забыл Луару, но говорить о ней перестал.

Все это время я вел переписку с тем самым ниджем, который просил называть себя Виндигимоном, рассказывая о добытой информации и один из дней к нам в особняк приехал

мужчина, облаченный во все черное. А с ним еще с десятков таких же. Все как на подбор: крупные, с развитой мускулатурой и насквозь переполненные тьмой. Группа наемников, головорезов, в которых, как в дом с пустыми комнатами поселились демоны.

Тогда мне стало понятно, что день икс настал.

Хоук спросил, куда мы уезжаем, и я ответил, что через пару дней, когда вернусь, у нас с ним начнется новая жизнь – жизнь без клеветы и заблуждений.

На энтузиазме мы быстро добрались до Великого леса. Там мы устроили небольшой лагерь, но он предназначался вовсе не для того, чтобы передохнуть. Нам нужно было подкрепление. Найдя между деревьями круглое пустое пространство, мы очистили его от веток, смели верхний слой песка и оставив твердую землю стали чертить знаки. Призвать нижних демонов дело не сложное, но это если говорить об одном или двух, нам же нужно было в несколько раз больше. Ниджи, конечно, разумны и могут продумывать свои ходы, но демоны других рангов берут своей кровожадностью, напором и мощью.

Когда знаки были нарисованы и мы готовы были пролить на них свою кровь, ко мне подошел мой старый знакомый и протянул кольцо с черным обсидианом.

– Как только Хранители начнут истреблять демонов, те не будут исчезать бесследно, их сущности притянутся кольцом, и они останутся там, до тех пор, пока ты не захочешь их про-

будить. Чем больше демонов внутри, тем сильнее в будущем получится нидж.

– И зачем оно мне? Когда Хранители умрут, демоны смогут беспрепятственно проникать в этот мир.

– Это на тот случай, если наш план не сработает. Запомни, не стоит недооценивать Хранителей и их Древо. У тебя всегда должен быть запасной вариант.

Произнеся последние слова, Виндигимон полоснул мою ладонь и поднял ее над символом на земле, откуда сразу стал подниматься черный дым с отвратительным запахом гнили.

– И я забыл предупредить, через пару минут сюда явятся твари, но власти над ними у нас нет, они не поддаются контролю. Все, что тебе останется, это бежать, стать приманкой, за которой они последуют. И пока они будут гнаться за тобой, одновременно смогут уничтожать всех попавшихся им на пути. Как только они вкусят крови Хранителей, ты для них станешь не интересен.

– Бааш тебя задери, ты не мог предупредить раньше? – я стал поспешно зажигать факел, неотъемлемую часть моего плана, когда за моей спиной послышался нечеловеческий рев.

– Не хотел, чтобы ты передумал, – рассмеялся нидж. – Я бы уже поспешил на твоём месте. Мы последуем сразу за тобой.

Мне не оставалось ничего, кроме как довериться словам разумного демона, надеясь, что они не предадут меня. Толь-

ко когда пробегая мимо остальных и краем глаза, заметив, как они без сомнений режут свои ладони, смог отдаться бегу и даже насладиться им, несмотря на гонящуюся за мной тварь. Ведь я знал, к чему это приведет – к нашей победе.

Ниджи быстро сравнялись со мной, так как были значительно быстрее обычных людей, но вперед не забежали, полностью отдавая борозды правления в мои руки. Селение появилось неожиданно резко, будто вынырнув из тумана. Мы, конечно, не застали жителей врасплох, демоны ревели так, что тут и мертвый бы услышал, но Хранители не знали одного, что помимо тупых тварей, были и те, кто шел сюда целенаправленно.

Хранители стояли рядами, высматривая цели в темноте. Некоторые уже приняли свои вторые ипостаси, и я, подняв руку вверх, заставил свой темный отряд остановиться, рискуя тем, что демоны за нашими спинами разорвут нас. Но эта заминка была мне нужна, чтобы первому выйти из темноты и показать вождю, с кем ему придется сегодня сразиться.

– Ты?

Я кивнул с улыбкой, и, опустив свою руку, дал команду демонам покинуть свое убежище и идти в бой, как раз вовремя, потому что следом стали появляться монстры различных величин, от одного облика которых можно было потерять сознание. Послышались крики, началась схватка, но я не спешил участвовать. Я побежал с факелом по кругу, поджигая

каждый дом, не щадя никого, кто в них мог находиться, будь то женщины, или дети. Мне не было жалко никого. За мной следовал мой верный спутник, устраняя любые препятствия в виде мужей Хранительниц или самих Хранителей. Кто-то пытался перенестись отсюда, но в лесу их ждали толпы тварей.

Пожар охватил поселение.

Кругом стоял такой шум, запах крови витал в небе, и сама атмосфера была пропитана болью. Мурашки возбуждения бежали по коже, от понимания, что именно я послужил причиной творящемуся бесчинству.

Белые силуэты различных животных то и дело истребляли демонов, но на запах нашей крови приходили новые, полных сил, в отличие от Хранителей, которые уже изрядно устали. Один за одним, они стали сдавать позиции. И тут я заметил вождя с молодой беременной девушкой, убегавших в лес. Я не мог дать ему уйти.

– Виндигимон! – крикнул я. – За ними!

Мы стали их преследовать и когда вождь понял, что убежать не получится – пихнул свою спутницу вглубь леса, а сам же обернулся медведем. В стороны от него полетели мощные потоки силы, что смели нас. Он был невероятно силен, по сравнению с другими Хранителями.

– Атропин! Что ты натворил? – раздался у меня в голове голос Ишеля. – Останови это, пока не станет поздно!

– И не подумаю!

Виндигимон стал обходить медведя по кругу, пока тот отвлек свое внимание на меня.

– Вы заслужили это!

– Ты не понимаешь, что происходит! Ты разрушишь грань, и из-за твоей черной обиды пострадают миллионы людей по всему миру! – мою голову сдавило тисками, но я не обращал на нее внимание.

– Пусть так, но в этом мире я стану Хранителем грани! Бааш не оставит своего верного слугу, в отличие от Хроноса, что не захотел меня принимать. Ваш бог унизил меня, лишь потому, что посчитал недостойным. – ярость того дня возродилась в моей памяти. – Но он допустил ошибку! Как и ты, Ишель.

На медведя обрушился клинок ниджа, разрезая его спину. Медведь встал на задние лапы от боли, опрокинув Виндигимона. И пока тот приходил в себя, Ишель схватил его своей огромной пастью. Нидж осознал, что сейчас все закончится, потому не стал пытаться вырваться из пасти, а стал наносить удары туда, до куда мог дотянуться.

– Выполни, то, что обещал и Бааш не забудет твоего подвига! – это было последнее, что крикнул нидж перед тем, как медведь перекусил его пополам. Но потратив на это все свои силы, он рухнул, так и не разжимая пасти, в которой лежало безжизненное тело. Медведь попытался подняться, но каждый раз его лапы не выдерживали и он падал.

Это было время моего триумфа. Я подошел к Ишелю и,

смотря прямо ему в глаза произнес:

– Передай своему Хроносу, что теперь, с этого момента я Бог в мире людей. И именно я буду выбирать, кто достоин стать моими слугами, а кто будет просто мусором у ног, – я ждал, что Хранитель скажет, хоть что–нибудь, но он лишь рычал, будто зверь, и я, не раздумываясь воткнул меч ему в шею и стоял там до тех пор, пока Ишель не испустил свой дух.

С неба пошел дождь, как только жизнь вождя оборвалась, будто сам Хронос оплакивал свою потерю.

Я вышел из леса, окидывая своим взглядом местность. И хоть водная пелена застилала мой глаз, но я отчетливо понял, что Хранители повержены. Ни одного живого. Сейчас мой разум был переполнен истинным ликованием. Но не долго. Ведь селение было переполнено мертвых тел. Погибли и ниджи, и Хранители. Несмотря на дождь, все продолжало гореть, но огонь огибал Древо Жизни, натываясь на невидимую стену.

Я остался с ним один на один. С Древом, что стояло, подавляя своей неприступностью. Стояло крепко, как с Хранителями, так и без них.

Я был победителем, но по факту остался ни с чем.

Тем не менее все не могло так закончиться, и мой мозг стал сразу думать, прокручивая события сегодняшней ночи. И тогда всплыл образ убегающей девушки. Я пошел по ее следу, но он прервался на полпути. Я осознал, что все–таки упустил

Хранительницу.

Мне пришлось покинуть селение, оставив все как есть, позволяя стихиям самим вершить судьбу этого места. Я знал, что еще вернусь сюда, но в моем арсенале будет новая идея, которая уже постепенно начала зарождаться в моей голове. У меня ведь был свой потенциальный Хранитель, которого я мог контролировать, и который мог начать новую эру, где я был бы вождем. Осталось только отыскать сбежавшую девушку.

Я вернулся домой. Во двор ко мне спустился напуганный Хоук, и я понял, что мои проблемы не закончились.

– Бабушка... – он не мог сформулировать свои мысли, но я уже догадался, что увижу.

Мать лежала в своей комнате, неподвижная и холодная. Я позвал ее по имени, но она не реагировала. Я подошел к ней и стал легонько трясти, потом сильнее и сильнее, но ее голова лишь болталась из стороны в сторону. Окончательно осознав, что произошло, я упал на колени перед кроватью матери и заплакал навзрыд, ощущая, как маленькая ручка сына гладит меня по волосам.

Я решил сжечь тело. От одной мысли, что ее будут есть черви, мне стало дурно. Пепел решили с Хоуком развеять в море – дома теперь нас ничего не держало. Но прежде чем уплыть, я решил, что смерть матери знаменовала конец старой жизни, и потому, помня ее укоризненные слова, решил сменить имя сына. Он стал Соколом – верным птенцом, кры-

льям которого было уготовано закрыть солнце для этого мира.

Мы уехали из особняка и через год вернулись, так как под моим попечением к тому моменту находился ещё один ребенок. Ребенок с необычными способностями, натолкнувший на мысли о создании интерната. Для этого мне всего лишь нужны были ученики и учителя, которые бы мне доверяли и слепо следовали моим приказам. Дети и взрослые с раненой душой и обладающие необходимой мне силой.

Так и появилось Гнездо.

Глава 29

Соловей

Когда-то Атропин поразил меня глубиной своей веры, глубиной своих целей. Я до сих пор помню, как светились его глаза и дрожали губы, когда он начинал говорить о своих идеалах. Тогда мне тоже хотелось верить во что-нибудь столь же неистово и беззаветно, чтобы вера сочилась из всех пор. И как же сейчас я был разбит, осознавая, что все мои устои в жизни базировались на лжи. Убежденность, с какой он сейчас говорил, рушила мою душу. Глядя на длинное бледное лицо, оттененное свечами, я впервые увидел перед собой настоящего демона.

– История занятная, но не объясняет, каким боком с этим связана Луна? И Иволга.

– Связь прямая, Соловей, – девушка подошла ко мне и ласково потрепала меня по волосам. – Ты просто не дослушал до конца.

Я дернул головой, пытаюсь освободиться от ее пальцев, но это лишь вызвало улыбку на девичьем лице. Атропин же снисходительно выждал недолгую паузу:

– Я продолжал поиски девушки, одновременно подбирая

детишек, что благосклонная судьба подбрасывала мне прямо в руки. Я привозил своих неоперившихся птенцов в Гнездо и снова отправлялся в путь, периодически привлекая к путешествиям Сокола. Он был хорошей приманкой и легко развязывал язык старухам в деревнях. И вот, спустя три года, в одном из таких плаваний я напал на след, который привел меня в Зыбкие пустыни к Плоской горе.

– Там же находится Королевская каменоломня?

– Вот именно! – воскликнул Атропин, наслаждаясь тем, что я неотрывно слежу за ходом его истории. – В этой своре преступников, воров и неугодных королевству отщепенцев я нашел Луару.

– Но она же погибла, разве нет?

– Кукушка–мать выжила и мало того, умудрилась родить еще одного ребенка. Девочке было уже около трех лет, и мне не нужно было складывать два плюс два, чтобы догадаться, чья она дочь.

– Иволга... – я бросил взгляд на девушку, что с фанатичной любовью смотрела на своего отца.

– В Луаре сложно было узнать ту снежную красавицу, жизнь ее хорошенько потрепала, да, видимо, и мужское общество – тоже. Заплатив охраннику, я выкупил Иволгу и оставил Луару там, где она заслуживала находиться. Через пару месяцев она умерла от лихорадки, проклиная меня до последних мгновений своей никчёмной жизни.

– Ты отобрал последнее дорогое, что у нее было! Ты же

мог помочь ей! – мне было невероятно жалко женщину, чья жизнь превратилась в кошмар из-за человека, которого ей не посчастливилось встретить.

– Он спас меня! – Иволга стала защищать отца. – Что могла мне дать эта женщина?

– Любовь. Заботу. Она же была твоей матерью!

– Все это мне в избытке дал отец, – голос девушки стал тверже и переубеждать ее я не собирался. Мне были понятны ее чувства, ведь я, как и она, раньше видел в Атропине идеал. Но вот только моя пелена спала с глаз, девушка же была окутана ею сверху донизу. – Он и тебе все это дал! Каждому из вас!

– Ив, успокойся, – строго сказал мужчина. – Мне не нужна их благодарность, лишь только правильно сыгранные роли имеют значения. Роли, которые я распределял долгие годы, продумывая каждый ход, каждую, казалось бы, неважную мелочь. Сначала главная партия была отведена Соколу. Я готовил его стать Хранителем, но в момент своего совершеннолетия он не смог войти в Древо.

Повисла недолгая тишина. Хмурая складка прорезала лоб Атропина.

– Снова неудача? – поддел я Наставника.

– Да, было горько. Но у меня же был запасной вариант. Но не хватало одного компонента. И именно за ним спустя пару лет отправился Сокол.

– Но зачем эта вся история с его смертью?

– Соловей, ты очень невнимателен, – цокая, помотал головой Атропин.

– Я помню про цели и месть за собрата, но разве не проще было манипулировать нами так же, как собственными детьми? Рассказать сказки про злобных Хранителей?

Иволга, стоявшая рядом, ударила меня по щеке.

– Это все не сказки!

– Да? – усмехнулся я. – Тогда почему же ты не похожа на Хранителей? Почему твои волосы черные, Иви? Сокол все-таки больше подходит под это описание. Как и Луна, верно?

Девушка сжала кулаки с такой силой, что даже костяшки пальцев побелели.

– У нас есть теория, – стиснув зубы, проговорила Иволга. – Я была рождена вдали от Древа, и оно не имеет надо мной такого влияния, потому я похожа на своего отца, а не на мать.

Я громко рассмеялся от сказанного абсурда, в который эти двое верили.

– Мне это все надоело. Давай с ним заканчивать! – Атропин стал двигаться ко мне с ритуальным ножом в руках.

– Стойте! – все замерли. – Но в чем же тогда роль Луны?

– Она та самая отрава, которая позволит мне войти в Древо и начать новую эру Хранителей.

– А моя?

– Ты станешь нищим: моим мужем, верным слугой и родоначальником Хранителей Бааш. – последние слова она

буквально выдохнула с яростью и злостью, а красивое лицо обезобразила хищная издевательская улыбка.

– Сумасшедшие!

– Невежество – страшная вещь. Можешь и дальше верить в свою правду, но мы единственные, кто защищают этот мир.

На этом наша дискуссия закончилась, и безумцы преступили к осуществлению своего плана. В голове с молниеносной скоростью стали проноситься возможные варианты побега, но ничего толкового я не мог придумать. Одно дело сбегать от тупоголовых стражников, а передо мной находился мой Наставник и его ученица, воины, стратеги, лучше которых я и не знал.

Внезапно в противоположном конце комнаты резко запахло окном и стекло, не выдержав удара, разлетелось на мелкие кусочки. В это же время дверь отворилась с гулким грохотом об стену, и в комнату вбежал хромающий Филин. Глаза Наставника и Иволги устремлены на него, и они оба моментально впали в гипнотический транс. Возле окна материализовалась Ласточка и с кинжалом подбежала ко мне.

Я весь напрягся, сжимаясь как пружина, для мгновенного броска, как только будут свободны руки и ноги, и мне показалось, что в такую же пружину сжалось время. Оно начало тянуться невыносимо медленно, а движения Ласточки стали очень плавными.

– Поторопитесь! Долго мне их не удержать! – крикнул Филин, стирая со лба капли выступившего пота.

Вот лезвие кинжала коснулось первой верёвки в области туловища – она медленно разлетелась в стороны. Потом также медленно разрезалась верёвка на лодыжках. Девушка зашла за спину, я же только чувствовал, как освобождаются локти, как лезвие коснулось верёвки на запястьях, и та разорвалась сама. Я тут же упал на пол, сделал перекат, оказавшись за спиной Наставника. Увидел, что транс оборвался, но в следующее мгновение, подсечка подбросила ноги, не успевшего прийти в себя Атропина вверх. Его тело ещё в воздухе, а я уже на ногах, схватил руку, сжимающую ритуальный нож, вывернув её так, что Наставник перевернулся в воздухе и упал на пол лицом вниз. Причём само падение я ускорил сильным ударом в спину, при этом удерживая руку Атропина и выхватив из неё нож. Послышался хруст вывернутого плечевого сустава и сильный грохот падающего на пол тела, а вместе с ними страшный крик боли.

– Иволга, ко мне! – кричу я, прижимая упавшее на пол тело коленом и поднося острей клинка к горлу поверженного, – Иначе я его зарежу! – размеренно произношу, наблюдая за движениями девушки.

Иви стоит посреди зала, чуть поодаль находятся Филин и Ласточка, готовые в любой момент бросится к ней.

– Ив, не глупи, – тихо прошу ее, но глаза девушки наполнены безумством и мечутся из стороны в сторону, ища выход.

В этот момент кажется, что я продумал все и ничего

неожиданного не должно произойти, но мне пришлось пожалеть о своей самонадеянности. Атропин воспользовался моей секундной отвлеченностью, выхватил нож и я было подумал, что он кинется с ним на меня, однако он в очередной раз удивил и шокировал меня.

– Беги! И сделай то, что предназначено тебе судьбой! – крикнул Иволге Наставник и перерезал себе горло. Кровь хлынула из его рта, звуки бульканья заполнили зал, и все мы застыли. Кроме Ивогли. Она развернулась и кинулась прямо к окну, перепрыгнула раскрытую раму, растворившись в ночи. Ласточка, стоявшая ближе всех, последовала за ней, но спустя полчаса вернулась с плохими вестями.

– Иволга скрылась.

– Возможно, это не так уж плохо, – друзья вопросительно посмотрели на меня. – Она приведет нас к Луне.

Луна

Ночь была тяжелой. Эйтан был прав, но я не собиралась признавать это. Я упорно скакала вперед, гонимая своими переживаниями, своим разбитым сердцем. Мужчина не отставал. По правде говоря, выглядел он куда более сдержанно, чем обычно и, видимо, тоже был погружен в свои мысли. Вскоре нам на пути встретилось огромное стадо оленей, мирно пасущихся среди высоких деревьев. Услышав быстрый топот лошадиных копыт, они настороженно задержали ушами, а потом и вовсе сорвались с места, напуганные непрошенными гостями.

Мы выехали на открытую местность и увидели, как над стеной леса плавно растекается розовое марево. Скоро, совсем скоро алый диск появится целиком, распространяя лучи яркого света. Третью пути мы одолели, отдалившись от Гнезда на достаточное расстояние, от чего я решила дать нам время на передышку. Хоть Эйтан и был крепче и выносливее меня, однако так же выглядел уставшим и вымотанным.

– Я думал, ты никогда не остановишься, – попытался отшутиться мужчина, и я одарила его слабой улыбкой, хотя сама не готова была к каким-либо забавам.

– Давай немного отдохнем, перекусим и двинемся дальше.

– Согласен, стоит поспешить.

Я, приподняв бровь, посмотрела на Эйтана.

– Я имею в виду, что ты так стремилась сюда и сейчас осталось совсем немного. Мне показалось, что ты бы не хотела задерживаться и попусту тратить время.

Чуть позже, сидя на поваленном дереве Эйтан спросил меня:

– Так куда мы направляемся?

Я сидела на мягкой траве, подставив лицо солнцу и доедая остатки хлеба.

– Мне нужно в Альтвир.

– Ты уверена, что тебе именно туда? – мужчина пристально смотрел на меня, и от его взгляда я даже перестала жевать.

– А что тебя смущает?

Эйтан встал, подошёл ко мне очень близко, но не нарушая приличий, сел напротив и, подражая мне, скрестил ноги.

– Меня смущает то, Луна, что ты до сих пор скрываешь от меня правду, – он взял мои ладони в свои и чуть сжал. – Ты ведь знаешь, что можешь доверять мне?

Как бы я хотела ему все рассказать, позволить сопроводить меня до Древа, но я не могла. Что-то внутри меня ledeno от одной мысли, что я раскрою свою тайну, что поделюсь секретом с чужим человеком. Сейчас мне отчаянно не хватало Марши. Мы бы прошли этот путь вдвоем, но раз жизнь сложилась иначе, я должна сделать все в одиночку, не посвящая в свои планы Эйтана.

Я опустила глаза.

– То есть, ты хочешь, чтобы я сопровождал тебя туда и уехал? – Эйтан понял, что отвечать я не собираюсь. – Зная, что ты задумала нечто рискованное?

– С чего ты решил, что я собираюсь рисковать?

– Потому что я не так глуп, как ты, наверное, думаешь.

– Эйтан...

– Я заметил, что каждый раз, когда речь заходила об этом путешествии, ты напрягалась, словно тетива, за секунду, как пальцы отпускают ее. Глаза твои, что ярче самого сочного листа, тускнели и заполнялись страхом неизбежности. И посему, я бы хотел стать тем, кто снимет часть этого груза с твоих плеч.

– Ты не понимаешь...

Сердце в моей груди быстро стучало. Слова отражались внутри. Эйтан так точно описал мое состояние, и так соблазнительно было переложить на него хотя бы часть ответственности. Но я не могла этого сделать. Я сглотнула и виновато посмотрела на мужчину, что так отчаянно хотел мне помочь.

– Эйтан, то что ты делаешь для меня уже более чем достаточная помощь. Ты даже представить себе не можешь, насколько я тебе благодарна. Но дальше я должна идти одна.

– Но почему? – он наклонился ко мне.

– Потому что иногда, когда призраки прошлого настигают тебя, ты должен сразиться с ними в одиночку.

– Ты в это веришь?

– Да.

– Но это глупо, – лицо мужчины, находилось так близко, что я не удержалась и провела по его щеке рукой, отчего он прикрыл глаза, наслаждаясь мимолетной лаской.

– Возможно, ты прав. Но у каждого должно быть право на ошибку.

– И шанс, чтобы ее исправить?

– Конечно! – уверена сказала я. – Каждый имеет право на вторую попытку.

– Я исполню, свое обещание, Луна.

– Спасибо, – примирительно сказала я, но Эйтан лишь легонько дёрнул плечом и грустно улыбнулся.

После нашего разговора я ощущала себя препаршиво, ко всему прочему примешалось чувство вины. Оно не покидало меня целый световой день, пока мы скакали по тропам. Лес сменялся полем, поле рощицей, роща – непроходимым буреломом, через который мы проводили коней под уздцы. И так по кругу. И так в полной тишине.

– Уже поздно. Предлагаю остановиться здесь, – Эйтан впервые за долгое время прервал молчание, однако взгляда на меня так и не поднял. Отвернувшись, слез с коня, и я последовала его примеру. Вроде бы между нами ничего не изменилось, но напряжённость давила невидимым грузом, хотя я и не делала ничего постыдного.

Позже, возле костра, я хотела заговорить с Эйтаном, но он демонстративно отвернулся, а я не нашла в себе нужных слов. Резкая перемена его настроения, его отношения ко мне

сбивала с толку. Я попыталась уснуть и, ища успокоения, через ткань сжала кулон. Меня стала окутывать дрема, но со стороны леса послышался треск веток. Я прислушалась. Кажалось, что мне все почудилось, но внезапный шепот заставил замереть.

– Что ты тут делаешь? Ты с ума сошла?

– Сокол! – это явно был голос Иволги. – Отец мертв!

– Дура! Тише!

Сложно было понять, что происходит за моей спиной, но по звукам стало ясно, что мужчина с девушкой отошли от костра, продолжая о чем-то шептаться. В голове клубился туман, мглой оплетая мои мысли и сбивая с толка. Первым порывом было вскочить и последовать за ними, чтобы напрямую спросить о том, что происходит, однако интуиция мне подсказывала: продолжать лежать и слушать.

– Нам нужно спешить! – тяжело дыша прошептала Иволга. – Соловей будет искать нас. Он будет искать Ее!

– Успокойся!

– Ты не понимаешь! – девушка яростно застонала от охватившей ее паники. – Мы теряем время! Ритуал нужно провести как можно скорее.

Послышался характерный удар, и я представила, как заалела щека Иви и как она прижала руку к своей щеке.

– А теперь послушай меня, – чуть повысил голос Эйтан, но, опомнившись, заговорил тише. – До Древа сутки пути. Через час я разбужу Хранительницу, и мы двинемся дальше.

Ты же, будешь следовать за нами шаг в шаг, но так, чтобы девушка не заметила тебя. Поняла?

Ответа не последовало, видимо, девушка кивнула, потому что затем послышались медленные, практически беззвучные приближающиеся шаги.

– Сокол, – мужчина замер. – Мы не можем подвести отца.

– Знаю. Ступай.

Мужчина сел неподалеку от меня, и на этом все прекратилось.

Я старалась дышать как можно глубже и равномернее, но пульс так бил по барабанным перепонкам, что мне казалось, это может услышать Эйтан. Каждое слово, каждая фраза сказанная этой парочкой, сковывали мое тело ледяным ужасом, пробираясь в поры и дотягиваясь до самого сердца. Я понимала, что все вокруг вели свои игры, тайные, мне не понятные. Но самым страшным было то, что они знали, кто я такая. Эйтан знал. Все это время. Теперь все встало на свое место: его вопросы, его просьбы довериться. Теперь я окончательно поняла, что полагаться могу только на себя.

По всей видимости, я была нужна для ритуала, и раз они это скрывали, значит это не сулит мне ничего хорошего. Нужно было бежать! Как можно скорее! Оторваться от них, скрыться и переждать. Все бы ничего, но до моего дня рождения остались считанные дни и долго петлять от них по лесу я не могла.

Хотелось плакать. Я укусила себя за щеку изнутри, пытаюсь привести мысли в порядок и сбить нарастающую панику. Нужно подгадать время. Сейчас мне ничего не грозило и все, что оставалось – делать вид, будто я ни о чем не догадываюсь. Но как только представится возможность – бежать.

Через час, как и говорил Эйтан, он разбудил меня, и хоть я все это время не смыкала глаз, все равно для пущей убедительности заворчала и потянулась.

– Еще ночь? Что–то случилось? – потирая глаза, спросила я.

– Я точно не уверен, но мне показалось, что неподалеку была стая волков. Думаю нам не стоит сидеть на месте.

– Ты уверен, что двигаться ночью, в темноте безопаснее, чем сидеть у костра? – теперь, зная какую он ведет игру, я не собиралась упрощать ему задачу.

Эйтан посмотрел на меня с отрешенностью, и я бы похвалила его за актерскую игру, но сейчас мне было не до шуток.

– Я уверен, Луна.

– Ладно, – я пожалала плечами. – Как скажешь.

Мужчина продолжал буравить меня взглядом, но уже пристально, с подозрением, ища в моих действиях подвох.

– Ты не боишься волков? Как–то ты спокойна.

Действительно, со всеми переживаниями, я забыла показать страх, а ведь он бурлил в моих венах буйным потоком, но его я как раз–таки показать не могла.

– Наверное, за последние время меня окружало столько

опасностей, зримых и не зримых, что я просто забываю бояться.

– Тут не поспоришь, – мужчина немного расслабился. Но, решив на этом не останавливаться, я добавила:

– Тем более, когда ты рядом со мной, бояться нечего. Ведь так, Эйтан?

Ещё никогда в жизни я не вела себя так нахально, но ничего не могла с собой поделаться. Яд обмана бежал по моим венам, обида засела в груди камнем, не давая моим легким раскрываться во всю силу.

«Отвлечь. Усыпить бдительность. Сбежать» – я ехала на лошади и как мантру повторяла про себя эти слова. Мы заметно ускорились, Эйтан спешил, как и обещал Иволге. Мой верный друг Эйтан, который спас меня из рук чудовища графа, а сейчас же сам вез меня в неизвестность, к верной смерти.

И к точке невозврата, когда возможности ускользнуть больше не представится. Поэтому я стала притормаживать лошадь. Мужчина недовольно оглянулся, натянул поводья и заставил своего коня повернуть.

– Что случилось?

– Мне нужно... – с напором сказала я, поелозим немного на седле, для пущей убедительности.

– Ты не потерпишь еще немного? Думаю сейчас опасно отходить без присмотра.

– Я терплю уже давно, – в моем голосе проскользнули

плаксивые нотки, отчего Эйтан нахмурился, оглянувшись по сторонам. Потом слез со своего коня, дабы помочь мне. Мужчина легко поймал меня. Он держал без усилий, как пушинку, но сам он был словно статуя, и руки его больше не вызывали доверия, наоборот, хотелось поскорее вырваться и отойти на расстояние и стать для него недосягаемой.

– Я быстро.

Эйтан кивнул, и я стала пробираться сквозь ветки кустов как можно более непринужденно, не сильно торопясь. Но чем толща листьев за спиной становилась плотнее, тем быстрее были мои шаги, и тем чаще билось мое сердце, выдавливая собой грудную клетку

В ушах шумело, и ориентироваться по звуку мне не представлялось возможным. Потому я просто бежала вперед, не думая ни о чем. В правильную сторону ли я двигаюсь? Заметил ли Эйтан уже мой побег? Все это было неважно. Главное – просто бежать, двигаться вперед, подальше от опасности. Картина мира от быстрого бега вокруг меня смазалась и превратилось в одно сплошное зеленое пятно, что то и дело цеплялось за мою одежду ветками, а за ноги кореньями. В таком темпе я двигалась долго, пока не осознала, что стремительно приближаюсь к оврагу и не успеваю затормозить.

Я кубарем мчусь по травянистому склону, цепляясь руками за всевозможные кусты, но мои ладони не могут ухватиться за мокрые от росы ветви. Так, вся исцарапанная, истерзанная живой природой, я падаю на живот и сильно уда-

ряюсь головой об землю. На секунду мое сознание меркнет, и от боли мне хочется стонать, вот только позволить себе я этого не могу, потому что над головой раздаются знакомые голоса.

– Куда она подевалась! – истерично кричит Иволга – Как ты мог ее упустить?

– А где были твои глаза? А?

– Сложнова– то с лошадыю прятаться и следить за вами!

– Я что, должен был с ней справлять нужду?

– Да хоть за ручку, Сокол! – слышится глухой удар, и прямо возле моей головы падает поросший мхом камень. – Где нам ее теперь искать?

– Вряд ли она прыгнула в овраг, она же не дура.

«О, ты бы удивился».

– Значит бежим вдоль!

До меня донеслись хруст песка, веток и мелких камней, и эти звуки, что стали удаляться, подарили мне надежду на спасение. Я еще немного полежала, чтобы окончательно удостовериться, что поблизости никого нет, и это не очередная хитрая ловушка, и только потом встала. Голова немного кружилась, но в целом я еще легко отделалась: могла бы лежать со свернутой шеей или переломанными конечностями, без перспективы быть найденной.

Времени обдумать дальнейшие действия было предостаточно, но теперь я осталась в одиночестве, в огромном лесу,

где я была легкой добычей как для хищников, так и для демонов. Поддаваться отчаянию было для меня большой роскошью, в связи с этим, я затолкала это чувство как можно глубже и доверилась своим внутренним ощущениям.

Я что-то ощущала, нечто похожее на тихий шепот листьев, что звал меня, тянул, и ноги сами двинулись на этот зов. Кретч нагрелся, но теперь он не жег кожу, а лишь ласково согревал, отчего боль во всем теле даже немного утихла. Я брела и брела, все дальше, уходя в чащу. Лес стоял огромный и могучий: дубы и стройные буки казались грозными хранителями здешних мест. Раскидистые ветви этих великанов, были покрыты высохшими бурыми листьями. Только сейчас я заметила, что лес становился блеклым, хотя еще полдня назад в нем буйствовала жизнь. А здесь лесной массив как будто умирал, казалось, что невидимая сила тянет его жизненные соки, высушивая душу. Почему-то не пели птицы, все утро трезвонившие во все голоса. Когда ветер шевелил ветви, деревья издавали тревожный шелест, грозный шепот недовольства – предупреждение незванным гостям. Теперь я была уверена, что иду в правильном направлении.

Стало темнеть, и ко всему прочему, начало моросить. Через час одежда обвисла на мне мокрым грузом, пальцы околоченели, а тело сотрясала мелкая дрожь, вторя моим стучащим зубам. Ко всему прочему, мне стало казаться, что до меня доносится пугающее шуршание лесной подстилки, словно какие-то существа пробегали от дерева к дереву.

Я устала, вымоталась и окончательно продрогла. Двигаться дальше у меня просто не было сил. Потому я выбрала дерево с низкими ветками и забралась наверх, где нашла удобное место, скрытое от посторонних глаз. Место, где я могла передохнуть.

Глава 30

Луна

Сон был беспокойным. Меня мучили образы: от размытых силуэтов, черты которых не было возможности разобрать, до невероятно ярких картин, где Соловей целовал голую Иволгу. И они крутились друг за другом, сводя меня с ума. Все было так ощутимо, так осязаемо, что когда я проснулась от нестерпимой боли, то подумала, что она реальна. Но то была боль душевная.

Я тосковала. Боялась себе в этом признаться, но спотыкалась об осколки воспоминаний, и они резали мою душу на мелкие части. В каком месте все так кардинально изменилось? Хотя чему я удивляюсь, нашему союзу изначально предназначалась роковая судьба, которой был уготован горький конец.

Но слова Иволги не вылетали из моей головы: «Соловей будет искать нас. Он будет искать ее!». Голос девушки тогда был наполнен страхом и отчаянием. Но разве они не любовники? Не союзники? Или они играют в какую-то неизвестную и непонятную мне игру? Но что-то не сходилось во всем этом. Она назвала Эйтана Соколом, а он даже не поправил

ее, как делал это раньше. Эта несостыковка царапала краешек моего сознания. Могло ли быть так, что увиденное в комнате Соловья имело совсем другой смысл? Мне так хотелось в это верить, и так хотелось теперь расспросить обо всем Соловья, хотя еще день назад это казалось мне абсурдом. Вероятно, не поспеши я тогда с выводами, то сейчас не находилась бы в том положении, в которое загнала себя сама, сбежав в ночь без особого плана. И, тем более, доверив свою жизнь человеку, о котором за все время нашего знакомства так ничего и не узнала. Всему виной обида, что жгла меня изнутри. Именно из-за нее я бросила все позади. Из-за нее я чувствую себя одинокой и потерянной.

Занимаясь самоедством, я брела вперед, позволив моим ногам вести меня. Шла. Шла. И шла. Петляя по извилистым тропинкам, перебираясь через валежники, прорубая путь подарком Соловья через сухостой. Срубала ветки с такой силой, что, казалось, отвалится рука, но ломота в плечах, как ни странно, придавала сил. Через боль выходила злость. А без злобы разум становился кристально чистым.

Кретч начал слабо вибрировать, и я остановилась. Залезла в ворот, дотронулась до кулона, чтобы удостовериться, что мне не кажется. Он действительно слегка подрагивал.

Я так воодушевилась, что не сразу ощутила твердую мужскую руку на своем плече. Она с силой развернула мое тело, и в меня впились дикие, совершенно жуткие глаза, наполненные тьмой и ненавистью.

– Заставила ты нас попотеть! – скрипя зубами, пророкотал Эйтан. – Прав был Наставник, что вам нельзя верить!

– Единственный, кто обманывал все это время – был ты, Сокол! – на последнем слове я не выдержала и ехидно помотала головой.

Мужчина зло стиснул челюсти, а лицо покраснело и пошло пятнами от гнева. Сейчас передо мной стоял настоящий Сокол – без масок, личин и притворства. От него шла такая волна темной энергии, что я, наверное, упала бы, если бы он крепко не сжимал мое плечо. Я и представить не могла, что он настолько опасен.

Эйтан то и дело поглядывал по сторонам, видимо, ожидая появления Иволги. Я понимала, что если они объединятся, то я пропаду – снова сбежать никто не даст. Руку оттягивал клинок. От того, что я должна была сделать, внутри все холодело и противилось. Но здравый смысл подсказывал, что беспокоиться следует прежде всего о себе: сейчас от моих своевременных действий зависело многое. Собравшись с духом, я полоснула острым лезвием по левому бедру мужчины и сразу же рванула от него, спеша скрыться в лесу.

И снова мне пришлось бежать, продираясь сквозь заросли. Бежала так долго, что даже не заметила, когда начался дождь. Косые холодные струи били по лицу, скрывая мои слезы. Дождь размывал глинистую почву, превращая ее в болото. Я постоянно оскальзывалась, но необходимость спрятаться от Эйтана была слишком сильной – я почти мгновенно

но поднималась и неслась дальше. Через застилавшие глаза слезы, окружающий мир виделся нечетко, будто подернутый туманом.

В какой-то момент силы разом покинули меня, и я резко остановилась. Согнувшись пополам, вывернув на землю все то, что было съедено по пути. Меня рвало так долго, что под конец отплевывалась желчью, а внутренности все никак не хотели успокоиться. Потом я просто свалилась набок и, не выдержав, разрыдалась. А перед глазами – страшное лицо и дикие, совершенно жуткие глаза, наполненные тьмой и ненавистью. Подползла к дереву и, скрывшись за широким стволом старого дуба, прижималась щекой к шероховатой коре.

В стороне от меня хрустнула ветка и, повернувшись на звук, я увидела Иволгу и очень злого хромавшего Сокола. На удивление крови на его штанах было не так много, как я ожидала – порез был неглубокий и не опасный. Я не рассчитала сил, тем самым подписав себе приговор.

Но я не собираюсь сдаваться. Реагируя молниеносно – срываюсь с места и бегу. Но резкий удар в голову сбивает меня с ног, и я падаю лицом в грязь, вместе с камнем, что так легко догнал меня. Чья-то рука хватает меня за волосы и отрывает за них от земли.

– Ты думала, что сможешь от нас убежать, Хранительница? – голос Иволги, сочившийся ядом, был полон презрения. – Мы жили этим днем всю жизнь, готовились к нему, и ничто не сможет помешать нам.

Девушка с силой опускает мое лицо обратно в грязь и прижимает, так, чтобы я не могла вздохнуть. Земля забивается мне в рот, в нос, и я стала захлебываться. Руками я пыталась оттолкнуться от земли, чтобы суметь поднять лицо, но Иволга, не смотря на свою миниатюрность, держала крепко.

– Отпусти ее – резко сказал Сокол, с едва заметным раздражением. – Не занимайся ерундой. Лучше свяжи покрепче и двинемся дальше, тут осталось совсем немного.

Возле меня упала веревка, и давление на голову сразу же прекратилось. Воздух ворвался мне в легкие. Я закашлялась, выплевывая комья земли и грязь вместе с дождевой водой. Но, не успев толком обогатить свое тело кислородом, в рот мой заткнули тряпкой. Я замычала, стараясь вывернуться из рук девушки, чем разозлила ее еще сильнее. Последовала череда жестких ударов в бок, и я затихла, беззвучно плача. Иволга перехватила мои безвольные руки и умелыми движениями связала их. Я же просто повернула голову на бок, прижимаясь щекой к почве – у меня уже не осталось сил ей противостоять.

Недалеко в траве я заметила свой кинжал, выпавший из моих рук при падении. Сокол проследил за моим взглядом, но остался стоять на месте.

– Думаешь, он тебе поможет? – мы не одни его заметили. Девушка присела на корточки и провела по моей щеке острием, очерчивая контур шрама. Я зажмурилась, но не от страха, а скорее от своей беспомощности.

– Может, подправим вторую щеку? Так сказать, для симметрии, – Иволга рассмеялась, откинув голову назад, наслаждаясь своей шуткой. – Что скажешь, Луна? Побесим моего брата? – она подмигнула, упиваясь моим потрясением. – Я и забыла, что ты не в курсе. Не похожи? Вот мне интересно, будь у Сокола волосы как у меня, он бы тебе больше нравился? Не отвечай, я сама догадаюсь, – Иволга цокнула языком и помотала головой. – Цвет глаз все равно не тот, так ведь? Ты решила совратить всех мужчин вокруг себя. Но несмотря на это, Сокол все равно пускает на тебя слюни.

– Иволга! – предостерегающе сказал Сокол.

– Разве я не права? С тех пор как ты вернулся, глаз с нее не сводишь, ходишь по пятам, как кобель на течную суку.

Глаза Эйтана полыхнули. И тут же кинжал уперся мне в щеку, и мягкая кожа лопнула под напором стали. Я начала извиваться, но Иволга, поставив свою ногу мне на спину, прижала к земле.

– Хватит, – быстрым движением мужчина вырвал кинжал из рук сестры. – Нам пора. В любой момент может появиться наш герой Соловей и попытается спасти свою возлюбленную.

Иволга скептически завела глаза вверх, но мучить меня перестала.

Меня подняли за связанные руки. Плечи от веса моего тела сковало болью, но я не в силах уже была обращать на нее внимание.

– Иди давай! – Иволга пихнула меня в лопатки, и я поковыляла вперед, полностью отдавшись судьбе. Кретч за воротом вибрировал все сильнее, и я молила богов, чтобы брат с сестрой этого не заметили.

Лес расступился перед нами, открывая взору невероятное зрелище – Древо Жизни стояло среди заброшенных, поросших растительностью домов. Листья на нем местами пожухли, местами опали, но все же кое–где зеленая листва приветственно шелестела. Именно мне. Я это чувствовала. От этой картины в области груди зародилась тоска, и на какое–то время я позабыла, что пришла сюда не как спасительница, а как пленница.

– Ну что? Нравится тебе? – Иволга поравнялась со мной и, словно мы давние подруги, провела по моей щеке рукой. – Это место такое же убогое, как и ты! – с силой нажав на рану, она радостно улыбнулась, заметив, как я морщусь.

Сокол вышел вперед, и мы зашагали следом за ним. Мои глаза метались, пытаюсь представить бывшее величие этого места, которое должно было быть моим домом. Домом, который у меня отняли. Мы шли прямо к Древу, и оно давила на нас. Это было заметно по чуть опустившимся плечам Сокола и замедлившемуся шагу Иволги. Но, несмотря на это, они продолжали идти, вопреки своим ощущениям, ведомые своей целью.

У лестницы, про которую рассказывала мне Марша, я запнулась, но Иволга недовольно потянула меня, заставляя ид-

ти за ней шаг в шаг. Ступени были сильно обожжены, и мне даже страшно было представить, что творилось здесь в ту роковую ночь, когда погибли все Хранители. Сердце бешено застучало, чувствуя приближающуюся опасность. Мне стало не хватать воздуха, а перед глазами полетели предобморочные мошки и Сокол, заметив это, все-таки достал из моего рта тряпку.

– Что ты творишь? – воскликнула его сестра, всплеснув руками от недовольства.

– Разуй глаза! – он указал на меня, в то время как я жадно вдыхала воздух. – Хранительница сейчас лишится чувств, а она, как ты понимаешь, нам нужна в полном сознании.

– Давай поскорее с этим закончим! – раздраженно сказала девушка, демонстративно потирая виски.

Сокол стянул со своих плеч мешок и стал в нем рыться. Он достал маленькую записную книжечку и, облизнув свои пальцы, начал быстро листать страницы. Хмурое лицо его неожиданно озарилось, и я поняла, что он нашел, то что искал.

– Клади ее! – закатывая рукава скомандовал мужчина.

Иволга начала меня укладывать, но я яростно сопротивлялась.

– Вы оба – сумасшедшие! – вырываясь из рук Иволги, я сделала пару шагов назад и чуть не упала с лестницы. Девушка ухватила меня за волосы и подтянув к себе, дала пощечину. А я, долго не думая, ударила своим лбом об ее, отчего

мы обе рухнули.

– Сука! – кричала Иволга, зажимая разбитый нос рукой, в то время как Сокол оттаскивал меня от нее. Я брыкалась, вырывалась и кричала, что есть мочи, словно раненый медведь, срывая голос.

Мужчина повернул меня к себе лицом, и на долю секунды мне показалась, что я вижу в нем того Эйтана, с которым мы путешествовали вместе, что где-то глубоко внутри он сомневается. Он с нажимом опустил меня перед собой на колени, тихо прошептав «прости».

– За что, Сокол? – шепчу я.

Глаза его полны сочувствия, но голос тверд, как каменная скала, что веками не рушится под напором волн.

– Луна, это вопрос не личных предпочтений, поверь, – он поднял свою руку и полоснул кинжалом по ладони и вложил в нее кольцо с черным камнем, которое стало пропитываться кровью. – Тебе просто не повезло родиться той, кто ты есть. В других обстоятельствах, мы могли бы стать друзьями или даже полюбить друг друга.

– Прекращай разглагольствование и рисуи! – опрокидывая меня на спину, нетерпеливо крикнула Иволга.

Вид порезанной руки колыхнул мои воспоминания, и перед глазами всплыл образ ладони Эйтана, которую несколько раз я видела перевязанной.

– Для чего это? Что вы собираетесь со мной сделать?

Я пыталась словить взгляд мужчины, стоявшего надо

мною, и когда мне это удалось, задала еще один волнующий вопрос:

– Ты ведь не в первый раз делаешь это, так ведь?

– А она умнее, чем кажется на первый взгляд, – голос Иволги сочился высокомерием. – Это нужно для призыва демонов. – глаза ее засияли предвкушением.

Я же ахнула, когда мой разум смог сложить некоторые части воедино.

– Тот демон в воде, это ведь ты его вызвал? И это из-за тебя погибли жители деревни?

Сокол молчал, но по крепко сжатой челюсти, я поняла, что права.

– Но почему? – боль во всем теле притупилась, отойдя на второй план.

– На корабле я должен был удостовериться, что ты и есть та самая Хранительница. Когда демон почувствовал тебя, то он будто сошел с ума. Других доказательств мне и не нужно было. Только вот он чуть тебя не сожрал. Я вовремя его прикончил, пользуясь тем, что он был увлечен тобой. А что касается деревни... Старуха слишком много болтала. И, как следствие, поплатилась за это.

– Так это она про тебя меня предупреждала? Ты та самая Тьма, что ходит за мной попятам! – истеричный смешок сорвался с моих губ. – А я то, дура, думала, что это Соловей! А он то хоть в курсе ваших планов?

– Теперь уже да. Наставник посвятил его, но глупец не

смог осознать всей важности наших действий. – Иволга наклонилась ко мне. – Соловей сделал не верный выбор. И вот, он спешит сюда, чтобы спасти твою жизнь, но увидит – смерть. И я надеюсь, ему будет также больно, как и мне, когда он отверг мою любовь.

При этих словах кровь из поврежденного носа Иволги капнула мне на лицо, будто ставя точку в этой несправедливой истории. Я была так близко у цели, прямо у подножья Древа Жизни, но не могла к нему приблизиться. Ко всему прочему примешалась горечь утраты – скорее всего, я уже никогда не увижу Соловья. И друзей, от которых я так поспешно сбежала, тоже не увижу.

Сокол чертил кровью знаки на досках, а когда закончил, встал надо мной и отковырял обсидиан из кольца. Потом он передал камень сестре, и та со злорадной улыбкой разбила его кинжалом, на рукояти которого был белый лебедь. Это был очень символический знак, как мне показалось – когда Тьма и Свет сошлись в последний раз.

Я попыталась отползти, но Сокол присел на корточки и стал удерживать меня за плечи.

– Потерпи, Луна, скоро все закончится, – успокаивающе шептал он мне.

– Но с чего вы взяли, что ваш ритуал удастся?

– Твое тело сильнее, чем кажется. Так что прощай, Хранительница! Передавай привет Хроносу! – черная каменная крошка из рук девушки полетела на меня, превращаясь в гу-

стой черный туман. Он стал обволакивать тело и тянуться к ране, туда, где текла моя кровь. Я была уверена, что сейчас он проникнет и заполонит меня изнутри, но этому не суждено было случиться.

Жар в области груди стал нестерпимым – кретч прожег ткань моей одежды и приподнялся на длину веревки, а потом взорвался. Яркая белая вспышка озарила пространство, и Тьма, что пыталась заполонить меня, резко разлетелась в стороны и найдя два уязвимых тела, стала просачиваться в них.

– Нет! – кричала Иволга, давясь этим едким черным дымом. Рядом со мной, стоя на коленях и схватившись за свою шею, кричал Сокол. Понимая, что это мой последний шанс, я из последних сил кинулась к Древу и прошла сквозь прозрачную грань.

Соловей

– Ты никуда не поедешь!

– Фил, ты еле держишься на ногах, – Ласточка пыталась утихомирить разгневанного друга. – Тебе нужно успокоиться!

– Я вас одних не отпущу, слышите! Мы команда!

Филин покачнулся, и я схватил его за плечи.

– Ты уверен, что справишься? Путь не простой, и темп будет стремительный, – наклонив голову, я выдержал устойчивый зрительный контакт, отчего мужчина заиграл желваками. – Мы не сможем отвлекаться на тебя, понимаешь?

– Я не буду обузой! – упрямо ответил друг. И я сдался. Когда Филин начинал говорить таким тоном, переубедить его становилось невозможно. Легче было ломать руками стены.

– Слуги все спят? – Филин кивнул. – Тогда выезжаем через час, в полной боевой готовности.

– Почему не сейчас? – Ласточка удивленно на меня посмотрела. – Мы зря потеряем время!

– Потому что я так сказал, – задержав на девушке свой взгляд чуть дольше чем нужно, я покинул комнату.

Она выскочила следом за мной, громко причитая, но я перебил этот поток нескончаемых слов:

– Выезжаем прямо сейчас!

– Но... – Ласточка растерялась, но когда до нее дошел смысл слов, она покачала головой от недовольства. – Он никогда тебя не простит.

– Думаю, с этим мы разберемся позже.

Мы садились на коней, когда из дома выбежал Филин, заметив в моих руках уздцы его лошади, он яростно начал кричать. Но было поздно, мы пришпорили коней и увели с собой единственную возможность Филина нас нагнать.

Ласточка ехала расстроенная, но думаю, она понимала, что это решение было единственным правильным в такой ситуации: мы не могли рисковать ни Луной, ни Филином.

Скакали долго, практически без перерывов, изредка давая взмыленным коням передохнуть и попить из ручья. Потом вновь вскакивали в седла и неслись, что есть мочи, позабыв про усталость. Я мчался на такой скорости, что ветер свистел в ушах, гонимый тревожными мыслями, отчего Ласточка едва поспевала за мной. Я вверился своему коню без остатка. Ноздри его трепетали, грудная клетка раздувалась, как кузнечные мехи, а бока были покрыты клочьями пены.

Местность была неровная, и было такое ощущение, что мы все время поднимаемся в гору. Лиственный полог шумел метрах в шести у нас над головой, словно плотная зеленая крыша, почти не пропускающая света. И, казалось, эта гонка не закончится никогда. А потом картина резко поменялась: деревья стали редеть, листва расступилась и стала почти прозрачной.

Впереди мы с Ласточкой заметили знакомых лошадей, и уже не оставалось никаких сомнений – мы на верном пути.

Глава 31

Соловей

Я стал принюхиваться. В этой местности мы были впервые, точного местонахождения Древа Жизни не знали, и только жасмин мог привести нас к Луне. Ласточка напряженно молчала, стараясь не отвлекать меня, пока я водил головой из стороны в сторону. Кони тревожно били хвостами, ощущая этот невидимый накал. И вот, тот самый миг: моих ноздрей коснулась знакомая сладкая свежесть.

– Туда! – прищпорил коня, зная, что подруга за мной следует.

Прошли считанные мгновения, и мы выскочили на огромную круглую местность, с невообразимо огромным деревом посередине.

– Оно невероятно! – прошептала Ласточка, но тут же затихла.

То, что мы увидели, было невозможно описать словами: Иволга стояла с вытянутой рукой над лежавшей Луной, в то время как Сокол держал девушку, не давая ей пошевелиться. Миг, и все стало покрываться черной пеленой. Миг – яркая белая вспышка озарила поселение Хранителей, ослепив на-

ши глаза. И сразу вместе с этим раздалось два душераздирающих крика. Моим глазам понадобилось время, чтобы вернуть былую зоркость.

– Что к демонам Бааш здесь сейчас происходит? – голос Ласточки источал ужас, мое же тело охватила дрожь.

Иволга и мой, некогда лучший друг, поглощали черный дым, захлебываясь им – тонули без воды. Ласточка попыталась кинуться к ним, но я преградил ей путь, понимая, что мы не в силах помочь и предчувствуя надвигающуюся катастрофу. Луны видно не было, и я надеялся, что девушка смогла убежать. По ряби в Древе, что стала приобретать беловатый оттенок, я догадался, куда именно.

Нам же оставалось только наблюдать за происходящим.

А действия разворачивались невероятно быстро и принимали такой масштаб, от которого кровь в венах превращалась в лед. Тела наших друзей начали трансформироваться и изменять свои очертания. Сокол стал чернеть и расти в размерах, руки удлинялись, мышцы бугрились и лопались, давая место новой твердой плоти выйти наружу – огромные шипы появились от плеч до кистей, а на пальцах рук выросли длинные острые когти. Лицо искажалось, удлинялось, на месте старых зубов проросли огромные клыки, и крик, что не прекращался, спустя секунды стал подобен рычанию. С Иволгой происходило то же самое: туловище стало тоньше и значительно выше, а из спины прорвались толстые длинные щупальца, что извивались из стороны в сторону, словно

агрессивные змеи. Однако изменения не затронули ее лица – оно все также оставалось человеческим. Но тем не менее, людей перед собой мы больше не видели.

– Боги! – прижав ладонь ко рту, не выдержала Ласточка, – Мы же ни за что не справимся с ними вдвоем!

Я застыл, чувствуя, как кожа моя стала влажной от холодного липкого пота. Когда люди говорят, что не бывает безвыходного положения, то они просто не были на нашем месте. В какой-то момент все стихло. Два огромных демона смотрели друг на друга изучающе и не было понятно, сохранился ли разум в их головах или теперь их можно было сравнить с дикими животными.

Иволга расправила плечи, будто приноравливаясь к новому телу, а потом, осмотрев пространство, увидела нас. Повернув голову к Соколу, она что-то ему сказала, указав в нашу сторону пальцем, и тот, кивнув своей волчьей мордой, сорвался с места прямо в нашу сторону. Иви бросилась к Древу, желая его уничтожить и достать оттуда Луну. В том, что эти два существа разумны, не осталось сомнений. И это же стало основной проблемой – дикого зверя можно обмануть, а вот Сокола, знавшего все наши приемы, практически невозможно.

– В рассыпную! – скомандовал я, и Ласточка беспрекословно подчинилась.

Множество построек могли бы служить нашим укрытием, но Сокол в его новом воплощении сносил старые дома, не

неся при этом никаких увечий. У меня даже не было секунды, чтобы передохнуть и подумать о возможных методах атаки. Сокол шел напролом, не переставая меня преследовать. На Ласточку он не обратил никакого внимания, зная, что в любой момент она сможет от него спрятаться. Другое дело я – меня можно было гнать как зайца, пока я не выдохнусь.

Рядом кляцнули зубы, и мне пришлось отскочить в сторону. Нога зацепилась за неровность, и я упал. Развернулся на спину, как раз вовремя: Сокол опустил на четыре лапы, задевая брюхом землю, а потом оттолкнулся, прыгнув на меня. Я среагировал молниеносно – выставил ноги вверх, пихнув демона в живот, отчего он отлетел в сторону. Этого времени мне хватило, чтобы спрятаться за ближайшую стену. Монстр ударил ее головой и легко проломил. Я снова оказался незащищенным, и, пока Сокол разворачивался, нашел новое укрытие. Тварь устремила за мной, обходя стену по кругу. Я старался занимать такое положение, чтобы она все время находилась между нами.

За это время я успел выхватить меч и был готов к нападению, которое не заставило себя долго ждать. Я увернулся от атакующего демона и ударил его мечом по длинной руке, но лишь слезка оцарапал – кожа Сокола была тверже камня.

Лающий звук вырвался из горла демона. Зверь смеялся.
– Тебе смешно, Сокол? – я резко запрокинул голову вверх, устремив взгляд полный презрения на бывшего друга. – Посмотри, во что ты превратился!

Зверь перестал смеяться и сузил глаза. Я рад был этому промедлению. Оно было мне необходимо, чтобы передохнуть.

– Неужели, ты этого хотел? Этого добивался? И ради этого потратил столько лет своей жизни в поисках Луны? – ожидаемо мои слова Соколу не понравились, и он зарычал. – Мы же были когда-то друзьями! Настоящими! И хоть при Наставнике ты пытался показать, что это не так. Но я помню...

И хоть рычание стало громче, Сокол продолжал стоять на месте. Мог ли я достучаться до него? Это конечно, хороший вопрос. Другое дело, что мне это уже не нужно было. Здесь и сейчас, я окончательно отпустил свое прошлое. Я сорвал с руки браслет и кинул демону под ноги.

– Ты был прав тогда, на корабле, сказав, что Сокола больше нет. Зато теперь я вижу, что бездушный и безжалостный демон, это и есть ты настоящий. Все, что сидело в тебе, наконец, вылезло наружу! Мне жаль, что тогда в море мы не проплыли мимо и спасли тебя!

Это было последней каплей. Больше Сокол слушать не стал, кинувшись на меня. Я побежал ему навстречу и на полном ходу ухватился за торчащую балку рухнувшего дома и сделал резкий поворот, используя силу инерции. Демон, не ожидая этого, пробежал мимо. Прямо туда, где крышу дома держал прогнивший брус. И именно его он снес на всем ходу – крыша с шумом треснула, погребя под завалами Сокола.

Я устало оперся на свои колени и с шумом выдохнул, ста-

раясь привести дыхание в норму. Сбоку послышался свирепый крик. Я повернулся на шум и увидел Ласточку, что обстреливала разъярённую Иволгу.

– Тварь! Я тебя раздавлю! – чудовище попыталось схватить свою жертву щупальцами, но воительница мельтешила. то появлялась в одном месте, то сразу исчезала. Сопровождала это постоянными выстрелами из лука.

В какой-то момент Ласточка собралась выхватить стрелу из колчана, но поздно поняла, что он пустой. Она далеко от меня, но я заметил эту замешку.

– Беги! – вырывалось у меня.

Но уже поздно. Иволга мощным ударом откинула девушку в сторону, и она, сильно ударившись об землю, лежала неподвижно.

– Нет!

В это же время я услышал, как за моей спиной зашевелились камни, и что-то огромное несется прямо на меня. Время растянулось, и я осознал, что уже увернуться не успеваю. Секунда. Две. Столкновение?

Позади раздался громкий удар и протяжный волчий писк.

– Чего замер? Совсем жить надоело?

Не веря своим ушам, я повернулся и увидел Ворона. Рядом с ним стояла запыхавшаяся Марша. И очень-очень злой Филин.

Он подбежал ко мне и с размаха ударил в живот.

– Это тебе за то, что бросил меня!

– Эй! Сейчас не время! – Ворон одной рукой оттащил друга от меня.

– Нам надо спешить! – Марша выглядела очень взволнованно. – Сколько Луна в Древе?

– Уже достаточно долго...

Глаза знахарки наполнились ужасом.

– Нам нужно отвлечь этого демона и выпустить ее!

– Но там она в безопасности, – попытался возразить. Но женщина кинулась ко мне и взяла за ворот рубашки.

– Все это время она испытывает невероятную боль! Благодать Хроноса может убить ее, ты понимаешь?

Пульс участился, я почувствовал, как от отчаяния у меня начало шуметь в ушах.

– Нужно отвлечь Иволгу.

– Иви? – не понял Филин. – Зачем?

– Где она? – вторил ему Ворон.

– Она прямо перед Древом.

Ребята смотрели на то, во что превратилась девушка.

– Не может быть... – голоса их наполнились неверием.

– Тогда за дело! – я схватил Филина за рукав, не дав убежать.

– Она ранила Ласточку и я не знаю жива ли она, – Фил отрицательно покачал головой и неосознанно его рука начала тереть грудь. – Поэтому твоя задача сейчас, найти ее и унести тело в безопасное место!

– Это все из-за тебя! – его голос сорвался и дрожал от

эмоций. Но мужчина взял себя в руки и убежал, ища взглядом свою любимую.

Краем глаза я увидел, что Сокол снова пришел в себя, тяжело становясь на лапы и смотря на всех нас затуманенным взглядом.

– Беги, – взяв меня за плечо, Ворон пихнул в сторону Древа. – Я возьму его на себя.

Ворон развернулся и понесся на демона, выставив одно плечо вперед. От силы удара монстр отлетел на несколько метров. Я уже успел забыть, каким даром обладает мой друг.

– Надо спешить! – Марша потянула меня в противоположную сторону.

Луна

Вокруг все белое. Ослепительно белое. Эта пелена обволакивает, проникает внутрь и приносит небывалый покой. А еще она приносит боль. Такой боли я никогда не чувствовала: она отзывается в каждой клеточке тела. Боль везде. В руках. В ногах. Кажется, что болят даже волосы. Но помимо этого я чувствую любовь. Всепоглощающую. Утешительную. Отцовскую. Хронос со мной, он рядом. Он везде. И он во мне. В какой-то момент сил терпеть не остается, я хочу покинуть Древо, но прямо перед ним, в белом мареве, я вижу лицо Иволги. Это вроде бы она и в то же время – нет. За ее спиной извиваются длинные отростки, очень похожие на те, что я видела выпав с корабля. Видимо, тот демон соединился с девушкой, сформировав совершенно новое существо. И по ее разъяренно горящим глазам, я поняла, что она меня не выпустит.

На краткое мгновение монстр все-таки отвлекся. Я увидела стрелы, втыкающиеся в тело Иволги. Сердце сжалось от теплоты. Это могла быть только Ласточка. А значит, где-то рядом и Соловей. Они нашли меня. Я попыталась двинуться к выходу, но Иви вернулась и стала выжидать меня. Мне так и не удалось покинуть свое убежище.

Боль усилилась, отчего я упала на колени. В голову мою

словно втыкались мириады иголок, проникая внутрь и находя новый выход наружу. Я обхватила ее руками и начала раскачиваться в ритме этой боли. И снова картинки мелькают перед глазами, как тогда, во сне, но только на одной из них все прекращается: это лицо Соловья, искаженное не демонической личиной, а настоящими живыми эмоциями. Он взволнован, и мне так хочется понять, почему. Я жду, пока картина размажется, но только спустя пару минут понимаю, что лицо находится прямо перед входом в Древо, и мужчина что-то отчаянно кричит. Потом он оглядывается и, обнажив меч, убегает.

– Соловей! – крик вырывается из легких и я, наконец осознаю, что больше не испытываю боли. В теле небывалая легкость и кожа как будто слегка зудит и вибрирует.

Я поднимаюсь с колен и уверенно выхожу наружу. Звук врывается в мою голову непрерывным потоком, отчего мне становится сложно сориентироваться: вокруг такая суматоха, крики, мне даже кажется, что я слышу голос тетушки. Помотав головой, пытаюсь прийти в себя, и только сейчас, поднеся руки к лицу, замечаю тонкую вязь письмен, что словно змеи обвивают мою кожу, не оставляя практически пустого места. Я смогла! Я стала Хранительницей! Радостно поднимаю глаза, ища своих друзей, но столбенею. Я вижу Соловья, что борется с Иволгой.

– Луна! Девочка моя, как ты?

Родной голос. Родные руки, что ошупывают меня. И самое

родное лицо.

– Марша? Что ты тут делаешь?

Все выглядит очень сюрреалистично. И мне сложно поверить, что моя тетушка на самом деле здесь, рядом со мной.

– А ты думала, что так легко от меня отделаешься? Не дождешься! – женщина притянула меня к себе. – Заставила ты меня поволноваться.

Округу оглашает рев. Мы моментально переводим взгляд и видим, что Соловей ранил демона.

– Нам надо бежать! – Марша тянет меня в сторону леса. – Он отвлечет демона, пока она тебя не заметила.

– Но мы не можем бросить их тут! – я мотаю головой. – Они пришли сюда, чтобы спасти...

– Вот именно. Давай не будем делать их поступки бессмысленными.

Она тянет меня сильнее, но ноги мои словно приросли к дереву.

– Нет, – твердо говорю я.

– Луна, – она смотрит на меня с замешательством. – Ты ведь не собираешь пойти туда?

– Именно это я и собираюсь сделать.

– Но ты безоружна.

Осмотревшись, я заметила кинжал, привязанный к поясу тетушки, и пока она не успела среагировать, вытащила его.

– Теперь уже нет, – я стала спускаться по ступеням, тогда как Марша пыталась догнать меня и остановить. Но сейчас

я ощущала себя горной лавиной, у которой не было врага, способного ее победить.

– Постой, прошу! Они справятся. Это то, чему их учили всю жизнь.

– Они здесь ради меня, и я не уйду. Если нам суждено умереть, то я предпочитаю сделать это со своими друзьями!

– Ласточка ранена, Луна. Филин тоже.

– Тогда найди их и помоги.

Марша поняла, что не сможет меня переубедить и сокрушенно опустила плечи.

– Ты так изменилась...

Наклонившись к тетушке, быстро поцеловала ее в щеку.

– Беги! Сделай то, что ты умеешь лучше всего, а я буду Хранительницей. Это мое обязательство по праву рождения.

Отвернувшись, я наконец преодолела последние ступени, и как только мои ноги коснулись земли, послышался свист Соловья. Иволга закричала и согнулась, а я побежала вперед, совершенно не чувствуя на себе воздействия дара мужчины.

Он тяжело дышал и было件нятно, что силы его на исходе. Демон поднялась во весь рост и стала хлестать своими шупальцами, от которых Соловей кое–как изворачивался.

– Иволга! – мой голос заставил тварь замереть. Она сузила глаза и чуть подалась вперед и принялась. – Не знала, что так изменилась, раз ты меня не узнаешь.

Иви зарычала.

– Что ты творишь? – Соловей стоял в нескольких метрах

от меня, но даже отсюда я видела, как глаза его темнеют и словно искрятся разрядами. Он был зол. Но я не обращала внимания, зная, что сейчас делаю то единственное, что верно и что правильно для меня. Я не хочу больше бежать от своей судьбы.

– Что стоишь Иви? Боишься меня?

В мою сторону полетела щупальца, но не достала буквально десяти сантиметров до моего лица. Я вздрогнула, но не шелохнулась.

– Луна, не глупи.

Но было уже поздно, демон сорвался с места, совершенно забыв про всех вокруг. Я кинулась вбок, уводя Иволгу за собой, тем самым давая Соловью небольшую передышку. Я чувствовала внутри такой большой комок энергии, но не знала, как им воспользоваться.

– Хронос, сейчас ты мне нужен как никогда! – молила я бога вслух, надеясь, что так он меня точно услышит. Но, видимо, я должна была сама разобраться с силой, текущей по моим венам.

Оглядываться назад я не решалась, продолжая бежать между домов и слыша, как от громких ударов во все стороны летит каменная и деревянная крошка.

Впереди замаячила лесная кромка, а я до сих пор была полна сил и не устала. Это был приятный бонус, наполнивший меня воодушевлением. Казалось, ничто не сможет мне помешать увести Иволгу подальше от Древа и моих друзей,

но...

Внезапно сбоку выскочил огромный волкоподобный зверь. Заметив меня, он поднял голову вверх и завыл.

– Убей ее! – раздался сзади демонический голос Иволги, и волк кинулся мне навстречу, не смея перечесть.

– Сокол, не делай этого, – крик Ворона отразился от руин и засел мне в сердце.

– Сокол? – я остановилась как вкопанная, не веря, что Эйтан мог превратиться в «это».

– Луна, убегай!

– Прячься!

Голоса смешались и разобрать смысл было так трудно. Соловей, Ворон – их голоса сплошная каша в моей голове. Почему же образ Иволги не произвел на меня такого эффекта как то, что Сокол больше не являлся человеком. Он ведь враг. Верно? А верно ли?

Животное было в паре метров от меня, демон с щупальцами на таком же расстоянии, но внутри я чувствовала спокойствие, как будто я знала, что-то очень важное, но еще до конца это не поняла.

Сокол присел на задние лапы и оттолкнулся, я же закрыла глаза.

Соловей

Я бежал изо всех сил, но все равно не мог угнаться за Храпительницей и демоном, для которого я стал пустым местом. Я попытался набрать воздуха в легкие, чтобы свистнуть, но при таком темпе это просто было невозможно. Мне оставалось только бежать. Луна смогла оторваться на достаточное расстояние, но внезапно она замерла, устремив взгляд вперед.

– Убей ее! – проревела Иволга в ликующем экстазе, когда прямо перед знахаркой выбежал Сокол.

Я видел, как что-то кричит Ворон, выскочивший за ним, но не мог разобрать слова, смазанные шумом ветра в ушах от быстрой гонки.

– Луна, убегай! – крикнул я самое очевидное, что пришло на ум.

А потом время растянулось и размазалось неясным пятном, когда я заметил, как демон согнул свои задние лапы и приготовился оттолкнуться в сторону Луны.

Одна из конечностей Иволги пролетела невероятно близко, и я чуть поднажав замахнулся, всадив в нее меч, не выпуская его из рук. Тварь заревела и дернула отростком вперед, в сторону застывшей девушки. Она протащила меня по дуге, чудом не снося мной сооружения. Набрал достаточный

разгон, я разжал руки и полетел к Хранительнице, сбив ее собой наземь. В это же время над нами пролетела массивная туша Сокола.

– Уходим, – я помог Луне подняться и попытался увести ее, но она не сдвинулась с места. – Здесь опасно, не время медлить!

– Смотри, – тонкая хрупкая рука, разрисованная мелкими символами, указала на демонов.

Сокол приземлился прямо перед Иволгой, и когда та попыталась его оббежать, демон преградил ей путь.

– Что ты творишь? – она попробовала оттолкнуть своего брата, но он зарычал и оскалил зубы. Сокол следил за каждым ее движением, не давая возможности пройти мимо него.

Иволга остановилась и наклонила голову в бок, пытаясь осмыслить действия брата. Я тоже не мог понять, что здесь происходит.

– Он что, защищает нас? – к нам подбежал запыхавшийся Ворон, со лба которого гроздьями стекал пот.

– Да, – уверено ответила Луна, не отрывая при этом взгляда от демонов.

– Но еще недавно он пытался всех нас убить!

– Он защищает не нас, – знахарка с Вороном вопросительно посмотрели на меня. – Он защищает тебя, Луна.

Глаза девушки чуть расширились, когда она удивленно уставилась на меня. Но потом ее плечи поникли.

– Тогда все понятно...

– Что именно? – я пристально смотрел на девушку.

Но, видимо, ответа на свой вопрос мне было не суждено услышать.

– Предатель! – Иволга ревела, размахивая щупальцами и раскидывая все, до чего могла дотянуться, в разные стороны. – Влюбленный глупец, наплевавший на устои нашего отца и решивший переметнуться к врагу!

Сокол угрожающе завыл.

– Не нравятся мои слова? – лицо Иволги исказилось. – Так знай же, что ты тоже умрешь, как и все они.

Сокол не стал ждать пока Иволга воплотит свои угрозы в жизнь, и первый кинулся на нее. Когти оцарапали высокое бедро девушки, а клыки впились в руку, прокусывая кожу до кости. Демон завопила и стала наносить ответные удары: щупальца обвили волчье тело и стали сжимать, а свободной рукой с когтями стала царапать морду Сокола. Кровь лилась ручьем, и не было понятно, какому из монстров она принадлежит. Я как завороченный смотрел за этой битвой.

– Стой! – голос Ворона вырвал меня из полузабытья. Мимо пронеслась Луна. Занеся над головой кинжал, она подбежала к тварям вплотную и стала резать отростки Иволги, пытаясь освободить Сокола. Мы кинулись вслед за девушкой, понимая, что любое промедление может стоить ей жизни.

– Ворон, хватай ее и уводи, иначе она погибнет!

– Я не брошу его! – вырывалась Луна из крепкой хватки Ворона, отсутствие кисти ему не мешало. – Не брошу...

Иволга остервенело и злобно завизжала, откидывая брата в сторону. Я не стал терять времени, и подхватив с земли свой меч, закрутил его и обрушил шквал ударов на демона, пытаюсь найти ее слабое место. Тело Иволги состояло из ран и порезов, но она как будто была не чувствительна к боли и сдаваться не собиралась. Сокол успел оклематься и кинулся на сестру с новой силой, и теперь мы бились с ним против одного врага, как когда-то и мечтали. Демон действительно был виртуозом. Он наносил удары своими когтями, уворачивался от гибких щупалец с профессионализмом отличного воина.

В следующий момент мой меч все же смог перерубить один из отростков, и сразу мое лицо опалило болью – когти разъяренной Иволги были остры как клинки. Сокол воспользовался этой заминкой и, разбежавшись, боднул сестру головой, отчего она пошатнулась, но не упала. Он разбежался еще раз и, выставив плечо с огромным костяным наростом, нанес удар, пробив бок Иволги насквозь. У той изо рта хлынула кровь. Боднув сестру еще раз, Сокол наконец повалил ее наземь, и она упала с глухим стуком.

Иволга лежала неподвижно, но грудь ее вздымалась часто-часто – она была еще жива. Сокол ходил вокруг нее. Я было двинулся в их сторону, чтобы закончить это сражение, но волк вновь обнажил клыки, видимо решив, что должен сам оборвать жизнь сестры. Он поднялся на задние лапы,

приняв более человеческий вид, и двинулся к девушке, медленно и нерешительно.

Наклонившись к лицу Иволги, он заглянул в ее глаза. Может, он прощался с ней, может, хотел увидеть отголоски былой человечности. Я же, находясь в отдалении, заметил, как одно из щупалец стало тихонько шевелиться и подползать к ничего не замечающему демону.

– Сокол сзади! – не только я.

Демон резко повернул голову на голос Луны, а дальше картина завертелась: Иволга задвигалась, заизвивалась, словно окутанная роем змей, а потом вцепилась в морду Сокола и стала грызть своими человеческими зубами, отрывая куски и выплевывая их.

Я бросился в их сторону, надеясь успеть помочь. Сзади доносился жалобный крик Луны, что так и удерживал Ворон, не давая ей надеть глупостей. Мне оставалось совсем немного, когда Иволга, обхватив Сокола за задние лапы, подскочила во весь рост и ударила его об землю с одной и со второй стороны от себя. И, удостоверившись, что тело полностью обмякло, отшвырнула его к ногам вырвавшейся из рук друга Луне. По лицу девушки я увидел, как внутри нее что-то оборвалось, и она, упав на колени, прижала к себе умирающего демона. Ворон подбежал, но знахарка выставив руку назад, остановила его. Сокол был уже не опасен.

Крик боли разорвал пространство.

– Идеально – довольная Иволга смотрела прямо мне в гла-

за. – Хранительница плачет по демону. Наставнику бы это понравилось. Что скажешь, Соловей?

– Что вас с ним никто оплакивать не будет, – выплюнул в ее сторону.

Демон откинула голову назад и засмеялась.

– Я оставлю ваши тела на съедение животным, и никто больше никогда не вспомнит про Хранителей и их прислужников. – глаза ее блестели гневом и словно вылезли за пределы глазниц. – Дерево погибнет. И грань, наконец, падет!

– Я бы на твоём месте не был бы так уверен, – раздался за спиной Иволги насмешливый голос.

Филин. Верный друг, с вечной улыбкой на лице, стоял, гордо выпрямив спину. Но как только глаза демона встретились с его, лицо воина стало напряженным. Я кинулся ему на помощь, рядом присоединились Ворон и Луна, державшая в руках заостренное древко. Время шло на секунды.

– А–а–а..., – на шее Филина натянулись жилы, и он держал контроль из последних сил, снимая напряжение громким вымученным криком.

Плечо Иволги дернулось.

– Еще немного! – крикнул я, замахнулся и кинул свой меч в сторону демона. Туда же полетело импровизированное копьё Луны. – Все в бок и закрыли уши!

В этот раз никто мне не стал перечить. Ворон утащил девушку за одну из развалившихся стен.

– Фил, беги!

Друг кивнул, секунду подождал, и гипноз оборвался. И сразу же ожила Иволга. Она находилась в яростном исступлении, вырывая из своего тела древко, что торчало в ее животе. Я же хоть и наблюдал, но сам же набирал в легкие воздух. Много воздуха. Как никогда. Как будто в последний раз.

И выдохнул. Громко и мощно. Отдавая все возможные явные и скрытые силы своего тела. Я чувствовал, как с воздухом из меня уходит что-то еще, но готов был заплатить эту цену, чтобы спасти друзей. Чтобы спасти Луну.

Он силы напряжения мой взгляд померк, а потом в мою грудь вонзилось нечто твердое. Я захлебнулся и, опустив голову, увидел то самое копьё.

– НЕТ! – крик Луны разорвал пространство.

Луна

Время замерло, потом рвануло вскачь. Мужчина вскрикнул, лицо исказила гримаса боли, удивления и ужаса. Он потянулся было к груди – там, где кровь уже пропитала рубашку, – затем упал. Задыхаясь, я кинулась к нему. Очень хорошо было видно его лицо, неестественно побледневшее, и жуткого вида кровавое пятно, расплывающееся на груди по грязной рубашке.

– Соловей, – прошептала я.

Не знала, что делать. И не знала, что думать.

Он был еще жив, но на губах выступила кровь. И крупные бисерины пота на лбу, на висках... А кровавое пятно на его рубашке росло, ширилось, расцветая жутким невиданным цветком. Друзья подбежали одновременно, и когда я почувствовала, что Соловей в безопасности, внутри меня все поменялось.

Жар в груди появился моментально. Накалился до предела и лопнул, смешавшись с моим криком. Тело стало свободным, будто до этого я всю жизнь носила оковы. Не думая больше ни о чем, я кинулась к Иволге с единственной целью – убить ее за смерть друга и любимого человека. Руки мои оперились и превратились в крылья, и я, словно стрела, со-

рвавшаяся с тетивы, понеслась вперёд. Все вокруг становилось белым. И вот мой Свет столкнулся со Тьмой Иволги.

– Хранительница в истинном обличье, – взревела она и зашипела от боли.

– В истинном обличье здесь только ты, Иволга!

Я полоснула своим крылом по ее лицу, и демон завизжала, стала царапать меня в ответ и бить своими отростками. Я ухватилась за один из них и с лёгкостью оторвала от тела. Кровь хлынула мне на руки, пачкая белые крылья и шкварча, словно масло. Боль была невыносимой, но не хуже той, что я уже успела испытать.

Я оторвала ещё один отросток, когда демон ухватила меня за волосы и ударила лицом об свое колено. Она попыталась повторить удар, но я вывернула голову и укусила ее за руку. Во рту разлился вкус крови с примесью дегтя и смолы. Иволга была уже сильно ранена и истощена, я же – полна сил и чувства мести. Поднажав, я смогла опрокинуть демона на спину и стала колотить кулаками по ее лицу. В живот мне упёрлись сильные ноги и откинули меня на пару метров назад. Больно ударившись спиной я постаралась быстрее встать, когда рядом послышался голос:

– Луна, держи, – Ворон дал мне в руки свой меч с благоговением во взгляде.

С оружием я вновь кинулась на Иволгу, а она прыгнула на меня. Две непримиримые силы столкнулись, и округу разорвал шум равный грому. Я почувствовала хруст в левой ру-

ке, и она повисла вдоль тела. Иволга стояла на одном колене, удерживаясь из последних сил.

Я на шатающихся руках подошла к ней вплотную. За подбородок подняла ее лицо, чтобы наши глаза встретились. Я думала, что увижу монстра и с лёгкостью смогу убить, как собиралась ещё пару минут назад. Передо мной была девушка, чья жизнь была сплошной ложью и все чего она в этой жизни хотела – это похвалы отца и стать значимой. Даже таким ужасным способом. Даже после его смерти. Она была верна Атропину. Своему Наставнику и отцу.

– Что же ты наделала, глупая... – прошептала. – Самым большим для тебя наказанием станет жизнь в одиночестве. Я не стану тебя убивать. Это будет слишком просто. Уходи и больше никогда не возвращайся.

И откинув меч в сторону, я отвернулась от нее, направившись к Соловью.

Но Иви была растворена в тьме, наполнена ей и яд тек в ее жилах, туманя разум. Она не смогла принять такой дар. Дар второго шанса, который так жаждала душа Сокола. Увидев мою незащищенную спину, демон не раздумывая, прыгнула. Я крутанулась на месте и выставила правую руку вперед и она, засияв еще сильнее, пробила грудь Иволги, достав до самого ее сердца. Я последний раз посмотрела в ее глаза, из которых потекли вязкие черные слезы и сжала руку. Тело обмякло, и я отпустила его, дав упасть к моим ногам.

Ликовала ли я? Нет. Наоборот, внутри поселилась такая

пустота. Чувствовала себя грязной, поломанной и гнилой. Я чувствовала себя убийцей. А еще проигравшей.

Медлить больше не могла. Филин с Вороном сидели возле тела Соловья. Поникшие и упавшие духом.

– Луна, вам нужно попроситься, – опустив голову, еле слышно произнес Фил. Я же от неверия закусила губу до боли и замотала головой. С глаз стали падать слезы, зудом отдаваясь в царапинах на лице.

– Знахарка, – сипло произнес мой мужчина и закашлялся кровью.

Я опустилась на колени, наклонившись совсем близко. Соловей был бледен, а глаза его больше не напоминали мед, они тускнели покрываясь мутной пеленой.

– Это не может так закончиться, – я прижалась лбом к его лбу, вдыхая такой родной запах. – Не может...

Приложив руки к его ране, сомкнутой вокруг инородного тела, я попыталась призвать свою силу, но та молчала. Тогда я стала оглядываться по сторонам, пытаюсь придумать хоть что-нибудь, только бы не смотреть, как жизнь покидает тело Соловья. Холодная рука накрыла мою, сотрясаемая крупной дрожью.

– Луна, посмотри на меня.

Я закрыла глаза и замотала головой.

– Пока я этого не вижу, ты не уйдешь!

– Я люблю тебя, – шепот, значение которого ударило в сердце сильным разрядом боли. Я открыла глаза, и в тот же

миг Древо за моей спиной начинает шелестеть листвой, хотя вокруг стоит безветрие. Оно скрипит и гудит, зовет меня повернуть голову. И я следую этой безмолвной мольбе и вижу, как рябь ходит волнами: бугрится и пульсирует.

– Несем его туда! – все удивленно смотрят на меня, не замечая тайных знаков. – Быстрее!

Но расстояние очень далекое для раненого человека и я понимаю, что он просто может не перенести этого. Сила заструилась по моим рукам и ногам, наполняя их благодатью, и я почувствовала свет и тепло, мощь которых была способна помочь мне спасти Соловья.

– Потерпи, прошу! – я попыталась заглянуть в глаза Соловья, но они уже были закрыты.

Не давая себе времени на мысли, я сама подхватила мужчину, не обращая внимания на боль в раненой руке, словно он и не весил ничего, и бросилась вперед с такой скоростью, что все вокруг смазалось, превратившись в пятна цвета без очертаний. В Древо вбежала не останавливаясь и не притормаживая, не давая ему шансов нас не пропустить. Древо и не препятствовало. Наоборот, обняло и обволокло, скрывая от глаз посторонних.

Сначала ничего не происходило. Но я уже чувствовала – что-то поменялось. Это ощущение было неясным, призрачным – как легкая тень от забытой паутины, – но оно не исчезало. Множество маленьких белых искорок стали появлять-

ся вокруг нас и оседать на раны, царапины и даже ушибы. Древяно в груди Соловья надломилось и опало, а края кожи стали стягиваться на глазах. Я держала мужчину на руках и следила за его лицом, но оно все так и оставалось бледным. И даже когда последняя искорка пропала, грудь Соловья была неподвижна. И только сейчас я дала волю слезам и крику, что раздирал меня на части изнутри.

– Прощу, не забирай его у меня! Я не смогу без него. Я так долго его отталкивала, так долго бежала от него, но только сейчас поняла, как сильно...

– Как сильно, что?

– Соловей? – мокрые ресницы не давали мне видеть четко, и я была уверена, что слух меня обманывает.

Потеплевшие пальцы коснулись моего лица, и рваный выдох вышел из моих легких.

– Знахарка, посмотри на меня. Сколько я могу об этом просить? – легкое недовольство, такое неуместное и в тоже время такое соответствующее Соловью. Я смотрела в его чистые глаза и не могла оторваться, не могла поверить, что Хронос вернул мне его обратно.

– Ты живой.

Мужчина потрогал свою грудь и, не найдя там ничего, произнес:

– Более чем.

– Это удивительно, – я притянула его пальцы к своим губам и поцеловала.

– Я же обещал, что не перестану тебя удивлять, – Соловей задорно подмигнул, и я рассмеялась сквозь слезы. – А еще я признался тебе в любви. И я повторю это на тот случай, если ты меня не расслышала.

– Соловей, – выдохнула я.

– И я хочу, чтобы ты знала, что я буду признаваться в этом каждый день до конца жизни. Моих уст коснулись его теплые и нежные губы. Такого поцелуя я еще не испытывала: легкого с привкусом радости и печали. Я не заметила, как оказалась у Соловья на коленях.

– Обещаешь?

– Обещаю! Я не даю ложных обещаний. Я люблю тебя!

– И я тоже...

– Продолжай, – довольно поторопил меня мужчина.

– Люблю тебя! И мне нужно тебе кое в чем признаться, – сказала я смущенно. – Войдя сюда вдвоем, мы невольно стали с тобой мужем и женой.

Я закрыла глаза руками, боясь увидеть реакцию Соловья. Но, услышав его беззаботный смех, приоткрыла ладони и вместо злости увидела глаза, блестящие радостью и счастьем.

– Это решило много проблем, ведь мне не приходилось ранее делать девушкам предложения. Так что я рад проскочить этот неловкий момент.

Стоит ли говорить, что друзья наши были несказанно ра-

ды увидеть нас выходящими за руки из Древа. Все мы обливались слезами радости и облегчения, осознавая, что битва закончена. Ласточка хромая подошла к нам и обняла, а за ней подтянулись и все остальные, образовав крепкий круг. Круг самых близких людей, объединенных одной целью.

– Но как вы все–таки сюда попали? – спросила я у тетушки и Ворона.

– Мы выплыли следом за вами через неделю, как только столкнулись с Маршей в городе, – мужчина прижал женщину к себе, и щеки ее зарделись. – Она, конечно, сначала юлила, но потом рассказала про вашу тайну и попросила ей помочь отыскать тебя.

– В Столице везде весели ваши лица. Нам не составило труда догадаться, что вы путешествуете вместе.

– Вы значительный след оставили за собой. Королевство гудит. Не знаю, как скоро вы сможете сунуть туда свой нос. А по пути и злого Фила захватили.

Филин хмыкнул, показав зажатый кулак Соловью. Он еще обижался, но уже не сильно.

– Пока и не надо, – Соловей притянул меня к себе. – Нам сначала нужно восстановить все здесь. Да, Хранительница?

Я кивнула, окидывая взглядом местность. Работы у нас было предостаточно.

– Мы поможем! Ведь для чего еще нужны друзья?

Конец